

ИГОРЬ ЧИННОВ

Игорь Чиннов

Даты жизни Игоря Владимировича Чиннова:

1909, (12) 25 сентября — родился в имени бабушки под Ригой.

1915 — переехал с матерью в Рязань.

1917 — семья переехала в Харьков, а затем вместе с Белой армией отступала дальше на юг, в Ставрополь.

1922 — Чинновы вернулись в Латвию, где была установлена буржуазная республика.

1923–1930 — учился в русской Ломоносовской гимназии в Риге.

1931–1939 — учился в Латвийском университете на юрфаке.

1939–1940 — служил в Латвийской армии.

1940–1944 — работал в Риге в латвийском отделе ТАСС и в фармацевтической фирме юридическим консультантом.

1944 — угнан на работу в Германию, в лагерь.

1945, май — освобожден из лагеря американскими солдатами и зачислен в Американскую армию. Службу проходил во Франции, охраняя размещенных в казармах немецких военнопленных.

1946 — демобилизован по собственному желанию в звании рядового солдата американской армии.

Поселился в Париже. Слушал лекции в Сорбонне. Преподавал немецкий язык в Русской гимназии. Давал частные уроки. Читал публичные лекции по русской литературе.

Игорь Чиннов

ИГОРЬ ЧИННОВ

ИГОРЬ ЧИННОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВУХ ТОМАХ

МОСКВА «СОГЛАСИЕ» 2002

ИГОРЬ ЧИННОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

Стихотворения
1985–1995

Воспоминания

Статьи

Интервью

Письма

МОСКВА «СОГЛАСИЕ» 2002

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч 63

Руководитель программы «Согласие»
В.В.Михальский

Составление, подготовка текста
и комментарии
О.Ф.Кузнецовой

Комментарии к письмам
А.Н.Богословского и О.Ф.Кузнецовой

Редактор
Н.Л.Панкратова

Художник
Н.М.Козлов

*На суперобложке и фронтисписе: Игорь Чиннов.
Фото Сергея Поминова (Москва, 1991).*

ISBN 5-86884-103-4 (Т.2)
ISBN 5-86884-101-8

© О.Ф.Кузнецова. Составление, подготовка текста, комментарии, 2002.
© А.Н.Богословский. Комментарии к письмам, 2002.
© Н.М.Козлов. Художественное оформление, 2002.
© «Согласие», 2002.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

О себе

Родился я давно — в 1909 году, 25 сентября, в Туккуме в семье юриста. Туккума не помню, но ясно вижу городки, балтийские, в которых случилось жить: уютнейшую Митава (ныне Елгава) — «Покойся, мирная Митава», — писал Мих. Кузмин. И Юрьев, теперешний Тарту, с университетом «дней Александровых» и готическими руинами на горе, аккуратнейший, тихий городок. Позже была Рязань, с незабываемой зимой, блистающим снегом, розвальнями, бубенцами и внезапной весной, могучим ледоходом на Трубеже, свежестью воздуха прямо-таки прекрасной. А в Риге помню запах свежесрубленных елок, снежинки — и извозчиков в синих кафтанах, синие полости саней... На санях, увы, кататься не приходилось: денег не было.

В Риге окончил я Ломоносовскую гимназию, Латвийский университет: магистр юридических наук. А зарабатывать на жизнь стал поздно, долгие годы предпочитал бедность и досуг. И стихи — чужие, но и свои. Первая служба — в ТАСС, в латвийском его отделе ЛТА (Лета). Затем — фармацевтическая фирма Мэдфро (MEDFRO), откуда меня и угнали на работу в Германию, в Рейнскую область. Месяцев десять весьма безрадостных, хотя с возможностью читать (конечно, только немецкие книги, но включая Шиллера и Гёте). И вдруг — освобождение, и американцы берут всех желающих насельников лагеря во Францию! Месяцы праздной жизни — Люневиль, Нанси, Реймс — и наконец я в Париже.

Тут помогла мне начавшаяся в Риге «литературная деятельность»: не «Мансарда», где напечатал я две статьи, и, конечно, не «Daugava» (статья о русской поэзии), а сотрудничество в престижнейшем журнале «Числа». Георгий Иванов, приехавший в Ригу с Ириной Одоевцевой, захотел взять у меня какие-то писа-

ния («Это каша. Но это творческая каша») — и, начиная с 6-й книги «Чисел» по 10-ю, я там и представлял, единолично, «русскую литературную Ригу».

В Париже было безденежно, но прекрасно. Я любовался, восхищался городом, наслаждался встречами с русской литературой. Чудеса! Уже через три недели по приезде я читал свое стихотворение (написанное за ночь перед тем) на вечере памяти Пушкина в Русской консерватории, под портретами Шаляпина и Рахманинова. Сидели за столом Бунин, великолепный, Ремизов, хитрющий умница, затем Сергей Маковский, редактор знаменитого «Аполлона», очень «Ваше превосходительство», — и друзья и ученики Гумилева: Георгий Адамович, Георгий Иванов — почти весь синклит! А в зале был литературный и художественный русский Париж...

Я слушал Адамовича (какой оратор!), Маклакова. Когда освоил французский, бывал в Сорбонне — академики говорили восхитительно. А на сходках русских поэтов мы читали стихи — очень часто это были стихи о России.

Да, все было, кроме денег. И пришлось мне уехать на заработки — в Германию.

Там тоже нашлись русские литераторы: Федор Степун, профессор, при Гитлере лишенный кафедры, Владимир Васильевич Вейдле, петербуржец, несший гроб Блока, писатель французский и немецкий, автор шести русских книг, для которого я скоро стал «милым другом», Гайто Газданов, автор повести «Вечер у Клер», Леонид Ржевский, москвич. Я почти прижился — и вдруг приглашение в США! Канзасский университет зовет меня на кафедру русской литературы: хочу ли я стать *associated professor**. За литературные заслуги, вот какие дела!

И я оказываюсь в центре страны Среднего Запада, в Лоренсе. Университет большой, видный, городок маленький — но это бывает. На второй день иду в магазинчик: по радио передают «Подмосковные вечера»! Сколько раз потом мои милые студенты пели и эти «Вечера», и «Катюшу», и «Сулико».

В Канзасском университете я пробыл шесть лет, потом был Питтсбург, затем Вандербилт в Нашвилле. А со стихами и лекциями побывал в сорока университетах, на двадцати съездах славистов — и т.д., и т.д.

Охотно бы и дальше читал студентам о Пушкине, Гоголе, Чехове — но подошел пенсионный возраст, кончал базар, и из любви

* Штатным профессором (англ.).

к теплому климату переселился я во Флориду. Брожу по пляжу, он вроде Рижского взморья, Юрмалы, бормочу русские стихи. Американцем не стал, просто живу здесь, а на вопрос, почему здесь, отвечаю, как чеховский татарчонок: превратность судьбы!

Мое писательство: долго писал красиво-бледные стихи, очень отжатые и сжатые «о самом главном», лучшие слова в лучшем порядке, по завету Кольриджа. Никаких поэтизмов, ни одной инверсии родительного падежа (это и теперь так). Мелодичность при полной естественности. Затем изящную бледность сменила многокрасочность, яркость, пышная образность, метафоры, орнаментальность, оркестровка, роскошества: цветы, сады, дворцы, увиденные в разных странах. Но красóты уравнивал гротесками, черным юмором; эстетство, в котором винюсь, бывало «не без иронии порой».

Темы? Банальнейшие: о прелести и краткости жизни. Ни одной новой мысли. Искателям идей моя поэзия ни к чему. Но кто ищет «только стихов виноградное мясо», по слову Мандельштама, тот, может быть, в ней кое-что найдет.

Книги стихов Игоря Чиннова 1950–1984 годов

МОНОЛОГ. Париж: Рифма, 1950.

ЛИНИИ. Париж: Рифма, 1960.

МЕТАФОРЫ. Нью-Йорк: Изд. «Нового журнала», 1968.

ПАРТИТУРА. Нью-Йорк: Изд. «Нового журнала», 1970.

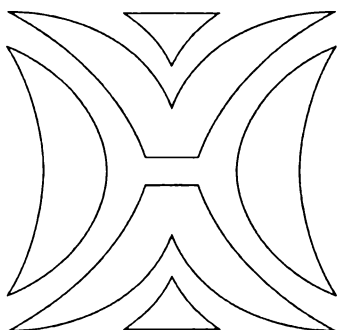
КОМПОЗИЦИЯ. Париж: Рифма, 1972.

ПАСТОРАЛИ. Париж: Рифма, 1976.

АНТИТЕЗА. Birchbark Press, 1979.

АВТОГРАФ. New England Publishing Co., 1984.

Стихотворения
1985–1995

К человечеству с прощальным словом
Обратиться бы... Да лень.
Вот в лесу осиново-сосновом
Проплывает светотень.

Облака легки, светло-воздушны
(Да, но в семь совсем темно).
Люди были, в общем, равнодушны.
Я не плачу: все равно.

Да и что скажу я им, скажите?
Замечтаюсь, замолчу.
Вот жучок, лесной подлунный житель,
Пробирается к лучу.

Хлопотуньи белка или птица
Корм искать обречены.
Лучше у медведя научиться:
Завалиться до весны.

Люди... В общем, милых было мало.
(Я и сам не очень мил.)
Посмотри, как даль затрепетала,
Свет за тучей просквозил.

О дожде прохладном, о негромком
Громе... Воздух — благодать.
Современникам или потомкам
Я не знаю, что сказать.

Я побывал у начала Сахары,
Видел пустыни в Перу, в Аризоне.
Видел ночные лесные пожары,
Страшную лаву в горящем вулкане.

Что же — *потом*? Побываю, нестарый,
На Орионе, на Альдебаране?
Да? Навещу и Плеяды-Стожары,
И Геспериды? Я полон мечтаний.

Нет, я шучу. Уж куда там и где там...
Нет, по одежке протягивать ножки.
Ты улыбнулась: не будет одежды,
В небе придется гулять неодетым.

Ну а пока предосеннее поле,
Сено сухое, начало заката.
Скоро совсем не почувствую боли.
Здравствуй, Разлука! И здравствуй, Утрата!

Вы говорите, что пора кончать,
Но я не думаю, что надо.
Я собираюсь описать опять
Туманное молчанье сада.

Я думаю запечатлеть навек,
Как ветка яблони нагнулась,
Как листопад шуршал, как выпал первый снег,
Как вереница потянулась

На юг. Я расскажу, как черные кусты
Туманно побелели за ночь,
Как было в мире много немоты,
И холода, и обнищанья,

И как зеленоватой желтизной
Край неба медленно покрылся,
И на прощанье радостью земной
Я с кем не знаю поделился.

Голубой гуманоид
У постели сидит.
Злые рожицы строит
Иноземный гибрид.

Металлический череп,
Синеватая плоть.
Шизофреник, истерик,
Любит в вену колоть.

Он детей угощает
Героином во сне
И помочь обещает
Людям в звездной войне.

Скоро может быть поздно,
А пока — благодать:
Там, где сине и звездно,
Нас готовы принять.

Но ленивое тело
Видит нежные сны.
И какое мне дело,
Друг, до звездной войны?

Маленький, пленный и тленный,
Тихо живу во Вселенной.
Тихо доносится с поля:
Где ты, свободная воля?

Хочется белой березе
Быстро сбежать с косогора.
Белая лошадь в обозе
Хочет прилечь у забора.

Хочется тени от лодки
Летней порой оторваться.
Хочется ночи короткой
Долго еще продолжаться.

Хочется бабе сварливой
Стать молодой и счастливой.
Хочется мужу-злодею
Выиграть дом в лотерею.

Мы... Нам назначены роли?
Что-то решаем и сами!
В клетке подопытный кролик
Вольно прядает ушами!

Больше не с кем говорить,
Больше не о чем жалеть.
Нам вернут былую прыть,
Коль возьмут большую плеть.

Брось, уедем в Трапезунд,
Там не жарче, чем в аду.
Если там начнется бунт,
Переедем в Катманду.

Если выйдем из тюрьмы,
То рассказ напишем мы.
Если будет он сожжен,
То полезем на рожон.

Глянь на карту. Грустно, гру..
Сверху Темза, снизу — Нил.
Мне о русских кенгуру
Дядя книжку подарил.

В этой книжке снимков нет,
Неразборчива печать.
Мне с тобой, дружок-сосед,
Даже не о чем молчать.

«До основанья, а затем».

— Мы в мире всё переиначим! —
Переиначили? Отчасти.
(Был ветер жадным и горячим.)
И вы — верны своим задачам:
Бороться за людское счастье?

Боролись долго и натужно —
Петров, Рубинчик и Гонзалес
(И ветер был сухой и вьюжный), —
А людям-то совсем не нужно
Того, что счастьем вам казалось.

Вы огород нагородили:
— Долой! Быть Петербургу пусту!
Расправимся! Не пожалеем! —
Вы успокоились в могиле?
(Стал ветер северным, Бореем.)
Да, огород нагородили!

Сажали лучше бы капусту,
Как мудрый муж* в античном Риме.
Между пореем и морковью
Не докучали бы плебеям
Своими правдами кривыми,
Своей безжалостной любовью.

*Цинциннат — в Древнем Риме государственный муж, враг тирана.
Удалясь от дел, сажал капусту. — *Примеч. И. Читова.*

По аллее мы с Вами идем,
По аллее Летнего сада.
Ничего мне другого не надо:
Дом Искусств. Литераторов Дом...
Ирина Одовецова

А поэты взяли да и вымерли,
Парижане русские, давно.
Только трое ждут Звезды-Погибели,
Смотрят в оснеженное окно.

За окном погода петербургская.
Не совсем, но можно помечтать.
А мечта поэта — самодурская:
Пушкин на мосту стоит опять!

Гумилев идет по снегу белому,
Ищет заблудившийся трамвай,
Тихо-тихо Блоку поседелому
Говорит: — Живи, не умирай.

Силуэт Георгия Иванова
На мосту парижском одинок.
Жаль поэта, мертвого, не пьяного.
Ночь долга, он смотрит на восток.

Ну и шутку выдумала душечка!
(Позавидовать? Не презирать?)
Женушка, Ириночка, кукушечка,
В Петербург вернулась умирать.

Всё бессмыслица, всё безделица.
Перетерпится, перемелется.

Гололедица да распутица,
Но над лужей роза распустится.

Все фантазии, все мечтания
В это утро зимнее, раннее.

Вот и Рим, Испанская лестница,
А на ней нагая наездница.

Ах, Годива*, леди прекрасная,
Вы для глаз ужасно опасная!

Белый конь, омела и жимолость,
Мне, Годивочка, нелегко жилось.

Все же встретил я Вас в Италии —
Небывалого небывалее!

Улыбнитесь мне благосклоннее,
Альбионного альбионнее!

Вот и день прошел. Пролетел, смотри,
И вернулись Вы в замок Ковентри.

Заблуждения, огорчения
Улетают в небо вечернее.

*Злой муж леди Годивы обещал ей денег на бедных, если она проедет по городку нагая. Жители затворились, но один взглянул — и ослеп. —
Примеч. И. Чиннова.

Борьба за несуществование.
Название книги Бориса Божнева

Борьба за несуществование?
Ее выигрывают многие.
Недавно пьяная компания
Повесилась — совсем Ставрогины.
Всех ку-клукс-кланов ку-клукс-кланнее.
(Туманы осенью туманнее.)

Философ, увидав, как тонущий
Старался выбраться из проруби,
Сказал: «Не трать, Фома, здоровьичка», —
Над черным льдом летали — голуби?
Снежинки? Чайки? Крик о помощи?
Философ шел по тонкой корочке —
Он умер на больничной койке.

Фома «боролся за существование»,
Не несуществование. Течение
Реки Времен его несло и ранее,
Да, уносило в темное зияние,
В холодное, бесчувственное пение.
Не стоит, брат, — за несуществование.

В аду кромешном злюки злобствуют
(Мы улыбнулись равнодушно),
Льстецы и подлецы там рабствуют.
Темно, и холодно, и душно.

А кто в чистилище — раскаиваются.
Так огорчаются бессильно,
Всё вспоминают и расстраиваются,
Приносит ветер снег обильный.

А наверху, на райском облачке,
Два праведника почивают:
Врачи и сестры в райском облике
Наш теплый сон оберегают.

Увы и ах! Мы просыпаемся:
Загробный мир нам только снился.
Он не такой. Пора, прощаемся:
За нами проводник явился.

И лодочнику — привидению —
Мы дали медную монету,
Когда в обратном направлении
Переправлялись через Лету.

От унылых, от ворчливых
Собеседников,
От зоилов и тоскливых
Привередников

Улети на тихий остров
Одиночества,
Где ответов и вопросов
Не захочется.

Улети от серых, скушных,
Раздражительных
В край веселых и воздушных,
Небожительных.

Вдаль веселые умчатся,
Ты останешься.
Одиночество — и счастье,
И пристанище.

Тишина большого поля,
Солнце раннее.
Пушкин... Да! «Покой и воля».
И молчание.

Полночный лунный снегопад,
И воздух — колкий.
Нам оборотни говорят,
Что люди — волки:

Они друг другу перегрызть
Готовы горло.
Грызутся, злобные, всю жисть,
Глаза их — свёрла.

Беда: я мирный человек,
Куда мне деться?
Два волка, навалясь на снег,
Грызут младенца.

По снегу лунному бежит,
Чернея, стая,
В сиянии светло дрожит
Слюна, стекая.

А я — ночную тишину
Не беспокою?
Но я не вою на луну.
Почти не вою.

Грачи по вспаханному полю
Шагали и качались мерно.
Они червей наелись вволю
И думали, что жить — не скверно.

А под землей лежали урны,
Большие амфоры — и кости,
На вазах нимфы и сатурны,
Сатиры, козлица и грозди.

Венки, кентавры и вакханки
На черепках... И череп, череп!
След человеческой стоянки,
Река Времен, далекий берег.

Пусть откопают их! Ночами
В блаженно-эллинское небо
Гляди бессмертными очами,
Как прежде, мраморная Геба!

Архитектура дивного закона!
О совершенство, мощь и торжество!
Над головою купол Пантеона,
Могучее величие его.

О каменные сферы Птолемея!
На фоне далей, пиний, площадей
Сферические стены Колизея
В прекрасной соразмерности частей.

И колоннада круглая Бернини —
Гармония объемов и пустот, —
А в галереях нежные богини,
И круглый мрамор в воздухе плывет.

Я остаюсь в Италии. И — баста!
Осуждена безвинно красота.
И мед полупрозрачный алебастра:
Как будто вечность в мире разлита.

Царский, имперский «кредитный билет».
Бледно-оливковый, чуть розоватый.
Старый: билету за семьдесят лет.
Он полутысячный. Вот я богатый.
Только — империи более нет.

В рыцарском панцире Петр Великий.
Крест на короне. Двуглавый орел.
Шар: золотая держава... Престол
Кажется прочным... «Коль славен», и клики
«Царствуй!». И ворог еще не пришел.

Я с пятисотенной сразу бы к Яру.
Пляшут цыганки и льется «Клико».
Красное небо — наверно, к пожару.
Пару гнедых! — И огнистую пару
Кучер стегает... костлявой рукой.

Кучер безносый, пустые глазницы,
Мертвенный холод имперской столицы.
Поздно, прощай кутежи!
Прямо на кладбище, мимо больницы,
Finis, тужи не тужи.

— Полно, русский, пей вино! —
Эх, чайку бы! прямо с блюда!
Нам советуют давно
Закруглиться и загнуться.

Политические страсти
Не улягутся никак.
Дай-ка, друг, сюда на счастье
Ту селедочку. Вот так.

Да, «черна неправдой черной»!
Я «с меча сдуваю пыль».
Политической платформой
Разбужу степной ковыль.

Очень родину люблю!
И сейчас, напившись чаю,
Я к родному ковылю
Молодцом проковыляю.

А совсем перед концом,
Перед тем как возродиться,
Не мешает подкрепиться
Малосольным огурцом.

(«Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок».)

Примите сердечный привет,
Рассвет и закат!
Пожалуй, бессмертия нет,
А есть — листопад.

Но листик, засохший, мечтал
О райском тепле,
О том, чтобы подал во мгле
Архангел сигнал.

Шумит широко водопад,
Милее — фонтан:
В края Гесперид и Плеяд
Фонтан устремлен.

Снежинки, не падайте вниз!
Попробуйте вверх!
Лети к облакам, кипарис,
Где свет не померк!

Где месяц под крик петухов
Висит? Наверху!
Соседка сварила уху
Из трех пастухов.

Сияет большая звезда
С обоих концов.
Забавно, что дети всегда
Моложе отцов.

Я завтра поеду в Ливан.
Мерси, я здоров.
Пишу детективный роман
Из жизни грибов.

А луна-то криворога,
А лунатик — молод, пьян.
Здравствуй, лунная дорога,
Голубой Афганистан!

Вот светает, золотеют
Горы в розовом огне.
Минарет напоминает
Сбитым боком о войне.

Здравствуй, Ваня или Вася,
Упадут в бою бойцы,
Красным кровушка окрасит
Голубые изразцы.

Мертвый мальчик в темных ранах.
Убиваясь, плачет мать.
На коврах темно-багряных
Русской крови не видать.

Капли алые на розе
Сохнут. Кто отдал концы?
Мальчика везут в обозе
Мусульманские бойцы.

Ждут у полевой больницы
Новгородец и казах.
Видят длинные ресницы
Смуглой девушки в слезах.

Нам говорили нежные японки
«Охайо!» или «Домо аригато!»,
Что значит «С добрым утром!» и «Спасибо!».

И кланялись, надушенные тонко,
И в царстве хризантем и позолоты
Вели к столу: вкусить гиганта краба.

Сырая бледно-розовая рыба
Была вкусна. И пестрые салаты,
И сладкие пахучие приманки.

На черном лаке нежные рисунки:
Цветенье вишен в вечности, в Киото.

Я что-то вспоминал, но смутно, слабо.

Буддийский храм на золотом закате
С резным драконом, с цаплей на тропинке.
И небо. Небо, золотое небо!

И желтое кимóно на японке.

В соседстве Большого Каньона,
Где кондоры в небе висят,
Песчано-кремнистая зона:
Под солнцем лежит Аризона,
Похожий на Мексику штат.

Там кактусы (два миллиона!)
До самого до небосклона,
Высокие свечи, стоят.

Там ползают пестрые змеи —
И суслики, прыгнуть не смея,
Там жалко предсмертно свистят.

А ночью — иная планета?
В молчании звездного света
Горит немигающий взгляд:

Не кактусы — нет, вурдалаки,
Утопленники в полумраке
Слетаются в мертвый отряд

И пляшут в безмолвной пустыне,
В холодной ночи темно-синей,
Где кактусы утром стоят.

От волков и от овечек
Бесполезно в темный лес,
А сосед мой — человечек:
Полуангел-полубес.

Я кружиться в хороводе
В одиночку не могу,
Я китайца в огороде
Ухватил бы... за ногу.

Ни Пегас, ни белый лебедь
Не везут меня к луне,
Я валяюсь в синем небе
С черной вечностью на дне.

И в дуду, дурак-старатель,
Дую из последних сил,
Но бессмертия, читатель,
Я — увы! — не заслужил.

Я — недорезанный буржуй. (Надеюсь,
Теперь уж не дорежут.) Ананасов
И рябчиков жевать не приходилось,

А приходилось — мерзлую картошку,
Изысканного розового цвета,
Противно сладковатую. И рыбу

Копченую — и жесткую настолько,
Что надо было ею бить нещадно
По мраморному бюсту королевы

Виктории, чтоб размягчить. И соли
В ней было столько, сколько в океане.

Как хорошо, что нас не расстреляли!
Ведь если бы прихлопнули, то как бы
Я дожил до восьмидесяти? То-то.
Но это, милый, не твоя забота.

Здесь тоже и березы, и рябины,
И в поле тютчевские паутины.

Пахучее тепло сухого сена,
И в палых листьях слабый запах тлена.

И даже клин над лесом журавлиный,
И пруд, где выгиб шеи лебединой.

И будто липы дедовской усадьбы.
Мой дед и бабка. Воскресить, сказать бы...

Нет, не они, и нет былой России,
И мы, душа, напрасно попросили.

А все же — дар, «у гробового входа»:
Здесь будто новгородская природа.

Как будто мы недалеко от въезда
В Порхалово Крестецкого уезда.

Ты тоже с луны свалился, лунатик, приятель, я знаю:
На луне оказалось уныло, ты соскучился и зевая

Упал на эту планету, рассеянно сел на верхушку
Высокого дерева, увидел жеребенка, речку, телушку.

Увидел разные доски, запрещающие то или это:
С высокого дерева плевал ты на глупые эти запреты.

Ты понял потом, что запреты бывают и умные тоже:
Но глупых запретов не слушал, лунатик, мой ангел, и позже.

Листва прекрасно шумела, и мелкая синяя птица
Кормила птенцов желтоватых, очевидно желавших
кормиться.

Листва прекрасно сияла, и дятел стучал не жалея
Клюва, как будто стучался в неразумный лоб фарисея.

Но у законника, ясно, была в голове уже птица:
Сидел нахмуренный филин, восклицая: «Ах, я девица!

Мне стыдно слушать такое! Уйдите, нахал, безобразник».
Оставив его в покое, пошли мы с тобою на праздник.

В подлунном мире недолго мы будем, лунатик, приятель.
Давай шутить и смеяться. А после, ну что ж, заплачем.

На карусели. Или — на качели:
То в царство Зла, то в мир Добра?!
Мы постарели. Но — не повзрослели:
Все та же легкая игра.

Дунь в дудочку. Из маленькой свирели
Мы извлекали тонкий звук.
Как будто эхо нежной эмпиреи
Пронизывало все вокруг.

Был влажный день, прохладный дух сирени,
Был вертолет над рекой.
И тучи проплывали и серели,
Протягиваясь далеко.

Кружились кони старой карусели,
И пламя изрыгал дракон,
И Ева пролетала на качели,
И Змей нам посылал поклон.

Добро и Зло?.. Мой друг, ведь мы хотели
Загадку бытия решить.
Душа играла в постаревшем теле
И дергала сухую нить.

И красками неяркой акварели
Был тронут воздух. И слегка
Мы вдруг задумались, когда светлели
(Почти по-райски?) облака.

Те жалобы в земном аду
Приятной рифмой приукрасить,
Про нашу общую беду
Сказать, гарцуя на Пегасе,

И за непрочные цветы,
Вися над бездной, уцепиться,
Кусочком каждым красоты
Пленяться (камнем, садом, птицей).

Не без иронии порой,
Приманчиво приукрашая,
Кого-то утешать игрой,
Миражем маленького рая.

Наперекор глухой судьбе
Украсить бедные печали.
То о себе, то о тебе...
И написал я Пасторали.

Друг, посадят вас на электростул
За растление и прогул
(Я по дружбе сладко зевнул).
На десерт будет лампочка Ильича
(Как мешает сидеть свеча!),
Превратится Сезам в желтый Содом,
В желтый дом, в дымный бедлам,
Но вам будет упомянутый тарарам
До лампочки, потому что электростул
Вас унесет — ковер-самолет! —
Туда, где вас не то еще ждет.

Еще танцуют смуглые подростки
На старой площади провинциальной,
И проплывают пестрые обноски.
Еще торгуют пестрые киоски
Мороженым и мелочью сакральной:
Горящими сердцами в пестром воске,
Медальками Гонзаги или Костки,
Святых юнцов с их верой беспечальной.

Мне быть святым не хочется. Мне снится,
Что как-то удалось омолодиться,
С пленительной смуглянкой закружиться
И что она ко мне равнодушна,
Что в мире все заоблачно, воздушно,
Что мы летим, греховны, но безгрешны
(И поцелуи долги и неспешны) —
Над крышами костела и вокзала,
Как легкие влюбленные Шагала.

Задумываясь в лунном полусне,
Душа на зов не отвечала,
Но музыка запела о войне
Огромным грохотом обвала.

Казалось пережившему войну,
Что всё рвалось и всё дымилось,
Но ветер возвращался в тишину,
Как бы сменяя гнев на милость.

В полуночное царство лунатиков
Мы из темного царства фанатиков
Улетим на Коньке-Горбунке

И ночным голубым привидениям,
Облакам с голубым оперением
Поясим, что летим налегке,

Что мы званы в Созвездие Лебедя,
Что с Землей разлучаемся нехотя,
Потому что иначе нельзя.

И растаем, по звездам скользя.

«Руководство для свежеумерших». Обложка
в семь цветов и недорого. Все же
я не купил. К чему
опережать события? И может,
пожалуй, устареть. Ведь в наши дни
так быстро все меняется. К тому же
я, может быть, бессмертен. Так зачем
выбрасывать на ветер деньги?

— Кого здесь нет, прошу поднять руку!
Я не поднял. Меня не было, но
Было лень поднимать. Пусть вместо меня
Обе руки поднимет
Мой читатель, которого тоже,
К моему сожалению, нет.

По небу ходят андрогины —
Невеста то же, что жених.
Оттенок сизо-голубиный
Просвечивает в плоти их.

Две голубые половины —
Под стать сиамским близнецам.
Но двуединой сердцевины
Я не пойму, приятель, сам.

Библейские женомужчины
Гермафродиты? Да и нет.
Нам не понять такой картины:
Закат и вместе с тем рассвет.

Эдема странный обитатель
Раздвоен, да, но двуедин.
И только вы, мой друг читатель,
Наполовину андрогин.

Дал объявление, что обменяю
Свой возраст — восемьдесят — на семнадцать.
Вы думаете, кто-нибудь ответил?
(Был светлый вечер, легкокрылый ветер.)

Так не хотите, мальчики, меняться?
Вот молодые: злые эгоисты!
Ну, к черту! Я раздумал: отменяю.
Играйте туш, небесные горнисты!

Мы грешники: нам помирать опасно...
Иосифа Прекрасного напрасно
Мафусаил молил: «Ну поменяйся!»
Иосиф отвечал: «Иди ты, знаешь», —
И пояснял, куда (не усмехайся!).

А впрочем, я напрасно обижаюсь.
Ну, нет так нет. Насильно мил не будешь.
Какая тут обида? Только жалость.
Они не ангелы. Не боги. Люди ж.
(Сквозь темный дождь к могиле приближаюсь.)

Я сочинил премиленькую пьеску
О том, что кошка вышла за кита.
Не за кота. В ней было много блеску,
Но я забыл... Не помню ни черта.

Во что сыграем? В бридж или в железку?
Какая ночь по небу разлита!
Я в карты проиграл на днях невестку,
Точней — невесту. Девушка — мечта!

Что мне добавить к этому гротеску?
Что рыба-кит длиннее от хвоста?
Увы, убили душку Чаушеску,
Бай-бай навек, земная суета.

Я получил судебную повестку.
Как ночь прозрачна, улица пуста!
Кит проглотил Иону. Но в отместку
Пророк Иона — проглотил кита.

Кролики и крамбамбули каламбурят
по-каракалпакски,
Каролинги вместо Килиманджаро говорят
Кракатау,
Ихтиозавры и психиатры говорят кра-кра
или мяу.

А в Папуасии мамуас женился на таксе
Максе,
Морскую свинку Селинку в Египте
случили с Сфинксом,
И у них родилась пирамида между Марсом,
Марксом и Минском.

КАРТИНА В БОСТОНСКОМ МУЗЕЕ

Фламандская школа, пятнадцатый век,
И будет разорван сейчас человек.

Его четвертуют четыре коня.
О мученик светлый, молись за меня!

Он будет разорван, святой Ипполит,
А сердце мое за него не болит.

За веру Христову его разорвут,
И поднят над крупом извилистый кнут.

И всадники в алых камзолах взлетят
Сейчас (а святые бесстрастно глядят)

Сквозь розы, репейник, сквозь чертополох
Туда, в облака, где невидимый Бог.

И дико ярятся четыре коня,
Но слишком их много, коней, для меня.

Ведь русский поэт, эмигрантский поэт,
Разорван лишь надвое. Кони, привет!

Задумывался, да, но не додумался
Ни до чего. Ну и прекрасно.
Божественного замысла и умысла
Нам не постичь. «Не плачь напрасно».

Напрасно мудрые ломали головы
Философы и богословы.
Боюсь, что понимали очень мало вы
В предназначеньях Иеговы.

А мы ходили по грибы, по ягоды
И белку легкую ловили,
И серебристых рыбок в светлой заводи
Или в зеленом, темном иле.

На свадьбе пьянствовали и горланили,
Как будто в Кане Галилейской,
И подплывали к неизвестной гавани
Под вечный шум воды летейской.

ПАМЯТИ ЮРИЯ ИВАСКА

В Печорах, где природа не нарядна,
Есть церковь малая Николы Ратна.

Кубическая, белая, простая,
Она поет, из праха вырастая.

Никола Ратный, храбрый Божий ратник,
Нас осенял хоругвью в Светлый Праздник.

Святил священник куличи и пасхи.
Я там узнал о Юрии Иваске.

У белой звонницы Николы Ратна
Мы повстречались в тишине закатной.

Игрок «Играющего человека»,
Он стал мне другом. Другом на полвека.

Музеи, церкви, города и веси
Мы повидали, восхищаясь вместе.

На Мексику, на Рим, на древний камень
Он отзывался страстными стихами.

А в старости была ему услада:
Увидеть блеск державный Петрограда.

И он смотрел, взволнованный, влюбленный,
На Стрелку, на Ростральные колонны.

И легкую гармонию Растрелли
Он понял, как другие не умели.

Пускай сиянье питерского солнца
Сойдет в раю на русского эстонца.

Пускай в раю сияет незакатно
Ему любимый храм Николы Ратна.

Мы уйдем, не давая отчета
Никому, не спросясь никого.
Превратятся тоска и забота
В своеволие и торжество.

Станет музыкой тусклая скука,
Даже злоба прославит Творца!
От высокого, чистого звука
Ледяные смягчатся сердца.

И в пятнистой игре светотени
Под каштанами старых аллей
Эмигрантской толпой привидений
Доберемся до русских полей.

Две вороны да иней на крыше,
Воздух осени в роще горчит,
И на кладбище пение тише
Под сереющей тучей звучит.

Всё уладится, а не уладится —
Обойдется как-нибудь.
Белый голубь к нам летать поведится,
Провожать в последний путь.

Хорошо, что хорошо кончается:
Голубь запоем, как соловей,
Ветка золотая закачается
Над моей могилой и твоей.

Но в краю чистилищного холода,
В буре адского огня
Дух Святой не снидет в виде голубя
На тебя и на меня.

«...О, если бы ты был холоден или горяч! Но так как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих».

*Откровение Иоанна Богослова,
3: 15–16*

В тени молчания Господня
Я поживаю понемногу.
Мое вчера, мое сегодня,
Наверно, неуютны Богу.

Хоть никого не убиваю,
Ни разу не ограбил банка
(Напрасно!) и не замышляю
Украсть богатого ребенка,

Но... мне ни холодно, ни жарко,
Лишь чуточку — беда чужая.
И, знаешь, мне почти не жалко,
Что теплый не увидит рая.

Я теплый? Кажется... А впрочем,
Удастся без больших стараний
Стать в крематории горячим,
Холодным — пеплом в океане.

К раззолоченным храмам Бангкока
Мне вернуться уже не придется
И на ярких базарах Марокко
Не удастся опять торговаться.

Не придется опять любоваться
В Тонанцингле веселым барокко
И уже не вернуться проститься
С черным камнем, с пятою Пророка.

Не вернуться к немому величию
Сероватых камней Мачу-Пикчу,
Не вернуться к Рамзесу Второму,
К рыжевато-песчаному храму.

Огонек мой совсем на исходе —
И пора успокоиться, вроде.

Отдыхая у берега Леты
(Дать Харону две медных монеты!),
Иногда вспоминаю, отчасти,
О былом незаслуженном счастье.

Надменное презрение верблюда
 (Я побоялся на него взобраться)
 Запомнилось. Лежал навоз. И груды
 Цветистых ковриков — товар Махмуда.
 Блестела ярко медная посуда.
 И девочка вела меньшого братца.

И в желтых шлепанцах, в чалме зеленой
 Старик прошествовал самовлюбленный,
 И голос молодого муэдзина
 Запел тягуче, что Аллах — Единый,
 И лакомился молоком беспечно
 Кот, не слыхавший, что ничто не вечно.

Ну не совсем: стояли пирамиды.
 Но не молилась в капище Изида
 Богине египтянка молодая,
 А сфинкс, обезображенный, безносый,
 Не задавал извечные вопросы,
 На молодость и старость намекая*.

* Загадка Сфинкса. Сфинкс спрашивал путников: «Утром на четырех, днем на двух, вечером на трех — что это?» Недогадливых убивал. Эдип, опираясь на посох, ответил: «Человек». — *Примеч. И. Чиннова.*

Ты бы хотела увидеть
Небо в алмазах?
Разве тебе не довольно
Звездного неба?

Ты бы хотела увидеть
Ангела в небе?
Разве тебе не довольно
Первого снега?

Разве тебе не довольно
Моря и ночи?
Лунных теней и деревьев,
Лета и ветра?

Москва
1992

Давайте поблагодарим
За светлый дождь и легкий ветер,
За парус, уходящий в Крым,
За силуэт на минарете,

За бледный над горами дым,
За дворик, где играли дети,
За смуглое тепло, Карим,
Руки в серебряном браслете,

За розы — «только нам двоим» —
За ящериц на парапете,
За то, что мы живем на свете,
Давайте поблагодарим.

Милая девочка мне
Подарила осколки бутылки,
Брошенной в море давно.

Как обточило их море!
Нежно мерцают они,
Светлые аквамарины.

Так же обточит и нас,
Друг мой, житейское море.
Только не будем мерцать
Светлыми каплями мы.

Будем тускнеть — и не знать,
Была ли в бутылке записка,
Что-то о душах людей,
Гибнущих — нет, не о нас.

Москва
1992

Мы в темно-рыжий город Марракеш
Давно, упорно собирались.
И вот — доехали. Скорей кус-кус доешь
И отложи самоанализ.

Не спрашивай себя, зачем мы тут,
Зачем вчера купил я феску,
Зачем купил поддельный изумруд
И голубую арабеску.

Зачем роскошествуем мы, живя
В гостинице «Семирамида»?
— Затем, что душу ест, мучительней червя,
Терзает давняя обида.

Обида на судьбу за годы нищеты,
За годы грусти и печали,
За то, что ты старик, что старикашка ты,
Что мы к веселью опоздали.

Прекрасные ковры, и розы, и коньяк.
А зубы девы — жемчуг мелкий.
У края бездны я хватаюсь, как дурак,
За безделушки, за безделки.

Летали вороны над темным селом,
Над церковью, отданной бесам на слом.

Отравлена речка и голы поля —
«А ты не мешайся, ступай себе, бля!»

По кладбищу ночью пойдем в листопад:
Там кости расстрелянных слабо стучат.

И колокол, сброшенный, тайно звенит,
И много разбитых, надтреснутых плит.

А ветер в бурьяне высоком шумит,
Потом прилетает в разрушенный скит.

У взорванной кельи сидел домовый
И слышался жалкий, озлобленный вой.

По-русски подальше послал он меня,
Шумели деревья, могилы храня,
И ждали убитые Судного Дня.

Москва
1992

Я тоже в Париже
Сидел без гроша,
И долу все ниже
Клонилась душа.

Но в грусти-печали,
Как светлый Грааль,
Мне жить помогли
Бодлер и Паскаль.

Я важен: я выжил!
Но — как с этим быть?
Туристу в Париже
Никак не забыть

Тех жалких харчевен,
Тех русских могил,
«Когда легковерен
И молод я был».

Москва

1992

Мы сидели на кольцах Сатурна,
Ели поп-корн, болтали ногами
И смотрели, как быстро и бурно
Расширяется пламя под нами.

Да, нам некуда было деваться,
А на родину нас не пускали.
Мы к Полярной Звезде, люди-братцы,
Улетим на алмазной спирали!

Там заманят свободной любовью
Три сирены в сиреновой дымке
(А захочется вдруг в Подмоскowie –
Путь свободен душе-невидимке).

Но от страсти порочной и бурной
Мы бежали сквозь льды голубые
И вернулись на кольца Сатурна
И к любимой своей ностальгии.

Москва

1992

Сказали нам, что мир лежит во зле
(«Ну и пускай! И так ему и надо!»).
Мы слышали о дьяволе-козле,
Лукавом змее раесада.

Сказали нам: прекрасные цветы —
Всего лишь сатанинские соблазны,
И нет на свете Божьей красоты:
Одни лишь чертовы миазмы.

Но я аскетов слушать не хочу
И, поддаваясь искушенью,
Любуюсь ласточкой, помчавшейся к лучу,
Пахучей, праздничной сиренью.

А пчелы золотятся и жужжат,
И сад сегодняшний и здешний,
И радует греховный аромат
Черемухи или черешни.

И золотым бесовским наваждением
Осенней рощи восхищаясь,
Прельщаюсь вратоадovým прельщением —
И на прощение надеюсь!

ИЗ ЦИКЛА «БОЛЬНИЧНАЯ СЮИТА»

Михаилу Крепсу

Могло быть хуже? Да, могло быть хуже...
На западе полоска стала уже.
Какой печальный северный закат!

Сломал плечо я. Душечка — больница?
От жалости к себе почти не спится.
Я себялюб. Прости. Я виноват.

Под Новый год в больнице. Боль и слезы.
На столике (ты угадала) — розы
Не утешают. Горек виноград.

Да, боли. Наказание Господне?
За себялюбие? Вчера, сегодня
Я чуть не плакал. Да, увы и ах.

Но — выздоравливаю понемногу.
Весной на подмосковную дорогу
(Всю в лужах, листьях, мокрых воробьях)

Я выйду с палкой. Здравствуйте, березы!
Скучал без вас. Ах, радостные слезы!
Еще я жив, я не холодный прах.

Сирень, лопух, орешник и скворешник!
Когда умру, невидимый нездешник,
Приду сюда. Унылей в небесах.

Кто садится на тигра — безумец.
Я не пробовал. Лучше не надо.
Вообще, нам давно не до тигра.
Нас носила нечистая сила.

Да, останутся рожки да ножки
(Мы рогатей чертей, как ни странно).
Продавайте рога и копыта,
Помолчав, уходите со сцены.

Мы протиснемся в райские кущи?
Нас апостол прогонит с позором.
А в чистилище скучно, уныло,
Но в аду — оживленно, и столько

Там знакомых, друзей и соседей!
Но не только: там Гитлер и Сталин!
Мы присвистнем и спросим: — хер Хитлер?
Как дела, дорогой Джугашвили?

Пахнет серой и здорово жарко?
И от бесов нигде не укрыться?
Надо, Сосо, страдать научиться
И в кипящей смоле прохлаждаться!

Да, мы с Гамлетом родные,
Спросим тоже: выть? не выть?
Безобразия земные
Трудно будет позабыть.

Да, терпели, да, страдали,
С горя «поминали мать»...
Горя, боли и печали
Было нам не занимать.

Отстрадаем муки эти
И уснем последним сном.
И на том, на лучшем свете,
В райском свете — отдохнем!

Да, скучали, да, грустили,
Но мечтали — пофорсить:
В неземном автомобиле
К райским кущам подкатить!

Или... в ад, к чертям, с разбега
Сиганем?.. не в небеса?
Пропадай, моя телега,
Все четыре колеса!

Пожалей меня немножко,
Друг читатель, нас вдвоем.
Запузыривай, матрешка,
Завтра по миру пойдем!

Перестань дурачиться,
Богу помолись,
Райского землячества
Крылышком коснись.

Нет у Вани крылышек?
Быстро отрасти!
Из последних силушек
К Богу возлети!

Господу пожалуйста
На житье-бытье:
Допусти, пожалуйста,
В царствие Твое!

Ну, а вдруг захочется
В карты поиграть?
Погулять с молочницей,
С девкой переспать?

Осушить чудесинку,
Спеть — и смех и грех —
Прогорланить песенку
Озорнее всех?

Нет, небесным силам ты
Подойдешь навряд,
Зря с кувшинным рылом ты
Лез в калашный ряд!

Разное что в жизни было —
Будто сивая кобыла
Безобразно подшутила.

На горбу переселенца
Черт выкидывал коленца,
Крал у девок полотенца.

К черту новые ворота!
Жить барану неохота:
Знай стригут в четыре счета.

Не бараном быть, а волком?
Быть на месяц над поселком,
Жаловаться снежным елкам,

Говорить им: — Елки-палки!
Дни мои скучны и жалки!
С кем дружить? Вороны, галки...

Если б в чертовой метели
Звук пастушеской свирели!
Сделай, Боже, в самом деле!

Мне куролесится. С карниза
Столкнуть лунатика хочу.
Я в городе, простите, Пиза
С наклонной башни полечу.

Мне хочется покувыркаться,
Пройтись по миру колесом,
На небе голубого братца
Кормить отравленным овсом,

Уснуть в обнимку с птицей Феникс,
В горячем пепле с ней лежать,
И заграбастать кучу денег-с,
Звезду купить — и проиграть,

Женить луну на счетоводе,
Дракона гладить по спине,
Ловить и дядьку в огороде,
То в Киеве, то в бузине

И, прыгая по волчьим ямам,
Писать собаку через ять,
Стишки четырехстопным ямбом,
Подпрыгивая, сочинять!

Всё шуточки, всё пустячки.
Шутник — в палате.
Здесь розоватые очки
Мне б очень кстати.

Скучища. Раковый отдел.
Рентген да скальпель.
Смешно, что доктор не велел,
А то б я запил.

В чужую землю гроб... Да что ж,
Не все равно ли?
Смешно! Здесь тоже отдохнешь
Совсем без боли.

В родной земле — лежать милей?
Смешно. Едва ли.
Запой хоть курский соловей —
Вы б не слышали.

Всё чепуха, всё ерунда —
Смешно, потешно.
А родина — она всегда,
Она, конечно...

Ольге Кузнецовой

А надо бы сказать спасибо:
За кринку молока парного,
За черную ковригу хлеба,
За небо с кромкою лиловой,

За двух небоязливых галок,
Собаку с мордой черно-сивой,
За то, что на порог упала
Для нас желтеющая слива.

За ветки в глиняном кувшине,
За ветер, веявший с востока,
За вкус черники темно-синей,
За связки чеснока и лука,

За дыню, зревшую у входа,
Свинью, запачкавшую рыло,
За то, что милая природа
К нам, видимо, благоволила,

За желтый мед (ты помнишь запах?),
Пахучий сыр и карк вороны
(И черный кот на белых лапах
Ходил кругом, хоть неученый),

За то, что лиловела кашка
И ежевика попевала,
За то, что добрая кукушка
Нам долгий век науковала,

За стуки дятла-лесоруба —
Сказал ли я за все спасибо?

Подмосковье
1992

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Воспоминания

Через месяц мне шестьдесят четыре. Пора писать воспоминания. Их принято начинать словами: «Я родился».

Я родился 25 сентября 1909 года по новому стилю, 12 сентября по старому. Скажем, 25 сентября. Это значит, под знаком Весов. Хорошо, что Весов, не бесов. (Но и бесы порой усаживались на чашку весов.) Что говорят любители гороскопов? Что, во-первых, я человек уравновешенный. Что, во-вторых, достоинств и недостатков отпущено мне в равных долях. Что, в-третьих, горестей и радостей мне тоже отведено поровну. Предположим.

Да, в субботу 25 сентября 1909 года в шесть часов вечера в Курляндии, в городке Туккуме неподалеку от Риги, в нескольких часах езды проселочными дорогами в коляске, между диких яблонь, мелких рощиц, полей с невозмутимыми черными коровами и сиреновой кашкой; в нескольких часах езды среди лужков, мыз, желтых акаций, лилового репейника, возов с сеном, далеких «кукареку», — в нескольких часах, говорю я, от имения бабушки (матери отца — которую в семье звали tante Marie или, русифицируя, Марья Егоровна, — дочери Георга Готфрида Адальберта фон Морр, мне вовсе не известного). Конечно, я предпочел бы родиться в имении: если не в родительском, то хоть в имении бабушки — тогда оно еще не было продано. (Бело-желтый греческий широкий треугольник над четырьмя белыми колоннами, мутная желтизна обжитого, уютного ампира; жасмин, лилово-синие анютины глазки, чахлая чайная роза; в липовой аллее белое платье, не правда ли?) Но рождения в дворянском гнезде не получилось.

Впрочем, разве в «Дворянском гнезде» Лиза жила в дворянском гнезде? Большой дом с садом — так это было и у нас; но все-таки «имение» звучало бы почетней. Увы, увы. Надо быть очень осторожным в выборе своих родителей, говорил Гейне. Другие, может быть, родили бы меня в имении. Но я все-таки доволен своим выбором: да, ошибся в координатах, и месте, и даже времени (надо было родиться лет на сто раньше) — но родителей выбрал правильно, я уверен: редко случалось мне встречать людей такой чистоты, доброты, честности. Обрываю.

Туккум — там мы очутились потому, что отец мой, Владимир Алексеевич Чиннов, по окончании Петербургского университета туда был назначен следователем (следователи есть у Чехова). В городке (латышском, лютеранском, среди пожелтевших кое-где грядок с огурцами, белых гусей, серых заборов, старых вязов, кустов черной смородины, темно-красных, почти до черноты, георгинов, старух в черном с черными Библиями и черными кошками) была и православная церковь. Звонарь приветствовал меня перезвоном: я подоспел к вечерне. Белая с пролетами колокольня на предзакатном, чуть желтеющем небе; пожалуй, уже носились стрижи, ласточки.

Лирическое отступление. Что еще случилось в тот час? Может быть, в саду желтоватая груша оторвалась, упала на тонкие, тускло-зеленые травинки (подле черного, как бы полированного мурavyя, привычно занятого своей житейской Сизифовой ношей). Да, созреть, оторваться — такова, душа-груша, наша судьба. Может быть, отпал от цветка легкий и совсем еще свежий на вид сиреневатый лепесток — тоже ненавязчивое напоминание, что есть в этом мире — да, смерть, догадаться не трудно. А может быть, крохотный паучок спускался на незаметной паутинке — парашютистик с невидимым парашютиком. Пожалуй, был он таким же новичком в мире, как я, таким же новопришельцем — переселенцем из другого мира. И возможно, пролетела над садом, гораздо выше паучка, какая-нибудь обыкновенная птица: будто несовершенная замена — кого? Аиста? Ангела?

А помимо этой проблематической символики, отметим и другую. За час до моего дебюта (родившись, я сразу же заявил о себе, взяв чуть ли не верхнее «до») в город вошли солдаты. Нет, мирные, на этот раз еще мирные: гарнизон. Возвращались с учения, распевали, с присвистом, сквозь дорожную пыль:

«Наши жены — ружья заряжены!
Вот где наши жены!» —

и, не дойдя до нашего сада, умолкли: воинский начальник велел сказать ротному, что жена следователя рождает. Увы! В дальнейшем служители Марса такой деликатности не проявляли: я пережил две мировые войны, одну гражданскую. «Ружья заряжены» палили частенько. Неприятно, не правда ли, особенно если учесть, что не передалась мне по наследству воинственность обоих моих дедов — полковника и подполковника, — не говоря уже о ратном пыле длинного ряда предков моей матери — Александры Дмитриевны, урожденной фон Цвейгберг, — бряцавших оружием чуть ли уже не тогда, когда им меняли пеленки: недаром на цвейгберговском гербе две горки из пушечных ядер.

Предки эти, Цвейгберги (надо бы начать с Чинновых, но все равно) едва ли б оказались в России, если бы не царь Петр. В баталии между полками московского царя и армией Карла XII майор Якоб Тённес фон Цвейгберг держал сторону короля шведского. Фортуна королю не улыбнулась, как известно, — и довольно кисло улыбнулась майору: предложено ему было перейти на службу к русскому царю, предложение он принял, но мзду получил довольно тощую. У меня хранится копия письма, написанного майором Якобом 1 мая 1727 года в Дорпате — Дерпте — Юрьеве, нынешнем Тарту: странным образом, в том самом Юрьеве — Дерпте, где после Туккума прошло мое раннее детство. Письмо адресовано было кузену майора, квартирмейстеру Антону фон Цвейгбергу, в Стокгольм. На забавном немецком языке жаловался майор Якоб, что вместо ингерманландских его земель даровано ему от покойного царя Петра всего-навсего местечко Тимофеево в одной миле от Дорпата — Дерпта (как ни странно, да, Тимофеево — под Дерптом); что местечко — пустошь, с мужиками трудно и вообще никс гут. А еще просил майор выслать ему бумаги, уточняющие факт благородного его происхождения, причем напоминал, что часть бумаг должна находиться в Праге — род их начало ведет из Богемии: один фон Цвейгберг был, как и в родословной показано, шталмейстером при дворе Максимилиана Первого — императора Священной Римской Империи Германской Нации: *Heiliges Römisches Reich Teüscher Nation*. Майор так и писал *Teüscher*, через Т, как в старину.

По-немецки писал майор Якоб потому, что был немец, только на службе у шведского короля, ландскнехт. А то — такой же немец, как и шталмейстер (родоначальник).

Шталмейстера представляю плохо. Надо полагать, он важничал: сколько лошадей у него под началом, сколько людей! Императорские конюшни — дело серьезное: неисправных конюхов сам

порой ударит железной перчаткой. Император все хочет знать: здоров ли такой-то конь, любимец, здоров ли такой-то, тоже любимец? А до чего беспокойно, когда соколиная охота! Ну и т.д.

Стараюсь вообразить конец пятнадцатого века, начало шестнадцатого. Бледный рассвет, на сероватом небе острые шпили. Пражский замок: брустверы, узкие амбразуры в толстенных стенах; крепко стучит алебарда о каменный пол (глухое эхо под стрельчатым потолком, высоко). Зима, в каменных залах сырой холодище. В огромной черной кухне огромный очаг, жарится громадный черный кабан — трофей вчерашней охоты. Запах паленой щетины, горящего жира, чад. Несколько человек в латах, оловянные кружки размером с барсука. Перебранка. В высокой башне при толстой свече толстую книгу читает толстый каноник — почти единственный грамотей, увы. Вместо уборных — призамковый лес. Никто не моется: вода — вещь опасная, от нее прыщи. Свора собак, похожих на волков, лает бешено, с подвизгом. Лошадь на замковом дворе качнула головой, убранной страусовыми перьями, заржала. Опять стук алебарды о камень.

Нет, эта эпоха мне чужда. Чужда и неприятна. Как неуютно было! Не завидую предку-шталмейстеру. И ничего общего у меня с ним нет. Кроме, отчасти, крови? Но кровное родство самое неубедительное.

Без родственных чувств думаю и о майоре Якобе Тённесе фон Цвейгберге, ветеране шведско-русской войны, пленнике царя Петра. Почему-то кажется, что он был долговязый, в зеленом мундире, черная треуголка после баталии сидит криво; длинная жилистая красная шея сзади в крупных ромбах, длинный багровый нос. Бледно-голубые глаза мутно сверкали злобой, когда шпагу свою отдавал он русскому офицеру: резко ткнул эфес тому в руку, коротко хрюкнул, резко звякнул большими шпорами на грязных от похода ботфортах. Мысленно гляжу ему в глаза — белки у него почти цвета лунного камня, опала, с мелкими розоватыми жилочками около век: от пьянства, конечно.

Собственно, о нем можно было бы узнать кое-что довольно точно: до сих пор живет в Стокгольме другой фон Цвейгберг, тоже майор, представьте, тоже с двумя горками ядер на гербовом перстне, тоже, как его предок, интересуется историей своего рода. Друг мой Анатолий Реннинг, работник Стокгольмского Исторического архива, сообщил мне о нем, ему — обо мне. Но за четырнадцать лет я не собрался ему написать. Да и не стоит писать, узнавать — к чему?

Да, дорогой майор Якоб, дальний предок, так вот: привелось вам нарушить клятву верности одному государю, присягнуть другому. Ну что ж, бывает; вот и меня, когда принимали в американские граждане, заставили отречься от верности иностранным «потентатам» — так и сказали: «потентатам». Я и отрекся, от всех потентатов сразу. От потентатов, от готтентотов — от всех. Оказались вы, по неразумению вашего потентата, у разбитого корыта. И мне, из-за кое-каких потентатов, случалось оказываться: именно у разбитого, разбитого, совершенно точно. Жму вам руку, предок, коллега ди-пи.

Но переменяю пластинку, а то желчь разольется. Вспомним что-нибудь приятное.

Вообще-то земли, пожалованные майору Якобу московским царем Петром, были хоть и не плодоносны, а не без прелести. Валунов, как в Швеции, правда, не было. Но тоже были белые ночи, были на серовато-бежевом песке тонкие, графические рыбацьи сети. В серых крестьянских домиках рыбацкая стрёмлинга от слова *strom*, течение — коптилась до золотого блеска, под темными потолочными балками висели и-зу-ми-тель-но душистые окорока — и колбасы, такие тугие и крепкие, что если бросить такую колбасу на стол (столы были дубовые, темные), то звенела она, как тяжелая серебряная монета. Подальше, в болотистых лужицах порой бледно отражался закат, где-то вскрикивал, с протяжным окончанием, невзрачный чибис. Такие места я помню. Дикая утка влетала в озерко, довольным тоном кричала. Вот так бы влететь — в бессмертие? Обратное в детство? Куда? В низкой траве мелко голубели незабудки. Не забуду вас, незабудки.

Именно в этих краях оказались мы, когда папа был переведен, опять на место судебного следователя, в тот самый Дерпт, Дорпат, где в 1727 году обижался на покойного царя и на местечко Тимофеев прапрапрадед моей матери. Местечко Тимофеев, бывшее в одной миле от Дорпата — Дерпта, к двадцатому веку, надо полагать, слилось с городом — может быть, там мы и жили, не ведая, что топчем землю предков? Ни о каком Тимофееве я тогда не слыхал.

У прадеда моего, Василия Карловича, имение было в других краях: в Новгородской губернии, в Крестецком уезде — Порхалово; теперь это колхоз «Володарец». В Порхалове и жил, его транжирил, расточал понемногу дед мой Дмитрий Васильич — человек русейший, ни по-шведски, ни по-немецки ни бум-бум, русак, только фамилию не склонял: сохранялось у нас Евангелие 1804 года, на нем гусиным пером надпись:

«Ся Книга принадлежит
Дмитрию Васильичу Цвейбергъ».

Имение пришлось продать по той причине, что, мечтая поправить расстроенное состояние, дед пустился в торговые операции. «Зря вы это, папаша, не дворянское это дело», — увещевали подполковника почтительные его девять сыновей. «Ну вот, яйца курицу учат!» — ворчливо отвечивал, как мне рассказывала мама, своенравный «папаша». Кончилось тем, что взял его вместе с бабушкой к себе в Ригу дядя Володя, старший сын. Маму, окрещенную в Новгороде у Федора Стратилата, тоже привезли в Ливонские края — четырех лет от роду. Там в Риге, на Покровском кладбище, с черным гранитным обелиском в головах, и упокоился дедушка Дмитрий Васильич — вместе с бабушкой Елизаветой Дмитриевной, урожденной Косаговской, из Корвин-Косаговских, рода древнего, но захудалого. Видел я деда с бабкой только на фотографиях.

В Риге и познакомилась мама с кандидатом прав Петербургского университета Чинновым Владимиром Алексеевичем. Папа был коренной рижанин — там окончил и гимназию, классическую, Александровскую (на выпускном акте декламировал по-гречески). После Петербурга приехал ненадолго к родителям: дед мой, бывший комендант Усть-Двинской крепости под Ригой (николаевские казармы и древние стены), был уже в отставке. Несмотря на мать-немку, отец считал себя русским — русским по характеру он и был.

(Помню, в Юрьеве двоюродная тетка моя Эльвира, пышная дама в мехах и шляпе на полкомнаты, фон Морр, весьма гордившаяся своим фонморрством, раз патетически спросила: «Володя, ведь ты фон Морр?» «Нет, — невозмутимо ответил папа. — Я Чиннов». Драматический жест пропал зря.)

Чинновы не очень уж родовиты. По бумагам какой-то Alexander von Tschinnow («w» не произносилось, как в фамилиях v. Bülow, v. Schlettow) въехал в Россию при Екатерине в 1786 году — из Пруссии, но герб будто бы франконский, судя по крыльям, вырывающимся из короны: отдельных два черных крыла, без других птичьих атрибутов, и между ними, тоже отдельно, дева в венке; на щите три красных ромба. Давайте считать, что крылья принадлежат Пегасу, венки — лавровый — мой, ромбы — с костюма Арлекина, символа легкомыслия и насмешливости. Как-то я спросил папу о предках. «Ну что ты пустяками интересуешься, разве это

важно?» Папа был «демократических убеждений», в душе разночинец. Сказал мне, что из живых Чинновых известны ему только двое: бывший «Ваничка» Чиннов, военный юрист, товарищ прокурора, да Миша, секретарь Московского военного окружного суда, — оба для него политически, даже морально-политически, совершенно неприемлемые.

Суд папа одобрял только гражданский — не военный. «Правда и милость да царствуют в судах» — эти слова Александра Второго были «начертаны», как тогда говорили, на странице Судебных Уставов, висевшей под стеклом в отцовском кабинете. На свадебном снимке — где мама в странной венкообразной прическе — начинающий «судейский» В.А. Чиннов стоит в длинном форменном сюртуке с темно-зелеными бархатными нашивками, украшенными царской короной на бронзовом столбике; на столбике надпись «ЗАКОНЪ» (столбик, столбик, недолго же ты простоял). Неизвестно почему, родители венчались в церкви Рижского замка. Свадебное путешествие — в Париж — было непродолжительным; прямо из Парижа приехали в Туккум — там года через два и родился «пишущий эти строки». Еще через четыре года мы переехали в Юрьев — Дерпт, Дорпат. В Юрьеве скрестились несколько моих «семейственных линий».

Лет через сто шестьдесят после того, как в Дерпте стал майор Якоб Тённес фон Цвейгберг опорой русского царя, приехал туда же, в Дерпт, готовить гибель проклятому царизму другой мой уже не предок, но тоже родственник — двоюродный брат матери, Петр Филиппович Якубович-Мельшин, известный революционер, народоволец, даже более известный, чем предок его декабрист. Устроил там «нелегальную», как тогда выражались, типографию, сам набрал и напечатал номер подпольной «Народной воли» с призывами к народу смести паразитов: жандармов, помещиков и остальных буржуев. Представляю себе типографию — комнатенку в квартире студента Переляева: две или три жалкие керосиновые лампочники, движутся тени на стенах (дядя жестикулирует, составляя прокламацию), в пыльных ящичках свинцовые буквы (вредно для легких). Вокруг бюргерский Дерпт; толстые бюргеры, за день насосавшиеся народной крови, храпят громко, но мирно. В блестящих глазах дяди, прекрасного человека, энтузиазм: прокламация почти готова. Тикают дешевенькие часики, приближая светлую зарю человечества. Серая мышка догрызает кусочек копченой колбасы с таким увлечением, словно тоже подтачивает самые основы монархии.

Лет через тридцать после того в том же Дерпте — Юрьеве охранял упомянутые основы монархии другой мой двоюродный дядя — Александр Робертович фон Морр, жандармский полковник. Родители мои, читатели либеральной газеты «Речь», с таким реакционером знаться не хотели. Все-таки жена его, тетя Наташа, у нас бывала. Раз она завезла меня к себе. Помню большую икону, словно из иконостаса, — Георгий Победоносец поражает дракона — не в углу, а посреди стены, рубиновое сияние лампадки, турецкие тахты, восточное оружие. До применения оружия дело не дошло, но битва все-таки произошла, почти у ног Георгия Победоносца: тетя Наташа, неизвестно почему, разбушевалась. Дяде, усмирителю бунтовщиков, пришлось туго. «Я дочь генерала Орехова! — Кричала тетя, хотя дядя об этом уже знал. — Дочь *русского* генерала, не какой-то ревельской кильки фон Морр! — Передразнивая: — Морр! Вот именно — мор! Уморил ты меня совсем!»

Дядя, подбиравший сигару, которую супруга, вырвав из пухлых его пальцев, швырнула на ковер, взирал на нее снизу, подобно поверженному дракону на иконе.

В одном тетя Наташа была права: на дочь ревельской кильки она действительно не походила — была круглая, подвижная, говорливая. Все же презрение к ревельским килькам не оправданно: серебристая эта рыбка, с янтарным ободком вокруг черного зрачка, смутно-розоватым мясом — и темным лавровым листиком и черными перчинками в коробочке, — лучшая закуска и к рябиновке, и к зубровке. За ваше здоровье. И за упокой души — многих душ: за упокой всех, чьи тени тревожу я этим рассказом: революционеров, либералов, реакционеров, милитаристов, миротворцев.

Справиться с бунтовщиками дяде фон Морру — мору — не удалось не только на семейном фронте: Российская Империя, как известно, пала. Оказавшись после революции в Риге, столице Латвии, и размышляя о превратности судеб, дядя обращал взоры к небу. Думы о ходе планет, влияющих на человеческие судьбы, дали ему идею: не находя другого заработка, он решил заняться астрономией. Подобно звездочетам с Босфора у Андрея Седых, Александр Робертович приобрел уличный телескоп и подле латвийской статуи Свободы, на бывшем Александровском бульваре, стал показывать зевакам разные Кассиопеи. До астрологии он, правда, не дошел. А если бы взгляделись мы, все здесь упомянутые, в ход планет и поняли бы, какая «планида» управляет нашими судьбами, — что бы мы сказали? Что сказал бы, в частности, дядя Петя Якубович, борец за свободу?

Еще немного о Моррах. В Юрьеве — Дерпте иногда приходил ко мне играть троюродный брат мой Кирилл фон Морр, сын тети Наташи и жандармского полковника. Он был года на три старше меня, очень хорошенький, черно-кудрявый, с большими черными глазами, драчун, задира. Потом женщины за ним увивались. Он выведен в романе Ирины Сабуровой «Корабли старого города» под именем корнета фон Доорна: да, лет в восемнадцать он был заправский корнет, бравый, картинный, бредил Российской Императорской Армией, знал форму чуть ли не каждого полка. В Риге был он актером в Театре Русской Драмы, на маленьких ролях. Так вот, в Юрьеве, восьмилетним, приходил он иногда ко мне. Проскакав на деревянных лошадках-качалках более тысячи верст (он — ординарцем, а потом личным адъютантом Багратиона или Наполеона), мы приступали к другому занятию: он ломал мои игрушки. Не все сразу: две-три. Ну, это бывает: не раз ломали мне игрушки и позже, гораздо позже. А я все еще развлекаюсь разными игрушками.

Что же до тети Наташи, то ее надо помянуть добром. Когда в 1923 году добрались мы из Ставрополя до Риги, служила она в какой-то благотворительной организации. Мы тогда обнищали совершенно. Тетя снабжала нас супом; я приходил за ним жестокой зимой, скользя по льдистому снегу, повязанный поверх легкого пальтишка (другого не было) серым платком, очень красивым, но тогда не воспринимавшимся мною эстетически. Вначале, раза три, за неимением у нас другой посуды нес я бобовый суп в цветочной вазе — тоже красивой, глиняной, темно-зеленой, с сиреневыми ирисами, без ручек (прижимал горячую вазу к груди, суп иногда крепко плескался). Ну, если стольким людям пришлось переменить род занятий, образ жизни — почему ваза должна быть исключением? Привет тебе, амфора, хранительница тепла, свидетельница печали.

Но вернемся в Юрьев — Дерпт в последние годы Российской Империи. За время, протекшее со дней основания его при Ярославе Мудром, городок, надобно сказать, изменился. Был, несмотря на Российскую Империю, совершенно немецким, плюс какие-то эстонские ингредиенты. В истории русской литературы он упоминается: друзья Пушкина Дельвиг, Языков, Кюхельбекер учились в Дерптском университете. Помню черепичные темные с прозеленью островерхие крыши, черных железных петухов на остриях лютеранских колоколен. С окраинных дворишков иногда ветром доносило «кукареку» живых их собратьев: соперничая с часами на башнях, извещали они, что время не стоит на месте. На холме, называвшем-

ся Домберг, Соборная гора, у развалин замкоподобного готического монастыря мы с бонной-гувернанткой выигрывали сражения. Я потрясал желтой тросточкой, набалдашник — серебряная голова разъяренного бульдога — сиял, разрезая послеобеденный осенний воздух. Иногда мы ездили к бабушке; в саду, заросшем, неухоженном, играли в прятки. Помню оранжевую гусеницу, черноголовую, очень большую — пожалуй, красивую, но страшноватую. Помню сине-черную бабочку — она лежала на земле, крылышки почти не шевелились, но что-то под ними равномерно пульсировало: должно быть, умирала, бедняжка; но я не понимал. Помню лиловые ирисы, тоже как будто из семейства мотыльковых, с сетчатым желтовато-бежевым основанием лепестков. В бабушкином доме, среди огромного количества темно-красных плюшевых кресел и портьер, я на Пасху лазил по темно-красным коврам, искал под темными, грузными шкафами и столами шоколадные яйца в золотой обертке: полые, с золочеными пистолетиками в виде начинки. Золотые яйца, символ счастья. Не раз в жизни потом случалось так: стараться достать — что достать-то? Чуть-чуть шоколаду да крохотный пистолетик, с которым неизвестно что делать. Впрочем, пистолетик, символ войны, в этом рассказе кстати. И главное, прельщала золоченая обертка: люблю все золотистое, недаром так часто это слово в моих стихах. Не знаю, замечал ли я тогда эту торжественную темно-вишневость плюша и бархата, кое-где рубиново-ярко сиявшую под краем солнечного луча, царства света, в котором спирально, как бы под медленный вальс Штрауса, двигались озаренные пылинки. Или — замечал ли, что багрово-пунцовый рубин этот похож на кровь? (Все оказалось кстати: и вещи цвета крови, и пистолетики в пасхальных яйцах — дело было накануне войны.)

На прощанье бабушкина рука, подагрическая, артрическая, крабообразная, неровно, нервно гладила мне маковку. Суховатые губы прижимались к моему виску, водянистые глаза посреди морщинок смотрели слезливо и грустно. Халат бабушкин, куда я прятал лицо, царапал парчовой отделкой.

По-русски бабушка «Марья Егоровна» говорила скверно, по-немецки говорить с началом войны стало не ко времени, мама с ней чуть ли не с первых слов переходила на французский. Я ничего не понимал. Но скоро меня отдали — увы, ненадолго — во французский детский сад; помню белые сандалии, в которых я шел между клумбами каких-то лиловых цветов. Две сухие дамы в синих платьях стояли на веранде, полной осеннего утреннего света, с группой детей, все пели:

Les japonais sont toujours gais,
Toujours gais, toujours gais! *

Это повторялось трижды. Причины такой всегдашней веселости японцев остались для меня тайной. (Теперь кстати было бы перенять эту японскую вечную веселость.) Помню девочку, года на два постарше меня, безбровоголубоглазую, важничавшую передо мной — кажется, она была баронесса; помню розовую раковинку уха, приподнятую губку, кремовое пикейное платье с чесучовым бантом, нежную кожу тоненькой руки в полуденном свете, еще с летним загаром, абрикосовую. Теперь эта девочка — старуха, если не скелет, не правда ли? Если не скелет.

Как-то безветренным вечерующим днем мы с папой гуляли, я подбирал с влажной земли каштаны, блестящие, коричневые, именно каштановые, как мои ботинки. Шевелил этими ботинками шуршавшие листья. Яркий коричневый шотландский сеттер небрежно-размашисто носился по желтовато-бурому парку. Я вдруг спросил: «Папа, а что такое Бог один и в трех лицах?» Папа удивленно ответил: «Ну, об этом поговорим, когда ты вырастешь». Когда я «вырос», спросил бы я у него: что такое смерть?

Но я отвлекся в сторону, в тот ранний вечер мы, кажется, шли к бабушке.

Бабушка жила одна, с двумя эстонскими старушками — старушки присматривали по хозяйству. После потери обоих мужей, полковника Чиннова и полковника фон Дихта (толстенный Дихт, по ее словам, сам утопил себя в пиве), остались у нее только два развлечения: пасьянсы и оппозиция к моей матери. Впрочем, была еще кошечка, совершенно черная; очень изящно сидела на ярковишневом диване, задрав ножку, деликатно облизывалась розовым язычком, похожим на лепесток розы. Я побаивался: вдруг она перебежит мне дорогу? По-видимому, она перебежала.

А у нас был попугай: висел в гостиной в большой клетке около пальмы — пальма должна была напоминать ему родные края. (Какое дерево завести мне? Развесистую клюкву? В своем канзасском саду я не посадил ни березки.) Попугаи неправдоподобны: наш был красно-сине-желтый, точно флаг Колумбии или республики Чад. Не он ли мне внушил любовь к краскам, яростно-яркий красавец! Гостиная была солнечная, попугай так и сверкал. Склад ума у него был философский, скептически-стоический — чаще

* Японцы всегда веселы, всегда веселы, всегда веселы (фр.).

всего он кричал: еррунда! Жаль, не научился я у него называть ерундой капризы Фортуны.

Раз на главной улице Юрьева — Дерпта увидели мы обезьянку. Старичок стоял подле трехногого ящика (конечно, это была шарманка), на ящике сидело в красной курточке и синих штанишках маленькое коричневолицее существо; темно-коричневые глаза, как бы семитские, с какой-то древней скорбью, умные, усталые, взглянули на белокурого голубоглазого мальчика. Тоненькая темная нежная ручка протянула билетик: на трех местных языках мне было гарантировано счастье, удача во всех моих предприятиях, коммерческих особенно. Я упросил старичка посадить обезьянку мне на плечо. Вот если бы и сидела так у каждого из нас на плече маленькой милой мартышкой Судьба-Фортуна, ручная, послушная, исполняла бы нетрудные наши просьбы — милая добрая фея. Через полвека в Барселоне в парке Гауди встретил я такую же обезьянку, тоже в красном мундирчике и синих шальварах; тоже получил из нежной ручки билетик с гарантией счастья. Все было, как полвека назад — за исключением белокурого мальчика.

Мальчик этот, Ирик — так почему-то называли меня родители, — в маминых мечтах был пианистом. Как-то раз в музыкальном магазине увидел я маленькое пианино, чуть побольше гармоникки: «Папа, купи!» — «Но зачем же, Ирюшка-головастик, ведь есть же у нас рояль, какой ты странный мальчик!» — «Нет, я хочу свой!» Когда приходили гости, я этот свой «рояль» толчками перевозил из детской в гостиную, стучал по клавишам как придется и пел. Так началось мое «служенье Муз». Гости выражали восторг — надо полагать, преувеличенный.

Правду говоря, музыкален я не был — не стал и позже. Все-таки почувствовал в свое время рояльную музыку: большие хрустальные овальные капли падали, вдруг быстро проливались, низвергались ливнем, потом опять падали, каждая отдельно, и все же в каком-то едином хрустальном строе. А теперь всего милей мне та музыка, из которой возникает большая полутемная комната с окнами, распахнутыми в ночной сад: легкая прохлада подымается из летней ночи, почти не колеблются свечи, почти нет ночных бабочек. Четыре человека неподвижно слушают: один опустил подбородок на скрещенные пальцы, другой глубоко откинулся в кресло. И две обнаженные руки, смутно белея, медленно движутся, длинные пальцы то медленно, то быстрее прижимают клавиши. Шуман? Шуберт? Шопен? Ш-ш, именно ш-ш. Душка Мнемозина. Тише! Шурша опускается занавес над недовоскресшим прошлым. Перевернем

страницу, как тот памятный мне человек, больше полувека назад перелистывавший ноты в нашей гостиной.

Перевернем страницу.

Именно там, в Юрьеве, нынешнем Тарту, началась и моя литературная деятельность: я сочинил двустихие в жанре интимной лирики, полное тихой жалобы на грустную мою долю, совсем в тоне «парижской ноты», и явно предваряющее сборник мой «Монолог»:

У меня пузынько биби,
Я хочу каку и пипи.

Непогрешимость ритма, нежная деликатность рифмовки была мне свойственна, как видите, уже тогда.

Вижу себя своих юрьевских времен: белое плюшевое пальтецо с таким же капором, золотисто-коричневатое плюшевое пальтецо и такой же капор. Сохранилась карточка: я с челкой — прическа пажа, один глаз почему-то чуть больше другого, но личико хорошенькое, темно-зеленая (я помню) бархатная курточка с кружевами, руки в боки, взгляд скорее задумчивый.

Родители довольно часто уезжали в Петербург на концерты, в театры. Однажды мама поехала со мной — не на концерт, в Петербург. Помню темно-оранжевые стены внутреннего двора-колодца где-то на Литейном проспекте. Дом принадлежал дяде Коле, маминему брату, придворному архитектору. В квартире было много комнат, все длинные, темные (неужели дядя сам так построил?): темные обои, столовая темного дуба. Вечерело, в кабинете, похожем на отцовский, с великим множеством книг, дядя — грузный, пузатый, холерный, красивый — сел в шелкнувшее кожаное кресло, посадил меня на колени. Я стал играть брелоками на его часовой цепочке — их было много, приманчивых, очень красивых, папа ничего подобного не носил. Когда зажгли лампы, на брелоках волшебным образом заиграли искорки. Может быть, брелоки и укрепили во мне любовь к красивым пустячкам? Но и укрепили умение любоваться? Как бы я без этого прожил?

Потом были гости, человек тридцать, и дядя вдруг потребовал, чтобы я с ним пел. Он окончил консерваторию, а у меня был свой рояль. Почему нет? Под аккомпанемент его приемного сына, двадцатилетнего, черноволосого, смешливого, спели мы с дядей дуэт Даргомыжского:

В селе малом Ванька жил,
Ванька Таньку полюбил.

Ванька в дудочку играет,
Танька песенку поет...

Потом оказалась в ванькиных руках дудочка посерьезнее...

В годы военного коммунизма дядя Коля умер в Петербурге от голода — кажется, почти в одно время с другим моим, уже не родным, троюродным, но все-таки дядей — Якубовичем, профессором по детским болезням, человеком более нужным, чем архитектор...

В ночь после столь успешного артистического выступления мне не спалось — совсем как Шаляпину. В окне была тонкая полоска неясного света, постепенно ясневшая. Я продолжал видеть огненные хрусталики люстры, отражения в зеркалах, даму в нежно-сером шелковом платье, картинно сидевшую бочком на золоченом тоненьком стуле. Палевая обивка стульчика — часть обивки, не закрытая платьем, казалась палевой розой. Или тогда не казалась, кажется мне только теперь?

Как-то провели мы лето недалеко от Юрьева в Газелау, рядом с мызой барона Палена, коллеги моего отца. Об этих местах написал я года три назад стихотворение «Я помню телеги в полях предвечерних...»*.

К лету мы обычно уезжали на Рижское взморье. Оставались долго. Белые дощатые домики с крышами гребешком, сосны. На веранде с рубиновыми и синими стеклами в уголках рам топился (на сосновых шишках) самовар — дымный, прекрасный аромат этот я чувствую и сейчас; только самовар, стоящий у меня в столовой, медный, старый, Баташова в Туле, купленный в Нью-Йорке, уже некому разогреть. Прошлым летом в Истамбуле на Большом Базаре увидел я несколько самоваров с табличкой внизу: «semovar». Приятно знать, что турки зовут самовар русским именем. И сквозь базар проступила наша дача, белая скатерть стола, стволы сосен. Привет, привет, «семовары». Привет и вам, семафоры на Рижской железной дороге, зеленые огоньки на далекой дороге в детство. Вдоль дороги были сосны, вереск, дальше черника — почти сапфирная после дождя. Мы собирали чернику и грибы. Это было счастье. Розово-сиреневые сыроежки похожи были на цветы. Вечером их жарили в сметане, с луком; ничего вкуснее я не ел никогда.

(«Сердце сожмется — испуганный ежик...»**)

* См. наст. издание. Т. 1. С. 285.

** См. наст. издание. Т. 1. С. 314.

Вот и улетело <время>.

Улетело — и все-таки, «в поисках утраченного времени», хоть слабую тень улетевшего я пытаюсь вернуть. И вот возникает в памяти Рижский залив. Потом видел я воды поярче: Адриатику, Эгейское море и, главное, Тихий океан у Гавайских островов — он иногда бывает лазурно-фиолетовым, это великолепнее всего. И все же тянет меня к Балтийскому морю. («В ожидании окончания...»*)

Покажись, моя Атлантида! И я вижу серебристую даль и гладь. Светлый мягкий, нежный песок блаженно холодит босые ноги мальчугана в мокром полосатом трико с короткими рукавами и круглым вырезом вокруг загорелой шейки. Мать идет ему навстречу, и мальчик прижимается к чесучовому бледно-бледно-желтоватому платью и легчайшей красно-сине-зеленой косынке на маминой руке. И отец тоже в чесучовом костюме ерошит мне волосы и спрашивает: «Что, головастик, набегался?»

Дня за три до отъезда захотелось оставить мне очевидный для всех след моего пребывания — у моря? в мире? Не знаю. На влажном гладком песке шагах в трех от воды я веточкой вывел печатными буквами и с твердым знаком: «Иришь Чинновъ». Перед отъездом прошлись мы по пляжу еще раз. Но автографа моего уже не было.

И вот теперь «в ожидании окончания» — снова стараюсь я закрепить какие-то следы своей жизни, снова хочу оставить автограф. Да, оставить после себя хоть маленькую памятку о себе и еще о чем-то из того, что с моею жизнью было связано. Лет пятнадцать назад я написал: «Я все еще помню Балтийское море...»**

Нет, слава Богу, журчанье беспамятства еще не заглушает воспоминаний. Память жива — особенно память о той красоте мира, которую удалось мне увидеть; я вижу ее даже гораздо отчетливей, чем раньше: «А белая птица так низко летела...»***

Помню у мамы на темно-красном письменном столике несколько книг тургеневски-либерального направления (их ветер иногда прикрывал тюлевой занавеской) да около неизменной вазы с цветами — антология «Русская муза»; на антологию часто падал лепесток, тоненький, вялый, нежный. А еще лежали на столе переплетенные в зеленый сафьян страницы пожелтевшие записок

* Там же. Т. 1. С. 276.

** Там же. Т. 1. С. 127.

*** Там же. Т. 1. С. 291.

«В мире отверженных»: вместе с «Русской музой» — все, что осталось в русской литературе от человека, которого у нас в семье звали Петя Якубович.

Петр Филиппович Якубович, иначе Мельшин, иначе П.Я., иначе Рамшев, — это был двоюродный брат моей матери, любимейший, от всех отличенный. Из двух сестер Косаговских Елизавета Дмитриевна вышла за Цвейгберга, моего деда (уже не фон Цвейгберга, а просто), Екатерина — за Филиппа Якубовича. Именья находились по соседству, оба в Новгородской губернии, Крестецкого уезда. Якубовичи, в далеком прошлом важные шляхтичи Речи Посполитой, по традиции были драчуны. Правда, один полковник Якубович был драчуном законопослушным — вел царицыны войска в бой против Пугачева, без особых, впрочем, успехов, отчего и был заменен Микелсоном. (Воображаю, как изливал полковник свой гнев на чад и домоладцев!) Но в следующем столетии другого Якубовича, Александра Ивановича, потянуло к мятежникам: захотел побунтовать против царского орла, сыграл роль в восстании декабристов, хотя и чуть менее эффектно, чем можно было ожидать от этого романтического героя, позера, бретера (описанного Мережковским в «Александре Первом и декабристах» весьма язвительно). «Петя» Якубович бунтарский дух шляхетных предков, только без их гонора, унаследовал полностью. В партии народовольцев был он одним из виднейших, любимейших, революционная молодежь на него молилась. На сибирской каторге внушил мой дядя уважение даже уголовникам — редкая удача для интеллигента. Там, в сибирском остроге, он и женился — на еврейке Розе Франк, тоже политзаключенной, — огорчив родню чуть ли не больше, чем участием в революционном терроре. «Столбовой дворянин, — плакалась тетка его, моя бабушка, — и с кем судьбу свою соединил. А?! Ведь она же не христьянка даже, фу ты, Господи! Прямо как лукавый попутал!» — Так передавала мама бабушкины иеремиады.

Сын Пети Якубовича и Розы Франк стал известным пушкиноведом, внук — одним из борцов за гражданские свободы.

Думаю, что террорист Петр Филиппович террористом был на манер патрона своего Петра Апостола, отрубившего ухо представителю власти Христа ради. Вне «политической борьбы» походил он скорее на Франциска Ассизского. Мама рассказывала: придет Петя Якубович в каком-то тряпье, сразу его в баню, оденут во все новое, дадут денег — а он через несколько дней опять возвращается в ошметках: оказывается, зашел в ночлежный дом и поменялся одеждой с каким-то босяком, ты представляешь? И все деньги роздал!

Все же синий однотомник стихов его в Большой библиотеке поэта украшает странная фотография: дядя Петя Якубович в арестантской шинели и кандалах сидит так декоративно, эффектно — Грушницкий, ни дать ни взять Грушницкий. Видимо, постарался фотограф. Или друзья, жена?

Его два тома «В мире отверженных» кн. Святополк Д. Мирский в своем английском учебнике назвал почти равными «Запискам из мертвого дома». Может быть. Но стихи Якубовича, в общем, бесталанны. И все больше об орлах, которые или томятся в неволе, или рвут свои цепи, или (это другие, нехорошие орлы) клюют печень Прометея, или (опять хорошие орлы) носятся над бурной морской пучиной, призывая волны грозно подняться и в могучем порыве смести тиранов. Антология «Русская Муза», им составленная, тоже не из самых удачных. Он первый перевел на русский язык Бодлера — но слава Богу, что о качествах этих переводов Бодлер не мог иметь суждения.

На письменном столе моей матери этих переводов не было. Зато висел над столом портрет дяди Пети — уже в старости, с добрым русским лицом патриархального помещика, да фотография двух сестер — Елизаветы и Екатерины Косаговских, еще девушек, в чем-то институтском. Елизавета, бабушка моя, институт «благородных девиц» (не Смольный, а поскромней, Патриотический) окончила с шифром; шифр означал роскошную разновидность похвального листа, выданного когда-то Катерине Ивановне Мармеладовой: это была монограмма вдовствующей императрицы из тусклых алмазов на палевой розетке — она хранилась у нас с моими замшевыми туфельками (туфельки! в них топотал я по пространству, огороженному сеткой, лет шестьдесят тому назад — как быстро летит время, вы не находите?). С туфельками хранился и герб Корвин-Косаговских, «Слеповрон». Черный ворон держит кольцо (точно крыловская ворона — сыр), сидит на подкове, украшенной орденским крестом.

К гербу этому приписано было чуть ли не двадцать польских дворянских родов с общим (якобы) родоначальником — Варвжетой Корвиным (все двадцать фамилий в честь патриарха непременно с «Корвин»: Корвин-Круковские и т.д.). Плодовитый сей рыцарь, согласно родословным книгам, был одно время даже венгерским королем. Был он — это наверняка — также герцогом Мозовецким. В смутное время какие-то Корвин-Косаговские, покинув Великое Герцогство Познанское, увязались за Самозванцем, явились под Москву (где другие мои предки, маминой бабушки, Стоговы, от

них отсиживались, помаленьку оборонялись). Как потом под Нарвой или Полтавой, так получилось и под Москвой: подобно фон Цвейббергам «и прочим шведам», Московию под свою шляхетную руку паны не прибрали — и через какое-то время пошло от Корвин-Косаговских, или Косаговских, потомство уже русское. Бабушка Елизавета Дмитриевна, думаю, очень бы удивилась и закипела, если бы подвергли сомнению чистокровную ее русскость.

О «Числах» и числовцах

На моем письменном столе снимок: группа сотрудников «Чисел». В центре — Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Георгий Адамович, Ирина Одоевцева и Георгий Иванов, которому и обязан я своим участием в «Числах». Из этой группы нет уже в живых никого. Один я еще «влачу существование».

О Георгии Владимировиче думаю я с благодарным чувством. Храню записку, которую, на третьем году моего парижского бытия, после очередного чтения стихов он мне неожиданно протянул. Привожу ее текст: «Расписка. Обязуюсь при первой возможности написать о поэзии Игоря Чиннова, которую я очень ценю и люблю, так серьезно и уважительно, как она того заслуживает. *Георгий Иванов*».

Немало было в «Числах» и чудаков — и первым был, конечно, незабвенный Алексей Михайлович Ремизов, к которому случалось мне заходить на 5 Rue Voileau. (Странное дело: года два назад дал я в Москве интервью редактору журнала «Северо-Восток», которое потом появилось и в парижской «Русской мысли». Там почему-то оказались перепутаны ремизовский адрес с бунинским — 1 Rue Jacques Offenbach. У Бунина тоже мне случалось бывать частенько. Жил Иван Алексеевич рядом со знаменитым борделем — где, увы, мне побывать не пришлось. А ему? Не знаю.)

В многочисленных книгах, получаемых мной от Алексея Михайловича, он писал: «Игорю Владимировичу Чиннову, моему предстателю и заступнику на черном суде самоуверенных рабов», — и выписывал свою ультракаллиграфическую подпись.

Махонький, в черной шапчонке, черной блузке, запачканной мелом и перхотью, он встречал, улыбаясь прелукаво: «Вот и хорошо, что забежали, только угостить-то мне вас нечем. Ну что ж, посмотрите в холодильнике, может, что найдется». А в холодиль-

нике (дело было на Пасху) лежали два окорока, четыре пасхи, десятки крашенных яиц и, помнится, восемь куличей, гусь, утка.

Я засиживался у него в кукушкиной — с кукушкиными часами и развешанными на веревочках скелетиками летучих мышей, крота (тоже слепенький был), селедок, птичек и пр. Слушать его было великим наслаждением. А читать — едва ли. Уж больно затейливо, и затейливость эта не кажется оправданной. Да, слог — как ни у кого. Еще в России повлиял на многих, но читать скучно. К концу жизни пересказал он по-своему кое-какой французский и арабский эпос, где, как у Лиона Фейхтвангера, в Древнем Риме и средневековой Европе заставил ходить автомобили — к чему это?

Живы в моей памяти два чудака: супружеская пара Анна Присманова и Александр Гингер. Считалось, что они уроды. Это могло показаться только в плане канона классической Греции. Для людей, переживших модернизм, и Аня Присманова, и Сашуня Гингер были красивы. Недаром Борис Поплавский в незаконченном своем романе назвал Гингера Аполлоном Безобразовым.

Был этот Гингер существом преоригинальнейшим — и это без всякого старания. Он был очень храбр, и когда немцы по Парижу искали евреев, Александр Самсонович преспокойно играл на бильярде и вошедшие в ресторан немцы его не взяли: ну, раз в такое время играет на бильярде, значит, бояться ему нечего.

Александр Гингер выпустил книги: «Стая верных» (Георгием Раевским переименованную в «Стаю скверных»), «Жалоба и торжество», «Весть». Он называл себя формистом, хотя и неясно, чем формализм отличается от некоторых других течений. Запомнились мне две строки:

Я вас прошу настойчиво и прямо:
Не приходите на мою траву.

Созерцательная его натура привела его к буддизму, и хоронили его по буддийскому обряду. Два его сына били в большие гонги, ламы в оранжевых одеяниях курили фимиам.

Очень своеобразным человеком была и его жена, Анна Семеновна Присманова — Присман, незабвенный мой друг. Она, как и Варшавский, была мученицей: билась неделями над строфой, добиваясь очень, очень богатой рифмы и разговорной убедительности. Я называл ее Рыбка, она меня — Игрушка. Я часами у них

сидел не скучая. Как и Ремизов и многие другие в те парижские годы, взяли они советские паспорта, но скоро передумали и не поехали — слава Богу! По отъезде моем из Парижа подписывала она свои письма, написанные крупным детским почерком, графически: изображением рыбки. Это был человек на редкость чистый душевно и, кстати, очень интересный поэт. И на похоронах (она приняла православие) многие были явно взволнованы ее кончиной. О них обоих я вспоминаю с волнением. Думаю, Борис Поплавский дал в образе Терезы отчасти ее портрет. Она была задумчива, искренна, прямодушна.

Мережковский говорил: «Христос заповедал любить врагов своих. Газданов мне не враг, вот я его и не люблю».

Бедой Газданова было существование в литературе Набокова. Георгий Иванович с горечью чувствовал свою второстепенность и свое плебейство. Снобизм ему и помогал жить, и мешал. Очень его помню: низкорослый, коренастый, с вечной сардонической ухмылкой на морщинистом лице.

Я рад от него перейти к людям, снобизма лишенным. Из них наиболее теплые чувства до сих пор вызывают во мне чудаки менее известные, чем Ремизов. Особенно Сергей Иванович Шаршун, милый мой друг, упорно называвший меня «нашей новой надеждой». Чистокровный словак, он был, трудно вообразить, участником знаменитой досюрреалистической группы Дада. По слухам, его ценили и Андре Бретон, и Курт Швиттерс, и Макс Эрнст. Но в Париже жилось ему тяжело, и одно время пришлось ему работать уборщиком в том доме-сараяе, где когда-то бедствовали Пикассо, Пикабия, Вламинк. Каково было ему убирать за следующим поколением, трудно себе представить. Но «душе настало пробужденье». Он внезапно стал известен, разбогател! В мой очередной приезд в Париж я видел в Музее современного искусства на Rue de New York его персональную выставку. Два зала, увешанных картинами в белых тонах: ангелы, кометы, белые звезды. Деньгами он распорядился странно: поехал не в Грецию, не в Италию, а на остров Галапагос, где всего-то достопримечательностей — огромные зеленые черепахи, якобы древние.

Проза Шаршуна довольно странная. В ней он выводил себя под именем Долголикова и делал это не без насилия над синтакси-

сом и особенно пунктуацией. Одна его информация запомнилась: «С мокротой выплюнул клопа».

Это был человек очень чистой души, бесребренник, неудачник, покорно принимавший свою непризнанность. Но верится, что вошел наш милый Сергей Иванович в Царствие Небесное.

Выделялся в эссеистском отделе Григорий Адольфович Ландау, берлинец, с которым посчастливилось мне познакомиться у моего друга Николая Белоцветова в Риге, куда чета Ландау переехала из-за Гитлера. Это был державшийся с достоинством, корректный человек двух культур: его немецкий был безукоризненным. В «Числах» обратили общее внимание на его «Тезисы против Достоевского». Правда, тезисы эти не всегда убеждали. Григорий Адольфович, например, упрекал Достоевского в том, что тот изображал почти только одних бездельников: ни один не работает, все только болтают. Ну, изобрази Достоевский второго гончаровского Штольца или гоголевского Костанжогло — было бы это интересно?

Все же беседы с Григорием Адольфовичем питали, обогащали. Он и его жена, очень интеллектуальная, милая дама, погибли от нацистов...

Редко, к сожалению, появлялся на страницах «Чисел» Владимир Васильевич Вейдле, человек удивительный и наиболее из всех числовцев европеец. Внешне крайне респектабельный, как бы сановный, хорошо одетый, он иногда удивлял чем-то ребячливым. Помню, прочтя мои стихи «Жил да был Иван Иваныч»*, он, грузный, большой, тяжеломерно прыгал вокруг меня, крича: «Хорошие стихи, хорошие стихи!»

Он прекрасно говорил по-французски и по-немецки, долгие годы сотрудничал в «престижных», как теперь говорят, журналах: в сверхэлитарном *Nouvelle Revue Française*, в немецком *Merkur*.

Однажды он выступил на симпозиуме в Мюнхенском университете — в *Auditorium magnum*. Выступали Мартин Бубер, Габриэль Марсель, вождь французского христианского экзистенциализма, Вернер Гейзенберг и еще несколько знаменитостей. Так вот, доклад

* См. наст. издание. Т. 1. С. 101.

Владимира Васильевича на прекрасном немецком языке вызвал долгие аплодисменты пятитысячной аудитории.

О моих стихах Владимир Васильевич писал, как и Адамович, несколько раз. По отъезде моем в Америку прислал мне несколько писем — они были содержательнее, чем письма Адамовича и Сергея Маковского (см. «Новый журнал»).

Вейдле был ученейший муж. В опубликованном Славянским институтом в Париже толстом томе «Эмбриология поэзии» он очень дельно возражает самому Роману Якобсону, царю американской славистики. Его «милый поэт» и «милый друг», как он меня звал, гордый дружеством Адамовича, Маковского и многих других, растроганно радуется счастью доброго отношения к нему человека столь умного, как Владимир Васильевич Вейдле.

Были среди числовцев несколько чудаков, тогда мало кем признанных, но достойных признания. Помнится мне чистый сердцем тоже милый мой друг Эммануил Матусович Райс. Выходец откуда-то из Буковины, он знал пятнадцать языков и был необыкновенно начитан. В молодости случилось ему записаться во французскую компартию, а в мое время ударился он в ультраортодоксальный иудаизм. Помню, как в столовке накрывал он плечи талесом, надевал ермолку и, раскачиваясь, бормотал что-то. Неожиданно стал он членом НТС. И странно было видеть его большой семитский нос среди русейших физиономий энтеэсовцев.

Эммануил Матусович был снобом и всегда хотел эпатировать собеседника, вот как Марков, что в таких умных людях удивительно. Он был очень пронизательным критиком, и его двадцатистраничная статья обо мне в «Возрождении» меня порадовала меткими и тонкими замечаниями*.

Я уехал из Парижа в 1953 году, а когда вернулся, Георгия Иванова уже не было. Не было и Бунина. Но были живы Адамович, Одоевцева, Вейдле, Сергей Маковский, в прошлом редактор блистательного «Аполлона». На моем вечере в Русской консерватории, под эгидой Объединения поэтов и писателей, я слушал прекрасную речь Георгия Адамовича, четыре лестных доклада. В следующий мой приезд тоже кое-кого уже не было, но был и председательство-

* См. наст. издание. Библиография. С. 303.

вал, опять-таки на моем вечере, Борис Константинович Зайцев, еще до революции широко известный в России. В «Числах» он напечатал свой перевод «Божественной Комедии» Данте.

Всматриваюсь в «общую группу сотрудников» «Чисел» с большой грустью. Вот уже лет сорок, как улетели их души. Но к грусти примешивается и радость. Я имел счастье знать этих парижских русских поэтов. Я благодарно кланяюсь их светлой памяти.

СТАТЬИ 1968–1991

Смотрите — стихи

Для начала позвольте выписать, полностью, одно стихотворение:

Осенним вечером, в гостинице, вдвоем,
На грубых простынях привычно засыпая...
Мечтатель, где твой мир? Скиталец, где твой дом?
Не поздно ли искать искусственного рая?

Осенний крупный дождь стучится у окна,
Обои движутся под неподвижным взглядом.
Кто эта женщина? Зачем молчит она?
Зачем лежит она с тобою рядом?

Безлунным вечером, Бог знает где, вдвоем,
В удушии духов, над облаками дыма...
О том, что мы умрем. О том, что мы живем.
О том, как страшно все. И как непоправимо.

А теперь разрешите привести, тоже целиком, другое:

Когда мы просыпались на постели
В чужой каморке, в тот рассветный час,
Когда весь мир лилов, как мы хотели
Не этих губ совсем, не этих глаз.
Мы верили, что где-то есть другая,
Несхожа с той, что рядом на боку.
Холодное плечо отодвигая,

Вставали и бросались к пиджаку.
 Всерьез мы принимали все едва ли;
 Да, это случай! Анекдот. Пустяк!
 И все ж тоскливо недоумевали:
Мечтатель, что же ты?
Мечтатель, как же так?

Не правда ли, стихи отчасти похожи?

Первое написано Георгием Адамовичем — давно (см. его книгу «На Западе». Париж, 1939). Автор второго — Евгений Винокуров (Музыка. М.: Сов. писатель, 1964).

Остроты, пронзительности Адамовича у Винокурова нет. Но не кажется ли вам, что «парижская нота» отразилась, хоть и не отчетливо, в строках советского поэта? Тем лучше, если отразилась: «парижская нота» (идеологом ее был именно Адамович) — явление, по-моему, замечательное.

Однако речь не о ней. Я просто задумался над тем, что теперь довольно часто подтверждается: что какие-то стихи, написанные в эмиграции, доходят до кого-то в России и кому-то там бывают созвучны. Может быть, мой пример неубедителен; возможно, Винокуров (побывавший в Париже) никаких стихов Адамовича даже не читал. Дело не в этом: есть другие доказательства того, что в России зарубежной поэзией интересуются.

Да и на Западе порой эта поэзия вызывает интерес. В частности, привлекла она недавно внимание ряда американских славистов. Профессор Калифорнийского университета в Беркли Семен Карпинский написал книгу о Марине Цветаевой — ценное, обстоятельное исследование. Он же выступил с полезным сообщением о Борисе Поплавском. Профессор Иллинойского университета Темира Пахмусс печатает интересную монографию о Зинаиде Гиппиус. На ту же тему пишут диссертации два других слависта. Профессор Вашингтонского университета в Сиэтле Роджер Хагглюнд закончил содержательный труд о Георгии Адамовиче. Другой американский литературовед занят изучением поэзии Анатолия Штейгера. На последнем съезде славистов в Чикаго состоялось выступление эмигрантского поэта, а на следующем их съезде свои стихи будут читать даже четыре поэта-эмигранта.

Я собираюсь поговорить о зарубежной поэзии. Точнее, только о некоторых сборниках, вышедших за последние год-полтора. Но сперва отмечу одну антологию: превосходную Антологию русской поэзии двадцатого века, изданную недавно, с русским текстом и

стихотворными переводами на английский, Владимиром Марковым и Мерриллом Спарксом (Лондон: Изд-во Боббс и Меррилл, 1966). Ее выход — большая заслуга и Маркова, и Спаркса. Не решаюсь сам судить о качестве перевода, но от людей вполне сведущих слышал, что, в общем, стихи переведены хорошо. В этой Антологии представлен целый ряд зарубежных поэтов. Но каждый заметит отсутствие в ней нескольких имен, которых из эмигрантской поэзии (да и из русской поэзии вообще) не выкинешь. Разумеется, составитель свободен. Мы не в праве требовать, чтобы он переводил то, что ему не по душе. Но я бы отвел еще хоть двум эмигрантским поэтам, например, те две страницы, которые уделены Василиску Гнедову. Признаться, эти две страницы мне показались пустыми. «Поэма Молчания» Василиска Гнедова? Молчания — да, молчания хватило бы и на третью страницу, но — поэма? Поэмы я не заметил... Как бы то ни было, повторяю, составители Антологии проделали большую, ценную работу.

Теперь о другой антологии. На днях случилось мне снова перечитать «Содружество», сборник стихов современных зарубежных поэтов. А сейчас в «Рашн ревью» я прочел рецензию о нем Юрия Иваска. Эмигрантская печать отозвалась на выход «Содружества» по большей части — замечками довольно поверхностными. Между тем, сборник заслуживает внимания. В нем 550 с лишним страниц, семьдесят семь авторов. Т.П.Фесенко, задумавшая и составившая его, потрудилась на совесть. И любителям русской поэзии есть за что сказать ей спасибо.

«Содружество», несмотря на два-три пробела, не зависевших от составителя, еще раз убеждает, что и теперь, хотя «одних уж нет, а те далече», в эмиграции пишутся стихи, оправдывающие наше существование. Стихи часто просто хорошие, а подчас и новаторские, если помнить, что русским поэтам в новаторстве вовсе не нужно заходить так далеко, как зашла западная поэзия (все равно не переплюнувшая наших футуристов).

Необычных (в большей или меньшей степени) ритмов в «Содружестве» не много, но и не так мало: некоторые ярко талантливые, хочется сказать — волшебно легкие строфы Ирины Одоевцевой, крайне своеобразное стихотворение Владимира Вейдле «Смотри, вот речка и козы», сильное «Есть нити, есть сети» Нины Берберовой, интересные логазды* Юрия Иваска «Болдино» и «Ассизи», некоторые стихи у Ираиды Легкой и Ирины Бушман и т.д. А в пре-

* Стихи, написанные разными размерами.

делах размеров, более привычных уху, — очень выразительно звучат, разумеется, строки Ивана Елагина, многое у Николая Моршена, «Поэма про ад и рай» Владимира Маркова, «Баллада о моей тени» Ивана Буркина...

«Содружество» не однозвучно. Есть в нем и глубокая серьезность, как, например, в стихах Странника, Георгия Адамовича, Юрия Терапиано; есть, порой, ирония — например, у Глеба Глинки, есть даже веселая шутовскость — у Владимира Дукельского, его жизнерадостность оттеняет Юрий Трубецкой своей резкой горечью. Встречаешь, хоть и редко, стихотворения, в которых много русскости — имею в виду Бориса Филиппова, Екатерину Бакунину, Татиану Остроумову. Убедительны, на мой слух, Лидия Алексеева, Ольга Анстей, София Прегель, Глеб Струве, Олег Ильинский, Аглаида Шиманская, Аглая Шишкова, Тамара Величковская, Ольга Можайская, Александр Неймирок, Екатерина Таубер, Анатолий Величковский, Василий Сумбатов, Георгий Эристов — и не только они.

Может быть, жаль, что издатель решил показать одних «здравствующих» поэтов: это лишило «Содружество» многих прекрасных стихов. Такого принципа не было в других антологиях: в «На Западе» Юрия Иваска, в «Музе диаспоры» Юрия Терапиано, в «Чтеце-Декламаторе» Н.Мартынова. Но «Содружество» к этим антологиям многое добавляет.

Перехожу к отдельным сборникам стихов. Для меня здесь особняком стоит «Единство» Георгия Адамовича. Знаю, книгу эту «примут в свое сердце» не все, кое-кого она даже оттолкнет. Тяготение к евангельской простоте и бедности в искусстве, к аскетической трезвости, к сосредоточенности на самом важном, на единственно серьезном — это мало кому близко: и недаром «парижская нота» встречает иногда такое упрямое нежелание понять ее — даже со стороны людей и тонких, и умных. Но следовало бы видеть, что иная бедность богаче богатства. Правда, в некоторых стихах Адамович как бы изменяет отчасти этому добровольно принятому обету бедности. Но в целом в нем, конечно, «одно виденье» — как бы евангельское «раздай имение свое и следуй за Мной»: стремление к единому на потребу. По глубине чувства, по силе жажды слов незаменимых, освобожденных от случайности, «предельных», «навсегда окончательных» — эта книга, действительно, томов премногих тяжелей. И мы понимаем, отчего Адамович в свое время писал о «невозможности поэзии»: в частности, о невозможности того, чтобы в широком, обильном и пестром

цветении литературы поэзия стала той чудотворной частицей, которая бы навсегда преобразила человека.

Теперь о «Косом полете» Ивана Елагина, тоже одной из новинок. Написано крупно, размашисто, красочно:

Вот и мыслью ошарашен я,
Чтобы ветер дул раскрашенно,

Дул павлинисто, фазанисто,
Дул гогенисто, сезанисто,

Чтоб по всей его волнистости
Шли сиреневые мглистости,

Чтоб скользили по наклонности
Голубые просветленности...

Большое уменье, большая находчивость. Талант яркий, самоочевидный, но и как выставленный напоказ: видали, мол, как я могу?!

Что с деревом делать осенним,
С оранжевым сотрясеньем,

Плеском и колыханьем,
С блеском его чингисханьим,

С этим живым монистом,
С деревом тысячелистым?

С деревом тысячелистым,
Резким, броским и тряским,
Истым импрессионистом
По хлестким мазкам и краскам!..

Да, я читал порою даже с восхищением, хотя без зависти. Восхищался, но и думал: только напрасно кое-кто считает, будто если стихи бледнее, то и слабее. Нет! Яркость и сочность не синонимы художественной значительности. Взгляните на работы старинных китайских пейзажистов: почти пусто, несколько бледных мазков — а вы чувствуете всю влажную тишину простора с такой силой, какой не забудете. Кстати, еще одно недоразумение связано со стихами

Елагина: имею в виду упрощенное представление о том, что значит быть современным. Право же, «современность» поэта не должна обязательно выражаться в нервном ритме, разорванности, крике и в прямолинейной информации о том, что наша эпоха — термоядерная, механистическая, урбанистическая, обезчеловеченная и так далее. Современность сложна, многопланна, отражается она в искусстве разных (хотя бы по темпераменту) художников по-разному (посмотрите на многообразие западного искусства). Между прочим, о стремлении быть современным хорошо сказал Эммануил Райс в своей книге «Под глухими небесами»: «Как будто поэзия может быть “новой”, “старой”, “современной” или “устаревшей” и т.д. Если поэзия устарела — значит, она не была никогда настоящей поэзией. А те, кто претендует создавать “современную” поэзию, тем самым расписываются в своем бессилии создать поэзию вневременной ценности, потому что поэзия “современная” сегодня непременно окажется “устаревшей” завтра». (Но самоочевидно, что замечания Райса о «бессилии» к Елагину никак не отнесешь.)

Избранные стихи Юрия Терапиано. Имя это в эмиграции известно давно — Терапиано близко стоял к «Числам», до того был редактором «Нового корабля» и «Нового дома», он автор нескольких сборников стихов, составитель антологий «Эстафета» и «Муза диаспоры», литературный критик парижской «Русской мысли» и т.д. В этих избранных стихах иногда слышится отзвук «парижской ноты», — Терапиано был одним из ее видных представителей, — но отзвук этот отдаленный: основное настроение книги — примиренность, освобожденная от горечи. Говорит Терапиано не громко, «громкости» явно чуждается. Стихи серьезные, глубокие, обращенные к душе и к духу. Вот несколько его строк из написанных недавно:

В содружество тайное с нами
Вступают вода и земля,
Заката лиловое пламя
Ложится на борт корабля.

.....

Прибрежные скалы лаская,
Взлетает волна за волной,
И синяя мудрость морская
Небесной полна глубиной.

Теперь о поэте, на мой взгляд, недооцененном. Это Юрий Иваск. Правда, его третью книгу стихов «Хвала» одобрили не-

сколько критиков, но все еще Иваск-литературовед заслоняет Иваска-поэта. Между тем стихи его достойны пристального внимания. В них изысканная звуковая ткань, своеобразная рифмовка (чаще всего неточные, но поддержанные всей строкой и соседними строками красозвучия). Ритмический рисунок часто необычен — вместо традиционных размеров Иваск применяет логоэды (я не всегда сторонник таких ритмов, но дело ведь не в личных вкусах). Его мексиканские «зарисовки» совсем новы для русской поэзии: в них пестрота причудливо раскрашенного мексиканского рококо и барокко, вообще многокрасочность мира, очень сильное ощущение того, что в этом мире прекрасно, горячая хвала этому прекрасному, при остром сознании печальной нашей недолговечности. Много чувства, хотя и прикрытого шутивостью. На первый взгляд — раскрашенные игрушки; но игрушечное в них — лишь псевдоним значительного. Вот три строфы стихотворения из его итальянского цикла — «Ассизи»:

Настежь окна и душу,
Ранний утренний блеск,
Улыбается, дышит
Пробужденный Франциск.

.....
Умбрией обернулся,
Мглою лилейной — мир,
Розовый развернулся
Новый ассизский Рим.

Мантией расстилаюсь,
Брошенной перед ним,
Под ноги попадаясь,
Я распеваю гимн.

Я ничего не сказал еще об избранных стихах Дм. Кленовского. Но ведь автор хорошо известен. Для многочисленных его поклонников эта книга — ценный подарок. Несомненно, что в его поэзии большая стройность и целость, большое единство стиля, верность своей теме и своему тону, благородство, устремленность к высоте. Должно быть, еще важнее, что многих Кленовский духовно питает. Действительно, он сеет доброе — случай довольно редкий в наше время. Быть добрым вестником — это, разумеется,

большая заслуга поэта. Вместе с тем, не скрою, что лично мне стихи Кленовского, в общем, не близки. Из более близких приведу эти строки:

Его вчера срубили. Что осталось
 От всех его упрямых, гордых лет?
 Немного щепок, дрозд крестьянских след
 Да свежий пень. Здесь я побуду малость.
 Я напишу всего десяток строк,
 Но станет в них всё сызнова как надо:
 Дуб, воротясь, прошелестит прохладой
 И распахнется, волен и широк.
 И также быстро оживет наверно
 Узор листвы и веток тяжкий взлет,
 И, выскользнув из чашечки неверной,
 На землю первый желудь упадет.

Хочу упомянуть и о «Книге лирики» Странника. Ее автор прошел большой и необычный путь. Когда-то, за несколько лет до войны, в Брюсселе появился журнал под невероятным в наш век названием «Благонамеренный». Но надо пояснить, что издавал его молодой тогда князь Шаховской, а история русской литературы XVIII века сохранила нам имя кн. Шаховского, издателя журнала с названием в точности таким: и вот потомок «возобновил» дело предка. Был ли тут снобизм? В тоне журнала, кажется, был; но ведь вовсе без снобизма (имею в виду снобизм определенного оттенка и уровня) литература была бы скучновата, серовата. Многие из появившегося в брюссельском «Благонамеренном» украсило русскую литературу. А затем в душе редактора-издателя произошел какой-то перелом. Для него настала пора напряженной духовной жизни и притом — жизни православного пастыря. Он издал ряд книг, раскрывающих его религиозный опыт. И теперь вот перед нами его «Книга лирики» — очень чистая, очень одухотворенная.

Много жалости и милости
 В бледном небе надо мной.
 Надо жить без торопливости
 В неизбежности земной.

Листьев нежная сумятица,
 Как дыхание земли.

И все тайны мира прячутся
Легким облаком вдали.

Вероятно, не каждый любитель поэзии эту книгу полюбит — мне она тоже, в целом, «несозвучна». Но нельзя не почувствовать ее духовную высоту. Кстати, едва ли все в литературе измеряется лишь узкохудожественными достоинствами. В «Докторе Живаго», во многих стихах романа, да и в самом романе — спорных мест сколько угодно, а все-таки хочется «обнажить голову».

А теперь — о книге стихов, часто причудливых и капризных, неровных, но вызывающих живейшее любопытство — я имею в виду стихи Якова Бергера. Его «Весна в Ч...» (Тель-Авив, без даты, но недавняя) прошла почти незамеченной. Между тем многое в ней так остро и свежо, что порой прямо диву даешься. Я встречался с автором в Германии, в конце пятидесятых годов, но не подозревал, что он пишет стихи; знал только, что биография его пестрая, что он был врачом в Сибири и на Дальнем Востоке, что он еврей и еще молод. «Весна в Ч...» отчасти под знаком футуризма, но главное в ней к влияниям не свести. Вот несколько строк из его стихотворения о Максе Жакобе, выдающемся французском поэте, авторе замечательной книги «Советы молодому поэту», человеку на редкость утонченном, внешне отчасти с повадками Анри де Ренье или Пруста, эстете, еврее, который стал ревностным католиком (он кое-чем напоминает душевно Шарля Дюбоса). Макс Жакоб погиб в нацистском концлагере, ему было около семидесяти. Бергер говорит и о Париже эпохи *fin de siècle* (иногда, впрочем, смещая столетия), и о Париже нацистской оккупации:

Макс Жакоб, Макс Жакоб, Макс Жакоб,
а вы прохаживались в шесть в цилиндре?
поражали, должно быть, своим багажом,
белоснежным, должно быть, блистали жабо
(жара и Жорес
в Париже,
в то прежнее, старое-старое лето,
должно быть, царили?)

.....

Макс Жакоб, Макс Жакоб,
вы садились бывало в «бистро» за конторку, —
а за что, Макс Жакоб,

а за что, Макс Жакоб,
 будто желтых жуков,
 будто желтых живых жуков
 вас в тот вечер однажды втолкнули в коробку?

Какая выразительность достигнута толчеей этих «ж»!

Под конец — о последней, пока что, дошедшей до меня новинке в зарубежной поэзии — «Двоеточии» Николая Моршена. Это очень интересный поэт — и быстро растущий. Стихи у него крепкие и — содержательные. Ему есть что сказать.

...Зевали кефали, смотрели макрели,
 Как в небо летучие рыбы летели —
 Не то чтобы в небо, а чуточку ниже,
 Но дальше от жижи и к солнцу поближе.

С восторгом проклюнувшегося орленка
 Они прорывались сквозь влажную пленку
 И мчались по новооткрытым орбитам
 Подобно болидам и метеоритам.

И мне бы промчаться зазубренной тенью
 Сквозь все отрицания и недоумения,
 Сквозь все средостенья прорваться и мне бы —
 И рыбой, и рыбой, и рыбой по небу!

Как хорошо, с какой стремительностью, с какой «ритмической неопровержимостью» это написано!

В «Двоеточии» чувствуются пытливый и независимый ум, широкий кругозор, внимание к научным открытиям, помогающим (дай Бог!) постичь мир, и т.д. Существен горячий, искренний и убежденный мажор Моршена. Все же хочется с ним спорить, когда он судит об опыте, который, по-видимому, для него непроницаем, по крайней мере, пока непостижим (может быть, непостижим из-за разности темпераментов). В «программном» стихотворении против «парижской ноты» он смеется над теми, кто в стихах порой с горечью и отчаянием говорит о неизбежности смерти. Моршен заявляет, что стихи, искусство должны преодолеть смерть — к этому должен стремиться художник. Как это понять? Едва ли Моршен призывает нас силой стиха нарушить вечный закон природы. (Да, Сологуб, Шестов, хоть и по-разному, этот закон оспаривали, Фе-

доров мечтал опровергнуть его... Но в споре не они победили.) Значит, у Моршена речь идет о литературном бессмертии? Но если бы и осталось имя в веках — такое ли большое в этом утешение для покойника? Кто знает, не променял бы теперь Пушкин свое литературное бессмертие, скажем, на прежнее веселое бессарабское житье? Нет, «музыка от смерти не спасет». И я не знаю, вдумались ли вполне в это те, кто смеется над «нытиками». Неужели же и над Анненским готов посмеяться Моршен за то, что он и не пытался храбриться? Право, ни упиваться тем, что все мы «бездны мрачной на краю», ни отвечать на смерть гётевским «Вперед по гробам!» поэт не обязан. Скрывать свой ужас при мысли о смерти у него нет причин, и не надо в стихах лукавить, даже тогда, когда ложь «во спасение», в воспитательных целях. Хорошо, если есть у поэта силы мужественно «глядеть в холодное ничто» или есть вера в «загробное сиянье»; но пусть не отвергает он пренебрежительно другой душевный строй, другое сознание.

Я отвлекся. Как бы то ни было, бесспорна талантливость Моршена, его упорная работа над стихом, его увлеченность тем, что происходит в мире. И конечно, от наивности он далек. Думаю, что он даст русской поэзии еще много.

Да и другие зарубежные поэты дадут. Этой статьей я именно и хотел сказать, что до сих пор поэты «хорошие и разные» у нас есть. «Думали — нищие мы, нету у нас ничего»... Поверьте, и по сей день мы не обнищали.

Над тремя-четырьмя книгами из вышедших за последнее время внимательный читатель задержится подольше. Он вступит в очень своеобразный душевный и духовный мир. Он почувствует отразившуюся в этих стихах недюжинную «внутреннюю жизнь», прикоснется к творчеству, свободному от столь распространенной всегда и всюду и столь удручающей элементарности сознания, от банальности душевного опыта. Он заметит «необщее выраженье» этих стихов и поймет, как недешева душевная ткань, из которой эта поэзия возникла. Напомню прописную истину: в том, что высокопарно называют искусством слова, нас обычно «интересуют» два элемента: замысел и выражение, «воплощение» этого замысла. Пусть воплощение важнее (Малларме был прав, говоря, что «стихи пишутся словами, а не идеями»), но и замысел лежит на чаше весов (это видно уже из того, как оскорбляет нас замысел «развязный», неблагородный, вульгарный). Может быть, осуществление замысла в некоторых стихах тех трех-четырех книг, которые я имею в виду, не всегда совершенно, не всегда прекрасно.

Но то, что «замышлено», то связано с самым высоким. И в этих книгах нет претенциозности, нет снобизма. Обвинения в снобизме по адресу некоторых наших поэтов лишь доказывают, по-моему, приблизительность, неотчетливость, суммарность нашей терминологии и нашу склонность принимать высшее (сравнительная степень) за низшее. Между снобизмом и тем трудно определимым, редкостным и драгоценным качеством, о котором идет речь, сходства не так уж много. Но как сказать? Утонченность? Изысканность? Для русского человека эти понятия менее убедительны, чем для западного. Как бы то ни было, повторяю, претенциозности в этих трех-четыре книгах нет.

Тут мы подходим к одной больной теме. Конечно, дешевая актуальность противна, но ведь вопрос о современности поэта этим еще не решен. Пусть в «несозвучности эпохе» поэтов упрекают нередко вульгарные люди — все же от таких упреков так легко отмахнуться нельзя. Ссылка на свободу творчества — довод недостаточный. Все-таки надо бы, чтобы поэзия полнее отзывалась на то, что происходит в мире. Конечно, никакое искусство никогда не давало «полного отклика» на «проблемы эпохи»; но ведь наше время, пожалуй, и в самом деле особенное (хотя почти все живут так, как если бы ничего особенного не происходило). Скажем прямо: какую-то (для каждого поэта свою) долю упреков в несозвучности почти все эмигрантские поэты, вероятно, принять должны. Но критикам, кричащим о «несозвучности эпохе», следовало бы как-никак знать, что, во-первых, современность многопланна и разнородна, а, во-вторых, та или иная степень и оттенок «созвучности» или «несозвучности» поэта вызваны целым рядом причин, в том числе и законами развития соответствующей поэзии — и что вообще все гораздо сложнее в искусстве и мире, чем это кажется многим.

Между прочим, очень острое ощущение современности в ее общедоступном плане нередко мешает как следует почувствовать вечное. Мешает и почувствовать историю в ее целостности, ощутить прошлое, а без этого нет понимания «перспективы», нет «погруженности» в культуру, такой нужной теперь.

Еще о «детях эпохи». Те эмигрантские поэты (в их числе большие таланты), те из нас, кто склонен декларировать свою принадлежность эпохе, порой вызывают недоумение иностранцев: «как так они современны, когда у них традиционная метрика и все еще рифмы?» Мы можем ответить, что в пределах русского ритмического и рифмованного стиха у нас еще столько неиспользованных

возможностей, что нет смысла отказываться от столь выигрышной фонетической системы. Да, конечно. Но все-таки такой ответ — лишь частичное объяснение. Верность русских поэтов стопам и рифмам, хотя бы очень неточным, — факт во многом загадочный (только не надо его объяснять якобы неосведомленностью нашей о том, что происходит в западной поэзии).

И еще одно удивляет западных читателей: то, что в наших стихах, в общем, мало игры, и особенно мало «игры ума», в частности той игры ума, которая выражается в разрыве с общепринятой, «ординарной» логикой. «Все общепринятое, все слишком общедоступно».

«Слишком общедоступно»... Едва ли следует «непонятному» поэту гордиться своей герметичностью. Ничего нет хорошего в том, что тот или иной художник малодоступен «толпе». Но ничего нет в этом и порочного, «недопустимого». Что-то самое последнее, самое глубокое в искусстве, к сожалению, всегда было и всегда будет уделом только немногих. Нужно стремиться к ясности, но не нужно «предавать» тему, обедняя ее, снижая, вульгаризируя. Если бы некоторые зарубежные поэты могли полной, адекватней выразить себя и свои темы в «непонятных» стихах, надо было бы пожелать, чтобы они писали «темно». Но, по-видимому, нас не тянет изречь «пифийские глаголы», не тянет даже к той словесной игре, которая обогатила футуризм. И западный читатель немного разочарован.

А читатели в России? До некоторых из них кое-какие наши стихи уже дошли, со временем дойдет и больше. Многих увлекут, вероятно, словесная яркость, ритмическая выразительность, скажем, Елагина и его сильные строки об одиночестве человека в царстве машинно-городской цивилизации — хотя другие, может быть, предпочтут монолог, тоже словесно яркий, Моршенина, с волнением следящего за тем, как наука приподымает занавес над тайнами мира. Но, скорее всего, советского читателя потянет просто к задумчивости. В советской поэзии задумчивости все еще мало, там все больше декларации о любви к человеку, о любви к родине да полная оптимизма маршировка в пионерском лагере (хотя и есть, конечно, настоящие, значительные поэты, которые к простодушному ликованию непричастны). И вот, кажется мне, там в сердцах каких-то русских людей найдет отзвук именно задумчивая грусть многих наших стихов. Грусть, а то и больше — горькая печаль, горечь, как в том стихотворении, которым начинаются эти беглые заметки.

Вспоминая Адамовича

По-моему, это был человек большого обаяния, хотя обаяния, которое раскрывалось не сразу и не всем, как и неподдельный адамовичевский аристократизм. Георгий Адамович со всеми без исключения говорил совершенно просто, вежливо и естественно-изящно; может быть, с еле уловимой нотой в голосе, дававшей понять, что он ничего вам не навязывает, даже и своего общества, и тотчас готов прекратить разговор, если вам скучно. Но скучно с ним быть не могло.

Об Адамовиче-собеседнике — ниже, сперва надо сказать про его ораторский дар. Он был одним из четырех-пяти замечательных ораторов, которых мне посчастливилось слышать. Помню, Маковский, разводя руками, удивлялся: «Ни одного ораторского жеста, никаких ораторских интонаций, в сущности монотонно, и голос какой-то тонкий, а все точно замерли, гипноз какой-то».

В последний раз я слышал его весной прошлого года на моем вечере в Париже. Мысленно возвращаюсь, вхожу в зал Русской консерватории. «Иных уж нет», но, слава Богу, здесь еще девяностолетний Борис Зайцев, еще здесь, слава Богу, рядом с ним на эстраде, четыре наших поэта-критика, которых так жадно читал я уже лет тридцать назад; трое из них причастны еще Серебряному веку. И вот «первым докладчиком» встает Адамович, и он почти, почти тот же, как двадцать лет назад, когда в этом же зале обсуждали поэты стихи Анатолия Штейгера и мою первую книжку. Почти тот же.

Правда, лицо желтое, желтизна в белках черных глаз (глядящих как бы внутрь и как бы вдаль). Он по-прежнему без очков, держится прямо, как всегда, корректно одет в темное, с хорошо повязанным темным галстуком, волосы тщательно расчесаны на косой пробор. И тот же голос, как двадцать лет назад, как бы с отзвуком надтреснутого стекла, и по-прежнему умная речь, с тем же ненавязчивым и непоказным изяществом.

Не знаю, изящество ли в костюме и манерах или что-нибудь другое не простила молодому Адамовичу поэтесса Надежда Павлович, эта Магдалина у ног Христа — Блока, не охотница до акмеистов. В своих «Думах и воспоминаниях» (это стихи, и дум там немного), вышедших в 1962 году (М.: Сов. писатель), она, между характеристиками Кузмина и Гумилева (стихотворение «Клуб поэтов»), дает такой образ:

И, отутюжен, вымыт, брит,
 Слонялся Адамович:
 Изящный стих, как смокинг, сшит,
 Остроты наготове.

Плохо верится, чтобы Адамовичу когда-нибудь приходилось остроты заготовлять впрок. Вероятно, поэтесса, простившая, к счастью, Блоку и красивую его одежду, и педантическую аккуратность на его письменном столе, за что-то сердится на Адамовича. «Снобизм...» Упреки в снобизме к Адамовичу обращали не раз. В частности, делает это известный Вл. Орлов в предисловии к стихам Бальмонта (Большая библиотека поэта. М.: Сов. писатель, 1969). «Чистым снобизмом» кажется Орлову невысокое мнение Адамовича о поэзии Бальмонта... Итак, Адамович был сноб? Но едва ли можно сводить к «снобу» человека, написавшего такие, например, строки:

За слово, что помнил когда-то
 И после навеки забыл,
 За все, что в сгораньях заката
 Искал ты и не находил,

И за безысходность мечтанья,
 И холод, растущий в груди,
 И медленное умиранье
 Без всяких надежд впереди,

За белое имя спасенья,
 За темное имя любви
 Прощаются все прегрешенья
 И все преступленья твои.

Едва ли это стихи сноба. А к тому же — ведь и Пушкина подозревали в снобизме. С Кольцовым, мещанином, Пушкин (носивший, кстати, золотой наперсток на длинном ногте мизинца, чтоб не обломать) в своем кабинете разговаривал, не предложив тому сесть, — оба стояли (Адамович бы сказал: садитесь, пожалуйста). А Толстой? Помните в «Юности» его убеждение: раз ногти не миндалевидные, в хорошее общество человека пускать нельзя. И мнительные люди могут спросить: полностью ли преодолел Толстой свой «снобизм»? Нет, конечно, снобизм не то слово. Мы, русские, часто не различаем между снобизмом и «чувством изящного», как говорили в старину:

чувством красоты. Вот это чувство красоты у Адамовича было всегда, вопреки тяготению его к аскетизму. И забыв об этом, понять автора книги «Комментарии» нельзя.

Как Василий Слепцов, как Герцен, как тургеневский Нежданов, Георгий Адамович ощущал в себе постоянный разлад. Этика, нравственное чувство, по-радищевски «уязвленное страданиями человеческими», это чувство всю жизнь боролось в нем с тем, что так неточно называют «эстетизмом». Он мог бы повторить о себе гётевские слова о двух душах у него в груди.

Разлад есть и в его поэзии. Но скажем сперва о других ее чертах. Мастерство Георгия Адамовича — поэта... Оно менее явственно, чем у Цветаевой или Ходасевича. Однако вот, например, строфа из «Единства»:

Я помнить не могу, но помню, помню
 Коронационные колокола.
 Вся в белом, шелестящем — как сегодня! —
 Мать улыбаясь в детскую вошла.

Во второй строке (звукоподражание и даже звуковая метафора) торжественный размах, разлив могучего колокольного гула. А в строфе:

Но смерть была смертью. А ночь над холмом
 Светилась каким-то нездешним огнем,
 И разбежавшиеся ученики
 Дышать не могли от стыда и тоски —

третья строка создает (правда, за счет мелодичности) совершенно отчетливое ощущение, что ученики Христа именно разбежались в разные стороны.

Думается, и без выучки в гумилевском «Цехе поэтов» Георгий Адамович писал бы не беспомощно. Но роль мастерства, как известно, он склонен был преуменьшать. И на Монпарнасе, в отличие от Ходасевича, не обучал ремеслу, а больше призывал молодых поэтов «сказаться душой», если не «без слов», как мечтает Фет в одном стихотворении, то с минимумом слов — самых простых, главных, основных — ими сказать самое важное, самое нужное в жизни. Так возникла «парижская нота».

Хотя Адамовичу с восторгом внимали все, однако в монашески-суровый орден этой «парижской ноты» вошли немногие и —

не знаю, самые ли талантливые. Всех точнее выразил ее канон Анатолий Штейгер — в стихах по пять-шесть строчек, прозаических по тону, не музыкальных, но щемящих. У самого Георгия Викторовича все лучшие стихи к этой предельной простоте стремятся, ядро адамовичевской поэзии, в принципе, аскетическое, сознательно обедненное и, принципиально, уже незаменимое в своей окончательной, как бы подвижнической очищенности от всего «неокончательного», необязательного, декоративного. Вот пример:

За все, за все спасибо. За войну,
За революцию и за изгнание.
За равнодушно-светлую страну,
Где мы теперь «влачим существованье».
Нет доли сладостей — все потерять.
Нет радостей судьбы — скитальцем стать,
И никогда ты к небу не был ближе,
Чем здесь, устав скучать,
Устав дышать,
Без сил, без денег,
Без любви,
В Париже...

Писать стихи, утверждал Георгий Викторович, надо, «отказываясь от всего, от чего отказаться можно, оставшись лишь с тем, без чего нельзя было бы дышать. Отбрасывая все словесные украшения, обдавая их серной кислотой». Но порой уступал он и желанию выйти за пределы аскетической поэзии. Тогда... тогда, нарушая свой догмат: «делать стихи из самых простых вещей, из стола и стула», — он допускал в свою поэзию такие, сказал бы зоил, «предметы роскоши», как «розовый идол, персидский фазан», как «арфы, сирены, соловьи, прибор». Больше того: он вводил патетические сравнения: «как голос из-за океана», вводил декламационные, риторические интонации. И он, апостол аскетизма, включил в свою книгу даже такой, как будто заимствованный у осуждаемого им Фета, почти романс:

И даже ночь с Чайковским заодно
В своем безмолвии предвечном пела
О том, что все обречено,
О том, что нет ни для чего предела.

Это очень талантливо, но это не Адамович. Это совершенно чужеродно в книге, основной тон которой аскетичен. И все-таки

книга названа (с необычной для него и к нему мало идущей подчеркнутостью) — «Единство». Не странно ли?

Пожалуй, хорошо, когда человек не однозначен, когда не умещается он в одной категории. Душевно живые люди особенно часто дwoятся. Если Адамович противоречил сам себе, то в житейском плане это, пожалуй, составляло часть его обаяния. Но в искусстве... в нем разностильность в пределах книги стихов (да еще названной «Единство») оправдана, только если вызвана какими-то поисками. Но тут поисков не было.

Могут возразить, что порой большое единство стиля утомляет. Действительно, вот вы видите сразу в собрании картин: это — Миро, это Бюффе, это Утрилло, это Модильяни... А в поэзии: это — Цветаева, это Пастернак... Не всегда доставляет это, говоря мандельштамовской строкой, «выпуклую радость узнавания». Но, думаю, мы бы предпочли в поэзии Адамовича скорее монотонность, чем эту добавку «контрастной поэтической» риторики.

Конечно, нельзя не любить такие его стихи, как «Невыносимы становятся сумерки», «Один сказал: нам этой жизни мало», и особенно прекрасное «Там, где-нибудь, когда-нибудь», а также «Ну, вот и конечно теперь. Конец», затем «Патрон за стойкою» — с этим шемящим призывом несчастного пьяного эмигранта выпить «за небо, вообще!»:

Патрон за стойкою глядит привычно, сонно,
 Гарсон у столика подводит блюдам счет.
 Настойчиво, назойливо, неугомонно
 Одно с другим — огонь и дым — борьбу ведет.

Не для любви любить, не от вина быть пьяным,
 Что знает человек, который сам не свой?
 Он усмехается над допитым стаканом,
 Он что-то говорит, качая головой.

За все, что не сбылось. За тридцать лет разлуки,
 За вечер у огня, за руки на плече.
 Еще, за ангела... и те, иные звуки...
 Летел полуночью... за небо, вообще!

Он проиграл игру, он за нее ответил.
 Пора и по домам. Надежды никакой.
 — И беспощадно бел, неумолимо светел
 День занимается в полоске ледяной.

Пусть это, может быть, не просто, не тихо, несколько декламационно — все равно. Зато это пронзительно, незабываемо.

В своей книге «Комментарии» Георгий Адамович о поэзии говорит особенно много. Говорит, в частности, о том «воздухе», в котором «парижская нота» возникла. В его статьях большое единство голоса. Они радуют уже одной своей стилистической стройностью. Очень многие до сих пор склонны в Адамовиче, вне его стихов, видеть только критика — не больше. Столь ограничительное толкование, может быть, еще простительно более или менее, когда речь идет о Ходасевиче. Пусть прекрасного ходасевичевского «Державина» в рамки «только критики» не вместить, все же, за пределами замечательной своей поэзии, Ходасевич порой может показаться почти лишь критиком и литературоведом, да еще мемуаристом (хотя нечто гораздо большее приоткрывает в нем этот удивительный контраст между демоничностью главных его стихов и стилизованной ампирно-пушкинской, умно-ограниченной, суховатой, выложенной прозой его статей). Но, в отличие от Ходасевича, в «нестихотворном» наследии Адамовича литературно-критические статьи — не самое важное, как они ни значительны. Еще менее исчерпывается он рецензиями. Ни они, ни статьи не заслоняют его «вольных философствований».

Рецензии его импрессионистичны, в них больше от абсолютно-го слуха, от интуиции, чем от пристального изучения. Разумеется, критика не литературоведение, но именно от человека, одаренного такой чуткостью, хотелось нередко большей доказательности: более подробного разговора о том, что, кроме него, у нас способны заметить только человек семь-восемь. Хотелось подробностей и тогда, когда встречались у него возражения кому-нибудь. Но всякую аргументацию, разборы, медленное чтение — это он всегда оставлял в удел литературоведам. К сожалению, труд их он склонен был недооценивать. О давней статье Бор. Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя», хотя и односторонней, но во многом полезнейшей, Г.В. мне писал: «К чему это копание? “Как сделана Шинель”... Сделана — и сделана». Он так и не захотел признать, что слишком часто без тщательного всматривания в произведение искусства видишь лишь туманный его силуэт.

Случалось Адамовичу и отводить глаза навсегда от чего-нибудь, что почему-либо ему не пришлось по душе. Как известно, уничижительно отзывался он о Марине Цветаевой — пусть, пожалуй, невыносимой, но драгоценной же, драгоценной. Да, демонстративный титанизм ее, «ячество», вечный крик с отбиванием чуть ли

не каждого слога — все это раздражает. Но как отрицать силу и новизну ее ритмов? Увы, Адамович это делал, тем вновь напоминая о тягостной их ссоре, заставляя вспомнить запальчивую цветаевскую статью «Поэт о критике», недавно перепечатанную в СССР. В некоторых своих статьях — не столько в тех, что вошли в «Комментарии», сколько в других — «недооценивал» Георгий Адамович даже Достоевского. Аллергию к Достоевскому можно понять. Многое у него, быть может, «чересчур», слишком нажата педаль, почти «белая горячка» то в стиле, то в шовинистических чувствах. Но... как же не видеть, Боже мой, гениальность Достоевского, его великую глубину? Конечно, Адамович в нем видел и признавал гораздо больше, чем отрицавший его начисто Бунин. Но как бы то ни было, в некоторых своих статьях Адамович соглашался за Достоевским признать чуть ли не одно только то, что Достоевский непревзойденный мастер темы страдания, почти не желая видеть даже и того, что страдание Достоевский не только ведь чувствует и «описывает», но и пытается осмыслить, едва ли не более страстно, чем пытались и до него, и после него. Тему же свободы, в связи с темою Бога, Адамович у Достоевского вовсе игнорировал, как и многое другое. Даже Легенда о Великом инквизиторе интересовала его не в связи с «тоталитарной альтернативой»: свобода или насильственное «счастье» (а это как уж близко касается русского читателя!).

В «Комментариях», на стр. 123*, Адамович приводит слова знаменитого английского поэта Одена о Достоевском: «Общество, которое забудет то, что он рассказал, недостойно называться человеческим». Да — и спасибо, Георгий Викторович, что вы эти слова привели. Спасибо, что на стр. 102 вы пишете: «Достоевский — великий, огромный писатель». Но... вот что сказано на стр. 87: «В нашей литературе было три гения интонации: Лермонтов, Толстой и Блок». (Три? А как же с Пушкиным, Тютчевым, Некрасовым, Гоголем, Розановым, Цветаевой? Хорошо, пусть все они не в числе «только трех».) Но если, говоря об интонации, назвать надо только три имени, то без Достоевского никакие «три» не убедительны.

В «Комментариях» Георгий Адамович говорит «на разные темы». Это — вольное философствование о многом, для него самом существенном. Тем в книге Адамовича много — и тем важнейших. Он говорит о Боге и мире, о Христе, христианстве, говорит о России и Западе в их противостоянии друг другу, о культуре как вечном

* Имеется в виду издание 1967 г. (Вашингтон).

заимствовании и продолжении — не подражании, а продолжении. Адамович пишет о католичестве и социализме, о равенстве и свободе и вечном, неустрашимом конфликте между свободой и равенством; пишет об аристократизме красоты и несовместимости ее со справедливостью. В «Комментариях» идет речь о Толстом и Достоевском, об их полярности, о Пушкине и Лермонтове, в их тоже противоположности друг другу; Адамович говорит о музыке Вагнера, о Блоке, о Серебряном веке, о декадентстве, его грехах и его правоте, говорит о модернизме в поэзии и невозможности поэзии абсолютной... Отсылаю читателя к тексту «Комментариев». Эту книгу надо прочесть самому, чтобы почувствовать ее органическое и стройное единство, при внешней отрывочности и порой даже противоречивости.

Георгий Адамович — собеседник... Чаше всего беседы бывали о стихах и о том, чем поэзия должна быть. Правда, после войны он об этом говорил не так охотно, как в монпарнасские времена. Но вера в высокое назначение поэта в нем оставалась, как и уверенность, что стихи должны быть «ответом на все». Он повторял: «все можно сказать в стихах — и как сказать!» И не соглашался, когда ему возражали, что поэзия никогда полноты жизни не вмещала и не вместит. До конца остался он, по существу, максималистом и анархистом в поэзии, с эсхатологическим порывом к «финальному аккорду» — и от поэта требовал — «чтоб просиял ты — и погас!». Адамовичу хотелось, чтобы поэзия стремилась вверх, как готический шпиль, истончилась бы до высокого сияющего острия — чтобы свершилось мировое чудо, — а затем пусть, как молния, поэзия исчезнет. Не правда ли, странно? Стихов, в которых это стремление стать острием (вонзающимся в небо) ослаблено орнаментом, он не признавал: «лучше останемся без стихов». И только головой качал на возражения, что не стоит «оставаться без стихов», что и так уже остались мы, или всегда были, без очень многого...

А порой, апостол простоты, он удивлял собеседника, говоря, что писать надо, как Анненский написал свое «О нет, не стан»:

О нет, не стан, пусть он так нежно-зыбок,
Я из твоих соблазнов затаю, —
Не влажный блеск малиновых улыбок, —
Страдания холодную змею.

Это вызывало на спор. Да, в стихотворении этом, поразительном, забываема концовка:

Оставь меня. Мне ложе стелет Скука.
 Зачем мне рай, которым грезят все?
 А если грязь и низость — только мука
 По где-то там сияющей красе...

Незабываемо и это прозаическое и все же насквозь преображенное «где-то там», но первая строфа — «югендштильская», манерная, и редкостное и драгоценное ее великолепие никак не тот насущный и насыщающий «хлеб», которого Адамович от поэзии требовал.

Чаще же он осуждал метафоры, уверял, что без них стихи лучше, приводил в пример «Я вас любил, любовь еще, быть может...». «Там ни одной метафоры. Ни одной», — говорил Адамович. Он был не совсем доволен, когда я возразил, что удача Пушкина доказывает только, что можно обойтись без метафор, но вовсе не то, что нужно обходиться без них.

Да, он не всегда принимал возражения, и все-таки с ним было очень легко говорить. Он был гораздо веселей и шутливей в разговорах, чем можно предположить по его писаниям, веселей, особенно с теми, кого причислял к способным понимать оттенки. Грусть, которой, конечно, было много в его душе, он скрывал от всех. Бесед «по душам» не любил, как и «трагических» разговоров о смысле жизни. Предпочитал, чтобы ум собеседника проявлялся в болтовне о пустяках. Стихи свои читал редко и как бы стесняясь, тоном очень обыденным и сдержанным, с еле заметным дребезжанием как бы за строками — и не забыть, как прочел он однажды одно из самых прекрасных своих стихотворений:

Там, где-нибудь, когда-нибудь,
 У склона гор, на берегу реки,
 Или за дребезжащею телегой,
 Бредя привычно под косым дождем,
 Под низким, белым, бесконечным небом,
 Иль много позже, много, много дальше,
 Не знаю что, не понимаю как,
 Но где-нибудь, когда-нибудь, наверно...

Он прочел если и с каким-то волнением, то все-таки стараясь его скрыть, как бы уверяя собеседника, что ничего ему не навязывает. Ничего не навязывающим тоном он и говорил, словно намекая голосом, что предоставляет слушателю полную свободу. И все же

предпочитал, когда собеседник с ним соглашался... И все-таки на этих страницах я ему иногда возражаю...

Может быть, скажут, что еще не время для «споров» с покойным. Не знаю. У открытого гроба, конечно, не спорят. Но несколько месяцев спустя, думается, пора раскрыть полнее облик покойного и оценить, хоть приблизительно, им написанное. И это требует разговора и о том, что в наследии Адамовича спорно. Я надеюсь, статья эта, при всей ее недостаточности, не вызовет обвинений в неуважении к писателю, памяти которого мне сейчас снова хочется низко поклониться. Однако всего нужней не поклон, а показ (хотя бы и не в полный рост), ибо кое-кто предпочитает, чтобы Адамовича не показывали.

Странное дело: дня через два после кончины Г.В., еще не зная о ней, я вдруг мысленно его увидел, даже услышал. Это было в Остине, Техас, на Международном фестивале поэзии. Был перерыв, полчаса уединения, я думал о том, как изменилась жизнь с тех пор, когда в Париже мы, несколько поэтов, еще продолжали как-то «парижскую ноту». Уже почти никого из участников этой «ноты» нет в живых, нет молодых на смену, и я уже не «сравнительно еще молодой», как назвал меня Адамович в «Комментариях». Захотелось об этой «ноте» сказать что-то прощально-благодарное, сказать, что в чем-то все еще остаюсь верен ей, — и пришли на память те адамовичевские строки, с отзвуком знаменитого «декадентского» брюсовского стихотворения, в которых говорит Г.В. о своей верности покинутому им «декадентству»:

Ничего не забываю,
Ничего не предаю...

Тень несозданных созданий
По наследию храню.

Как иголкой в сердце, снова
Голос вещей услышать,
С полувзгляда, с полуслова
Друга в недруге узнать,

Будто там, за далью дымной,
Сорок, тридцать — сколько? — лет
Длится тот же слабый, зимний
Фиолетовый рассвет,

И как прежде, с прежней силой,
В той же звонкой тишине
Возникает призрак милый
На эмалевой стене.

Я прочел скорее мысленно, чем произнося, но все отчетливей вспоминая его интонацию, — и вдруг увидел его и услышал с совершенной ясностью, будто не в воображении, а в двух шагах... Через час, на фестивале, я читал стихи, очень далекие от «парижской ноты». А вернувшись домой в Нашвилл, развернул «Русскую мысль» и — имя Адамовича в траурной рамке.

В тот самый день, когда он так отчетливо мне вспомнился, его хоронили. Да — как это сказано у него:

Ну, вот и кончено теперь. Конец.
Как в мелодраме, грубо и уныло.
А ведь из человеческих сердец
Таких, мне кажется, немного было.

Но что ему мерещилось? О чем
Он вспоминал, поверя сну пустому
Как на большой дороге, под дождем,
Под леденящим ветром, к дому, к дому.

Ну, вот и дома. Узнаешь? Конец.
Все ясно. Остановка, окончанье.
А ведь из человеческих сердец...
И это обманувшее сиянье!

Обманувшее? Но хочется верить, что ширится над ним сиянье, которое не обманывает.

Памяти Иваска

Вот мы и похоронили нашего Юрия Павловича. Пасмурным северным полднем 16 февраля на заснеженном старинном кладбище университетского городка Амхерст в Новой Англии десятки друзей предали американской земле прах русского интеллектуала. Простились с писателем, чье эстонское имя Иваск вписано в русскую литературу давно. Простились с поэтом, чьи своеобразнейшие

стихи узнавались без авторской подписи. Простились с критиком на редкость пронизательным, чутким, понимающим, автором множества статей, рецензий, отзывов, заметок. Мы простились с выдающимся эссеистом, занимательным мемуаристом. Простились с крупным ученым, доктором славного Гарвардского университета, свое звание заслуженного профессора получившим воистину по заслугам. Простились с тонким знатоком живописи, архитектуры. Простились с человеком необыкновенно начитанным, человеком глубокой, подлинной культуры.

Юрий Иваск жил стихами, жил литературой. Историю человеческой культуры он не просто усваивал, как иные «образованцы». Нет, она была для него живой и волнующей. С волнением читал он великие книги, с волнением всматривался в великие картины, великие памятники человеческого творчества. Для него были своими слова Вячеслава Иванова о том, что культура есть «лестница Иакова и иерархия благоговений».

Ему был дан великий дар благоговения. Марк Алданов с завистливым одобрением писал, что в китайском языке, только в нем, есть слово, означающее «способность уважения вообще». Вот этой способностью уважения, вернейшим признаком душевного благородства, был в полной мере наделен Юрий Иваск.

Душевное благородство, благородство высокого духа — вот ключ к пониманию Иваска. Недаром ценили его, принимали его в свой высокий сонм великие старики русской эмигрантской литературы. Недаром привязались к нему и многие молодые, например, такой значительный человек, как Дмитрий Бобышев, один из любимых учеников Ахматовой, и еще несколько столь же ценных людей в России.

И юношей высокий сонм
 Меня, как боевое знамя,
 Подымет ввысь —

мечтал он полвека назад.

Могут подумать, что Юрий Иваск был самовлюбленным. Ничего подобного. Конечно, он знал себе цену, — но высокомерие, надменность ему были чужды. Как чужда была и всякая пошлость, обывательщина, всякая низость. Всю жизнь был он устремлен к высокому — но никогда своей врожденной элитарностью не кичился.

Мне выпало счастье дружить с ним почти полвека. Дружба наша началась с его письма мне, отклика на мою статью и стихи

в парижском журнале «Числа». Вдруг пришли четыре листа канцелярской бумаги, полные замечаний, сумбурных, но интереснейших. Вскоре он приехал ко мне. Бродя по Рижскому взморью, мы толковали часами — об этом вспоминает он в своей поэме «Играющий человек». Затем и я поехал к нему в Эстонию — и две недели мы восхищались Печорами, Псково-Печорским монастырем с дивной церковью Николы Ратного, которую он сразу и «воспел». Восхищались бревенчатыми избами, а в русских деревнях Кулиске и Городище слушали песни баб в сарафанах и повойниках. Юрий Иваск, потомок московских купцов Фроловых и Живаго, свою долю эстонской и немецкой крови чувствовал мало: был и остался русским патриотом, что не мешало ему пленяться великим нерусским.

Вторая наша совместная поездка состоялась через много лет — по Мексике. Как волновали Иваска мексиканские древности — архитектура, скульптура олмеков, запотеков, толтеков, ацтеков! А в храмах испанских колонизаторов нередко он ложился навзничь, чтобы заснять витающую в облаках Пречистую Деву и пухленьких ангелочков. Частенько шли мы на мексиканский рынок, пестрый, шумный, забавный, — и Юра опять восхищался, смеялся, волновался. Свои мексиканские «впечатленья бытия» превосходно описал он в на редкость живых, увлеченных и увлекательных стихах.

Дважды приезжали мы в Рим, о котором написал он прекрасные стихи: стихи о Риме не парадном, а скорее плебейском, но полном живой истории. От Неаполя Юра тоже был в восторге. По разным достопримечательностям носился он в Италии длинноногим страусом. Я, коротконогий, в изнеможении кричал: «Да подожди ты, куда тебя несет?!» Он отвечал: «Я волнуюсь».

Живопись понимал он, как заправский искусствовед. Из людей мне известных только наш общий старший друг Владимир Васильевич Вейдле да еще Б.А.Филиппов и о. Фотиев, ученик Вейдле, могли с ним соперничать в осведомленности и понимании. Незабвенная Ольга Александровна Шор, друг Вячеслава Иванова, великий знаток римских древностей, прониклась почтением к Юрию Павловичу за основательность его познаний.

«Патентов на благородство» было у Юрия Иваска сколько угодно. Его принял в свое сердце не очень-то добрый умница Георгий Петрович Федотов. Ему писала требовательная Цветаева. Георгий Адамович, непререкаемый авторитет для поэтов, допустил его в свой очень немногим доступный круг и даже мирился с его

преклонением перед Цветаевой, злейшей врагинею Георгия Викторовича. (Боюсь, меня Адамович, при всем дружеском отношении ко мне, за любовь к Марине Ивановне оттолкнул бы.) Владимир Васильевич Вейдле, весьма разборчивый в выборе собеседников, считал Юрия «милым другом».

По «гуманитарной части» Юрий Иваск знал необыкновенно много. Знал без педантизма. Никакой сухости ученого, сухости книжника в нем не было.

Он был православный христианин. Но православием не хотел ограничиться: мечтал о вселенской церкви. Как Соловьев и Вячеслав Иванов, тянулся к католичеству. Папу Иоанна Павла Второго приветствовал стихотворением с концовкой: «Понтификата обновления чаю». И очень огорчился, видя, что новый Папа — реакционер и никакого обновления его понтификат не принесет.

В Римской церкви его привлекала и древность ее корней, тесная связь с почти двухтысячелетним творчеством человечества, и шаловливые святые юноши Костка и Гонзага, и св. Франциск с его цветочками — фиоретти, — и Дева Мария, и маленькая Тереза, которой молились Мережковские. Но всего прочней была связь Юрия Иваска с русским православием. Часто повторял он строки своего любимого Осипа Мандельштама о московских соборах, и особенно дивные стихи о Евхаристии:

И Евхаристия, как вечный полдень, длится—
Все причащаются, играют и поют,
И на виду у всех божественный сосуд
Неисчерпаемым веселием струится.

Эту строфу, самую православную в русской поэзии, по словам нашего общего друга о. Александра Шмемана, Юрий читал с дрожью в голосе.

Многое еще можно сказать об Иваске. Он был работяга — работник на ниве Господней. Он очень много написал — и большая доля написанного им вошла в великий фонд русской литературы. В ней останется жить писатель и поэт Юрий Иваск. А как человек будет он жив в нашей памяти: высокий, сутулый, белесый и читающий стихи как никто другой. Для тех, кто имел счастье его знать, он будет жить и как человек, чистый сердцем. Он именно был одним из тех, о ком любимый им Христос сказал: «Блаженны чистые сердцем яко они Бога узрят». Хочется верить, что раб Божий Георг-

гий, раб не ленивый и не лукавый, узрит Бога, узрит Христа, Которого он так живо чувствовал, Чье присутствие он так сильно, так бесспорно ощущал.

Памяти архипастыря и поэта

И высится мелодия простая,
Из крыльев соловьиных вырастая.

Эти строки — из стихотворения князя Дмитрия Шаховского, позднее ставшего владыкой Иоанном и Странником. Могут сказать, что соловьиное пение — не простое. Да, но будущий Странник не искал «верности натуре». В своем последнем сборнике «Удивительная земля» (1983), после многих лет, проведенных на юге, приехав в зимнюю Швейцарию, он пишет:

Я отвык от всех снежинок;
Странен танец их земной.
Словно ходит белый инок
Предо мной и надо мной.

Белый инок? Православное белое духовенство одето в черное. Но владыка не стремился к «отражению действительности».

Архиепископ, пишущий стихи, это редкость, и хотя его поэзия была гимном Творцу и красоте Божьего мира, кое-кто его корил за «приверженность мирской суете». Между тем его творчество предельно аскетично. В одном из последних писем ко мне он писал: «Мне от поэзии теперь не нужно ничего, кроме простоты».

Только раз я видел его молодого. В нем была одухотворенность, внешнее и внутреннее изящество. Он был явлением эстетического порядка.

Бунин, сам безмерно гордившийся своей родовитостью, как-то написал, что титулованные люди всю жизнь не могут привыкнуть к своей титулованности. Мне случалось встречаться с князьями и графами. Кое-кто из них лелеял свою знатность, кое-кто — нет. Знаю, что злопыхатели осуждали владыку Иоанна за сохранение мирского имени. А каждый ли поступил бы иначе, будь он князем Шаховским? Владыка сильно чувствовал свою преемственность. Среди его предков многие оставили след в русской истории, не только «колкий» Шаховской, упомянутый Пушкиным.

«Веселое имя Пушкина», — сказал Блок. Светлое имя, скажем мы. Думается, юный князь Шаховской, учась в Царскосельском Александровском лицее, бродил по следам «смуглого отрока», бормотал пушкинские строки «весной в таинственных долинах». Дух светлой, доброй пушкинской ясности чувствуется, решаюсь сказать, в поэзии Странника.

За границей, окончив Лувенский университет, молодой князь стал издавать журнал «Благонамеренный» — по имени журнала, издававшегося в пушкинское время «колким» Шаховским. Зоилы не преминули осудить его за снобизм, но журнал-то был превосходный, с широко представленной в нем Цветаевой, с Ремизовым, которого другие журналы печатали редко и «стиснув зубы».

У будущего владыки Иоанна было качество, не часто, увы, встречающееся среди русского духовенства: это был интеллектуал. Помню двух таких. Одним был покойный о. Александр Шеман, с которым мы бродили по Булонскому лесу; он выслушивал мое новое стихотворение и провожал до русской гимназии, где я пытался обучать молодежь немецкому языку. А второй здравствует: это о. Кирилл Фотиев, с которым мы вели беседы о высоких материях в летних лагерях Русского Студенческого Христианского Движения. Да, есть еще митрополит Антоний Блум, лондонский экзарх Московского патриарха, бывший парижский врач, человек большой духовности, автор богословских книг высокого уровня.

Так вот, владыка Иоанн тоже был интеллектуалом. Но немалый свой культурный багаж он не выпячивал, и его беседы по «Голосу Америки» были понятными, доходчивыми, как и его стихи.

Кое-какие из его стихов запомнились. Вот одно, написанное в Висбадене:

Нам жалко нерасслышанной весны —
 Нерусская, она бывает краткой,
 Придет неожиданно и уйдет украдкой,
 Но ею мы теперь побеждены
 И арестованы ее порядком.

Мелькнет она среди цветущих трав,
 Останутся одни желтофиоли,
 И нет уже привычной этой боли,
 И солнце на большом своем престоле
 Уже молчит, всю истину сказав.

Так мы весну теряем каждый раз.
 Едва придя, она уже уходит,
 И мы не знаем, где она сейчас,
 В каких краях она, в каком народе.
 Она, быть может, не забудет нас.

Очень своеобразно вот это стихотворение Странника:

В струенье света, зароженье линий
 Играл с огнем проснувшийся Адам,
 И разливалось по земным садам
 Нетленное сияние глициний.
 Среди молний белых жимолость пылала,
 И небо загоралось на горах.
 Мы познаем в огне свое начало,
 Творец увидел нас, как райский прах,
 И сотворил небесное свечение,
 Среди первых пчел в недремлющих садах.
 Так было человекосотворенье.

Вот еще характерные для него строки:

Не удержать земле любви нездешней,
 Уходит в небо первая роса,
 И у сиянья розовых черешен
 Качает лепестки свои оса.

Не слышно даже шепотов. И блики
 Свое сиянье прячут, но о нем
 Над белыми цветами земляники
 Мне солнце говорит своим огнем.

Две крупных вещи Странника, помнится, вызвали некоторое несогласие. Это, прежде всего, поэма «Упразднение месяца». Под месяцем автор разумел Октябрь, Октябрьскую революцию. Что последствия этого «месяца» не упразднены, он понимал, но в поэме речь шла о том, что в сознании многих людей идеология «Октября» постепенно упразднилась.

Вторым спорным произведением оказалась «Поэма о русской любви». В сущности, она была новой редакцией «Упразднения месяца». Кое-кто из критиков осудил название. «Русская любовь»

означала любовь автора к России — всего лишь частный случай, подумали многие.

Что еще сказать о владыке Иоанне — человеке? Он был на редкость привлекательным, добрым — и очень далеким от всякой узости. По контрасту вспоминаются два иерарха-аристократа, профессора Богословского института в Париже: епископ Кассиан, сын министра Безобразова, и архимандрит Киприан Керн, из пушкинских Кернов. В них чувствовался педантизм, формализм. А владыка Иоанн был щедро наделен редкостным даром харизмы. Грустно, что протянутая им рука порой не замечалась или отвергалась. Но владыка, конечно, прощал невоспитанность людям «другого круга». А людей нашего круга в эмигрантской литературе с его уходом почти не осталось.

Одним из последних был Дмитрий Кленовский, переписку с которым владыка издал отдельной книгой. И здесь хочется сказать несколько слов очень личных. На стр. 218 архиепископ Иоанн приводит такое высказывание Кленовского: «Стихи Ч. в № 90 “Н.Ж.” огорчили меня очень... Поистине, нужна молитва о поэтах! Кому как не Вам ее составить и читать! А ведь началось все с надуманности и жеманства — и вот как малый грех постепенно привел к большому! А когда-то поэт хорошо писал о стране, “где даже одуванчик сохранится”, о пуле-желуде и — “острый угол подушки, как больное крыло”»*.

И вот как владыка это осуждение старается смягчить: «Сетование на поэта может быть высшей любовью к нему и к его поэзии. Особенно, если это подлинный поэт, как в данном случае». Трогательно написано, хотя любовь Кленовского к Чиннову проявилась несколько своеобразно. Еще своеобразней она обнаружилась в отзыве Кленовского о вечере в Париже, на котором я, по его словам, читал «антипоэзию», «дьявольские» (?), «богохульные» (?) стихи, а виднейшие критики меня хвалили.

Как хорошо ответил владыка на это странное обвинение: «Вы зря смущаетесь (и даже несколько возмущаетесь) вечером, устроенным И.Ч-у. Пусть поэтам устраивают вечера, и чтения, и разбор их творчества, и в похвалу им говорят речи. Ведь поэзия этим все же читается. А вкусы разные у людей... Пусть подумают люди, задумаются о Поэзии, потормошатся ею. Это не плохо, это хорошо.

* Имеются в виду стихотворения «В безветренных полях ещё весна...», «Мы были в России — на юге, в июле...», «Острый угол подушки...». См. наст. издание. Т. 1. С.59, 130, 137.

Это и честь языку... Ведь мы скудны поэтами... Нет, просто *хорошо*, что еще устраивают “вечера поэтов” с чтением стихов и похвальными словами критиков. Пусть поэты к поэтам будут добры — слишком много в среде артистов, и литераторов, и поэтов бывает ревности, зависти, пристрастия, нетерпимости. Не последишь, в душе нашей легко зарождается, может быть, совсем тонкое и мало заметное, но ненужное чувство».

С каким тактом владыка и на мою обиду, и на чужое недоброжелательство «лил примирительный елей». В этом еще раз проявилось его доброе сердце.

И еще одному поэту досталось от Д.И.Кленовского — Анне Ахматовой. Вот что он писал владыке Иоанну летом 1965 года: «Вы, конечно, помните, что во время войны и некое время после нее Ахматова в своих стихах славословила Сталина и советский строй. В эмиграции отнеслись к этому на редкость терпимо и с подлинным великодушием, объясняя происшедшее тем, что Ахматова хотела таким способом облегчить участь арестованного сына. Возможно, что такое предположение было правильным, но сам сын Ахматовой, по-видимому, воспринял это иначе, тем более, что в предисловии к вышедшему в СССР несколько лет тому назад сборнику своих стихов Ахматова, повествуя о своей жизни, ни единым словом не обмолвилась о его отце, то есть о Гумилеве...

...Надо сказать, что у меня к Ахматовой отношение не вполне благополучное. Ее славословий Сталину и советским порядкам я все-таки с ее “текущего счета” сбросить не могу... Мне очень несимпатично в Ахм<атовой> то, сколь она кичится тем, что она осталась в СССР, не “бросила своего народа”, “ни единого удара не отстранила от себя” и т.д. Я уверен, что Ахм<атова> осталась в СССР жить случайно, как остались и многие другие, ибо никто не знал еще тогда, как все обернется и как умнее поступить. Но никто из оставшихся этим не кичился и не кичится, как это делает Ахматова, которая втайне теперь, может быть, даже и жалеет, что осталась».

Что мог бы ответить Кленовскому владыка Иоанн? Он мог бы напомнить ему о грубой ругани Жданова. Об обреченности на долгую немоту. Об одиночестве, о бедности. О том, что и неупоминание имени расстрелянного Гумилева, и отсутствие «религиозного словаря» в сборнике были ценой, которую Ахматовой пришлось заплатить за его появление, — неужели это непонятно? И неужели не ясно, что стихи в честь Сталина написаны ради сына? И еще мог бы владыка Иоанн ответить строгому судье, что резкие слова

Анны Андреевны об эмигрантах были вызваны трудной ее жизнью, потребностью в самоутешении, в том, что Фрейд назвал восполнением. А главное, Странник мог бы воскресить в памяти Дмитрия Иосифовича (столь часто писавшего об ангелах, но ангельской добротой не наделенного, как не была ею наделена и Ахматова), — мог бы Странник напомнить ему заповедь Христову: «Не судите, да не судимы будете».

Владыка Иоанн ответил своему корреспонденту мягко, с присущим ему тактом: «Получил Ваше удобоубедительное пояснение конфликта А.Ахматовой и сына. В этом есть какая-то почти гомеровская эпичность и почти эхилова трагедийность. Ведь А.Ахматова, вероятно, на 75% или 90% *ради него* (чтоб смягчить гнев властей против него) покатила тиранам и наивно погордилась, что не убежала, куда глаза глядят. Он должен был бы это учесть... Страдание не должно ожесточать; оно должно смягчать сердца... Все эти “паровозы” стихотворные, без коих не могут идти в печать “вагоны” стихов, это же все обычное, рутинное дело в Советском Союзе.

Может быть, Ахматова и могла бы лично обойтись без этого; но если даже и погрешила тут, не дотерпев до сроков (Марина Цветаева более остро недотерпела в те дни!), то — кто может бросить в нее камень? Она от Христа Господа по малодушию не отреклась (как это сделал даже апостол Петр), а лишь пошла за российской своей телегой, среди грязи волочившейся по раскисшему большаку... “Мученики” могут быть психологически жестоки вследствие “чистоты” своей. Но гордость и немилосердие к людям, “не таким, как они, сильным и нестигаемым”, могут погубить нравственно всю честь и славу подлинного мученичества».

Только в последних трех строках намекнул Странник на «гордость и немилосердие» адресата. И тут же он смягчает упрек вот этим стихотворным откликом на сборник Кленовского «Разрозненная тайна»:

Пчела *разрозненную тайну*
Сквозь парк светлеющий несет.
И кажется необычайным
Ее танцующий полет.

Свои невиданные знаки
Она по воздуху чертит.
Их может рассмотреть не всякий,
А только тот мудрец-пнит,

Что, облегченный каждым годом
И всем дыханием своим,
Идет сквозь этот парк за медом
И за восходом золотым.

Есть в последнем сборнике стихов Странника совершенно замечательное стихотворение «Прощение женщины», посвященное Саломее, дочери царя Ирода. Она страстно влюбилась в Иоканаана, Иоанна Предтечу, но суровый аскет отверг ее домогательства. На пиру она так плясала перед царем, что восхищенный Ирод пообещал исполнить любое ее желание. Саломея потребовала голову Иоканаана — и получила ее на блюде. Кое-кто, вероятно, помнит постановку «Саломеи» О.Уайльда Таировым в Камерном театре с А.Коонен в роли отвергнутой мстительницы. А вот как пишет о Саломее Странник:

Пред Тобой стояла Саломея,
Обвинители ее ушли.
Друг за другом отошли, робея,
Бедные сыны Твоей земли.

И осталась женщина немая,
Миром удивленная душа,
Что ждала любви, ее не зная,
Не прося, не веря, не дыша.

К ней сошло прощенья безмолвье.
Небо солнцем застелило высь,
И чрез все столетья в Подмоскovie
Солнечные дымы пролились.

У дорог Твоих больших и знойных
Все приходит эта благодать
К женщинам святым и недостойным —
И молчать, и плакать, и страдать.

И все сходит с неба эта притча
О спасенье женщины, о том
Как, не зная рая, Беатриче
В рай вошла звездой со Христом.

Какое всепрощение, какая доброта! И на этот раз не изменили архипастырю его человечность, его сердце.

О владыке Иоанне — Страннике можно было бы сказать еще много. Но сейчас хочется просто повторить о нем его слова из «Продолжения лирики»:

«Скончавшегося — начавшегося прими, Господи,
в Свою жизнь».

Вот и Одоевцева умерла

Когда Николай Гумилев увлекся Ириной Одоевцевой, он посвятил ей стихи. В них проступает, хотя и неясно, ее облик:

Я придумал это, глядя на твои
Косы — кольца огневещей змеи,
На твои зеленоватые глаза,
Как персидская больная бирюза.

Когда я впервые увидел Одоевцеву в 1933 году, кос уже не было. Но некоторая зеленоватость в глазах, как бы русалочьих, оставалась.

В первые годы «маленькая поэтесса с огромным бантом», как она себя назвала, поэтесса, любившая носить в руках цветы, походила на женщин «арт нуво», «югендштиля»: овальное лицо в копне ниспадающих волос и какое-то впечатление водяных лилий и водорослей. А в эпоху «арт деко» мы видим ее с прической средневекового пажы, «буби-копф», в шляпке без полей, с лицом «бледным и порочным», танцующую канкан или чарльстон в духе Марлен Дитрих, — помните «Голубого ангела»?

Да, но молоденькая красотка была членом «Цеха поэтов». Писала стихи. И тут знавших ее ожидал сюрприз: стихи были по-мужски крепкие, твердые, плотно сбитые, вот как эта «Баллада о площади Виллет» — баллада о парижском «плохом районе» — с драками арабов, поножовщиной, с ночными криками о помощи:

Ложатся добрые в кровать,
Жену целуя перед сном,
А злые будут ревновать
Под занавешенным окном.

А злые будут воровать –
Не может злой не делать зла.

А злые будут убивать
Прохожего из-за угла,
И окровавленной полкой
Нож осторожно вытрет злой.

А в спальню доброго луна
Глядит, бледна и зелена,
И злые снятся сны ему
Про гильотину и тюрьму.
Он просыпается крича,
Отгалкивая палача.

А злой сидит в кафе ночном
Над рюмкой терпкого вина.
И засыпает легким сном,
Хотя ему и не до сна.

Во сне ему двенадцать лет,
Он в школу весело бежит.

И там, на площади Виллет
Никто убитый не лежит.

Это написано рукой мастера! Какая точность, твердость, какая экономия средств, как незаменимо каждое слово! Как угрюмо, жутко звучат эти «у»:

И злые снятся сны ему
Про гильотину и тюрьму.

И как внятны эти «а», этот крик убиваемого:

Он просыпается крича,
Отгалкивая палача.

Раннюю славу Одоевцевой принесли ее баллады, особенно «Баллада об извозчике» и «Баллада о толченом стекле». Обе очень на «темы дня», отражают страшную жизнь тех лет, но художественное их совершенство обеспечивает им жизнь и сегодня.

В начале 20-х годов «маленькая поэтесса» оказалась в Берлине. Там был тогда, как известно, центр русской эмиграции, а время было странное: марка упала настолько, что коробка спичек стоила 50 миллионов; спекулянты богатели, валютчики наводняли подьезды. Уже в Париже, вспоминая это время, Одоевцева писала:

Угли краснели в камине,
В комнате стало темно.
Всё это было в Берлине,
Всё это было давно.

И никогда я не знала,
Что у него за дела.
Сам он рассказывал мало,
Спрашивать я не могла.

Вечно любовь и тревога...
Страшно мне? Нет, ничего.
Ночью просила я Бога,
Чтоб не накрыли его.

И, уезжая кататься
В автомобиле, одна,
Я не могла улыбаться
Встречным друзьям из окна.

Это стихотворение — абсолютное совершенство. Заметьте, как быстро, стремительно разворачивается повествование. Уже во второй строфе:

И никогда я не знала,
Что у него за дела.

А третья строфа — словно сжатая психологическая повесть, как было сказано о некоторых стихах Ахматовой. Мы «видим» психологию влюбленной женщины: она бодрится, отвечая «нет, ничего» на вопрос — страшно ли ей. И тут же:

Ночью просила я Бога,
Чтоб не накрыли его.

Отметьте это обыденное, вульгарно-разговорное «накрыли», придающее такую убедительность облику этой обыкновенной женщины. И упоминание об автомобиле — символе преуспевания мужа-валютчика.

А вот стихотворение полностью автобиографическое — и очень доброе, очень сердечное. Она под руку с мужем, Георгием Ивановым, идет по набережной Сены. Напротив — Нотр Дам.

По набережной ночью мы идем.
Как хорошо — идем, молчим вдвоем.

И видим Сену, дерево, собор
И облака...

А этот разговор
На завтра мы отложим, на потом,
На послезавтра...
На когда умрем.

Какой удивительный поворот в этом — «А этот разговор». «Разговор» вынесен в конец строки, и тем подчеркивается его значение «выяснения отношений».

Три стихотворения, здесь приведенные, можно отнести к акмеизму, к неореализму. При всем их совершенстве, они — не новые слова в русской поэзии. Новым словом явились «Стихи, написанные во время болезни». Я знаю, где эти стихи писались — в Париже, в отельчике на улице Святых Отцов, поблизости от Латинского квартала. Когда я зашел проведать Ивановых, Георгий Владимирович сказал: «Она больна, но зайдите». Одоевцева лежала в постели, под пледами. Слабым голосом проговорила: «Голубчик, хочется соленого огурца». Я съездил к Суханову в лавку, принес. Откусив, она сказала: «Вот новые стихи, хотите, прочту?» Картавя, прочла:

Началось. И теперь опять
Дважды два не четыре, а пять.

По ковру прокатился страх
И с размаха о стенку — трах!
Так, что искры посыпались вдруг
Из моих протянутых рук.

Всё вокруг двоится, троеится,
 В зеркалах отражаются лица,
 И не знаю я, сколько их,
 Этих собственных лиц моих.

На сосну уселась лисица,
 Под сосной ворона стоит.
 Со щитом? На щите? Нет, щит
 На воротах Цареграда прибит.

Как в лесу сиротливо и сыро,
 До чего можжевельник сердит!

Бог послал мне кусочек сыра,
 Нет, совсем не мне, а вороне,
 Злой вороне в железной короне,
 Значит, ей, а не мне, повезло.

Но, лишившись царского трона,
 Трижды каркнула злая ворона
 Пролетающей тройке назло.
 Кучер гикнул. Взметнулись кони.

— Берегись! Стронись, постронний! —
 Сном и снегом глаза занесло.

Позднее довелось мне услышать, тоже в ее картавом, прелестном чтении, едва ли не наиболее сюрреалистическое из «Стихов, написанных во время болезни»:

Вот палач отрубил мне голову,
 И она лежит на земле.
 И ни золотом, и ни оловом...
 Кончен спор о добре и зле.
 И теперь уж, плачь не плачь,
 Не пришьет головы палач.

Посмотри, какая красивая —
 Косы черные, как смоль.
 А была гордячка спесивая,
 Презирала бедность и боль.

Только как же?.. позволь, позволь!..
 Если это моя голова,
 Как могла я остаться жива?
 И откуда черные косы
 И глаза лукаво-раскосые?
 И какая же я гордячка?

Вьются вихри. Несется конница,
 Пол вздымает морская качка,
 В лоб стучится, в сознание ломится
 Балаболка — ведьма — бессонница.

— Надоела! Которую ночь!
 Убирайся отсюда прочь!..

Убирайся! Всё это бред —
 Уголек, залетевший из ада,
 Лепесток из райского сада —
 Никакой головы здесь нет.

Никакой головы. Ничего.
 Беспощадно метет метелка,
 Полнолунным светом звеня,
 Выметая в пространство меня.

Дверь распахнута в праздничный зал,
 Сколько там позолоты и шелка,
 И гостей, и цветов, и зеркал!
 В зеркалах отражается елка,
 Оттого, что всегда Рождество —
 Вечный праздник на Божьем свете.
 В хороводе кружатся дети.
 Кто же я?

Одна из детей?

Снова детство —

Как скучно!..

А если

Я одна из старушек-гостей,
 Прапрабабушка в шелковом кресле?..

— Замолчи, замолчи, балаболка!

Замолчи, не трещи без умолка!
 Ты же видишь прекрасно: я — елка.
 Я вот эта елка зеленая,
 Блеском свечек своих ослепленная.
 Как волшебной...

Как больно...

Огоны!..

«Стихи, написанные во время болезни» — редкостный в русской поэзии образец романтического сюрреализма. Ирина Одоевцева всегда была «лунная» — очень многие из ее стихов в мерцании лунного света, романтические стихи. Но сюрреализм ее начался именно стихами, написанными на улице Святых Отцов в Париже, неподалеку от улицы Гийома Аполлинера. Кстати, ей, прекрасно знавшей французский язык, особенно близки были Аполлинер и Жюль Лафорг, один из наиболее «лунных» во французской поэзии.

Одоевцева писала и романы — тоже в романтическом духе, с любовью и смертью à la Ромео и Джульетта. Писала их в неприятном, по-моему, *praesens historicum*, в настоящем времени о прошлом — это якобы приближало действие к читателю. Дмитрий Мирский в своем учебнике объявил их ненужными. Один из них начинается описанием женских чувств во время полового акта.

Последний ее роман — «Оставь надежду навсегда» — надпись над воротами Дантова ада в применении к сталинской действительности — едва не вышел по-французски. Она погубила это издание, явившись к Гастону Галлимару и устроив скандал: почему он медлит с книгой, что за безобразие?! По уходе Ирины Владимировны Галлимар, царь и бог французского книжного рынка, велел рассыпать набор. Странно, что такая умная женщина так наглупила. Ведь она была — «ума палата»! Ведь даже Гайто Газданов, Георгий Иваныч, писатель хороший, но критикан, завистливый зоил, присяжный остряк (не без вульгарности, увы), всегда «игравший на понижение», мне как-то сказал: «Одоевцева — умница».

Она была, кроме тех случаев, когда скандалила, очень обаятельна. Мое восхищение, о котором я ей писал в дарственных надписях на всех своих книжках, относилось не только к стихам, но и к ней. Она отвечала надписями «со взаимным восхищением» (и это, увы, относилось только к стихам). Впрочем, на «Портрете в рифмованной раме», кроме «взаимного восхищения», сказано еще — «в знак нежности и любви». А на десятой странице там напечатано вот что:

Открытка — море, и скала,
 И на скале три пеликана.
 И я подумала:
 Бодлер не прав,
 Поэт не альбатрос, а пеликан —
 Ведь отрывает он от сердца своего
 Куски, сочащиеся кровью,
 Звенящие живую болью,
 И превращает их в стихи,
 Кормя свои стихи собою,
 Как кормит пеликан своих птенцов
 Своею плотью.

Мне это ясно стало,
 Так ясно, что себя я вдруг —
 На мимолетное мгновенье —
 Увидела зобастым пеликаном,
 С широковейными крылами
 Среди моря, на скале.

Со мною рядом
 Увидела я тоже пеликаном
 Вас, Игорь Чиннов, Вас, недавно
 Приславшего открытку эту мне.

И тут же рядом, на скале —
 Совсем как на открытке —
 Сидел и третий пеликан,
 Точь-в-точь такой же, как мы с вами.

Но не поэт, а птица-пеликан.

В последний раз видел я Ирину Владимировну на своем утреннике в парижской Русской консерватории. Она председательствовала, как в прошлый раз Борис Зайцев, а перед этим Георгий Адамович, но — молчаливо. Говорить ей было трудно и статью ее о моей седьмой книге (из «Нового Русского Слова») читала милая Н.В.Ровская, артистка. Ни Сергея Маковского, редактора «Аполлона», ни Владимира Вейдле уже не было — русский литературный Париж сузился, как бальзаковская шагреновая кожа.

Повторяю, в Одоевцевой было много очарования. Как мило картавила она свое обычное: «Здрасте-здрасте! Страшно рада вас видеть!» Впрочем, за восемь лет нашего парижского знакомства, почти еженедельных встреч, так она меня приветствовала редко.

Давно уже не было в живых Георгия Иванова, ее мужа, собеседника, «сочувственника». Вскоре после его смерти Ирина Владимировна напечатала:

Не во мне, а там, вовне,
 В сердце ночи, в глубине,
 Как на плоском дне колодца
 Светодумная луна.
 Лунный луч спиралью вьется,
 Скользкою эмалью льется,
 Образуя на стене
 Искрометного уродца.

В сердце ночи, у окна,
 Где стихи и тишина,
 Безысходно, точно встарь,
 Мутностеклый, длинный-длинный
 Блоковский горит фонарь,
 И в его бессмертном свете
 В зеркалах и на паркете
 Рябь отчаянья видна.

— Друг мой, незнакомый друг,
 На одной со мной планете,
 Очень мне «и ску и гру»,
 Не с кем мне вести игру...

Некому, жалуется Одоевцева, сказать ей —

— Здравствуй, здравствуй! — поутру.
 Вечером: — Спокойной ночи.
 Спи, закрывши звезды-очи,
 Спи до завтрашнего дня!..

Иль точнее и короче —
 Нет в лазури одиноче,
 Белопарусней меня! —

такой она подводит итог. И вот точное о ней слово: она была бело-парусная. Да, она была лермонтовский «парус одинокий», и было ей по-лермонтовски «и ску, и гру» — «и скучно, и грустно, и некому руку подать».

Она вернулась в Петербург. «Захотелось славки», — шутливо объясняла и мне, и другим. И там она убедилась, что славка, слава не прошла — на своих вечерах слушала долгие аплодисменты: «племя младое, незнакомое» вознаграждало ее за годы одиночества и забвения.

Если меня пустят в рай (сомнительно, но — вдруг?!), встречу ли я там с Ириной Владимировной? Вот если бы встретился, и она, как всегда, сказала бы мне, мило картавя:

— Здравсте-здравсте! Страшно рада вас видеть!

ИНТЕРВЬЮ

«В те баснословные года»

В Париже побывал известный поэт и профессор русской литературы из Соединенных Штатов — Игорь Чиннов. В беседе с К.Д.Померанцевым Игорь Чиннов рассказал о 40-х годах в Париже, о встречах с Буниным, Б.Зайцевым, А.Ремизовым, Г.Ивановым, Г.Адамовичем, И.Одоевцевой и многими другими.

Предлагаем нашим читателям отрывки из этой беседы двух представителей Серебряного века нашей литературы.

Я уже не раз вспоминал о тех «баснословных годах» (если не ошибаюсь, это были 1946–1947 годы), когда мы собирались в квартире у К.Д.Померанцева. Мы — это И.А.Бунин, Б.К.Зайцев, Георгий Иванов, Ирина Одоевцева, Владимир Смоленский, литературовед Георгий Мейер, Нина Берберова, художник С.Шаршун и многие, многие другие. Собирались вечерами по четвергам и за чашкой чая или кофе, за рюмкой коньяка или стаканом вина говорили и спорили о литературе, России, текущих событиях — словом, обо всем том, о чем и до сих пор продолжают толковать в русской литературной среде. Все это было на соответствующем уровне уважения к другим мнениям, что теперь встречается не всегда.

Недавно в Кёльне, в Славянском институте при университете, куда меня пригласили прочесть лекцию о парижской эмигрантской литературе после Второй мировой войны, я как раз вспомнил и об этих вечерах. Я там говорил о всех вышеперечисленных писателях и поэтах и еще о А.М.Ремизове, Леониде Зурове, Гайто Газданове, больше же всего о поэтах.

Мы читали стихи, кто хорошие, кто посредственные, а кто совсем плохие, но всегда обсуждали снисходительно. Говорили о «блистательном Санкт-Петербурге», акмеизме и о многом другом. Часто я встречал и Георгия Адамовича, и Георгия Иванова, ученика и друга Гумилева, акмеиста и члена «Цеха поэтов».

Завсегдааем померанцевских вечеров был Владимир Смоленский, ученик В.Ходасевича и очень талантливый поэт, с широким дыханием, поэт-романтик, к счастью, не унаследовавший от своего учителя его желчи и скептицизма. И слава Богу: пусть Ходасевич остается Ходасевичем, а Смоленский — Смоленским. Я бывал и у Смоленских и хорошо помню его жену Таисию Ивановну. Оба они были очень хорошими людьми. К ним приходил Г.Газданов, человек скептический, остроумный и порой ядовитый. У Померанцева и у Смоленских я встречал Александра Гингера и Анну Присманову, замечательных поэтов, не принадлежащих к тому, что впоследствии Юрий Терапиано назвал «парижской нотой».

«Парижская нота», в принципе возглавлявшаяся Георгием Адамовичем, отказывалась от всяких ухищрений, орнаментов, пышности, эквилибристики и интересовалась лишь самым необходимым и главным, о чем человеку стоит думать, говорить и писать. Темы ее были — Бог, смерть (или бессмертие), назначение человек в этом мире. Это создавало нарочито бледные, как бы «пассивные» стихи. К «парижской ноте» относится и моя первая книга стихов «Монолог», вышедшая тогда в издательстве «Рифма»*, возглавлявшемся Сергеем Константиновичем Маковским. В Петербурге он издавал журнал «Аполлон», замечательный журнал, хотя и склонный к эстетскому снобизму. В нем печатались Анненский, Блок, Ахматова, Гумилев, Мандельштам, Георгий Иванов...

С.К.Маковский был настоящим «осколком» (не знаю, как иначе сказать) блистательного чиновного Петербурга. У него к тому же был воистину генеральский вид, хотя был он человеком весьма доступным, любившим собирать у себя поэтов. У него бывали и В.Л.Корвин-Пиотровский, поэт большого мастерства, и П.С.Ставров, и К.Д.Померанцев, и, конечно, Георгий Адамович, Георгий Иванов и Ирина Одоевцева. Я имел удовольствие слышать, как замечательно читала она свои прекрасные, не похожие ни на какие другие стихи.

* См. наст. издание. Т. 1. С. 53.

Но, пожалуй, мне больше всех вспоминается Георгий Иванов.

Георгий Иванов был большим поэтом и очень интересным человеком. Помню, как я после долгого отсутствия встретился с ним на собрании, где присутствовали В.В.Вейдле, Ю.К.Терапиано, Г.В.Адамович. Георгий Иванов прочел свое стихотворение о Лермонтове, начинавшееся словами — «Мелодия становится цветком». Приведу последние строки:

Туман... Тамань... Пустыня
внемлет Богу..
— Как далеко до завтрашнего
дня!
И Лермонтов один выходит
на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.

Он так прочитал последние две строки, что в них прозвучала вся скорбь мира. Это было незабываемо; обыкновенные слова «серебряные шпоры», но в них было вложено столько содержания, столько пережитого за годы горьких мытарств, что я до сих пор вижу его читающим эти строки.

Это был человек необычайного ума, несколько скептический и иронический. Мне вспоминается, как известный социолог и общественный деятель Бунаков-Фондаминский на одном собрании как-то сказал: «Элита спасет русскую культуру». Георгий Иванов тут же ответил: «Элита едет, когда-то будет». Иногда он бывал и злым. Но с людьми, которых уважал, был внимательным и чутким. Очень дружил с Померанцевым, дружил со Смоленским; хотел даже написать предисловие к моей первой книге стихов, устроил несколько моих стихов и статей в журнал «Числа», издававшийся в Париже Н.А.Оцупом. Однажды в один из четвергов у Померанцева он передал мне листок, на котором был нарисован «размахайчик» (им придуманное странное животное) и написано: «Обязуюсь как-нибудь написать о стихах Игоря Чиннова при первой возможности, серьезно и уважительно, как они этого заслуживают». Этот листок я бережно храню: он — один из «патентов на благородство», выданных мне за мою уже долгую жизнь.

К сожалению, я не знал Анатолия Штейгера, самого чистейшего представителя «парижской ноты». Он писал очень короткие стихи, нарочито прозаические, но с каким-то пронзительным

ощущением боли. У него был туберкулез, от которого он и умер в швейцарском санатории. Перечитывая теперь его стихи, я думаю — вот к этому и надо стремиться, если добиваться в поэзии опрощения. В стихах, вошедших в мой первый сборник, я искал «опрощения», которое проповедовала «парижская нота» и к которому настойчиво призывал Георгий Адамович. Но я все же никогда не смог окончательно отказаться от «красивых» слов, т.к. мне казалось, что лишенная «красивых» слов, обедненная и аскетическая поэзия неизбежно сужает искусство и самого человека. Некоторое время я все же продолжал «парижскую линию», но чувствовал, что она заводит меня в тупик и что надо искать чего-то другого.

Поэтому в третьей моей книге («Метафоры») и в четвертой («Партитура»)* я стал пользоваться свободными размерами и гротеском. Этот прием в Париже до меня употреблял только Юрий Одарченко. Он был сложный и странный человек, несомненно умный, скептический, незаурядный, но чем-то уязвленный. Его оригинальная и стоящая особняком поэзия безусловно заслуживает самого серьезного внимания.

Итак, я стал писать гротеск, особенно много его в «Партитуре» и в пятой книге — «Композиция»** . Но вскоре гротеск мне надоел так, что в шестой книге, «Пасторали», его уже не было. Затем я все же решил к нему вернуться, и из этого родилась моя седьмая книга, «Антитеза», а за ней восьмая — «Автограф»***.

В своей автобиографии, опубликованной в прекрасном сборнике «Русский альманах», не так давно изданном в Париже Зинаидой Шаховской в сотрудничестве с Рене Герра и Евгением Терновским, я подчеркнул, что пишу стихи в зависимости от настроения — то мажорные, то минорные, то лирические, то гротески, словом — как придется: «Дух дышит, где хочет».

Что сказать еще о Париже? За мое отсутствие он изменился, как-то расширился и некоторыми кварталами напоминает Америку, даже Нью-Йорк с его Манхэттеном. Но сохранились места, по которым мы бродили с Георгием Ивановым и Ириной Одоевцевой. Кстати, мне всегда вспоминается ее стихотворение, и передо мной вырисовывается старый Париж — Собор Парижской Богоматери, Консьержери, набережная, мосты...

* См. наст. издание. Т. 1. С. 143, 187.

** Там же. Т. 1. С. 243.

*** Там же. Т. 1. С. 307, 369, 445.

По набережной ночью мы
 идем.
 Как хорошо — идем, молчим
 вдвоем.
 И видим Сену, дерево, собор
 И облака...
 А этот разговор
 На завтра мы отложим, на
 потом,
 На послезавтра...
 На когда умрем.

Быть может, я придаю этому стихотворению смысл, который вложила в него и Ирина Владимировна, но который другие, чужие люди не в состоянии воспринять. Для меня же эти строки живут и будут жить, как живое отражение Парижа.

Беседы в изгнании

Джон Глэд. Игорь Владимирович, я думаю, мы начнем с того, как вы начали увлекаться поэзией, а потом сами стали писать стихи.

Игорь Чиннов. Я увлекся поэзией и начал писать стихи еще студентом юридического факультета в Риге, но первый мой сборник, «Монолог», вышел в Париже в 1950 году в издательстве «Рифма».

«Рифмой» этой заведовал Сергей Маковский, в прошлом редактор знаменитого журнала «Аполлон», издававшегося в Петрограде. Вот когда эта моя книжка вышла, то Объединение русских писателей в Париже устроило обсуждение, на котором выступили Георгий Адамович, друг и ученик Гумилева, член «Цеха поэтов», а также Георгий Иванов, тоже друг Гумилева, и еще целый ряд людей. И сам Сергей Константинович Маковский, который потом напечатал это выступление в нью-йоркском журнале «Опыт» в первом его номере. Борис Константинович Зайцев впоследствии был председателем моего второго парижского вечера, восемнадцать лет спустя. Это было в 1971 году. В этот раз доклады о моих стихах читали Георгий Адамович и Владимир Вейдле, тоже человек «серебряного века». Его, вероятно, до сих пор в Ленинграде еще помнят. Выступала со словом обо мне Ирина Одоевцева, ученица Гумилева, и Юрий Константинович Терапиано, который постоянно писал обо всех моих книгах в газете «Русская мысль». Вот я помню эти два моих

вечера. Потом, когда я вернулся в Париж спустя год, в 1972 году, уже не было в живых ни Адамовича, ни Зайцева. Мне было грустно. В Париже я прожил очень долго, примерно десять лет. И это для меня почти родной город.

ДГ. Так что вас можно считать поэтом послевоенного времени?

ИЧ. Да, мои стихи довоенные, собственно, значения не имеют. Кое-что я напечатал в парижском журнале «Числа», очень передовом журнале. И это случилось так: меня нашел еще в Риге Георгий Иванов, и почему-то ему понравились мои стихи, даже и статья моя — это все было напечатано в «Числах».

Но только с первой моей книги — «Монолог» начался, если угодно, настоящий Чиннов. Тогда я писал в стиле так называемой «парижской ноты». Это было течение, руководимое именно Георгием Адамовичем, и идея этой «парижской ноты» состояла в простоте, в очень ограниченном словаре, который был сведен к главным словам, самым главным, незаменимым. Настолько хотели общего в ущерб частному, что говорили «птица» вместо «чайка», «жаворонок» или «соловей»; «дерево» вместо «береза», «ива» или «дуб». Мы считали, что надо писать стихи как бы последние, что мы как бы заканчиваем русскую поэзию здесь в эмиграции, и не нужно ее никак украшать, не нужно никаких орнаментов и ничего лишнего. Мы искали именно бедного словаря, без всяких орнаментов, самое основное, неустранимое:

Порой замрет, сожмется сердце
 И мысли — те же всё и те:
 О черной яме, «мирной смерти»,
 О темноте и немоте.

И странно: смутный, тайный признак —
 Какой-то луч, какой-то звук —
 Нездешней, невозможной жизни
 Почти улавливаешь вдруг...*

Здесь есть слова очень существенные для «парижской ноты»: «какой-то луч», «какой-то звук» — так сказать, световое, зрительное и слуховое, но слова, которые как бы нашу жизнь пронизывают — луч и звук — вместе с темой «нездешней, невозможной жизни».

* Стихотворение из книги «Монолог». См. наст. издание. Т. 1. С. 90.

ДГ. Меня удивляет, что вы, как вы сами говорите, представитель «парижской ноты», начали писать после Второй мировой войны. Принято считать, что «парижская нота» — явление довоенное.

ИЧ. Совершенно верно. Я как бы довесок, запоздалый отклик на эту «парижскую ноту».

«Парижская нота» пошла довольно далеко по пути продолжения акмеизма, но дальше всех пошел, как писал Владимир Вейдле, будто бы я. И он уверяет, что я будто бы исчерпал эти возможности, что самые простые стихи уже написаны, писать дальше в этом духе было бы только повторением прошлого и что я как бы уткнулся в стену и начал нечто другое.

В первой книге, «Монолог», и в книге «Линии» нет стихов обогащенных, нет стихов с какими-то орнаментами. А начиная с третьей книги, «Метафоры», я начал писать более свободно, там некоторые стихи написаны свободным размером, но все-таки они очень ритмичны. Я всегда хотел музыкальности. Это не все делали. И другой представитель «парижской ноты», Анатолий Штейгер, прелестный поэт, писал несколько сухогато, немзыкально и без всякой орнаментики. Правда, это звучало даже более горько, чем мои стихи, за исключением моих стихов в книге «Партитура».

В «Партитуре» есть очень грустные стихи и есть гротески. Вейдле и, кажется, Георгий Адамович отметили, что при всей «пышности одежд» моих новых стихов все-таки осталось в них главное — сосредоточенность на человеческой судьбе, на безысходности человеческого удела, всякого, на смерти. Они указали на то, что там есть все-таки верность «парижской ноте» в ее главном — в серьезности.

Голубая Офелия, Дама-камелия,
О, в какой мы стране? — Мы в холодной Печалии.

Там в нетопленном зале валяются пыльные
Голубые надежды, мечты и желания,
И лежит в облаках, в лебеде, в чернобыльнике
Мировая душа, упоительно пьяная, —
Лизавета Смердящая, глупо несчастная.
Или нет, — Василиса, нет, Васька Прекрасная.

Как видите, у меня Лизавета Смердящая, Васька Прекрасная — это мировая душа!

Можно отметить, что в этом гротеске очень много звуков «л», которые любил Лермонтов.

Здесь есть то, против чего восставал в свое время Сергей Есенин, — глагольные рифмы. Он упрекал Осипа Мандельштама за глагольные рифмы. Потом я отошел от глагольных рифм, решил, что это все-таки слишком легко, и начал подыскивать к глагольным рифмам какие-то существительные.

Кстати, стоит отметить, что все мои книги названы словами или латинского, или греческого корня — всегда одно слово.

ДГ. Это потому, что вы считаете себя космополитом?

ИЧ. Совершенно верно. Я подчеркивал, так сказать, традицию человеческой культуры, в частности традицию, идущую из античности. Для меня это существенно — отсюда моя верность греко-латинской европейской традиции. Я русский поэт, люблю Россию, но, вместе с тем, люблю просто нашу общеевропейскую цивилизацию и культуру.

ДГ. Многие из того, что вы говорите, напоминает мне манифест Мандельштама «Утро акмеизма», где высказываются как раз такие мысли. Конечно, акмеизм считается предшественником «парижской ноты».

ИЧ. Я от нее ушел, но я чуть ли не последний ее представитель. Самый типичный был именно Анатолий Штейгер. Еще было несколько человек, в том числе Юрий Терапиано — хороший поэт, но недостаточно оцененный. Но нельзя все время повторять самого себя. Вот я и решил обогатить словарь и теперь стремлюсь как раз не к этой бедности, не к упрощению, а наоборот, к усложнению словаря. В частности, хочу в стихи вводить слова, которых в стихах до сих пор не было. Седьмая моя книга называется «Антитеза» в смысле противоположения моей предыдущей книге. Та называлась «Пасторали». В «Пасторалиях» нет никаких гротесков, никаких совершенно. Там есть красота мира с горьким чувством обреченности и краткости нашей земной жизни. А иностранные слова существуют в большом количестве в моей книге «Композиция» и в «Антитезе», где я возвращаюсь к гротескному, сатирическому, даже сардоническому тону. Этого вовсе не было в «Пасторалиях».

ДГ. Да, я считаю совершенно замечательным, что, хотя вы человек уже не молодой, ваше творчество развивается такими, что называется, «бурными темпами». О вас написано, если не ошибаюсь, около 60 критических работ?

ИЧ. Я очень рад, что обо мне так много писали, но мне кажется, что многие критики, пожалуй, не отметили самого главного —

моего желания дать музыкальную интонацию и вместе с тем совершенно обыденную и житейскую. Вот у меня стихотворение, которое начинается выражением очень житейским — «То то, то другое». Я повторил это дважды, и вышла стихотворная строчка. Это короткое стихотворение возвращается к теме моей шестой книги — «Пасторали»:

То то, то другое, то то, то другое,
А хочется озера, сосен, покоя.

Среди ежевики, синики, черники —
И голос души, словно тень Евридики.

И я очутился в той роще осенней,
У берега детских моих впечатлений.

И больше не прибыль, не убыль, не гибель,
А лист, пожелтый, на водном изгибе

И жук, малахитовый брат скарабея,
Жужжащий в траве, от нее голубея.

Там, словно под тенью священного лавра,
Корова лежит с головой Минотавра,

Египетским богом там кажется дятел,
И я наблюдаю, простой наблюдатель,

За уткой, которая в реку влетела,
Как в небо — душа (только более смело?).

Как видите, здесь образ обратный: мы всегда говорили о минотавре с головой быка. И там есть жук — малахитовый скарабей. Все знают, что это египетские жуки из драгоценных камней, священные. Были такие настоящие, живые скарабеи лазурного цвета. Их египтяне считали священными. Критики правильно отмечали красочность моих стихов, обилие красок и обилие образов.

В какой-то степени я имажинист, у меня много образов и много предметов. Это очень вещественная поэзия. Вместе с тем в «Монолог» есть стихотворения, где предметы почти отсутствуют.

ДГ. О вас что-нибудь написано в России, или ваше имя полностью там замалчивается?

ИЧ. Вы знаете, я могу так ответить на ваш вопрос. У меня есть стихи о моей поездке в Колумбию — в такие города, как Богота или Картахена. Музей Золота в Боготе — совершенно изумительный музей доколумбийских вещей. В этих стихах я говорю о том, что умельцы, сделавшие эти поразительные фигурки из чистого золота, остались неизвестными. У меня есть там такие строчки:

Ты тоже мастер золотых изделий —
Из чувств и рифм, звучаний и видений, —
И письменность у нас, но имена
Не знает наши наша же страна.

И далее:

Не споря о бессмертии с божками,
Мы балуемся русскими стишками.

Что мы без аудитории на нашей родине? Все-таки мы пишем стихи по-русски в надежде, что они в Россию проникнут. В моих стихах нет ничего антикоммунистического и нет ничего такого уж совершенно декадентского. В сущности, эти стихи могли бы быть допущены, и я надеюсь на некоторую либерализацию, на то, что будет понятно: мы, эмигрантские поэты, — есть часть русской поэзии, что, собственно, нас из русской поэзии выбросить нельзя и не стоит этого делать.

ДГ. Скажите, из иностранных поэтов кто на вас повлиял?

ИЧ. Я не уверен, что кто-то на меня повлиял, но у меня есть любимые стихи. И меньше любимых поэтов. Из любимых поэтов я назвал бы, если говорить о немцах, Готфрида Бенна, его последнего периода. Затем Райнер Мария Рильке, Эдуард Мёрике из романтиков, даже Карл Кроло, но я не сторонник немецких модернистов, потому что их стихи как-то неприятно звучат, они немзыкальны. Из французских поэтов я очень ценю Жюль Лафорга, такого лунного поэта. Он похож отчасти на Аполлинера. Гийом Аполлинер и Жюль Лафорг принадлежат к моим любимым... Затем из современных поэтов — Жюль Сюпервьэль. Еще несколько.

Я никогда не восхищался сюрреалистами не потому, что я не люблю их странной образности, их странных видений. Нет, очень люблю, но некоторый беспорядок, звуковой беспорядок... Они как-то забывают о том, что каждое стихотворение есть все-таки звуковая структура.

ДГ. Из современных поэтов, живущих в России, не за границей, кого вы выделяете и кто, по-вашему, пользуется незаслуженной репутацией?

ИЧ. Там есть ряд поэтов очень талантливых. Я ценю Новеллу Матвееву. Я очень люблю, конечно, Беллу Ахмадулину. Мне очень интересен Леонид Мартынов. Он пишет не в моем духе, но там столько изобретательности, в частности звуковой, такая богатая образность. Интересен Евгений Винокуров. Между прочим, одно из его стихотворений явно под влиянием Георгия Адамовича, а другое — под влиянием Анатолия Штейгера, то есть в обоих случаях это «парижская нота».

ДГ. Они там упоминаются?

ИЧ. Нет, они там не упоминаются. Просто ясно, что он их читал. Мешает теперь русской поэзии то, что она мало знакома с поэзией иностранной. Это бывало и раньше. Русские поэты, например, 60-х и 70-х годов прошлого века варились в собственном соку, и это очень обрезало их крылья, ограничило кругозор. Я боюсь, что в России теперь некоторые поэты не имеют доступа не только к эмигрантской, но и просто к мировой поэзии.

Евтушенко — очень талантливый поэт, но он пишет очень быстро, небрежно и — публицистически. Такие его стихи, как «Бабий Яр», «Наследники Сталина», а до того — «Станция Зима», по существу, не имеющие отношения к поэтическому качеству стихов, конечно, помогли его славе.

Вознесенский тоже помог себе тем, что написал «Меня пугают формализмом». Вот это свое новаторство он оправдал ссылкой на революционность Ленина, который, конечно, отверг бы его стихи с негодованием. Это совершенно очевидно. Вознесенский очень много взял от Марины Цветаевой, и хорошо сделал. Еще Пушкин говорил: «Где свое нахожу — там его и беру».

ДГ. А из поэтов-эмигрантов кого бы вы назвали?

ИЧ. Я всегда очень любил Георгия Иванова, даже его ранние, петербургские еще стихи времени «Цеха поэтов» и журнала «Аполлон». Это были стихи эстетские, стихи сноба. Георгий Иванов всегда был снобом и эстетом и им остался. В этом я ничего плохого не вижу. Есть снобизм умный и есть глупый. Иванов всегда писал не то что женственно, но и не мужественно.

Это были прелестные стихи и вовсе не декадентские и без всякой, так сказать, однополой любви, без всякого гомосексуализма (как некоторые стихи Михаила Кузмина), стихи очень эффектные, очень изящные. И вы чувствовали, что поэт поставил перед собой задачу написать красивые стихи.

Слово «красота» теперь, конечно, скомпрометировано, и все избегают его, пытаются как-то иначе определить его сущность. Но, по существу, красота — это все-таки то, о чем мы все время думаем, когда пишем стихи, или чем мы как-то проникнуты. Так вот, Георгий Иванов был одним из моих любимых поэтов и им остается.

Записал Джон Глэд.

Я сам с собою говорю по-русски

— *Игорь Владимирович, почему вы до сих пор не приезжали сюда?*

— Душенька, это зачем же? Чтобы проследовать в Сибирь и сидеть в лагере?..

— *Вам не жалко нашей развалившейся империи?*

— Это можно было предположить давно. В начала 50-х годов на радиостанции «Свобода», в редакциях, рассчитанных на другие республики, уже работали расчленители России. За это им и платили деньги. И русскую редакцию, где я работал, они не любили. В этом вопросе радиостанция вела себя совершенно неприлично. А республики, ну что же, конечно, они имеют право на самостоятельность. Мне только не нравится, что они этой самостоятельностью так безобразно пользуются.

— *А когда вы уехали отсюда?*

— В Риге в сорок четвертом году я имел неосторожность сказать, в очень тесном кругу, что Гитлеру не победить в этой войне. И через три дня ко мне явилась милая компания. Два таких оберштурмфюрера. Они сообщили, что передо мной выбор: или я еду в Германию на принудительные работы, или жизнь моя окончится весьма печально. Я, конечно, выбрал тот вариант, который не грозил мне немедленной утратой земного существования. И меня с большой группой латышей увезли в лагерь в Рейнской области. Там мы пробыли примерно девять месяцев. По окончании войны нас перевезли во Францию. Я попал в Париж.

В Париже я встретил много русских. Ивана Алексеича Бунина. Бывал на его четвергах постоянно. Николая Александровича Бердяева. Бывал на его воскресеньях. Георгия Адамовича, Георгия Иванова, Сергея Маковского, Владимира Вейдле. Замечательный был человек. Блистательный. И говорил по-немецки и по-французски совершенно великолепно. Безо всякого акцента.

Здесь у вас было мнение, что писатель-эмигрант — дело конечное. Ничего хорошего он уже написать не может. А между тем

Зайцев выпустил в эмиграции несколько прекрасных книг. Иван Алексеевич Бунин лучшее свое написал именно за границей. Хотя Зинаида Николаевна Гиппиус, баба умная-умная, но злая, говорила ему: «Иван Алексеевич, вы не писатель. Вы — описатель». Она имела в виду его прекрасные описания Москвы в рассказе «Чистый понедельник». Ну, дай нам Бог побольше таких описателей.

Когда я только приехал в Париж, я оказался на собрании Объединения русских писателей. И вот за столом с зеленым сукном вижу Ивана Алексеевича. Во фраке. Отложной воротничок, белый галстук. Невысокого роста. Лицо — бронзовая медаль. Красавец. Надменный.

— *А кто еще был на том собрании?*

— Рядом с Буниным сидит, Боже ты мой, какой-то карлик. Урод. И это — великий умница, Алексей Михайлович Ремизов. Душечка. То есть он далеко не со всеми был душечкой. Со мной — да. Со многими другими — нет. С ним произошло вот что. Взглянув-ши однажды на себя в зеркало, он понял, что при такой наружности надо что-то предпринять. Это же случилось и со Львом Толстым. Как-то, когда ему было лет тридцать, он во фраке увидел себя в зеркале. Такая физиономия! И Лев Николаевич, умная голова, решил — никаких фраков. Рабочая блуза, борода. И все встало на место. Так же поступил и Ремизов. Отказался от пиджаков, галстуков. Надел блузу и стал паясничать и фиглярничать, выступая шутом гороховым. Навесил даже в своей комнате какие-то скелетики. Скелет летучей мыши, домашней мыши, скелет селедки. И так далее. Я часто бывал у него. Он мне дарил все свои книги. У меня много писем от него.

— *Что вы думаете о современной советской поэзии?*

— В России есть хорошие писатели, поэты. Например, Леонид Мартынов. О нем ни одна собака за границей не знает. Но какой мастер! Александр Кушнер. Белла Ахмадулина.

— *А Бродский? Вы его не называете.*

— Его стихи... Своеобразные. Это верно. Но, за исключением двух, — без очарования.

— *А Вознесенский?*

— С Андрюшей Вознесенским я познакомился, когда один знакомый притащил меня к невесте Маяковского Татьяне Яковлевой. Она вышла замуж за очень богатого человека, скульптора, и жила на одной из самых престижных, как бы вы сказали, улиц Нью-Йорка, в особняке. Приходим. Спускается великолепная дама, царица Савская. Татьяна Яковлева. Повели нас в салон. Болтаем.

Вдруг звонок. Это Андрюша. Он не придет, потому что он у Кеннеди. Татьяна Яковлева вспылила и резким тоном ему сказала, что если он не придет немедленно, то пусть и дальше не приходит. И повесила трубку. Примерно через пять минут Андрюша явился.

— *Издание русских стихов на Западе дело убыточное? Некому читать?*

— Да, русских у нас почти нет. Последний мой сборник — «Автограф» — вышел в издательстве «England Publishing Co» в восемьдесят четвертом году. С меня взяли за это примерно тысячу долларов.

— *С кем же вы общаетесь?*

— У меня круг знакомых очень маленький. Есть три человека, с которыми я дружу. Наум Коржавин. Михаил Крепс*, который написал о моих стихах в «Новом журнале» очень хорошую статью. И есть еще одна дама. Бывшая советская. Это милые люди. Но никого больше.

— *А вы пишете по-английски?*

— Стихи — нет. Меня много переводили. И на английский, и на французский, и на немецкий — и все плохо. У меня есть звуковая структура, линия. Но это непереводаемо.

— *Вы около тридцати лет живете в Америке. Не чувствуете себя американцем?*

— Я жил девять лет во Франции — и французом не стал. Около семи лет — в Германии. А немцем тоже не стал. Теперь у меня американское гражданство. Но я русский эмигрант.

— *Свой среди чужих? Чужой среди своих? Со своей жизнью, своими проблемами? А у окружающих вас какие проблемы?*

— Никаких проблем в вашем понимании у них нет. Главная проблема — не заболеть. Ежели вы заболаете — дело ваше каюк. Вы просто разоритесь. В Америке болеть нельзя. Впрочем, народ они здоровый, и как-то все обходится. ...А американские фильмы ужасные. Вообще в массе своей американцы в высшей степени антиинтеллектуальны. Не нужно думать, что это сплошное быдло. Нет. У них есть интеллектуалы. Но большинство книг не читает, а в гимназии им мало внушили разумного, доброго, вечного. Вы приходите в американский дом — где же книги? Книг нет. Только у профессоров. Они по долгу службы, естественно, должны иметь книги. Вообще американцы — люди добрые, милые. Зла вам не желают. И зла вам не сделают, что самое главное. Меня зовут

* М. Крепс умер вскоре после этой публикации.

«профессор». «How are you?» Разговор на этом обычно кончается. Вообще, там говорят только на нейтральные темы. Лучше всего о погоде. Если вы заговорите о чем-нибудь высоком — скажут, что вы идиот.

— У вас прекрасный старинный выговор. Как вам удалось так хорошо сохранить язык?

— А почему бы мне его не сохранить? Никакой задачи в этом нет. Если случится встретиться с каким-нибудь русским — мы поговорим по-русски. А так... Я сам с собою говорю по-русски.

Затисала Ольга Кузнецова.

На вопросы о моей поэтике

Я ВСЕГДА хотел в стихах музыкальности, мелодичности, плавности, звуковой нежности — и полного совпадения *мелодии* с *логотеей*, логической интонацией, с ритмикой, подсказанной *смыслом*. Наперекор дисгармоничности, какофоничности, всем диссонансам нашей современности я всегда искал *гармонии*. Я уверен, что поэт может быть современным, не порывая с принципом звуковой красоты.

В русской поэзии, в отличие от французской, английской или немецкой, традиционные размеры, за немногими исключениями, не обветшали, и они, как и рифма, даже полная и богатая, вполне допустимы и в *модернистском русском стихе*.

Я всегда любил тщательно отобранный, отсеянный словарь и никогда не хотел в стихах языкового богатства, а стремился к краткости, но и тяготел к образности, к метафоричности, картинности и в особенности искал образов, имеющих символический смысл.

Мне хотелось запечатлеть в стихах *прекрасное*, красоту мира, пробудить читателя яснее увидеть эту красоту хотя бы в мелочах — и даже особенно в мелочах.

Я напоминал и о зле, и о безобразии, окружающих это прекрасное, о краткости сроков, отпущенных нам для того, чтобы <красотой> любоваться. Самые идиллические мои образы даны на трагическом фоне, за ними трагический подтекст обреченности.

Мне всегда казалось, что стихи стоит писать только о самом важном — и что это самое важное именно и есть кратковременная жизнь человека в мире, где страдание, зло и грязь сосуществуют с прекрасным.

Для меня крайне непривлекателен застойный традиционализм. Но не манит меня и безоглядное новаторство футуристского толка. Хотя я написал целый ряд стихотворений вольным стихом и без рифм, я и в них не изменял музыкальности, считая, что русский футуризм, во многом пошедший дальше нынешних ультрамодернистов, но исчерпавший себя и вполне заглохший, есть лучшее предостережение тем, кто отказывается в стихах от мелоса, от «звуков сладких», от Гармонии. (Хлебников, если не считать его «смехачей» и еще нескольких стихотворений, именно антимузыкален, и его крушение так же показательно, как и провал Игоря Северянина и Бальмонта, мелодия которых дешева, не поддержана логосом и почти всегда остается в плане только красоты, не подымаясь до красоты.)

Я стремился к *равновесию* всех элементов стиха — и к равновесию в целой книге. Мне кажется, что роль искусства в современном мире вовсе не в том, чтобы отражать какофонию эпохи, ее разорванность, раздробленность, искаженность, а в том, чтобы противопоставить хаосу гармонический строй и лад, не детски простодушный, конечно, не пахнувший прошлым веком, но выросший из сознания, что истинное искусство всегда есть Логос, отраженный в Мелосе.

ПИСЬМА

1. Ю.П.Иваску

22 сентября 1934 г.,
Рига, Латвия.

Сейчас на почте обнаружил, что потерял стихи, для Вас переписанные. Простите, в другой раз непременно пришлю. Заново переписывать — нельзя вынимать почту.

И.Ч.

Дорогой Юрий Павлович, спасибо за письмо, за стихи, за «Новь» (но Вы не прислали мне Вашего первого письма — я и теперь его не получил). Простите, если я напишу нескладно: я не могу сейчас скомпановать матерьяла — его так много. Мне действительно очень понравились Ваши стихи — а всего больше строки:

Враг мой мрачный умолк.
Жду я светлого друга,

и еще это:

Друга я не знаю.
Скудные снега,
Мгла неземная.

Здесь именно то, что я всего больше люблю. Надо очень ценить строки «без фона», строки, в которых воплотилась «сущность». Но я — хотя и я ленив (страшно!) — не могу согласиться с тем, что обращенность к сущности всегда от этой сущности уводит, что сущность — большая тишина, «раскрывается в сердцах тех, кто о ней меньше думает». (Значит, я защищаю антропосо-

фию.) Теперь слишком трудное нечеловеческое время, и ничего не даруется или даруется слишком мало. Пушкин был очень Божеский (хотя отчасти и он сальеричен) — а нам надо трудиться, жертвовать, тянуться и ждать, нам суждена мука совершенствования — это именно Ваш «долг» и «закон» современности. Работа над стихом — это работа над собой, над совершенствованием себя самого [ради стихов, хотя бы, а через них — ради людей, мира, Бога, — думаю я в свои религиозные минуты (и редкие антропософские), — и ради красоты, а через красоту — ради своей гордыни, — в минуты эстетические и, значит, отступнические (*мой* эстетизм есть отступничество, но я не всегда эстет)]. Когда красота есть «переживание известного средства как цели» (Вы это хорошо выразили), — это мало для мира и для Бога, а ведь теперь уже нельзя об этом не думать. Я не антропософ, потому что люблю красоту люциферическую, а не Божескую (той как-то, может быть, не вижу). Но надо тянуться к Божеской, надо любить, как

На небе солнце зазвучало, —

надо приобрести чувства Ломоносова и те, о которых думывал Достоевский и которые иногда знал Гёте. <На полях: «Я не славист, а тоже юрист, хотя и не люблю этого, а люблю старинные рукописи».>

Вот он и пример. Когда-то он не стыдился писать: «Wenige sind mir jedoch wie gift und schlange zuwider; viele: Rauch des Tabacks, Wanzen und knoolauch und T<od>»*. (Розанов!) А потом он стал Гёте — и даже эгоистическое совершенствование им его эстетической природы много дало миру. В том, собственно, и была «недоволенность» Белого, что он мало, в общем (несмотря на свои антропософские «взгляды»), искал совершенства, а если искал, то чаще «совершенства», предельной меры воплощения не сущности, а воплощения своего излишнего, своего неважного, какого-то случайного мира. Он занимался пустяками, в конечном счете, — на Божиих весах это «легко». Мое искание совершенства тоже дурное, совершенство для меня — очень немного количественно, исходящий из какой-то страшно далекой точки серовато-жемчужный свет, «бледно-молочный», как написал подобно тоже и Оцуп. А надо быть всеобъемлющим. Вот — как хорошо, что Вы цените Цветаеву. Я как-то нетверд в отношении к ней, ее тради-

* Немногие вещи мне противны, как змеиный яд; другие: запах табака, клопов, и чеснока, и смерти (*нем.*).

цию считаю даже «антипоэтической». Но она как-то «всеобъемлюща» — что бы ни говорили, — и нельзя не чувствовать, кроме того, ее силы (и ума, и вкуса, — она иногда сознательно *мимо* вкуса), ее большой души и внезапной прелести, ее «верности», ее «достоинства». Она вызывает редкостное почтительное чувство — очень возвышающее. Я бы хотел прочесть Вашу книгу о ней — наверно, я со многим бы согласился. Я все иллюстрирую «Новью» — кстати, мне очень понравилась статья К.Гершельмана, но его «В одном из соседн<их> миров» — очень не понравилось. Между прочим — даже в силу необходимости (нося фамилию Нарциссов) нельзя говорить о себе «автор». И нельзя хвалить «поэзию» Бунина. Впрочем, Н-ссов привел 2 прекрасные строчки:

Мира восторг беспредельный
Сердцу певучему дан.

И, конечно, Н-ссов прав: Бунин *«подчеркивает»* их. Кстати, статья Н-ссова похожа на II половину статьи Иртеля, начиная с «это было в смутную томительную осень». Прав Георгий Адамович: таким читателям «надо учиться читать». Таким писателям «надо учиться писать».

Вы спрашиваете о людях вокруг меня; многие — такие же, но 2 человека из числа моих приятелей — мои друзья. Мне не пришлось теперь быть с Ник. Белоцветовым даже и в столь близких или далеких отношениях, как года 3 тому назад, — он живет совсем уединенно. А он самый ценный и самый замечательный человек, кого я знаю, — но что делать. Я передал ему на днях Ваш привет — он благодарит Вас и собирается Вам писать. Я знал здесь двоих из «Чисел» — Георгия Иванова и Фельзена. Фельзен — очень порядочный человек. Да, знал еще Ир. Одоевцеву — она ловка до чуткости. Иванов был ко мне чрезвычайно хорош некоторое время. Я очень люблю его стихи, у него много вкуса (но мало сердца). Давайте поговорим о хорошем. Я очень люблю Тютчева, и Мандельштама тоже (Вы не написали про Анненского), очень люблю Ахматову, хотя ее все любят, кроме Вас. Почему она Вам «непонятна»? И почему от Блока у Вас отвращение? В Блоке есть что-то очень большое и очень трагическое — он необычайный человек, необычайный поэт — Белоцветов назвал его Орфей. Как Вы можете упоминать его рядом с Фетом — того я почти совсем не люблю. Из молодых, как и Вы, люблю Поплавского (Ладинский банально-

изящен, это-то и бывает безвкусно, но иногда красив, сравнительно), очень люблю Белоцветова, иногда Червинскую — какие разные тяготения. Еще люблю (отвечаю на Ваш вопрос) «Меркнет дорога моя». Я написал его на взморье, где жил позапрошлой осенью, в полчаса, вместе с другим, и не переделывал — я редко пишу так. Хороших стихов у меня нет, и я ленюсь их исправлять. Любите ли Вы Анненского? Он, Пушкин, Тютчев, Мандельштам, Лермонтов и Блок — мои любимые. Не люблю — Вяч. Иванова, люблю стихи Георгия. Будьте здоровы, напишите мне еще о себе — больше писать мне сейчас нельзя. Иду отправлять письмо.

Ваш Игорь Чиннов.

2. Т.Г.Иваск

Из лагеря.

На почтовой марке штамп:

15.I.1945, Вупперталь.

Russisch geschrieben!*

Дорогой Пупсенок, с Новым годом, дай Бог, чтоб он, по крайней мере, хоть кончился лучше старого. Очень хочу тебя, обезьяну, повидать, но — не пушают. Юра писал, что тебя ухватил за хвост. Чем же кончилось? Писала ли ты маме? Ей там так одиноко. Ах, милый Тамарчонок, когда нам станет хорошо? Хоть и трудно тебе, а ты все-таки пиши, пиши мне, собака. Что наши знакомые, друзья, я ни о ком ничего не знаю. Пиши стихи. Жри больше, береги себя и не мучь себя напрасно. Целую в нос тебя, чужая жена.

Твой Игорь.

3. Ю.П.Иваску

Отправлено 22 января 1947 г.

Дорогой Юра, дорогой друг, так хотелось бы Вас увидеть, а увидимся ли когда? Какие то D-P** из Германии начали сюда (на юг) приезжать, но — будете ли Вы когда-нибудь в их числе? Вот говорили бы — почти напролет — несколько ночей. Но что же это с посылкой? Боюсь, не надули ли меня снова (как с посылкой, которую послал маме в Берлин). Как только прибудет, напишите немедленно.

* Написано по-русски! (нем.).

** DP — Displaced Persons — перемещенные лица (англ.).

но, что именно в ней было. Дошли ли газеты? Сегодня посылаю снова. Прошлый раз послал не <нрзб.>, а через 3 дня приходит Ваше письмо о том, что адрес этот воспрещен. Ну, авось. Перед тем пакетом долго ничего не посылал, потому что целый месяц газеты (и французские) не выходили.

Спасибо за стихи. Читал их кое-кому из здешних — но ведь здесь все почти признают исключительно себя самих; все-таки соблаговолили, кое-кто, высказаться одобрительно. Адамович (кстати, на днях вышла его книга «L'autre patrie»* — дневник; по-моему, там не все хорошо) — Адамович их еще не знает. Так что потерпите — сообщу его отзыв в следующем письме. Все они, мэтры, здесь заняты (адрес Мамченко все еще не узнал: он рак-отшельник; но на днях общее собрание Объединения писателей, надеюсь его встретить). Кстати, à propos: читал стихи на вечере Объединения, и хотя некоторыми, и Адамовичем (сказавшим в заключение: «Леконт де Лиль говорил о ком-то: il n'est pas de la maison; а Вы — vous êtes de la maison**»), был очень похвален (зрелый поэт и пр.), но рецензент «Русских новостей», рассердившись на весь свет за неуспех Червинской, а на меня за непочтительность, сугубо им <...> — вообще обо мне не упомянул! Зато упомянул Адамович в докладе «Что дальше?» о поэзии и поэтах, — упомянул в числе трех самых характерных.

Но я хотел не о своих стихах, а о Ваших.

Хочу их продвинуть в альманах «Орион», который собирается осенью выйти — если Вы согласны, конечно (альманах будет хорошей). Теперь извольте выслушать мои соображения по поводу их. Начнем с недостатков.

«<нрзб.> царской славы» я не решился «опубликовать» — из-за «восставших рабов» (а не из-за гербов, как Вы, м<ожет> б<ыть>, подумали! Хотя гербы здесь очень не в моде). Думаю, от этих строк Вы сами откажетесь — именно из-за их «моральной» неоправданности, из-за гордости, столь нехристианской и столь диссонирующей и с Вами, лучшим, и с духом русской поэзии. Здесь эти стихи вызвали бы резкие нарекания — мне хотелось Вас от этого уберечь. (Но первая строфа — с прелестью, ее надо сохранить; однако это акмеизм, Мандельштам: парижане и за это Вас осудили бы!) В «Поморе» я бы возразил против «Небрежно... могуч» и против «Тишина на весь полярный круг от насупленной брови». За это Вас побранили здесь. Затем дурные толки — Вы по-

* «Другая родина», Париж, 1947. (на фр. яз.).

** Он не из дома; а Вы — Вы из дома (фр.).

нимаєте? — может вызвать «И ты не раб, и не целуй мне руки...». Это рискованно. Дальше. Шекспир (The living record of your memory...) — превосходен, но Дант, по-моему, скорее неудача. Ибо почему в этом стихотворении Дант? Извините за глупый вопрос, но он напрашивается. «Почти явлением» — «почти» всеми понимается как *gresque*, *fast**, а не как повелительное наклонение. И рифмовка последних строк, хотя и принята Червинской, по-моему, раздражает слух. Но очень хорошо все-таки в этом стихотворении: первые 2 строки и четвертая (исправьте «Изнежен музами, я нежно лгу!»), очень хорошо: «Но пережить как смог ты, человек, кацеты, гетто, гибель Хиросимы: /— О, не по силам ненависти меч и крест любви».

А Шекспира перевели здорово! Адекватно. (Кон-гениально! Это — Шекспир!)

О Париже. Вы четверть века о нем мечтаете, и я мечтал чуть ли не столько же: и что же? Поэты здесь все враждебны, все со всеми в ссоре, а как сойдутся, так сплетни и толки, стихов почти никаких, а главное — многие из них вовсе не парижане, а рижане или ревельчане. Парижане — это Вы и я, т<о> е<сть>, конечно, и Адамович — но после его имени, беспорного, затрудняешься, кого бы еще называть. Симпатичны очень Гингер и его жена Присманова, Мамченко и Софиев — другие не очень симпатичны или очень несимпатичны. К чужакам враждебны, и меня еще в гораздо большей мере «примлют», чем Корвина-Пиотровского, берлинца, например, — но все-таки дружбы ни с кем не получается. Есть еще такой начинающий, кн. Н.Оболенский, он милый. И Зинаида Шаховская. Но — в Париже и Вас, и Тamarчонку ценишь еще больше. Именно — после Парижа и оцениваешь по-настоящему. Пишите! Ибо — грустно. Час ночи. Спать!

Ваш верный Вам Игорь.

4. Mr. and Mrs. G.Ivask
<Ю. и Т.Иваскам>

*25 января 1950 г.,
Париж, Франция.*

Дорогие Пупсы мои, *посылку получил*, спасибо за внимание и добро; но впредь — никакой жратвы! 1) Здесь все (даже кофе)

* Здесь: почти, свершившимся (*фр., англ.*).

в свободн<ой> продаже. 2) Мне из-за печени нельзя никаких консервов, ни поджаренного сала, ни масла*, ни жареной картошки — увы! — ни самому съесть, ни выгодно продать (это не 1947!); а наличные 4 доллара мог бы здесь употребить гораздо выгоднее и — на нужды неотложные. Целую обоих, но порю розгами. *Юра: статью надо прояснить!* Присманова: имажинизм, от внешнего (вещей) к невестеств<енному>, путем «игры слов»; сердце, запутавшееся в голове. Раевский, тютчево-гётевское и христианское. Мамченко — «высокое косноязычье» (никаких упражнений со словом, как у Хлебникова). Монпарнаса — нет! Гингер в прошлом — забавы чудака «отшельника». Ставров (перестал писать стихи) — импрессионист, зыбко, нервно. *Маковский — классичен, золотое равновесье* (петербуржец, редактор «Аполлона»). Червинск<ая>: приглушенный разговор в сумерках с собою самой — о душе и полочувствах-полу-мыслях. Иванов — сладость + насмешливая** грусть, *Г.В.А<дамович> — без сладости и без иронии*; Корвин: стремление «опрозаичить» поэзию, ирония. Я: поэзия без поэтичности, но не так проза, как у Штейг<ера>; Прегель: гражданственность, м<ежду> пр<очим>; Сирин: виртуозно, «искушенно». Шт<ейгер> с Черв<инской> — более субъективны (Черв<инская> — интимизм), я — более объективирован — как и Раев<ский>, Ладин<ский>; Смолен<ский> — пафос, поза, но талант<ив>; молодые (Величк<овский> и пр.) — мало «культуры слова»: *случайные слова*, не выписано, не сделано — бойтесь неясности, *надо, чтоб читатель понял!* Пишите! Как переносите климат? С кем сдружились? Осторожно! Целую обоих.

Дуся.

Простите, милый, что добавляю (к статье)!

5. Ю.П.Иваску

17 сентября 1958 г.,
Мюнхен, Германия.

Дорогой капризуля и чухна, наконец отлегло чуть-чуть в смысле хозяйственных забот («...среди разных маленьких, житейских дел», — помнишь строчку Ладинского?), и вот урвал «час-другой» для писем. Нет, напрасно Ты пишешь «спасибо» за прием, Тебе оказанный: Дуся собирался

* Шоколада — тоже нельзя. Можно ли Вам? — *Примеч. И.Чиннова*

** Отчасти: не то чтоб совсем насмешка или ирония. — *Примеч. И.Чиннова.*

Тебе «оказать» прием получше — и вообще, квартирные дела, как ни стыдно сказать, все так испортили, и так все вышло «не так», что я потом, проводив тебя, даже ночью чуть-чуть разнюнился. Не пришлось поговорить с Тобой так, как воображалось; вообще слишком многого не пришлось.

И я уже мечтаю, что через год — если, даст Бог, все обойдется — ты приедешь в лучшее для меня время, и мы (я возьму отпуск) будем бродить по паркам и лесам (хотя Ты против лесов, лишь за парки), и говорить о стихах, и читать стихи. Поговорим и о другом — и все это не торопясь, в прекрасном сознании досуга и покоя. (Не смейся над тем, что с хозяйственными заботами я справляюсь так медленно и что обходу лавок посвящаю так много времени. Знаю, что веду себя глупо, да что поделать, если «фантазия» у меня такая.) Примечание это вызвано словами «досуга и покоя».

Большое письмо — вслед этому. Пока — коротко о том, что очень задевает за сердце смертью Г.Иванова: сильно меня расстроило, я даже сам не ожидал...

Насладись, пока не поздно
(Ведь искать недалеко),
Тем, что в мире грациозно,
Беззаботно и легко.

Вот это «пока не поздно» теперь меня «пронзает»: скоро для моего станет поздно.

Целую тебя и Пупса. Всего-то и хочется, чтобы стало на свете «беззаботно и легко»; чтоб сидели мы в садике у фрау Кгевин и ели смородину — в смородине и есть мудрость жизни, а остальное — бред.

А Гершельманы мне очень понравились. И запомнил, как бродили мы с вами по тусклой дороге, среди невзрачных домиков и полей с грядками свеклы. Потом — въезд в Шлейсгейм, остановка у поросят. В следующий твой приезд должно быть больше.

Прости, что так бестолково пишу. Вообще — прости Дусю и напиши поскорей.

P.S. Об Иванове я собираюсь кое-что написать, только еще не знаю где. И здесь устроим, в Русской библиотеке, вечер — я буду «говорить речь». Еще раз kiss*. Пиши, Юра. Хорошо, что мы перешли на «ты».

Игорь.

* Целую (англ.).

И ничего не исправила,
 Не помогла ничему
 Смутная, чудная музыка,
 Слышная только ему.

Музыка Иванову не помогла.

6. Ю.П.Иваску

30 ноября 1960 г.,
 Мюнхен, Германия.

Дорогой профессор и критик Юра, чухна и петух,
 опять мы не писали друг другу «месяцами» — и кажется, послед-
 нее письмо было твое. Выдери меня (на расстоянии) и прости.

Как вы, Пупсы, живете? Чилдренята. Как Сиэтл? Доволен ли?

Из письма твоего выяснилось, что вы оба плюс Галочка мне
 послали из Cannes открытку; я ничего не получил! (И — обижал-
 ся.) Прилагаю одну из двух открыток Е.Э., чтобы ты мог оценить
 Leistungen* мюнхенских почтальонов.

Умерла наша Аня, которую я звал Рыбка. Умерла во сне, той
 мирной, безболезненной кончиной, о даровании которой молятся.
 Но все-таки — умерла; и жаль Гингера, и вообще грустно. Она бы-
 ла незаурядная и очень с душой...

Вот смерть Элиты-Вильчковского меня оставила равнодуш-
 ным, если не считать соображения, что вот еще меньше стало людей
 настоящей культуры в нашем «зарубежье».

Но оставим, «passons».

Представь: «Линии» все-таки выходят, 45 стих., 64 стр. Скоро
 получишь. А «рекламный проспект», тобою посоветованный, —
 тоже, хотя составлял я его с чувством неловкости.

Семинар — тоже сделаем; только вот не подберу темы... А? А?

Перечитывая НЖ 23, твою в нем заметку о книгах «Рифмы»,
 восхитился — как хорошо ты написал о Штейгере! Молодец.

Нехорошо же — то, что бестолково провели мы неск<олько>
 твоих мюнхенских дней. Кое-что было хорошее — Nymphenburg**
 и коровник с курятником по дороге ко Ржевским, пирог Гершель-

* Расторопность (нем.).

** Дворец Нимфенбург на окраине Мюнхена.

манов (как *идет*: пироги и кресла около печки, т.е. уютно), но в общем — увы. Приезжай этим летом, возьму отпуск для гениальных разговоров, как ты выразился. Я очень много собирался тебе всякого сказать, но — вот уже 2-й раз — не получилось. Дурацкие «ссоры» помешали (а еще считаемся умными людьми), последняя фраза — трехстопный хорей.

Что ты сейчас пишешь, бумагомарака ты чухонско-заокеанская? Поделись «литературными планами».

Кажется, на этих днях заедет Ганс. Вчера неожиданно явился. Как-то у него встретился с Борей Бароном, который душечка. А Роббин Иоахца простыл и след.

С Елиз. Эд. виделся я лишь раза 3, и разговоры велись без вдохновения.

Ах да, о деле: никаких квитанций твоих никто не передавал, и я не знаю, с кем ты имел на станции дело — к кому обращался. А?

Знаешь ли (прости, что я так прыгаю с темы на тему), что выходит в «Ваших» США «Чтец-Декламатор»? «Чтец-Декламатор» — это бессмертно. А кто издает? Любопытно.

Был у нас здесь — «в качестве» кандидата на место — Померанцев — очень за эти годы поосунувшийся, не то что ты (и якобы я). Годы-то идут, а? Вот именно.

Пишет тебе Марков? И как (это без знака равенства) Марья Самойловна? Начали бы вы с ней альманах <...>...

А Лида Ч<ервинская> (это между нами) такую интригу и бучу подняла и завела в русск<ой> ред<акции>, что прозвали ее Лумумбой — и отделили: гл<авный> редактор отказался с ней работать. Истеричка она.

Ну, вот. Вообще же — «мне скучно, бес». И скучно без...

Два чмока — по чмоку *на рыло*. Пиши! Grüß Gott!*

Дусяка.

«Литературная страница» (а то все о «деловом» и житейском в письме).

У Иванова в посл<еднем> НЖ:

Меня вы не спасли. По-своему вы правы:

Какой-то там поэт...

Ведь до поэзии, до вечной русской славы

Вам дела нет.

* С Богом! (*нем.*)

Напрасно это Гуль напечатал. Ясно ведь, что Г.И. и «вечная русская слава» — это два разных плана. И Б<унин> — не Толстой. И получилось — чувство неловкости за «Жоржа».

«Грани» издают антологию. Название... гм... название — «Муза Диаспоры». Как говорится, *sic**. «Муза Диаспоры»! Блестящая мысль народилась чуть ли не в голове Терапиано. Нет, тогда уж лучше «Чтец-Декламатор»: Чухлома без чрезмерных, все-таки, претензий.

Читал советскую «лирич<ескую> продукцию»; увы, Чухлома тоже. Сентиментальная пошлость, хамски-вульгарная «мещанскость» в лирике и такая «примитивность» душевного мира, что вчуже за них обидно. Позор, а не поэзия, хотя талантливо и, часто, умело.

St. John Perse: всегда меня от его великолепия скука брала, настолько это «кимвал бряцающий»; перечитал — увы, все то же. О море (Amers, Vents) у него, казалось бы, и здорово, но у Мандельштама одна строчка все это красноречие перевесит:

И море черное, витийствуя, шумит.

Звук этого «витийствуя» здесь — несравненен!

К тому же «стихов» вне стихотворн<ой> формы я и не люблю. Вопреки Иваску, рифма — б<...> очаровательная и порой кажется молоденькой. А метр — совсем хорошая вещь; правда, во франц<узской> поэзии обычный размер очень уж заезжен, но Supervielle, напр<имер>, писал стихи не в *vers libre*** , а звучало свежо (и звучит).

Недели через 2 жди «Линий» — где рифмы, ямбы (хотя не языковские и не ахматовские), где «небо», «закат», «облака», «луч», «нежность» и прочие запретные красоты. Употребляю эти слова по простодушию, не зная, что они старомодны. Или потому употребляю, что спекулирую на красивой поэтичности. Как знать? Есть еще объяснение: *люблю* небо, закат, облака, прозрачные и нежные «вещи», *люблю* традиционный поэтический язык, *символический душевный пейзаж*. Люблю — и пишу, как хочется — пыта-

* Так (*лат.*).

** Свободном стихе (*фр.*).

ясь, впрочем, «дозировать» так, чтоб получалось не слишком густо. Очень далеко отойти от «поэтичности» — так и от поэзии окажешься далек: надо быть где-то на полпути (от «красот»). Модернизм, который я, право же, знаю, мне противен так же, как джаз, которого никогда не слушаю, что не значит, будто идеал мой — это романс Чайковского.

И черни, требующей новизны,
Я говорю: нет новизны. Есть — мера.

Чмок. Дуся.

7. А.Р.Реннингу

8 ноября 1965 г.,
Лоренс, Канзас, США.

Дорогой Толя — тип, субъект, крокодил! А я, сомнений нет, — совершенная свинья. Только без ермолки, в отличие от Земляники, но в остальном — совершенная свинья. И Вы будете правы, при встрече (ах! когда?!) облив меня презрением (но только презрением, не вареньем и не чем-нибудь похуже)!

Я попросту безобразник. Ммммерзавец. Но — вот смягчающие обстоятельства:

вернувшись с Гавайских, б.* Сандвичевых островов, где есть сандвичи, но нет гавайской гитары, хотя на hawaiian show** кричат Alo-ha (алоха), т.е. *аллаверды* — Grüß Gott, и девушки вращают бедрами и *жопой* с типично астрономической скоростью (попробуйте, но я пасую), — вернувшись, говорю я, с вышеозначенных (см. выше) островов, я, гм, закрутился, подобно гавайской жопе (см. выше), с такой же скоростью — в вихре, увы, житейских дел.

Надо было: 1) в любезных письмах подробно разобрать книги, присланные мне пятью а-а-а-втора-а-а-а-ми; 2) ответить на 17 писем обширными посланиями; 3) развесить в моих княжеских хоромаш [Я завел именно такую квартиру, о которой писала Анна Андреевна: «Ах, как хорошо!» (+ «такое амбре, чтобы войти было нельзя».) Роскошь умопомрачительная.] — так вот, развесить надо было в этом палаццо 11 (одиннадцать) новых картин —

* б. означает бывших, не подумайте худого. — *Примеч. И. Чичикова.*

** Гавайское шоу (англ.).

задача сложнейшая!!! мяу!; и 4) Муза, схватив меня (не за вихры, увы, на месте вихров — тишь, *гладь*) за шиворот, подтащила к «рабочему столу» с гусиным пером в сухой чернильнице — и... Это ужасно.

Так что — простите уж канзасского молчальника... (Весьма болтливый, впрочем, судя по этому письму, гм, гм.) И — примите грандиозный кникс и крацфус* за письма, фотографии — и письмо дальнего моего предка, не самого дальнего, что, уцепившись хвостом, раскачивался на кокосовой пальме, — но все же довольно отдаленного.

Всерьез: огромное Вам, широкое русско-латышско-чухонско(!)-канзасское мерси. Очень благодарю. Толя, милый, это же была возня — списываться с майором и т.д., а Вы же так заняты. Тронут дружбой, аж растроган самоотвержением.

Немедленно вслед за чем, бесстыдный, собираюсь навязать Вам *еще* дело (вот сволочь!): хочу попросить, чтоб отправили в контору переводов (в Стокгольме должны же быть, рассуждаю я) то «генеалогическое исследование», кот<орое> добрый майор Вам прислал. Пушай (сколько бы ни стоило — *ich bin ja wohlhabend und was unter 50 dollar Liegt, ist ja überhaupt kein Geld für mich, Strunt***, раз плюнуть, да и 100 долларов можно «на такое дело» отслонить) — пушай переведут на английский (я теперь чистокровный англо-американец), *а со старинных документов «снимут ксерокс»*, сфотографируют т.е., посредством ксерокса. Плачу́ за все, не стесняйтесь в расходах.

А Вам за то восьмизэтажный дом подарю — хорошо? И вечно Бога буду молить за Вас, в чем действительно настоятельная необходимость.

Эге! Из письма Вашего выясняется, что «Белочка» Ваша (препремилая!) — «художница». «Доброе дело, хорошее дело». А из фотографии выясняется, что физии у Вас обоих очень приятные и что настроение на них «отображается» тоже очень приятное — это уже совсем хорошо.

Пришлю в ответ и свою разжиревшую морду, дайте срок.

А с чухонским профессором, прикатившим ко мне в Колорадо (где была отрада земная), побыть пришлось недолго, увы: мамаша евовная чегой-то занедужила, к крайней моей досаде — нашла

* Расшаркивание (*нем.*).

** Я ведь состоятельный, и сумма меньше 50 долларов для меня вообще не деньги (*нем.*).

время, ей-богу! И он возвратился — как тот лермонтовский *безумец*, который *ищет бури* (как будто в бурях есть покой), в родные объятия Tornado Tamaга (здесь всем ураганам, кстати, дают женские имена). У меня мороз по коже, как при мысли о крещенской проруби, но он стоически переносит.

Ах да — приходится вернуться к майору, кот<орый> хочет знать о книге дворянства Новгородской губ<ернии>. ОК(эй), пошлю Вам для него X-гох.

А я здесь (на Ваш вопрос) — благоденствую, ибо есть 2 главных «фактора» благополучья: а) досуг, б) обеспеченность в рассуждении «старости лет». Фактор под литерой а — это, братцы мои, чего в Мюнхене не было (как и б), — и это дело, братцы, великое. И ежели Вы, архивный юноша, тоже осуществите Ваше намерение «займечь» побольше досуга, о каком намерении пишете, это будет пре-вос-ход-но.

Кажинный день благодарю: а. Господа Бога; б. Чухонского профессора; с. (*лично*) Игоря Чиннова, решившегося сняться с якора и пуститься по следам варяга Эриксена. Ах да, благодарю и самого Эриксена и Колумба: без них не было бы Канзасского ун-та, и куда бы я поехал, посудите сами?!

Всерьез: очень доволен. Не то чтоб непременно Америкой, но «непременно» тем, что я живу так, как я здесь живу. Именно сие суть важно, как нам живется. Ubi bene, ibi patria*? Не patria**, но раз bene***, то и bene, остальное же — Фене, Сене, Бене и ... матери (слышали анекдот?).

И — еще раз спасибо! И — пишите!

Ваш Игрушка-ковбой.

8. Ю.П.Иваску

*23 апреля 1966 г.,
Лоренс, Канзас, США.*

Ослик — Суслик!

В рецензии на «Мои яички» — пробел: добавь сам, что «книжечка издана иждивением бакалейной лавки Варсонофий Корытников и Сыновья».

Сам обещал поднажать насчет оплаты Эльдриджа.

* Там родина, где хорошо (*лат.*).

** Родина (*лат.*).

*** Хорошо (*лат.*).

Голосовкер твой — удачен; прилагаю. А откуда выписать? Читал Аронсона с НЖ? Вот болван-то! Бедный Досифей: Гуль и Г.В.А.<дамович> бранят его за модернизм, Ослик — за старомодность, а теперь у Ослика еще подмога появилась; и вчетвером вы меня заключете.

Письмо ГВА получишь на днях в виде ксерокса. Меня «сердит» его пуританский максимализм, ужасное влияние Толстого, русск<ой> интеллигенции и — ну да, конечно, — Христа-морализатора — и Достоевского с Лиссабонским землетрясением. Если мои стихи не жгут сердце людей — лучше остаться у разбитого корыта.

А я говорю:

если хотеть от стихов предельной серьезности, то нелепо писать ма-ма́, ма-ма́, ма-ма́ — и в рифму, а надо перейти на свободный размер без рифм. Это ясно. Но стихи отчасти близки к балету и опере — и в них есть *элемент игры*, а не только «жечь сердца», «исповедь», проповедь и пр. К тому же, как ни старайся жечь сердца, все равно никому никогда не удавалось и не удастся написать *такие* стихи, чтоб их «растерянно шептал на казнь приговоренный»: когда у человека хотя бы только зуб ноет, никакое искусство ему не мило — настоящее страдание никаким четырехстопным ямбом не излечишь и даже не облегчишь.

На слова же Достоевского Мережковскому, что «страдать надо, а потом уже стихи писать», — отвечаю: не хочу, чтоб меня поэзия съела, не хочу из сердца своего сделать удобрение для розы поэзии. К <...> матери аскетическое служение! И к <...> матери посмертную славу, ибо крайне маловероятно, чтоб мертвец мог ощутить сладость удовлетворенного честолюбия. И на сих словах, полных крайнего цинизма, стою. Мне писать стихи доставляет некую легкую радость; но никакого священного восторга (волосы дыбом, холодок по спине) — пих*. А читать стихи — тоже доставляет *легкую* радость, ежели стихи хорошие: люблю *музыку* хороших стихов, люблю хороший образ и даже — о, варварство! — удачную рифму. Порой волнуясь — от Мандельштама, Пушкина, иногда — Анненского, почти плачу, — но это реакция на их *искусство*, а не на их страдания и не на иск-во как результат страданий: Tristia и Евг. Онегин не «порождены» страданием, а Кип. Ларец — только отчасти «порожден».

Стихи Чиннова — тоже не «порождены» этим самым страданием. И слава Богу. Самое глупое было бы — в положении р<усско-

* Ноль, ничего (англ.).

го> эмигрантского поэта, коего читают единицы, «для рифмы жизни не щадить». Ибо если и верить, что лет через 50 стихи эмигрантов станут «широко известны» в России, то что это за утешение и почему из-за этого стоит «работать над стихом»? К тому же крайне сомнительно, чтоб я тамошним читателям когда-нибудь, хоть «одной стороной своего творчества», пришелся по вкусу. Вообще — писали стихи «сотни миллионов», сотни тысяч; а ск<олько> имен удержалось? Ск<олько> просуществовало в сознании «благодарных читателей» хотя бы 100 лет? «Жизнь, отданная иск-ву», после чего «и в Лету — бух!» — что может быть нелепей?

Так что не будем поддаваться проповедникам аскетического максимализма.

К тому же, стихи *и не могут* быть *по-настоящему серьезным* ответом на земные ужасы, муки, печали.

Стихов, способных по-настоящему потрясти сердца миллионов, — в мире нет*. И никому из нас их не написать, как ни работай мы над «духовным усовершенствованием» своего «я».

Из чего следует, что вполне достаточно в смирении писать стихи, способные дать хоть немного удовлетворения, «каплю радости», «крошку наслаждения», вызвать чуть-чуть светлой печали, задумчивости. Стихи, оправданные уже тем, что в них и «показана» читателю частичка красоты, все-таки существующей в этом мире, и создана новая частичка красоты — красоты искусства. Стихи, которые хоть немного, но добавляют к русской *культуре*, напр<имер>...

9. Р.Б.Гулю

13 января 1970 г.,
Нашвилл, Теннесси, США.

Дорогой и милый Роман Борисович!

Ну и ну. Вот эт-то да. Господи, пронеси.

Только было обрадовался открытке: и поздравленье такое сердечное, и «Весна» Боттичелли. (Как это у Романа Гуля в одном стихотворении:

* И невозможно в 12 ямбических строчках дать «ответ» на «вопросы» нашей эпохи. Seriously, основательно говорить об этом можно только в прозе, в книге раздумий — и писать лет 20, напряженно, *мучительно*. — Примеч. И. Чиннова.

И без всякой скажу элоквенции:
И картинки же во Флоренции!!

Или у Вас не совсем так было? Цитата по памяти. Карточка, помню, была не из Флоренции, а из Флориды, но мало ли что, какая разница.)

Так вот, говорю: только обрадовался, вдруг: вместо «за здравие» совершенный «за упокой». И даже не заупокой, а форменная анафема. Лямшин «Марсельезу» в «Ach, mein lieber Augustin»^{*} все-таки превращал *постепенно*, а тут как душ Шарко: внезапнейше — на лысое темячко леденящая струя. (А темячко-то и впрямь лысое! Отчего бы, а? Адамович в «Комментариях» пишет, я «еще сравнительно молодой». Ась? Неужели в солидный возраст вхожу? Или уже вошел???)

Ну и, говорю, монокль этой самой струей моментально из глаза к черту вышибло — и не только монокль, а и лорнет, который я, мизинчик оттопырив а la Зинаида Николаевна, навести хотел на небо и на землю, ну и просто как у крыловской мартышки вышло:

что только брызги засверкали.

Хорошо еще, оптические «приборы» сии не проглотил со страху! А то бы представляете: лорнет на слепой кишке висит, а монокль что созерцает, даже и говорить не хочу.

Уф! Маленько очухавшись, заявляю чистосердечно: Христа снобировать не собирался. Как-то не тянет. Знаете, юристы три степени виновности различают: *dolus directus*, *dolus eventualis* и *negligentia*^{**}. Так я даже в неглигенции себя виновным признать затрудняюсь.

Однако же, что пардон, то пардон. Коли умные люди стишок мой эдак интерпретируют, значит, следует задуматься. А вообще-то автор себе думал, уважаемые подписчики, дорогие наборщики, что художественное его произведение — удачное: метафоры новые найдены, а метафоры находить, это еще Аристотель в «Поэтике» признавал, — дело хлопотное, вроде как в социалистическом раю красивенький костюмчик сыскать. Автору-то, понимаете, представлялось, что «вечеринка» — сие есть, метафорически выражаясь, земная наша жизнь, где Добро и Зло энтак рядышком, и Зло союзником Добра притворяться любит, вот только советское правительство завсегда дает понять, что оно всему светлomu и чисто-

^{*} Ах, мой милый Августин (*нем.*).

^{**} Вина прямая, случайная, косвенная (*лат.*).

му первый друг. Да и вообще Те Деум нередко случалось *демонам* петь в истории, али нет? И оттого хочется людям, чтоб Христос пришел, порядок навел, а Второго Пришествия, понимаете ли, никак не дожидаться, что и выражено автором метафорой: «Но Христос *не приехал*» (на «party»* в Кане Галилейской, кстати говоря, Христос «приехал»). И эти Explications de texte** Вам ни к чему, конечно, однако ж напоминаю, что обновление языка метафор — дело-с нужное, а «рискованность» их едва ли Христа заденет. Он больше от книжников и фарисеев в нетерпение приходил.

Так вот, значит, извиняюсь за бедность мысли. И выкидывайте «Вечеринку» в корзинку, говоря в рифму.

Вот ведь как человек-то устроен. Вы меня дегтем вымазали, будто ворота на деревне, где девка честь свою девичью не соблюла, — а я к Вам по-прежнему симпатию питаю. Кстати, питаю я ее довольно давно и «повлекся» к Вам еще в Париже, ежели помнить изволите, а не с того дня, когда очутился в руках Ваших редакторский карандаш... *Тонкий* намек-то, а?

Ишшо одно: коли есть у Вас еще какие мои «стихо», от коих Вас тошнит, — верните, а? Прилагаю на случай несколько «poéveautés derniers cris»*** — може, пондравится. Хотелось бы, признаться, узнать, чи берете (присланные (давно)) в *мартовский №*, и сколько, ежели не все. Дело — вот какое: в семье нашей не было, увы, традиции долголетия, и сколько времени еще Бог грехам потерпит, неизвестно. А сойти под вечны своды менее обидно будет, если успею хоть не целиком, но как-то внятнее спеть песенку свою (Кленовский собирается на Страшном Суде выступить со своими стихами, но я боюсь: вдруг наступят там *моей* песне на горло!!). И так, хоть бы редактор Нов-Жура печатал поэзы Чиннова, пока есть кому эти поэзы Чиннова писать. Ась?

Насчет вечных сводов: завещание составлять собрался. Домик и прочее на «зарубежную» литературу, поэзию, пожертвовать собираюсь. Потому — бобыль, наследников нет.

Руку жму очень сердечно. *Пишите*, хорошо?

*Преданный Вам,
Сосуд Антихриста
Емельян Ярославский
(Федька Каторжный),
Гришка Отрепьев.*

* Вечеринка (англ.).

** Выдержки из текста (фр.).

*** Несколько скандальных новостей (фр.).

10. М-ру Ландману

31 октября, 1972 г.,
Нашвилл, Теннесси, США.

Dear Mr. Landman, дорогой и милый мой переводчик, всегда очень благодарен Вам за внимание. На мой взгляд, переводы вполне удачны... Однако боюсь, что рифмы и сохранение традиционных размеров делают стихи для англоамериканцев старомодными. Этой опасности, естественно, хотелось бы избежать: кому охота прослыть «*vieux jeu*»*?

Все мои американские знакомые, люди литературные, утверждают, без единого исключения, что переводы, сделанные *несвободным стихом*, стихи «старят», make them look old-fashioned**. Но как же быть? Вы явно предпочитаете рифмы и «ямбы»...

Все-таки, если бы Вы согласились хоть неск<олько> стихотворений перевести *без рифм* и свободными размерами, я был бы Вам *очень* благодарен. Нет ничего хуже для поэта в Америке, чем репутация *deja vu****. И я же, право, новатор, во многом — и вдруг показаться эпигоном... Этого не хочется.

Простите, пожалуйста, что решаюсь высказать эти *suggestions*, поделиться с Вами своими *problems*****. Поверьте, я вполне разделяю Вашу любовь к рифме и прекрасным традиционным ритмам. Но писать, как выразился Ходасевич,

Старинным ямбом, допотопным,

хоть и можно еще, вполне можно, *по-русски*, однако... американский читатель на рифмованные переводы *фыркает*.

Alas*****! А в *Russian Review* я бы появиться по-английски очень бы хотел (Мореншильд еще не написал мне)...

Как быть? Сердечно жму Вашу руку, еще раз благодарю!

Искренне Ваш,
Игорь Чиннов.

* Старомодным (*фр.*).

** Делают их старомодными (*англ.*).

*** Уже виденное, вторичное (*фр.*).

**** Предложения; проблемы (*англ.*).

***** Увы (*англ.*).

11. Р.Б.Гулю

25 апреля 1973 г.,
Нашвилл, Теннесси, США.

Дорогой Роман Борисович!

Два стишка, значит, с негодованием отвергли. Перечить хозяину не могём, низко кланяемся, смахиваем непрошенную слезинку (украдкой), комок, подкативший к горлу, проглатываем и в воцарившейся тишине думаем о симпатичном своем даровании, подкупающем искренностью, но, увы, идущем на поводу у растленного века сего.

А засим ожидаем возврата отвергнутых двух стихо, ибо не сообразим, какие два (?) имеете в виду.

Кланяемся многократно, ручку Ольге Андреевне лобызаем, утирая набежавшую слезинку и размышляя о превратности судьбы и о неоцененных Роман Борисовичем своих шедеврах, остаемся с любовью

смирный Игорь,
прилежный Ваш молитвенник
и предстатель
на Страшном Судилище Христовом.

12. В.В.Вейдле

8 августа 1973 г.,
Нашвилл, Теннесси, США.

Дорогой Владимир Васильевич!!!

Три восклицательных знака — надо же дать выход чувствам. Книга *совершенно* замечательная, совершенно. Книга драгоценная! Перечел, в разной последовательности, трижды и — по-прежнему в восторге. На темы поэтики мне за последние 4–5 лет привелось прочесть книг 20 разных англо-американских знаменитостей; *все* бледнеет перед «О поэзии и поэтах» (Вы назвали «О поэтах и поэзии», но *для меня* книга прежде всего *О ПОЭЗИИ*, и любая глава о поэте у Вас — *О ПОЭЗИИ!!!*). Никто — а уж из русских и подавно — не писал «так глубоко забирая», так глубоко проникая — умом и сердцем, чувством, — никто не задумывался так пристально и *сильно* — и не воплощал продуманное с такой точностью, отчетливостью, полнотой, убедительностью. *Изумительно* Вы написали! Помню, *о каждой* статье, читая их раньше в «НЖ» или в виде предисловия к Гумилеву и т.д., я думал: «Томов премногих тяжелей!» или в этом роде. Но когда Вы их собрали вместе, то результат оказался даже еще *гораздо* больше суммы слагаемых! Вышла книга

редчайшая по своей значительности. И нет ничего более веского, более *проясняющего саму сущность дела* во всей русской критике и «литературоведении».

Вы, конечно, поэт; и Вы ученый, специалист — сочетание, кажется, небывалое. Оттого и удалась Вам книга, что Вы и поэт, и ученый, и критик — настоящий. И никому другому *эдак* не написать. А о Серебряном веке и подавно никому: ибо, как поэзию вообще, видите Вы этот Серебряный век — *изнутри; и извне* способны увидеть — и видите тоже.

И, наконец, все «О любви к стихам», гребущее разговора особого. (Пока — размышляю над стр. 200, ее серединой, где «Но будь он поэтом вполне, он бы etc.».)

Вот приехали б Вы опять в Америку, согласились бы высидеть со мной вечерка три — тут бы я Вам «высказал все в подробностях»...

Спасибо, Владимир Васильич, что Вы такую книгу *написали*. За то, что прислали, — спасибо маленькое. За надпись, да еще с чинновским стишком, спасибо сердечное: тронут, обрадован. Но большое, действительно большое спасибо даже не за упоминания (которыми так дорожу!) обо мне — с такой лестной и радостной для меня оценкой. Самое большое спасибо — за то, что эта книга *есть*, что я могу ее читать и перечитывать — и что *другие*, благодаря ей, узнают о поэзии больше, чем знали раньше.

Мысленно Вас за эту книгу даже обнимаю. Всегда гордился Вашим ко мне отношением, но сейчас дело даже не в гордости; не во мне. Спасибо за радость, которую эта книга дает.

Ваш «М.П.» — Чиннов.

13. Р.Б.Гулю

*15 сентября 1973 г.,
Нашвилл, Теннесси, США.*

Дорогой Роман Борисович!

«Сему следуют пункты».

1. Нашел в писаниях царя Алексея Михайловича о соколиной охоте, что поехали о дву конь.

2. Нашел, что статья моя «См<отрите> — стихи» — в НЖ 92, 1968.

3. Нашел, что мой «Поздний Мандельштам» — в НЖ 88, 1967. Сия статья, похваленная Вейдле, а Вами, как и «См<отрите> — стихи», *безбожно замолчанная*, содержала утверждение, что «Чумной председатель» — *небезызвестный* И.В.Сталин; многие,

включая Филиппова, не верили; а *Н.Я.М.* во «Второй книге» пишет то, что и я; пишет то же самое, что Чиннов, да-с.

4. Нашел, что приложенный пук стихов о «путевых впечатлениях etc.» должен бы пондравиться редактору Новжура. Сие буди, буди!

5. Нашел, что редактор этот любезен и мил, особенно тем мил, что печатает рецензии Одоевцевой и склонен тиснуть и статейку Нарциссова.

6. Нашел, что очень сим тронут.

7. Нашел, что пора письмо кончать — приветом сердечным О.А. и Вам.

Ваш И.Ч.

14. В.В.Вейдле

6 ноября 1973 г.,
Нашвилл, Теннесси, США.

Дорогой Владимир Васильевич!

Когда Поплавский написал Вам, благодаря за одобрение, Вам это не понравилось. Неужели и Милому Поэту достанется на орехи за сии благодарственные строки?

Auf die Gefahr bin*, говорю спасибо.

Тронут вниманием. Спасибо большое!

Но вот — души отчаянный протест. Вы призываете поэтов прятать мастерство. Бодлер, мол, свои костюмы наждаком. А стихи свои? Тоже приглушал, притушал? Т.е. свое умение, «формальный блеск» — притушал? Не уверен я.

Егорушка Игорушку тоже спрашивает: *нужно* ли умение свое скрывать? *Для чего* нужно? *Всем* ли нужно? Вы «прощаете» мне «изошренность»: я бы скорей согласился с «прощаю неумелость, неуклюжесть, неловкость». Не подходите ли Вы к «позициям», по-зи-циям, *ха*, Адамовича? К тому, чтобы *нутро* было? Без нутра, соглашаюсь, пусто; но изошренность тоже хорошая штука — Вам ли об этом не «знать»? А призыв простить изошренность в нашем эмигрантском колхозе Чухломе — не на руку ли он тем, кои по сей части невинны и «шапками закидают» всю декадентскую сволочь! Мы люди русские, нам сердце подавай, а не разносолы!

Думаю, что при нынешнем эмигрантском «полукультуре», «безкультуре» — мастерство, слишком далеко запрятанное,

* Риска (нем.).

слишком незаметное, будет «ни к чему», ибо настолько под цвет всеобщей серости, что чуть ли не Вы один его различите.

Знаю, что «говорили Вы не совсем то», осуждали не изощренность, а щеголяние ею, выставление на показ, напоказ; но и то в наше время не такой уж грех, право.

Сейчас от формализма многие ударились в новую-старую крайность. Некоторые критики только и пишут, что о мировоззрении поэта. См. Georges Blin, его предисловие к Rene Char'у у Gallimard,а (о том, как *сделаны* стихи Шара (скучнейшие, правда), — ни слова). Чёрта ли мне в одном мировоззрении поэта? Вы лучше скажите, хороши ли стихи — и покажите, и докажите!

«Царь Небес! Успокой» — стихи очень слабые, а «мещанские» по мысли «Люблю я вас, богини пенья» — прекрасные стихи!

Но — сейчас занят «ужасно» и толком «выразить чувства свои» не могу. И — все равно, раз Вы понимаете с полуслова.

Еще раз спасибо!

Ваш Чиннов.

15. Р.Б.Гулю

15 января 1974 г.,

Нашвилл, Теннесси, США.

Дорогой Роман Борисович!

За Азефа, с милой надписью — благодарствуйте. На обложке два красавца. Один — вылитый Рудольфо Валентино, перед этаким сексапилем найдобродетельнейшая монахиня не устоит. А у другого — *усы*, Агафья Тихоновна гоголевская аж сомлела бы. (Только лобик подгулял — кажись, из двух фотографий составлено, не так ли?) И воротник крах-маль-ный, фу-ты, ну-ты.

А книга хороша. Интересно. Оно все хорошо, однако упрощение стиля не всегда приемлю я с беспримесной радостью: мне нравилась прежняя орнаментальность. В ней был аромат эпохи — не эпохи Азефа, а эпохи, когда книга писалась. М<ожет> б<ыть>, несколько «бормотнул» и «рокотнул» и имело смысл убрать; но ведь сплошное «сказал», как у Газданова, «dit-il» — скучноваты. К счастью, у Вас вышло уравновешенно. Леонов своего весьма орнаментального «Вора» перепер на язык родных осин так, что осиновый кол вогнал в этого Вора. Адамович под конец очень стал просто писать (в отличие от Вейдле, который весь-ма закручивает, весь-ма) — но я от этой простоты не в восторге. Солженицын, особенно в Иван Денисовиче, уж чересчур запузывает, но если очень упро-

щать, может получиться Алданов. Повторяю, должно быть, Вы правы были, упростив, но я *дегустировал* «букет» вина Вашего, эпохи «орнаментальной прозы» — и думаю, что не я один «дегустировал».

А советский читатель, на коего карманный формат рассчитан, может предпочесть простоту; а может и сложность — кто же его знает.

Но в той ли редакции, в этой ли, очень оно завлекательно — и это главное.

А еще скажу, что жду Новжура. Нельзя ли, чтоб выслали мне *поскорей?* И нельзя ли, чтоб 2 экз., ввиду серенады Одоевцевой? Очень было б мило. Ась?

И три стихо шлю: три, ибо одно в пять строф, расписался. Что скажете?

Нашли ли соредатора, Роман Борисович? И — как с Foundations*, мать их за ногу?

Две Бетаки меня как-то разочаровывают...

Ольге Андреевне ручку сердечно чмок. А Вашу трясу и жму.

Читнов, значит, Игорь Ваш этот самый.

18 января

P.S. Новжур прибыл — но *второй экз.* тоже был бы принят с восторгом. Об этом Новжуре 113: Виолетта подражала Одоевцевой: «И назначать свидания / на ветренной версте»; а теперь «подражнула» Цветаевой, ее ритму и слогу в «Так не спешит», но получилось в начале а la Баллада о камергере Деларю. И что Пушкин нерусский — и неново, и не вполне верно... Что это нашло на поэтов? Строчат сонеты, даже Глинка и Иваск, и у всех звучит неестественно... У Иваска *хороши зияния*:

И мне у узкого ее окна —

хоть прочесть вслух сие и нельзя.

Коржавин лучше Бетак; Моршен — здорово; а Евангулов *был напечатан дважды!*

Ильинский о Плотине и Л. — молодец! М.Дубинин — *спасибо* (но кто это?!). М.Волин с зазубриной на драконе: все испортил зазубриной! Кротков хорош, сукин сын. Б.Толстой (откуда?), по-моему, *глуп*: и к чему прописные буквы повсюду?

* Фондами (англ.).

А Одоевцева обо мне — увы, это несерьезно...

И кажется, Вы что-то повычеркали? Нет главного: не отмечена моя образность, т.е. *богатство* образов, небывалое в р<усской> поэзии и *единственное* в современной (ни у Моршена, ни у Елагина); не отмечена *музыкальность* (даже в гротесках!); не отмечена *красота*. Alors*? Первая половина «рецензии» — многословный small talk, table talk**, все можно было сказать в трех фразах... А вторая половина — верно, но не главное. Трагическое и высокое еще не делает стихи *хорошими*: графоман может такую трагедию запустить, таких предчувствий мрачных насчет будущего нашей планеты и т.д., это мое почтение. Интересней узнать, *как* поэт свои предчувствия делает поэзией: хорошей поэзией. Точнее — как сделаны стихи.

Кроме того, тоже «интересно узнать» было бы, «*чи*» Вы в тексте одоевцевском чего изменили, сократили, *чи* оно так и было... Но Вы заняты и на этот вопрос не ответите...

Стишки, три штуки, пошлю Вам на днях: нет машинистки, «в данный момент».

«Засим кланяюсь рабски», как писал Савельич старику Гриневу, Ольге Андреевне «küß die Hand»***.

16. Г-ну К.-С.

18 февраля 1975 г.,
Нашвилл, Теннесси, США.

Уважаемый, г. К.-С.!

Как second reader**** работы, представленной Вами в качестве диссертации, должен сообщить Вам, что она академически неприемлема.

Прежде всего: Вы приводите на десятках страниц, без всяких изменений, текст, заимствованный из учебников и энциклопедий, не указывая источников, не отмечая самый факт заимствования. Это неизбежно приведет к обвинению Вас в плагиате — и академическая Ваша карьера на этом закончится. Мы же с С.А. «заслужим» незаслуженные упреки либо в неумении распознать плагиат, либо в потворстве плагиатору. А «распознать» текст, Вами заимствованный, легче легкого: контраст между ним и Вашим собствен-

* В результате (фр.).

** Разговор, застольная беседа (англ.).

*** Целую руку (нем.).

**** Второй оппонент (англ.).

ным текстом слишком очевиден. Диссертации, как Вы знаете, размножаются на микрофильмах, рассылаются по университетам — и почти всегда находятся люди, их читающие. Поэтому указать источники чужих текстов абсолютно необходимо.

Далее: ссылки вида «Р.О. стр. такая-то» — неполны. Нужно указывать имя автора статьи или рецензии: кто это — Фет или кто-то малоизвестный? Даже и малоизвестного надо указать.

В работе вообще известные авторы и никому не известные «свалены в одну кучу» — и неосведомленному читателю такая информация не дает полезных сведений, коих он вправе ожидать. Для осведомленного же читателя от такой диссертации тем более нет никакой пользы.

Библиография Ваша недостаточна. Как пишет Вам С.А., естественно спросить: неужели же кроме энциклопедий не было других матерьялов?! «Диссертацию» с такой библиографией ни в одном ун-те обсуждать не станут.

Все написанное лично Вами настолько ниже академического уровня, настолько неудовлетворительно, что одна только стилистическая правка, придание литературной формы Вашим высказываниям требует от нас большой затраты времени.

Зная о трудном Вашем положении, мы с С.А. готовы сделать для Вас что возможно. Однако «помогают тому, кто сам себе помогает». Если Вы не приложите стараний, а будете надеяться, что «сойдет и так», то — не сойдет. Вы должны понять, что такое *диссертация*. Простите мою откровенность.

Примите сердечный привет

Ваш Игорь Чиннов.

17. Р.Б.Гулю

*27 июля 1975 г.,
Нашвилл, Теннесси, США.*

Дорогой Роман Борисович,

Вы укрылись в Петроветчинске опять, либо в нетях обретаетесь, а кипа рукописей, кои исправил «Гуля жирный карандаш», растет, небось, — «воз растет, растет, как дом» — и скоро Новжур 120 будет, боюсь, весь в руках наборщиков. А между тем Чиннов, «оглушенный»* солнцем Латинской Америки, впал в блаженную

* «Оглушенный воем и топотом» туристов, не по-гумилевски <нрзб.>. — *Примеч. И. Чиннова.*

прострацию, и недомек умишку его слабому, что время летит и что эдак и запоздать можно с нижеследующим. «Тому следуют пункты»:

Во-первых: набирая № 119, в типографии решили сэкономить время, труд и краску — и опустили одну чинновскую строчку. В приложении даю набросок «заметочки» для последней страницы 120-го Новжур; сожалею, что нельзя напечатать «вкралось», милое сердцу наших «стилистов»; но обойдемся без «вкралась». (Нельзя ли сказать *воцарилась тишина* или *как вкопанный*?)

Во-вторых: насчет стишков. Сдал Скорнякову рукопись шестой книги (ПАСТОРАЛИ) в набор, а кой-что еще не появилось в «периодической печати»... У Вас есть «Ржавые рельсы» и «Мало-помалу», которые для седьмой книги и могут лежать «в портфеле редакции». А вот нельзя ли тиснуть, теперича уже, приложенное?

Рад был увидеть в Новжуре 119 *три* стиха. (Сей) Очередной Новжур — как обычно, душечка, «по примеру прошлых лет» и «следуя славной традиции». Все же название «Из архивов страшного суда» (Страшного Суда?) уже слишком «страшно» — Вы согласны?

А пародии Моршена... Неловко вышло, что учинив вселенскую смазь конкурентов, он *себя* прославил, восхвалил: склонность к саморекламе естественна (и *он прав*, всякое его *стихо ново, свежо*) — но когда тут же экзекуции на бурсацкий манер подвергнуты «собратья по перу», то... *Ça ne se fait pas**. Конечно, пародия есть доказательство заметности, рельефности, «видности», так что отчасти оно даже и лестно и «все к лучшему». За прописанную мне *ижциу* я на него не сержусь, извиняя его бойкость молодостью лет (ему, кажется, за 50?). Но объявить Иваска, человека с заслугами, *ослом* и *стегать его* — не слишком ли это развязно? И как так *Хвала И<васка>* притворна? Она именно непритворна, как М<оршен> не понимает?

Passons**. Помнится, милейший Ник. Ник. (Моршен. — *Сост.*) «снисходительно распекал» Пушкина за недемократичность и безнравственность...

Ничего. Пародии придают соли журналу, «рекламируют», как никак, облаянных... «*Alles o'kau*»***, как говорят немцы. (Знаю Ваши симпатии к Моршену, но знаю и «симпатии» к... Аристотелю, сказавшему: *Amicus Plato major amica veritas*****. Оттого полагаю,

* Так не делается (*фр.*).

** Далее (*фр.*).

*** Все в порядке (*нем., англ.*).

**** Платон — друг, но истина — больший друг (*лат.*).

что сии замечанья по поводу пародий Вас не «прогневают» [!!!].)

Рецензия Кръжицкого... Ну, это же не так плохо, все лучше, чем Завалишин*. Я, прослышав, что Вы «озираетесь» в поисках рецензента, хотел Вам напомнить про *Ник. Ефр. Андреева*, кембриджского. Запросил его (ибо чего ж Вам нарываться на отказ?), получил согласие. Видимо, когда Геннадий Андреевич его запрашивал, он был занят, а теперь — в отставке. Леонид Денисыч очень его кандидатуру поддерживает, судя по письму мне; но не знаю, что скажете Вы... Андрей Седых, полагаю, рад будет сотрудничеству кембриджского профессора — хотя и надо будет за рецензии профессору, конечно, платить: бесплатно только птички поют *да поэты*... Ну, 15 долл<аров> или 12 в три месяца Новое Русское не разорят...

Слава Богу, *touchons du bois***, Новжур продолжается. И, опять слава Богу, Самиздат и «третьи» не затопляют в нем чуть ли не все страницы, как в некоторых иных изданиях. Все хорошо в меру, особенно — скучное. Кстати, Э.Лимонов не убедил меня, что московские заумники гениальны... Ох, нет... Ох, Роман Борисович, ох! Ох.

Ольге Андреевне чмок ручку. А Вашу длань бывшего вольного хлебопашца — крепко жму. И даже поклон «отвешиваю», да-с.

Ваш Игорь Чиннов.

18. Б.В.Плюханову

23 ноября 1975 г.,

Нашвилл, Теннесси, США.

Дорогой Бе-Ве, родной, все еще нет от Вас ответа на мое коротенькое письмо насчет Ваших глаз, и это беспокоит. Лучше ли, видите ли опять «как следует»? Говорят, глаукому теперь излечивают полностью. Сообщите, дружок, *как с глазами*, пожалуйста.

Написал бы Вам раньше, но все ждал письма, да и хлопот был полон рот: ездил в три университета с лекциями и стихами и был на трех съездах славистов — с докладом и тоже стихами. Позавчера вернулся из Мемфиса (не египетского, увы, теннессийского), дней 10 назад — из Канзаса, где когда-то жил, недели 3 назад был в Сев<ерной> Каролине (где в Chapel Hill встретил ломоносовцев Евг. Гривского с женой, бывш<ей> Власовой). Через 2 недели еду

* Хотя об Алле Кторовой он — весьма верно (Завалишин). — *Примеч.*

И. Чиннова.

** Постучим по дереву (*фр.*).

в Нов<ый> Орлеан, через 5 нед<ель> — в Чикаго, всюду читаю собственные «произведения». Оно приятно, аплодисменты и встречи бодрят; но и утомляют поездки в мои годы, да еще открылась у меня *грудная жаба*... В мае — на пенсию, не надо будет больше дописывать докторские диссертации наших студентов (это мой крест: мы сделаем «четыре докторов философии» (?!!!! Да — «Ph.D.*»!!!) в этом семестре, возня страшная) — и, значит, поеду «на дожитие» куда-то, где *теплый и сухой климат*. Квартиру мою около Нью-Йорка, подле озера и сосен, придется продать: грудная жаба любит тепло, изнеженная особа. И «комплексия» моя апоплексическая, надо беречься. Позавчера «дал интервью» для телевидения, сразу мне и показали, еще в студии: рожа толстая, красная, тройной подбородок, маленькие рыбки глазки. Ужас! Здесь было 100-летие нашего университета, снимали нас в профессорских мантиях и регалиях: я шарообразен!!

Через месяц выходит шестая моя книга — «Пасторали»: название ироническое, а стихи (100 штук) не всегда. Напечатали переводы моих виршей в еще одной антологии (восьмой по счету, включая русские) и в одном журнале, тоже американском; но переводы приблизительны, не музыкальны, и радость моя омрачена.

Крепко Вас обнимаю, родной, и целую. Приложил неск<олько> почтовых карточек из разных стран и стихи. Будьте здоровы! Будем здоровы оба!

Ваш старый, увь, Игорь.

19. Адресат не установлен

24 ноября 1975 г.,

Нашвилл, Теннесси, США.

Глубокоуважаемый Борис Сергеевич!

Очень мне жаль, поверьте, очень жаль, но никаких протестов подписывать не могу. Я в переписке с четырьмя друзьями в России и не в силах подвергать опасности ни нашу связь, для всех нас драгоценную, ни тем более их самих. Именно поэтому должен был я отказаться подписать составленное в свое время Г.А.Хомяковым — Андреевым — Отрадиным «обращение» русской зарубежной интеллигенции (по поводу 5-летия «Октября»).

Простите меня, пожалуйста.

И разрешите, будьте добры, высказать несколько «соображе-

* Doctor of Philosophy — доктор философии (англ.).

ний», в порядке конструктивной критики — они продиктованы глубоким моим сочувствием Осипову.

1. Целесообразно ли «*требовать*»? Помнится, западные интеллектуалы никогда не *требовали*, а лишь выражали «большую *озабоченность*» и надежду на то, что *Сов<етское>* прав-во пересмотрит свое решение. Боюсь, прочтя, что мы «требуем» («А сколько у них дивизий?»), — Брежнев просто бросит «требование» в корзину. Зачем его раздражать? От «требований» весьма может не поздоровиться бедному Осипову.

2. Полезно ли привлекать Джаксона?! Прежде всего: он яростный *русофоб* и — на услужении у совсем других людей. А кроме того — имя его для «Советов» столь *одиозно*, что ничего, кроме вреда, «защита» его, т.е. защита им В.О., и не принесла бы.

Не мог бы С.О.Якобсон, всех конгрессменов и сенаторов знающий, указать более полезного человека?

3. И, надеюсь, Вам удастся привлечь в качестве «подписантов» людей с именами более вескими, чем милая Лидия Алексеевна.

Но здесь, к сожалению, нет никого; атмосфера русофобская. Исключение — С.А.Зеньковский, но он в переписке (с обменом книгами по специальности) с акад<емиком> Лихачевым, акад<емиком> Малышевым и др. и просить его идти на риск бесполезно. Как Вы знаете, имена протестантов заносятся на «черную доску»...

А чермен наш полезен не будет.

Еще раз — простите, дорогой Борис Сергеевич. И дай Бог, чтоб благородный почин Ваш оказался не втуне!

Крепко жму Вашу руку.

Очень сердечно Ваш

Игорь Чиннов.

20. В.В.Вейдле

8 марта 1976 г.,

Нашвилл, Теннесси, США.

Дорогой Владимир Васильевич!

Был в отъезде (весенние каникулы), а то бы написал by return mail*. А за труд рецензента возьмусь с увлечением — и спасибо, что именно Милого Поэта наметили на роль сего щелкопера. Да, *письмо* мне облегчило бы задачу: буду ждать от Вас фотостата, «ксерографа», «зирокса».

* С обратной почтой (*англ.*).

Теперь вопрос: для Нового Русского или для столь же «нового» Журнала? В Новом Русском можно написать побольше, и статья получится *виднее*, чем когда мелким шрифтом в Новжуре. И тут еще одно обстоятельство: Вы собираетесь *откликнуться* («нельзя не откликнуться»!?) на «Пасторали»! Обрадован этим очень-очень-очень, *va sans dire, cella va sans dire**, и низко, «земно» кланяюсь. А — не согласитесь ли — для *Новжура*, не для НРС? Пускай мелким шрифтом — но в *журнале*, где *scripta manent***. Ибо: в Новом Русском Вы уже Милого Поэта превознесли, а в Новжуре*** никогда ни словечка. Можно эдак?

Отлично, что появляется опять Ваша книга. Жду — «с протянутыми ладонями».

Увижу ли Вас летом? Не знаю еще, куда двинуться отсюда. Пока — только мысленно Вас обнимаю, Владимир Васильевич; а Людмиле Викторовне — *küß die Hand*, как пишет Kirsti.

Ваш Чиннов. М.П.

21. И.В.Одоевцевой

1 мая 1976 г.,
Нашвилл, Теннесси, США.

Дорогая Ирина Владимировна,
спасибо, спасибо, спасибо!

Очень порадовали, что написали. Целую «руку, державшую перо».

И уверен, что Седых поместит, хоть и с некоторым интервалом после Плетнева. Как не напечатать Одоевцеву?!

Так что в «Современник» посылать статью не надо. Во-первых: кто же его читает? Во-вторых: написала уже Боброва.

А для Новжура собирается писать Вейдле.

Нет, нет,
нигде, кроме
как в Новрусском!

* Само собой разумеется, конечно (*фр.*).

** Написанное остается (*лат.*).

*** Журнал: это внушительней для «academic carrier», для bibliography as a achievement! (Criticism of I.Chinnov). — Для академической карьеры, для библиографии (критики на И.Чиннова). — *Примеч. И.Чиннова.*

Что ж до пеликана, то разве не помнит Фесенко лермонтовское

В шапке золота литого
Старый русский Пеликан — ?

Что Вы Чиннова опеликанили, это для него даже большая честь: а что мы рядышком — честь еще бóльшая. Имя мое в Вашем стихотворении — это *уже titre de noblesse**, так и скажем Фесенке.

Очень бы хотелось статью прочесть поскорей; но как это сделать? Копии для меня у Вас нет? Ах, если бы!

Слышу, что о сборнике Jai-Verlag'a Сечкарева собрался Седых писать сам — и отослал Вейдле (?) и Иваску рецензии их назад! А Вы ему сообщили, что предпочитаете не его, а Иваска или Вейдле! Так это? Боюсь, такая вещь Седыха взбудоражит...

Пишу ему, ни о чем таком не упоминая, конечно; но прошу не ограничиться Плетневым, а дать и Вашу — напоминая об *иерархии*: ина слава солнцу, ина слава луне: по сравнению с Вашим солнцем Плетнев — лунная *пыль*.

Еще раз: спасибо! Целую Вашу руку почтительно-почтительно.

Ваш пеликан
Игорь Чиннов.

22. В.В.Вейдле

*4 августа, 1976 г.,
Нашвилл, Теннесси, США.*

Дорогой — хочется сказать даже что-то большее, чем дорогой, — родной, что ли, Владимир Васильевич! Вчера пришел «Новжур» — и над прекрасной, прямо-таки прекрасной Вашей статьей я почти что «слезами облился», «слезами счастья». Спасибо Вам!

Как Вы написали! На такой *titre de noblesse* я не смел и надеяться. Кажется самые лестные статьи Адамовича померкли рядом с Вашими словами на стр. 255 (с кончиком 254-й). Спасибо, спасибо!

И ничего, что *образность* Метафор превратилась в типографии в *образованность*. А над советом Вашим в конце — готов задуматься крепко. Должно быть, Вы правы. Одоевцевское «Очень

* Патент на благородство (фр.).

мне и ску, и гру» — защищаю: мило, хоть Горбов, Вы правы, и чепухи нагородил.

«Егорушкин» отзыв о «Зимнем солнце» «восполняет многочисленные пробелы» моего, слава Богу. Но ведь пробелы, вроде умолчания о прелестной Зеличке и о двойной семье инженера, у меня вызваны были желанием дать больше места «общеинтересным» *цитатам* «из Вас» (увы, Седых убрал два «пассажа», зачем — неизвестно!). И вот, цитатами я превосхожу Егорушку; отсебятиной, комментариями — он превзошел меня. Но в одном еще «преимущество на моей стороне»: если он больше сказал, чем я, о Зеличке, то — я больше сказал о Вейдле.

Рецензия Егорушкина о Вашей книге на первом месте — правильно. Но почему написанная Вами — на последнем?

И — опечатки: Мир *искусств* и пр. У меня в стихотворении черепаха... Это трудно произнести, и вообще «плыла» мне больше нравится...

Перелешин — под Ходасевича. А корреспондентка Чуковского Соня Г., оказывается, Роман Николаевич Гринберг! Ну и ну! Плетнев: на сей раз весьма дельно и толково. Пора дать по морде растяпам, разным Деларю. Надеюсь, Володя Варшавский от этой статьи поумнеет (читал он «Die Drankstifter» Max Frisch?).

Увы: Новжур отошел. Гуль говорит — нема грóшей. Ну, авось. Повидали ли Вас Чертков, Эткинд? «Континенты»?

Порадовал меня Бахрах: написал о «Пасторалях» хороший скрипт. Не Вашей рецензии чета, разумеется, но все-таки.

А в Европу этим летом — нет, не выйдет. Через год, — е.б.ж., надеюсь. Пока же обнимаю Вас мысленно, дорогой Владимир Васильевич! Людмиле же Викторовне — Küß die Hand! И еще раз: СПАСИБО!

Ваш «М.П.» И.Ч.

23. В.Ф.Маркову

25 февраля 1977 г.,
Нашвилл, Теннесси, США.

Дорогой Владимир Федорович!

Несколько месяцев глядел на «письменные принадлежности» с глубоким отвращением, ухитряясь не писать почти ни *строчки*. И вдруг — «нашло, накатило» и второй день *строчу*: вчера отвечал на вопросы «неотложные», сегодня принялся за «послания» не делового *порядка*.

Привели ли в *порядок** здоровье? Разные хворобы — это и для меня «актуально»: грудная лягушка, точнее жаба, *angina pectoris*, извольте видеть. Пройду по *campus*'у шагов 30 — и стоп: приходится стоять и, хочешь не хочешь, созерцать белок. Надеюсь, Ваш «каркас» в лучшем состоянии, не правда ли?

Двустрок Ваш

Наглые негры гуляют по городу.

Когда освободят меня? —

оценил: он не менее «актуален», чем хворобы: на «вышеупомянутом» кампусе меня 2 года назад ограбили и — о да, *il faut vivre dangereusement*** , особенно потому, что иначе нельзя. Вечером приходится апеллировать к Ангелу Хранителю: «Уж ты, голубчик, гляди в оба!»

*Passons****. — Письмо это могло бы быть деловым, если б была надежда Вас «уломать». Я собираю участников для «Poetry Reading» AATSEEL'a в Чикаго («чермен»), но ведь Вы же никогда не соглашались «выступить» — не так ли? И значит, и теперь пошлете приглашающего к матушке? Закидываю удочку, гл<авным > образом, на предмет личной встречи: «в жизни» Вас не видал, пора бы и повидаться. Но — Вы же не приедете «ни в коем разе»?

На прошлом съезде было немало забавного. Генрих Худяков с дикцией изумительной, заслуживающей куда лучшего применения, читал... говно, но всем видом показывая, что он испанский король Фердинанд (серьезно: клинический случай). Эдуард Лимонов, беспризорник (вчера бежал из детдома), раздувал мировой пожар (вскорости перейдя от слов к делу, поджег редакторский стол Нового Русского, перегеростратив древнего грека). Лимонов — фрукт. Что алтарь полуголой бабы (или Диана была совсем нагишом?) перед алтарем Зарубежной Словесности в кабинете Седыха?

Другой *деятель* упомянутой словесности — А.Гидони — тоже атаковал редакторский стол в «Современнике». В славной пиратской традиции захватил сей фрегат, «кинув» Эллочку Людоедку — Боброву «в набежавшую волну». *Ну-ну*.

И даже в Новжуре один редакторский стол «переменил оккупанта»: Ржевский ушел — и замещен мгновенно третьеволновиком. Дела!

* Простите неизящность слога. — *Примеч. И. Чинцова.*

** Нужно жить опасно (*фр.*).

*** Здесь: не стоит говорить об этом; оставим (*фр.*).

Гуль, написавший про хама, неблаговоной концовкой некоторых губернских дам наших заставил упасть в обморок: лежат на кушетке и флакончик с солью нюхают: ах, разве не мог Р.Б. сказать: «этот стакан нехорошо ведет себя»? Гоголь, привет!

Две горлицы покажут
Тебе мой хладный прах.

Что до меня, я за мордобой в печати. Вот тот же Ржевский в «Конце Сергея Серг<еевича>» звонко набил морду и ди-пийским (и додипийским) нечитателям, и новоявленным полуневежам-полуневеждам из «Третьего Завета». Движение воздуха, производимое такими пощечинами, весьма освежительно даже для посторонних (надеюсь, освежит и виновников торжества).

Но что с Вейдле? Два рассказа, оба о несостоявшейся любви. Что можно после бунинской «Иды» и бабельского «Поцелуя»? И — что поцелуй между лопаток, когда Ржевский вонзается губами в шелковую пльвучесть живота?! *Mamma mia*.

Ах, насчет пльвучести живота (не *очередной* «ржевской» «девушки», а — см. дальше). Елагин в простоте душевной ужаснулся стриптизу (см. Созвездье топора). От стриптиза Андрюшу Возн<есен>ского слеза прошибла («реву?» — «Реву» понадобилось для *ревю*, но ничего). Так вот: ужасается, что «кончился век Афродит», раз «девка закинула ноги». Пишу ему, что «век Афродит» был веком афинских ночей и что А., богиня любви, закидывала ноги так, что любо-дорого. К тому же: за 5 bucks вам показывают <...> на экране, за 50 — почтеннейшая публика наблюдает <...> — nature. Стриптиз — для отстающего Kindergarten'a*.

Ну, разболтался, старый хрыч. Жму крепко Вашу руку, Владимир Федорович, желаю здоровья. Не забывайте совсем

Вашего Игоря Чиннова.

24. Ю.П.Иваску

28 февраля, 1978 г.,
Нашвилл, Теннесси, США.

Забыл отправить.

Мяу! Miaul Meow! 21 апреля 78.

Сруслик!

Эпиграмма — всегда знак внимания, пусть не благосклонного, но — внимания. Беда с этой эпиграммой не в неблагоклонности, а в глупо-

* Детского сада (*нем.*).

сти. (К тому же вторая строфа милее первой, не так зла*.) Основная же беда — в авторе: он завистлив. Мы оба у него — бельма на глазу, и он с удовольствием отслужил бы панихиду по Ю.И. и И.Ч.

Он уже однажды на меня напал, имени не называя, стараясь *to delittle*** мои стихи, представить их как пустяки — безделушки.

Недавно и в статье о «Вознесенке» «обложил» всех, кто не «раскрывает» смысла бытия: если не утверждает поэт, что бытие имеет (религиозный) смысл, значит, это «не поэзия». Глупо до смешного. (Стихи Андрюши, кстати, из его наихудших, Микеланджело на том свете матерится: он никогда не мог бы говорить так плоско.)

Письмо твое в Р.М., ответ В. В-чу (В.В.Вейdle. — *Сост.*) не вполне выпрямляет дело насчет религиозности иск-ва. Боюсь, ВВ в некоторых *шорах* и по соседству с покойным В.Н.Ильиным, который в НЖ писал, что лучшее у П<ушкина> и Л<ермонтова> — религиозная поэзия. Увы, *наоборот*: почти все это — у них худшее. Вне «религиозного» — создано много прекрасного, религиозное же — как часто бездарно! Зачем упрощать? ВВ ограничен в своей поэтике, увы: Сикстинская Мадонна — христианский апогей? Полноте, она *скучна* убийственно, даже херувимчики смешны. А Рембрандт — безкрасочен и оттого — недостаточен. Барокко — ты прав, великий стиль.

Забавно, что и «владыка», и ВВ зачеркивают почти все в современном искусстве — где есть вещи *удивительной красоты*. Им бы обоим вернуться в эстетизм, т.е. прозреть. Ибо, ища в искусстве то душу, то религиозную веру, они не видят, что «цель поэзии — поэзия», вернее, что дело в создании прекрасного или хотя бы только красивого, а не в том, чтобы люди умилялись, как при чтении сентиментального рассказа, мелодрамы о французской б<...>-бессребренице (1), кончающей самоубийством, ибо «запачкалась». *Гм... гм. Op ne fait pas de la bonne littérature avec des bon sentiments****, — писал Жид. Бывает, но редко, и, как «суп из топора», требует добавочных ингредиентов: таланта, ума, вкуса, чувства меры, чувства смешного.

Писать «владыке» не стану. Тот, кто мои шесть книг обзывает «игрой невинной», ответа не заслуживает. Не то не читал, не то не понял.

Обнимаю обоих животных.

Пышы.

Дося.

* И, значит, <эпиграмма> — doesn't heed together. —

Примеч. И. Чиньова. — Распадается (англ.).

** Принизить (англ.).

*** Хорошая литература не делается из хороших чувств (фр.).

25. Ю.П.Иваску

1 мая 1978 г.,
 Дейтона-Бич, Флорида, США.

Воистину Воскресе!

Азиниссимусл

Сегодня Твое письмо, наполовину нагло-ругательное, и «испытываю потребность» ответить сразу: набить морду нахалу, после чего (но только после) прижать к любящему сердцу.

Итак, сперва мордобой.

«IV волна» ударила тебе в голову, как молоко роженице. «Вскружилась голова», и ты начал красоваться передо мной этим майором Ковалевым, поигрывая брелоками: *Женя, Саша* — сколько *сердоликовых* брелоков на Вашей томпаковой цепочке, *ваше* скородие? (благородие).

Adveniat asinus pulcher et fortissimus*.

Скромность — украшение добродетели. Puella ama modestiam!

Признаю, что некоторые основания для «гром победы раздавайся» у тебя есть. И что не все объясняется advertising'ом**, коим усердно занимался пророк твой Апельсин. Однако Оськина звезда сияет поярче — хоть и незаслуженно, но затмевает ослиную... Верно говорю?

(В скобках: я *рад*, что Тебя «самиздают» в Москве, *рад*, что «признание ширится», что появляются ученики. Мне учеников не надо, т<ак> ч<то> не завидую. Тем более что *не хотел бы* ни переписываться столь усердно, ни возиться с фотостатами, ни вообще увлекаться, «гореть» и «трепетать». Письма писать я не люблю — и *только тебе* пишу чаще, чем другим, — хоть ты и склонен думать, что — только, когда мне «нужен адрес Дау», говоря собирательно.)

Сейчас звонил Зенька, из нашвилльского госпиталя, где ему вырезали простоту. Поправляется. Кстати, они оба очень ко мне тянутся, часто заезжают, везут меня в рестораны и пр. Но и одиночество любезно моему сердцу. Свобода и покой из лермонтовской строки — это здесь, в Дейтоне.

Кстати, твоя формулировка не точна: «богадельня» американская — это ко мне не относится. Да, соседи старики — ну и что? Этим сходство с богадельней и ограничивается. Но сравни свою избушку с моим respectableйшим кондоминиумом! Швейцар

* Славься осел, великий и сильный (лат.).

** Рекламиранием, прославлением (англ.).

круглые сутки (что значит 4 швейцара) — vous comprenez*? — открывает мне двери — и дверцу такси, подсаживает. А? Гранит в lobby** (большом!), азалии, олеандры. Пальмы, дубы. Бассейн — ночью лазурный. Река *играет*; потом blue hour***: закат!! (и рассвет, если открыть мою входную дверь в стеклянную галерею с видом на океан; окна веранды-porch и спальни на реку, пальмы и пр.). Ночью — *огоньки* другого берега. До океана 4 минуты. Пляж! Цветущие (круглый год) кусты. А в квартире 89 картин, ковры шикарные, мебель великолепная и objets d'arts**** изысканные! Сажу вечерами в нашем парке: тишина, свобода, покой. Никто не мешает жить. Хороша богадельня!

Две серии концертов, спектаклей <не сохранилась стр. — Сост.>.

С чего ты взял, что только тебя считают за человека? Кстати, вчера милейшее письмо от В.В.В. — благодарит за отклик на Б<елое> платье (я писал о высоком строе души). Пишет роман, ах, Боже мой.

А Бахраха ты недооцениваешь. Не зря его признавал Г.В.А. (Георгий Викторович Адамович. — *Сост.*), Мережковские, Белый, Ремизов... Статья его — по следам двух скриптов, «переданных» «Свободой». Он мне прислал скрипт о «Пасторальях» (первый был о «Комп<озиции>»), и я suggested*****, что scripta manent*****, а эфирное улетучивается.

P.S. «IV волна»: волна — вещь скоропреходящая, не так ли?

Насчет же «эмигр<антской> богадельни»: я пишу не для нее, а, как ты, для новой молодой России, которая к написанному в «эмигр. богадельне» прислушивается довольно внимательно, да-с, о чем тебе, кажется, известно. Что это ты перестал понимать *очевидные* (?) вещи? Dixi et animan levavi*****.

От мордобоя перехожу к благодарности.

Аксиос, Осликос.

Да, это Осел устроил мне США — и устраивает Россию, за это ему СПАСИБО тыщу раз. Обязан я тебе — по гроб жизни <не сохранилась стр.>.

* Вы понимаете (*фр.*).

** Зал (*англ.*).

*** Голубой час (*англ.*).

**** Предметы искусства (*фр.*).

***** Внушил мысль (*англ.*).

***** Написанное сохранится (*лат.*).

***** Я сказал и тем облегчил свою душу (*лат.*).

P.P.S. Грубые твои нападки на мой агностицизм (не атеизм: я не атеист). Ты безвкусен: я мог бы реваншироваться, издеваясь над религией, — но считаю это столь же неприличным, как твои выпады с приравнением меня к лесковским варнавам препотенским. Не смей «спорить» со мной на таком уровне, а то я перестану тебя уважать. Что я тебе — Демьян Бедный?

Как Кока Андреев, Толя, Перелеший? (Его поэма в Совр<еменнике> легка, «пушкинообразна», но мелка, скучна и без словесных удач. Он хотел ответить на «Играющего ослика», но — куда! У тебя находок словесных, звуковых — множество, а он — только гладок. И насмешки над фамилиями духовенски-цветочными. Нарциссов, Тюльпанов. С фамилией Салатко-Петрище — чья бы корова мычала. Вообще — неприлично, плоско (смеяться над фамилией).

Почему в твоём двухтомнике хочешь «поменьше стихов»? Дай больше, осел! «Игра продолжается» — названо хорошо.

Статья Струвия от 1915 — хороша. Он был умнее в младости. Что Оранж? Бербериха? Лимон?

Твой «Богадел» (так ли?).

26. А.В.Бахраху

28 июня 1978 г.,
Дейтона-Бич, Флорида, США.

Святой равноапостольный, присноблаженный Алессандро Базильевич!

Передовое человечество, сиречь читатели Нового Русского, начиная с воскресенья 25 июня (в Иванов День!) наслаждается Вашим акафистом. И спирали, и параболы завтра дойдут до меня — и пошлю Вам «зирокс» и напишу Седыху, чтобы выслал экземпляр на Ля Канальскую улицу.

Ave Bachgrace,

Gratia plena!*

Гну перед Вами свою буйную головушку и не хуже протодьякона возглашаю многолетие...

А гонорар — да. Напишу Седыху, что его обязанность кормить алчущих, и должен он вызволить Вас из беспросветной нужды, дать Вам возможность «осуществить» давнишнюю Вашу мечту: купить на собственные деньги *hamburger***! Пришлите Вашу фотографию,

* Да здравствует, Бахрах! Многие лета! (лат.)

** Гамбургер (англ.).

Вид голодный Бахраха, Бахраха, Бахраха
Тронет сердце Седыха, Седыха, ха!

(мотив «Иванова Павла», как Вы догадались).

Рад. Боялся, что «рука Москвы» предала огню и Ваш опус! Боялся, что пламенное Ваше слово, пыль и жар его зажгли редакторский стол — и все сгорело, подобно папирусу Александрийской библиотеки. НЕГ!!

Glory be! Gott mit uns! Allons enfants de la Kanal!*

О Струве: *конечно*, у Струвия много заслуг! (И я поздравил его, преодолев антипатию.) Антипатия же — ибо очень неприятен (видите, пишу кровью сердца). Ужалил меня в Lexicon'e своем, английском и немецком, в отместку за модернизм и отзыв о Кленовском (я в письме к нему выразился, что скучноват К.; Струвий метнул в меня молнией и при встречах делает «пуф-пуф», как муж Амалии Ивановны).

Хорошо, что одернули зазнайку Эткинда за «Гиппиус = Бедный». Хорошо, что снова трудитесь на ниве просвещения.

А что я здесь делаю, когда не стригу купоны? Ха! Есть океан, наш *private*** парк у реки, книги, стишки-с пишу, в киношки хожу. Зеньковские возят по лону природы... И прочее тому подобное...

Насчет Марокко — и вообще «going places»***: еще неясно. Но сердце мое рвется к Бахрахам! Kirsti, my love!**** Еще одно мерси, А.В.!

Ваш флоридский цветок.

27. Р.Б.Гулю

3 июля 1978 г.,

Дейтона-Бич, Флорида, США.

Дорогой жестоковыйный и гранитосердный Роман Борисович! Очень Вы меня обижаете, забиждаете, в слезы вводите, нервы мои треплете. И при этом, не моргнув глазом, не боясь греха, еще эдакое мне пишете. (Забраковав чуть не все присланное!)

* Слава! (*англ.*) С нами Бог! (*нем.*) — Чиннов пародирует начальные слова «Марсельезы» «Allons enfants de la patrie» — «Вперед, сыны Отечества». — «Вперед, сыны улицы Ля Каналь» (*фр.*).

** Частный (*англ.*).

*** Куда поеду (*англ.*).

**** Кирсти, любовь моя! (*англ.*).

«Хотя это дело не мое, а поэта. Он пишет — я покорно печатаю» (sic!*).

Царь Иван Васильевич таким манером самоунижался перед своими жертвами...

Это Вы-то покорно печатаете????!!! Это ВЫ-то признаете: «это дело не мое, а поэта»????!!! Как же-с, держи карман шире. Поэту, кстати, «на днях» 70 годов стукнет, в заслуженных профессорах ходит, седьмую книгу издает (с предисловием двух америк<анских> славистов). Birchbark Publ., в самиздате московском его знают, больше 46 больших статей о нем (одна — Романа Гуля, может, слышали?) — и каких лестных статей! Диссертацию о нем пишут, в 38 университетах он стихи читал (в Harvard'e аж дважды), в четырех энциклопедиях и девяти антологиях он — и что же? Р.Б.Г. его стихотворение «Занимательная грамматика», которое Carl Pröffer собирался печатать в RLT (да только мы подрались), — Р.Б.Г. это стих. псу под хвост: С<нрзб.>, видно, ему больше по вкусу! И стих<отворение> с эпиграфом из Цветаевой — это событие! И где же его тиснуть? В «Совр<еменнике>» — «не смей», ультиматум, «Континент» — раз в год пушает; а в газету такое уж никак нельзя.

Цитатой № 2 из Вашего письма закончим:

«А главное — поэт волнуется, это ему вредно».

Вот именно. Repent! Repent now!**

Истерзанный Гулем, исстрадавшийся Чиннов.

28. Ю.П.Иваску

4 июля 1978 г.,

Дейтоне-Бич, Флорида, США.

Азинус!

«Роет тихая лопата», кажется, Гиппиус, не Сологуба. Проверь.

Прости, что не еду. Но — устал: хочу покоя. Не хочу подъездов, съездов, отъездов, приездов.

С тобой бы побыл, но preliminaries*** пугают. Отложим до декабря.

Спасибо за хегох Ариэля. Как это он так безнаказанно разворачивается? Touchons du bois****.

* Так, именно (лат.).

** Раскайтесь! Раскайтесь немедленно! (англ.)

*** Предварительные мероприятия (англ.).

**** Постучим по дереву (фр.).

Перелешин осрамился. «Обнаружил» плагиат, которого за полвека с лишним никто не заметил, ибо плагиата нет. Use your brains*, прежде чем рот раскрывать.

Одоя (Одоевцева. — *Сост.*) по суду оттяпала от Яши Горбова половину евонной квартиры. Вот и влюбляйся в поэтесс после этого.

Что Эммочка Коржавин?

А Буркин хамлю. И — под Елагина пишет. Ариэль прав насчет К.Пиотровского: ямбу «Корвина» (Лжекорвина) играет, упругий, гибкий. Был он сволочь, но мастер.

Бахрах обо мне — слабо, во многом неверно. Но и то хлеб. Кое-кто знает, что он de la maison**.

Почему Глинка звонит тебе «каждый вечер»? И — на какие деньги? Сутенерством занялся?

Антология, «задуманная» Шах-княгиней (Зинаидой Алексеевной Шаховской. — *Сост.*) и Странником: согласен на сотни виршей владыки, только чтоб вышла. И «денежно поддержу». И тебе советую: надо нам печататься и за рубежом.

Как антология Финка? Нажал бы ты... Что Раннит?

Хорошо, что в РМ панегирик Ослу.

Когда именно ты из «Amherst, Mass.***» в Европу?

Зеньке вырезали простату. Я — эпиграммку:

Где была простата,
Нынче пустота — и т.д.

Что слышно о Континенте?

<продолжение>

9 июля

Поздравляю с подготовленной «Игрой, кот<орая> продолжается». Как с *зарубежным* изданием?

Твой «Памятник» *очень* одобряю; но «льдиистой» России и даже тощей Испании — NO: нельзя определить одним словом, хотя *тощая* И<спания> и верно многим (но Санчо Панса был вроде Доси). Помимо того «стихо» *преинтересное*, гм... гм.

* Подумай (*англ.*).

** Так говорил о людях Г.Адамович, под «de la maison» имея в виду продолжателей Серебряного века.

*** Амхерст, Массачусетс (*англ.*).

Твоя проза на сей раз мне ПОНДРАВИЛАСЬ. Критика — следует.

Спрашиваешь, где мои стихи. Вуаля — см. приложение. Пришли «безумное» (? на него непохоже) письмо от Ариэля. Сегодня ответил ему (на второе письмо). По новому адресу.

Спасибо за распространение творений Доси. Прилагаю вторые 25 bucks.

(Паки Паки): «Памятник» *очень хорош*, но одного прилагательного на страну — мало; опасный путь.

Розгой венчать нельзя: различай чело и жопу.

«Красота». Ты вроде замоскворецких купчих: от слов «металл» и «жупел» обомлевали. Мой *эстетский* роман с красотой — l'amour qui n'ose pas dire son nom*.

Заменять слово красота словом *прелесть* опасно: *прелесть* — бесовская, лукавый прельщает. А *чудо* бывает вне красоты. Твоя боязнь прослыть эстетом — смешна, как смешна у Адамовича. Его Толстой придавил (как «помял», медведь, и В-а В-а В. [Вейдле. — Сост.]). «Эстетика, кстати, есть *наука* (об опознании и классификации эстетически, т.е. художественно значимого)», *как ты знаешь*, и напрасно ты это слово употребляешь вместо эстетизма и эстетства: были эстетствующие (дураки) — и были и есть люди, чувствующие красоту. (Арсеньев у Бунина: «что делать с красотой?») Глупый вопрос: *восхищаться* ею, радоваться, ее видя или слыша, ею *любоваться* (ср. слово любовь) — вот что делать. И ее отражать и создавать, если Бог дал талант. Что и «Арсеньев», и Бунин прекрасно понимали.)

Все, поэты все, твои стихи об Италии, Мексике, Фландрии и т.д. есть *гимн красоте* — и чего ты стыдливо прикрываешься, я не понимаю. Обмануть ты можешь дураков, я же тебя вижу как облупленного.

Те, кто не восхищается КРАСОТОЙ, те слепые (— и глупые, чаще всего) — и достойны презрительной жалости. Те, кто из *снобизма* навыворот — отрицают, что они «эстеты» (будто только петербургские дантисты и адвокаты в цветных жилетах были эстетически зрячи), — те врунишки; их надо сечь за детскую отсталость — и за трусливость. Сейчас тебя высеку.

Дося, любящий красоту.

* Любовь, которая не смеет называть свое имя (*фр.*).

29. В.В.Вейдле

8 июля 1978 г.,
 Дейтона-Бич, Флорида, США.

Дорогой Владимир Васильевич,
 довольно-таки давно уже ничего Вашего в «повременной печати»,
 и я беспокоюсь: здоровы ли? Или начатый роман занимает все
 время? Как он, роман, подвигается?

А «Младые лета»? Их жду с большим нетерпением. Ждут их
 и в России, да: воспоминания о Серебряном веке там для многих —
 манна небесная. И представьте — могут выпустить в самиздате
 (воспоминания: *si*, роман — *no*). Даже и заработать можете на
 «Младых летах».

Ждет Милый Поэт и продолженья «Позднего ропота» — хотя
 и не одобряет, что ропщете на такие прекрасные вещи, как телефон,
 самолет, радио и пр<очие> средства связи. По-моему, техника на
 80% благословенье Божие, включая автомобиль. Я вот разъезжал
 по свету: с легкостью, преудобно; а лет 100 назад это была мука
 и «невозможность». Да здравствует «техника», наперекор Степуну,
 даже противозачаточные и болеутоляющие (для рожениц) *пилюли*
включая в технику.

Читал возраженья Вам Ульянова и думал словами княгини
 Мягкой: «И я бы рада была не согласиться с ним (Карениным), да
 на этот раз не могу».

Степун в унисон с о. Илличем, что в Мексике, за «облагоражи-
 вающее страдание»; а я против, ибо чаще оно оскотинивает, чем
 облагораживает. Я за облегчение страданий, будь они прокляты.
 Тот, кто заявляет, что болеутоляющие средства лишают человека
 «свободного (?) общения с болью», просто сумасшедший и достоин
 того, чтоб обеспечили ему это «общение» — розгами.

Другое: Егорушка все боится, как бы не признали его за эстета
 (а кто он такой?), слово Красота для него, как металл и жупел для
 замоскворецких купчих, он воюет против «эстетики» (которая
 есть наука об опознании и классификации художественного),
 эстетикой называет эстетство или эстетизм: но страхи его вроде
 «l'amour qui n'ose pas dire son nom». Беда, Толстой придавил не од-
 ного Адамовича... Владимир Васильич Толстому за «Что такое
 иск-во» «руку поцеловал», помню. Но все-таки люблю Владимира
 Васильича и ценю очень, очень!

Ваш Милый Поэт И.Ч.

30. Б.А.Нарциссову

19 августа 1978 г.,
Дейтона-Бич, Флорида, США.

Дорогой Борис Анатольевич,
месяца два назад написал Вам, благодаря за Звездную Птицу, оную хваля — и кое о чем Вас спрашивая. Но от Вас ни слова. Сердиты на меня? За что?

Как поживаете? Отзовитесь!

Кстати: я не предложил Вам «свои услуги» в качестве рецензента, потому что ничего, кроме стихов, давно не пишу: считаю, что в мои годы уже поздно разбрасываться. К тому же я, как Вы знаете, лентяй, и чем писать что-то, предпочитаю валяться на диване с «детективной» или гулять по пляжу. Пишущей машинки у меня нет, рукописание утомительно, диктовать мне некому: уйдя из университета, я не обзавелся секретаршей... Даже «воспоминанья детских лет», начатые, ленюсь кончать.

*Ваш дружелюбно, всегда
Игорь Чиннов.*

31. В.В.Вейдле

19 августа 1978 г.,
Дейтона-Бич, Флорида, США.

Дорогой наш Владимир Васильич!

На упрек «редко Вы мне пишете» возражаю: для меня это не редко, это часто. Я же на писание туговат! Только Егорушке пишу чаще, чем Вам, — но он же строчит, как на конвейере, письмо за письмом! (За это ему спасибо: получать письма — интересные, как его, очень люблю. А вот сам, хотя и

есть еще хорошие буквы:

эр,
ша,
ща —

сам эти буквы выписывать ленюсь.)

Ага, так Вы стихи написали, ага! А нельзя ли с ними «ознакомиться»? Фотостатиков 3–4–5 получить? Ась? Оки-Доки?

И поздравляю, что «полромана» уже есть. Название очень удачное.

За *Langage Mimétique**, вышедший в Японии (!), merci mille

* Подражательный язык (*фр.*).

fois*, банзай, бонзай, бонзей! Читал с совершенным наслаждением (вот так бы мне по-французски писать...). Вот это — то, чего мне от Владимира Василича нужно особенно: размышления надобны (и не мне одному): чтобы *пышиша* для ума была, *пышиша*: не только хлеб да каша *пышиша* наша.

А Младые Лета? Как же так о Серебряном веке там мало? О чем же там? Серебряный век — этот «матерьял» мог бы пройти в самиздат; fiction** о любви — нет. Они не станут рисковать и тратиться из-за «беллетристики». Ваши ответы Померанцеву о поэзии, при всей краткости («для газеты!»), — это «самиздатоспособно». Как и «О тех, кого уже нет» — несмотря на то, что портреты «gather sketchy»***, очень sketchy.

А с кортизоном авось «все образуется» — и В.В.В. наш заставит плоть по-прежнему служить духу!

«Теперь», как говорилось в программе «Свободы», — *теперь* о КУЛЬТУРЕ и ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Почему *или* то, *или* другое? Почему, приемля Ц., я предаю К.?

Вот повернул рычажок и слушаю Шопена и Шумана в дивном исполнении. Вот другой рычажок — и слушаю: Ахматова читает стихи. (Как бы здесь в комнате!) Вот купил журнальчик за 10 центов, а там снимки знаменитых картин и прекраснейших пейзажей и цветов — и все оттенки переданы превосходно, уверяю Вас, да, да!

Вчера звонил Егорушке: тоже «как будто здесь в комнате»!

«Да здравствует передовая техника!»

Вот думаю опять слетать в Грецию, м<ожет> б<ыть>, «залететь» в Египет: несколько часов и — пожалуйста!

Утром встал. Жарко. Повернул рычажок: прохлада. Отвернул кран: горячая вода. Выключатель: светло! Плита электрическая, холодильник, лифт. А раньше? За водой (в России, Рязань) — к водокачке *по льду*, скользко, потом руби дрова; из печки дым; керосиновая лампа коптит, полутемно; на пятый этаж дрова носи — без лифта... К зубному врачу: пытка! Какое счастье, что есть технический прогресс! Он не только не мешает мне писать (и читать) стихи, напротив, он помогает: сколько бы времени я потратил зря без него!

TV я не завел. Но скольких оно спасает от скуки! Херох! Пишущая машинка! Низкий поклон передовой технике! И болеуто-

* Тысячу раз благодарю (*фр.*).

** Художественная литература (*англ.*).

*** Слишком схематичные (*англ.*).

ляющим средствам, вопреки Степуну и Illitch'у (Иллич — в Мексике, пропагандист боли, будь она проклята!).

Ломлюсь, пожалуй, в открытую дверь. Мадарьяга жаловался в NRF: в отеле не мог дозвониться до кого-то, послал bell boy'я* — «как сделал бы его дед». Ну и что? Это — недостаточная техника, а не дурное влияние техники!

Надоел Вам болтовней. Полночь. Кончаю. И целую Вас, дорогой Владимир Васильевич. Людмиле Викторовне — küss die Hand. Храни Вас Бог. Спасибо Вам за все.

Ваш Чиннов, Игорь, Милый Поэт.

32. В.В.Вейдле

*21 октября 1978 г.,
Дейтона-Бич, Флорида, США.*

Дорогой Владимир Васильевич, очень-очень полюбился мне «стишок» о двух senior citizens**, двух elderly***. Вот и мы еще повоюем, как выразился тургеневский воробей (или это сказал «лирический герой», а не эпический герой воробей?).

Отлично у Вас в «стишке» «форма соответствует содержанию»: размер на редкость удачно оттеняет «смысловую информацию». Очень хорошее стихотворение, и написано оно не зря.

Но: без *статей* Владим-Василича обе газеты «типичное не то». Статей жажду, статей! «Дайте мне атмосферу!» — присоединяюсь к голосу акушерки.

Насчет же московских «самиздателей»: мой корреспондент Женя собирается издать стихи; и только. У Егорушки два «корреспондента», один больше до статей охотник, но религиозно-философских, поди же ты. Статьи же «сколько-нибудь» политические (пять скользких слов, Безымянная страна, Пора России и т.д.) — едва ли они *рискнут* тиснуть... А о *словах* и СЛОВЕ — м<ожет> б<ыть>, слишком субтильно...

Однако «будем посмотреть». Егорушка может запросить «религиозных философов».

Как роман Ваш? Спрашиваю безотносительно к самиздату, как Вы понимаете: беллетристикой «чающие знаний» не интересуются.

* Посыльного (англ.).

** Пожилые граждане (англ.).

*** Почтенный (англ.).

«Воспоминания» Одоевцевой, впрочем, у «них» тоже не пошли: недостоверно, мягко выражаясь.

Перелетевший в обиду на Вас за «ненаписание» об «Ариэле». Воображаю, какая б была обида, если б написали (не равняя с Шекспиром (или Шек-спиром?)). Маньяк. «Эвридика»: слышал, что Е, но запомнил. Спасибо за «pointing out»*!

Не забывайте Вашего

М.П., И.Ч.

33. Ю.П.Иваску

7 ноября 1978 г.,

Дейтона-Бич, Флорида, США.

Ослик!

Начну с ругани. Почему Ты всегда, точно институтка, кого-то обожаешь? «Ах, Бродский, ах, ах! Ах, папа, ах, ах!»

Папа — выдающийся, не спорю. Но — раз поляк, значит — шовинист — фанатик и русофоб. Исключения — редчайши.

И почему никто «больше Польши» «на кресте»? А Россия сталинских времен? А Камбоджа теперь? И т.д.

«Низко кланяемся Польше». А она нас презирает — хотя бы за то, что позволили разрушить свою веру, свои храмы. Презрение заслуженное, но от того не менее неприятное.

«На кресте изнемогали» — *хлопы* в панской Польше — и *православные* там же, в самостоятельной Р<ечи> П<осполитой> и раньше, и позже, до 39-го года.

Не спорю, что есть в польской — панской — жизни изящество; есть польский гонор. Эстетически П<ольша> привлекательна. Морально — нет.

Может быть, во мне чуточка польской крови: предки с материнско-бабкиной стороны — Корвин-Косаговские — пришли в Россию в начале XVII века, полагаю, со Лжедмитрием. Но бабушка поляков не любила — за неискренность и фанатизм.

Уважаю польскую культуру за многое. Но — подобно бабке, не люблю. И не одобряю русского, который «низко кланяется Польше». Не унижай себя. Польша не ответственна за Дзержинского и Менжинского; но завоюй поляки Россию — ух, угнетали бы! (В наше время особенно.)

СТИШОК об Эмилиии. Раз эта тема, *déjà vu*** в творчестве Ослика,

* Указание (англ.).

** Примелькавшаяся (фр.).

все еще (из локального патриотизма? Amherst, Mass.?) тебя интересует, то — it's up to you*. Ты сам понимаешь, что читателя она не увлечет. Пушкин писал не о Ризнич или Керн — а о любви. В твоей «эмилиане» недостаточно общечеловеческого. Согласен, что была эта дева достойна читательского внимания по причине *своих* стихов (и затворничества?) — но твои (*не ее*) стихи? Ну да, сонеты Шекспира и Перелешина хороши и «в отрыве» от обожаемых юношей. Пусть твои ей серенады тоже переживут века; но я бы не печатал больше о сестре-соседке. Прости, говорю честно, что думаю.

Не обожай, институтка. (И не сердись на Досю.)

Фарфоровое небо. Если Севр отвратителен, зачем сравнивать с ним прекрасное небо? (В «Распаде атома» фарфор — «прекрасен и отвратителен», другое дело.) Но начало, 3 строки — прекрасно (в словарях агоний, но — никто не говорит).

Розанов. Каких *обоих* он умудрял в хибарке мексиканской? Опять Мексика у тебя нарушает стиль, как в Афанасьевском переулке: «И тут же Мексика». Нет, не тут же: не к месту, некстати. Но à part ça** — много прелести. Повторяешься; однако nitchevo. Уединенный тмится? De quoi s'agit-il***? Кес-ке-се****?

Корчула: «Узорочье» — довольно точное название, хотя стиль Алексей Михайловича, Тишайшего, за исключением терема и Василь Блаженного, весьма нехорош. О человеческой радости — да, грибки; но о радости на краю бездны есть и у меня — и у многих. В общем — *много* верного, все-таки, хотя сумбурно. Из цитат: блистательно о Ремизове! Верно о твоих вшах, моче, кале. О ягодице и щеке херувима — прекрасно, ты молодец.

О.К. поздравляю. Ариэль написал — это важно. И что ж, статья не из плохих.

Вернемся к стишку о папе: *третья строфа* «технически» хороша.

Спасибо, Азинус, за справки. Как хороша Баллада об извозчике! И Роберт М. — хоть и под влиянием английских баллад.

Ну, иди к е<...> матери. Из-за Тебя пишу ночью. «Nil» Собакище. Жди письма о recital'e***** у о. Киселева. Не может ли Ариэль вставить в статью *Новжур? Иначе Гуль* — *ни в коем* случае, это ясно. Да и не прав Ариэль.

Твой Дося — И.Ч.

* Твое дело (англ.).

** Кроме того (фр.).

*** О чем разговор (фр.).

**** Qu'est-ce que c'est — что такое (фр.).

***** Концерт, вечер (фр.).

34. В.В.Вейдле

1978 г.,

Дейтона-Бич, Флорида, США.

Дорогой Владимир Васильевич!

Очень-очень обрадовали: похвалили человечка в коробке сардинок. И очень-очень огорчили: не дали в Новжур *статьи*. Да, есть там голлербаховская — и неплохая, читал с интересом. Но — *вейдлевской* статьи жаждет душа моя, вейдлевской! «Говорящим хором» скандируем с Егорушкой (и многими, вероятно, еще): хотим *статью* Вейдле!

«Мнимые вымыслы». Название меня обольстило: и звуком, и «поэтичностью» — оно «говорит» больше, чем «значит». Но в «холодном свете рассудка» оно «значит» только, что этот рассказ — правда (и что, да, Вы поцеловали даму между ключиц).

«Ах так, оказывается, Вейдле и писатель!» — «воскликнут» тупицы. Ну и что? Адамович написал рассказ (см. «Числа»), Оцуп — роман, Г.Иванов — полромана. Помним ли мы их беллетристику, когда о них думаем?

Конечно, в обоих ваших рассказах и чистота языка, и чистота душевно-духовная, и чистота «акварельной палитры». Но... у Ржевского не «между ключиц», а — «вонзаясь губами в шелковую плавучесть живота» + «мириад» «зорко подмеченных деталей», ловкие ухватки беллетриста; а Вы ни «сочности» не хотите, ни «зорко подмеченных»... Между тем: именно этим прекрасна прекрасная «Ида»; и без «метких наблюдений» и «сочности» — «Поэсты Пушкина голы как-то», — говорил Толстой...

«Violon d'Engres»* — помните? Вот в «З<имнем> С<олнце>» описание музыки. Два описания — это сильнее, чем Violon d'Engres; но во «Мн<имых> вымыслах» строк такой силы нет.

Главное же: *то* нужно от Вейдле, что один он может дать. Лосский <Н.О.> кончил воспоминаниями — о чем? О гимназии в родной Креславке! Помилуйте, Н<иколай> О<нуфриевич>, а Вы не могли бы лучше — *пофилософствовать* «под занавес»? Философу полагается — философствовать.

Где продолжение «Позднего ропота», «О поэзии и поэтах», «Поездки в Аликанте» — и пр. и пр.? Полюбил Зеличку, но — хочу от Вас «пищи для ума»; хочу, чтоб «повышали» Вы «культурный уровень» Милого Поэта — и читателей Нового журнала. Да стоит

* Увлечение (фр.).

Вейдле в полный свой рост! И да простит он великодушно Милому Поэту эти строки и да позволит ему обнять автора — *не-беллетриста!*

- Fin -

35. В.В.Вейдле

12 июля 1979 г.,
Дейтона-Бич, Флорида, США.

Владимир Васильич, дорогой и милый!

Нет, восьмистопные ямбы «Геракла» не распадаются — и очень разнообразят звучание. «Ритмический рисунок» у Вас на редкость интересный. Но... кто заметит? Кто способен на усидчивость, пристальное внимание? 1–2 специалиста по просодии — мнение которых едва ли Вам важно, ибо это сухие педанты.

«Версификационные» находки Ваши — метанье бисера.

Заметят не ритмы. Заметят «моральную проповедь»: «пуританский максимализм», отвержение секса без любви. Сведения этого секса к «кентавру».

И вот: *hier stehe ich, ich kann nicht anders**: с таким отвержением Ваш милый поэт не может согласиться. В плане «сексуальном» я с Василием-Васильичем: «Даже не знаю, как пишется слово нравственность, через Ъ или Е... Мы не гимназисты... А вот не было ли от меня боли».

За половую нравственность стоят — «увы!» — не гимназисты, а люди посерьезнее. Но я знаю, что секс без любви не сводится к «склизкому вождельню», к извивам и соитиям *мерзострастным*. Почему этот восьмистопный ямб с «Я пишушую пасть...» в ответ на столь естественную и вовсе не страшную вещь, как «похоть»? Вождельню, «извивы... страстные» соития — остаются «склизкими» и в сексе, «искупленном» любовью. Последние, главные секунды этого «столь распространенного» акта заняты, как известно, вовсе не «духовным влечением», а физическим наслаждением, одинаковым во всех решительно случаях: оргазм <есть> забвение «партнера».

Вы правы, не соглашаясь (в письме Иваску, мной не читанном, конечно) с очередной *нелепостью* Адамовича, будто счастливая любовь — свинство. Это глупости; но — не оказывается ли Вы по соседству с теми, кто для секса требует оправдания намерением

* Здесь я стою, я не могу иначе (*нем.*) — слова Мартина Лютера в Вормсе 17 апреля 1521 г. в присутствии императора и князей-избирателей.

иметь детей? Или хоть оправдания «законным браком»? Страшное соседство.

Я не верю, что «половое влечение» нуждается в оправданье.

Герой «Митиной любви», ужаснувшись «склизкого вождельня», — бац себя из револьверов (двух...). И при всем таланте Бунина пожимаешь плечами. Что за толстовщина, что за ап. Павел? Oh, diese Russen!*

Я полемически заостряю. Но, право, секс без любви не всегда свинство, не всегда кентавр.

Геракл (кстати, как-то раз бросивший в огонь собственных детей) сжигает себя, ибо не в силах вынести боли от смертельного яда. Пусть «сие надо понимать духовно». Но тогда и костер — духовно... А? У Вас — духовно.

Вспомнился Тезей Андре Жида. «Oh l'obscurite, ma lumière!»** Но Эдип ведь «самоистязается» не из тоски по целомудрию, а потому, что переспал с матерью (случайно, но все-таки...).

Нет, об Андре Жиде читатели не вспомнят. Но — многие скажут, что «Костер» — в духе скорее 1909 года, чем 1979-го: в духе Серебряного века. Припомнят «Фамиру Кифареда» (1906), отравленную тунику (= шкуру кентавра), Брюсова. Брюсов, конечно, ни при чем: «священное вождельне, таинство плоти» — «типичное не то». Но Фамира, сцена 11-я и 17-я — здесь есть сходство с Костром, хоть и избежали Вы счастливо безвкусицы югендштиля и прочего.

Если Костер из рода «proses datées»***, то для меня это скорей плюс: благоухание седин, что ли. Сопротивляюсь я только самоистязанию, изуверству, идее, «message»****, «морали». Плохо верю в пир «Олимпийцев» с участие нашим — все равно, нас грешных или нас целомудренных. И оттого к постельным забавам этих *смертных* отношусь с добродушием. К воздержанию же — с удивлением. К отрицающим секс вне любви — с удивлением тоже.

Выпей, Ваня, выпей тут:
На том свете не дадут.

Вернее: м<ожет> б<ыть>, и дадут, но — неизвестно.

* О, эти русские! (нем.)

** «Темнота — мой свет!» (фр.)

*** Устаревшая проза (фр.).

**** Миссия, послание (англ.).

Милый Владимир Васильевич, я слишком Вас уважаю, люблю, ценю, чтобы перед Вами кривить душой. Да и не нужно Вам неискреннее поддакивание.

Мысленно Вас крепко обнимаю. Берегите себя! Храни Вас Бог. И целую руку Людмиле Викторовне.

Ваш Милый Поэт — Чиннов.

36. Андрею Седых (Я.М.Цвибак)

1 сентября 1979 г.,

Дейтона-Бич, Флорида, США.

Дорогой Яков Мойсеевич, шлю «на Ваше усмотренье» мой *hompage** Владимиру Васильевичу. До сих пор его память почтена до жалости недостаточно. Знаю, что Вы «заказали» Бахраху достойный некролог, дали снимок и приличное траурное объявление (в отличие от Р<усской> м<ысли>, давшей крохотное), дали краткую биографию. Но «Свобода», Богословский институт — где их объявления о кончине? Он был с ними связан долгие годы. Где выражения скорби со стороны друзей?

Я решил хоть как-то заполнить, отчасти, эту пустоту. Написалось 5 строф — и так как 5 строф на Вашей *литстранице* выглядят недостаточно внушительно, придумал добавить несколько стихотворений, которые В.В. ценил особенно, которые хотел видеть посвященными ему. Я избегаю посвящений живым (обида «обойденных»!), тем более живым критикам («подхалимаж!»). Теперь мне хотелось бы исполнить его желание. Рад буду, если Вы согласитесь «дать место» этому скромному приношению его памяти. Если пяти много, возьмите сколько можно. Заранее — спасибо!

Сердечно Ваш всегда

Игорь Чиннов.

37. о. Кириллу Фотиеву

28 декабря 1979 г.,

Дейтона-Бич, Флорида, США.

Дорогой о. Кирилл, обрадовался, что подтвердили намерение писать об Антитезе. А что до внимания к «О чем? Что он хочет сказать? Каков его *message***, како он верует? и т.д.» — в ущерб «стихов виноградному мясу» —

* Некролог, дань памяти (*фр.*).

** Замысел, идея (*англ.*).

то... Однажды «осветили» Вы «вопрос» о ЧТО, *заслонив КАК*, да, да, и случилось это в отчете о нашем с Ю.П. злополучном вечере у о. Киселева. *Weltanschauung** и Иваска, и мою Вы там изъяснили читателям НРС («Нового русского слова». — *Сост.*) вполне верно, очень хорошо, но беда в том, что моя *Weltanschauung* начисто лишена своеобразия: от Экклезиаста до Нонны Белавиной (Клеопатры Болотиной?) все твердят (почти все) примерно то же, что и я. И только одно в моих книгах заслуживает внимания: стихов виноградное мясо. Да, И.Ч. любит красоту (*mais oui!***) в мире, да, в стихах стремится он отразить эту красоту — сознавая скоротечность дней своих, иронией маскирует он горечь. И да, есть в стихах проблески надежды, *жажда надежды*. Жажда веры. *Но это и почти все*, что можно сказать. А вот о воплощении этих чувств в стихи сказать можно больше. Естественно спросить: есть ли образность в его поэзии, богата ли она неожиданными образами, сравнениями, соответствиями? Есть ли находчивость воображения? Игра ума? И, конечно, есть ли техническое мастерство, неожиданность рифм, музыкальность при естественности, обходится ли автор без инверсий родительного падежа (обходится!), без «поэтических» интонаций, умеет ли он поэтизмы уравнивать прозаизмами, просторечиями вроде «да ну вас» (и даже «где уж нам уж, где уж нам уж» — музыкально оно, это «просторечие»!). Вот о чем Вы *можете*, Вы *призваны* говорить. А длинные экскурсы в *Weltanschauung* предоставьте Сергею Левицкому — он о другом не может и вообще бездарен и не очень умен, увы... И вообще преимущественный интерес к «содержанию» в добролюбовском смысле да останется уделом Рафальского: он на днях, «пиша» о моих стихах в НЖ, признался, что *ценит содержание больше формы. Это критик СТИХОВ!* И не в Чухломе в 1866 г., а в Париже в 1979 г.!! (А он учился в Праге у Бемалл!)

Дорогой о. Кирилл, да не покажется Вам, будто собираюсь Вас поучать. Тот отчет о нашем с Ю.П. вечере писали Вы в предновогоднее — новогоднее время, отвлекаемый и службами, и суетой — и, м<ожет> б<ыть>, обращаясь к читателю, ничего, кроме «мировоззрения», не способному воспринять даже на 20%. Но теперь НРС читают какие-то дополнительные (к прежним 10-ти) 80 образованных людей. НРС? А Грани? Газета-однодневка, а в журнале *scripta manent*. Вы ведь их сотрудник? Или у них рецензия будет 3 года ждать?

* Мироззрение (нем.).

** Ну да (фр.).

Вообще же: хочется, чтобы написал об А<нтитезе> человек, понимающий, *что такое* СТИХИ, — и это свое понимание обнаружил. Оттого так и дорожу будущей рецензией о. К.Ф.

Ваш Игорь Ч.

38. Биллу Чалзме

30 декабря 1979 г.,
Дейтона-Бич, Флорида, США.

Милый друг Билл, поздравляю и с Новым Годом, и, главное, с выходом твоей антологии. Очень, очень рад, что она вышла! Я уже боялся, что финансовый неуспех гр. Комаровского преградит путь ей навсегда; но, кажется, Комаровский задержал ее появление только на два года. На мой взгляд, антология составлена хорошо (спасибо за внимание к Игорю Чиннову!). Правда, кое-кто из «заслуженных» отсутствует или представлен «слишком скупо» — и какие-то господа тебя и Ю.П. за это обругают. Но *nitchevo*.

Признаюсь, я на тебя сердился. По двум причинам: во-первых, потому, что, сдав Комаровского раньше антологии, ты ее — как мне казалось — погубил. Во-вторых, потому, что ты не сказал мне спасибо за кипы хороших книг, которые я послал тебе (на имя Ю.П. и тебе прямо). Несколько пакетов я сам с *трудом* снес на почту, другие носил студент, которому я платил за это, как и за упаковку. Плюс почтовые расходы.

But it's a thing past and let's forget about*.

Поэтому не сказал спасибо и я тебе за аметистик. Теперь говорю!

Перейдем к более важному. Я собрался, наконец, выпустить книгу твоих переводов Чиннова. Это будет дороже, чем когда-то предлагал твой друг (Micromegas!), но *nitchevo*. Спрашивается: не перевел ли ты за это время еще какие-то мои стихи? Переведешь ли, если я тебе пришлю несколько?

А мою «Антитезу» тебе Юра передал? Увы, Глэд, я, типография — все испортили издание, которое могло быть красивым.

Жму твою «лапу» дружески. Привет женке, супруге, your wife Mrs. Chalsma**, привет ребятам.

Твой Игорь.

* Но это в прошлом, и забудем об этом (англ.).

** Твоей жене миссис Чалзма (англ.).

39. Ю.П.Иваску

25 января 1980 г.,
Дейтона-Бич, Флорида, США.

Азинус меус карус!

Прилагаю залежавшееся письмо — и стишки, *весьма* одобренные, Ослика. Строчи дальше: выходит!

Не *мое* письмо грубое: Твое. О «подмоченной» репутации В.В.В. (Владимира Васильевича Вейдле. — *Сост.*) — разве я писал *злорадствую*?? Мне за него больно! Над ним издевался Ремизов? А над кем он не издевался? Ясно, что респектабельная внешность ВВ ему, уродцу, была острый нож! ГВА над ним смеялся? Тоже из зависти: чувствовал, что *начитаннейший* В<ейдле> его считает, справедливо, незнайкой.

Переходя Елисейские поля, Г.В. (как в случае с «*Вы de la maison*») мне сказал: «Не понимаю, как можно читать книги!» И — не читал (*понимая* все, как Бриан, иногда лучше *всезнайки* Пуанкаре — В.В.В.). Но познания вейдлевские в литературах и искусствах (ультра-буржуазный вид), конечно, Адамовича раздражали. Адаму хотелось, чтобы кроме французской лит-ры, о которой он имел понятие, все остальное иностранное в культуре для его, Г.В., собеседников не существовало — и лишь наше обожание извиняло твой и мой «культурный багаж». [Кстати, хорошо, что глупую фразу умницы Клюева (самоучки с комплексом насчет образования) — о «*Мадам Культура*» Ты уже не «берешь на вооружение».]

Розанов... Он завидовал любому, имевшему «приличный вид»: оттого напал бы и на ВВВ, несмотря на вейдлевский говорок — не столь, кстати, «юродивый», сколь снобистический — и прелестный, по-моему.

В пылу полемики ты «по-розановски-достоевски-изподпольно» заорал: «Чем хороша чистая репутация, какая ей цена?» Господь с тобой: «пошлятиной» Розанов считал репутацию «светлой личности», установившейся за либерально-ораторствующей бездарностью*. К тому же «подмочена» репутация ВВ не мошенничеством, не правда ли, а *смешноватостью* его предсмертных писаний: это-то и есть самое обидное — я «взбешен» тем, что разная сволочь имеет теперь основание над ним посмеяться!

А «какое прощальное слово должен был ВВ сказать»? Ты же знаешь: слово к живой России, чего не сделал ни кривляка Ремизов,

* А если — и чистую репутацию чистой души, то — стыдно Вам, Василь-Васильич!! Не хамите! — *Примеч. И. Чиннова.*

ни важничавший Бунин; но это отчасти есть в последних статьях ГВА — и это у ВВ «бегло намечено» кое-где. И нам надо бы эдакое «слово» «сказать».

Прилагаю чек на 110 «bucks».

Сотню — перешли: <московским друзьям>, 10 на расходы. Юзвиг пишет, что секция на два часа, думает, что 20 мин. на Терраса не урежет ни поэтов, ни дискуссантов (и всегда кто-то не приезжает; Вася вполне может не приехать...). Как в С.Ф. — не приехали.

Пришли фотостат письма, где Перелеший кроет Фотия! Возьми из 10 долларов.

Боюсь, что арест Дудко и Сахарова означает и растущие трудности...

<окончание письма не сохранилось>

40. Ю.П.Иваску

3 марта 1980 г.,
Дейтона-Бич, Флорида, США.

Осликус!

«Если бы...» ты вошел в мировую историю, то — под именем Азинуса Неистового.

Непонятно, как Твоя наполовину чухонско-немецкая кровь бурлит, кипит, играет. Как одному «юноше» за другим поешь ты хвалу, панегирик, оду. То были восторги «перед» Оськой, фимиа-мы, гимны; теперь свистопляска во славу Внука и Солнчего... Не унижай себя, не «преклоняйся коленно» при всем честном народе: все начнут смеяться, включая воспетых, обожествленных.

<...> У тебя же скорее всего лишь «...томленье вовсе недостойной, вовсе платонической любви». И выражаешь это как-то незаразительно. Братские чувства к Эмили Ты высказал в стихах — и то хлеб, хотя до Эмили русскому читателю как «до лампочки». (Кстати, *Гертруда Stein*, *Эдит Ситвел*, Катрин Мансфельд, даже *Edna St. Vincent Millay* — для меня гораздо интересней Твоей амхерстской «сестры». Но «de gustibus aut bene aut nihil»*, говорил в «Чайке» Шамраев.)

Есть что-то «шокирующее» в этих Твоих «институтских» обожаниях. И — «Чем меньше женщину мы любим» — м<ожет> б<ыть>, и неверно; но в Твоем случае излишек «любви» может остаться без ответа — и не только потому, что «мавр сделает свое дело», воспев, «спротезировав», разрекламировав, устроив: воз-

* О вкусах — или хорошо, или ничего (*лат.*).

можно, Солнчий и Вася к Тебе внимательны бескорыстно. Но *Твое* к ним тяготение может им надоесть. Главное — не покажись смешным; не срами свои седины.

Д<...> вдохновил Тебя на занятные, с воображением, с юмором 2 странички. О'кей, но в какой Твой том это войдет? А «Если бы...» — и живо, и со множеством мелких удач, но — у меня идиосинкразия к некоторым слогам, стилям: я просто *болен*, физически плохо себя чувствую от некоторых литературных манер: и от импрессионистических, в частности. *Многое просто не в силах читать*. Ты не ценишь Газданова: он был сволочь, препротивный, кривляка, «воображал себя Сент-Бевом» (сказал мне весьма насмешливо В.В.В.) — *но музыкальное звучанье его страницы* меня восхищает. Среди нечитабельных для меня: Зайцев, Шмелев, *но и* Белый, и Ремизов (а Фельзен — хорош для слуха!). В.В.В. — ужасен в беллетристике (а «говорок» статей приемлю)... Все это к тому, что *просто не в силах* прочесть весь присланный «Если бы...». *Признаю беллетристический дар* — это профессионально, на уровне, *вполне*. Но, как немецких экспрессионистов, как советских 20–30-х гг., как многих американцев — не могу «читать без судороги». Прости.

Еще: «Афоня». Как можно принимать всерьез человека, которого зовут Афоня? Имя для деревенского дурака! И Краснаго! Все будут: Краснаго. (Живаго забыт.) Почему не дать нормальные имя-фамилию? Напр<имер>, Дмитрий + что-то на *ов*?

Дуэль же «Афони» (какое *глупое* имя!) с Гиппиус — это дело (но можешь ли воскресить ЗНГ в СПб в 1907 году?) — и лучше это, чем чистить нужники (этим он у тебя *как дурак* занимается?). Или ты его из говновозов повысил в чине? <...>

Прости за откровенность Твоего

Досифея
(Игоря тож).

41. о. Кириллу Фотиеву

20 апреля 1980 г.,
Дейтона-Бич, Флорида, США.

Дорогой о. Кирилл!

Иваск пишет, что недавно на Вас опять напало хулиганье. Вот оно — Бруклин, метро, поздний час. Хорошо еще, не искалечили, спасибо, что не убили (в тех местах и убийствами развлекаются).

Надеюсь, от этого «приключения» вполне оправились — так или не так? Будьте осторожны, милый друг, берегите себя! Нельзя

допускать, чтоб всякая сволочь еще добавляла к нашим печалям.

Ведь это у Вас не первая печаль за этот год. Правда, за полосой неудач обычно следует светлая полоса; будем надеяться, что и на этот раз так будет. Как бы то ни было, принимаю к сердцу Вашу судьбу.

А Ваши ученики, те несколько «третьих», которых Вы просвещаете, — они хоть немного радуют? Вниманием, пониманием? *Ainsi voit-il?**

Милый отец Кирилл, простите *una forma dell' egoismo***, простите *vanitas vanitatum****, но не могу удержаться, не спросить о рецензии: отправили уже в «Грани»? Хочется, чтобы «Антитеза» там была «освещена», просвечена именно Вами... Я довольно давно уже им послал экземпляр. И — не пришлете ли мне копию отзыва? Просто чтоб удовлетворить авторскую «любопытность»? Не терпится узнать, что Вы об «А.» написали...

Служенье Муз не терпит суеты — но вот: написал поэт стихи, кончилось служенье — до поры до времени — и проступает в поэте *Menschliches Allzumenschliches*****... Что делать!

Дружески Вас обнимаю.

Ваш Чиннов.

42. Ю.П.Иваску

22 апреля 1980 г.,

Дейтона-Бич, Флорида, США.

Осликус меус карус крокодилус! На письмо, сегодня полученное (без адреса *Яновского!* *Ослик сволочь*), ответ таков:

1. Цитрусовый плод. Как ослиная левая нога желает, так и будет. Все же — соображенья:

Контрастное заглавие привлечет больше внимания. Двое «субъектов» вместо одного — тоже. Неполная точность названия — если и вызовет критику, то — после какой-то «работы мысли», т.е. после более внимательного взгляда. Спорное привлекает сильнее, чем бесспорное. Надо подчеркнуть, что живое тело***** не вмещается в «железную симметрию» формулы («Ад — Рай») без остатка.

* Как Вам видится? (*фр.*).

** Своего рода эгоизм (*ит.*).

*** Суета сует (*лат.*).

**** Человеческое, слишком человеческое (*нем.*).

***** Твоей и моей поэзии. — *Примеч. И. Чиннова.*

Важно добавить, что стихи Ю.И. — *стихи верующего, хвала Богу* — и мажорнее, оптимистичнее стихов агностика И.Ч., у которого все обречено (он сам в особенности), красота — хрупка, тленна, отражения прелести мира не переходят в хвалу Творцу... И что, конечно, твоя *доминанта* — Рай, а моя — Ад. Но что есть переходные полутона у обоих, чем и устраняется монотонность. При сем можно отметить и мое «рококо над бездной», как ты советуешь.

Далее: Азинус сим уполномочен сокращать чинновское, убрать «Утоли мои печали» и конец «Так посмотришь»* (Так, не как), а равно и сделать текст, слог более *монолитным*, согласовать вставки с апельсиновой речью.

P.S. Мерсі за идею Шемякина.

Что Дося уничтожил ослиный текст об И.Ч. — «наглая ложь»: все сохранено (кроме *лестного*, что есть у меня репутация, есть и стиль: это «не входило в течение мысли»). М<ожет> б<ыть>, был еще вариант и я тебе отослал не то? А введение в Дост<оевского> зачеркнул *ты сам* — и очень хорошо: ибо ни к чему. Теперь сразу *in medias res*** и тезис о «что умеют делать два животных» — стал более выпуклым.

Черные очки и розовые окуляры — да, идея.

Да, ты прав: нужно, что «парижане не одобряли гротески, но прощали за прежние заслуги». Так и было!

Вообще: драматизируй!

И, да, добавь criticism об Осле, ОК.

Обожаю Осла, хоть он и б<...> (вакханка).

Я бы усилил оговорки об относительности формулы Ад — Рай. И постарался бы уменьшить, сгладить разноречивой в стиле — хотя ссылка на беседы с Ю.И. и И.Ч., из коих кое-что заимствовано, — сама по себе разнокалиберность — отчасти объясняет. Вообще: переделывай как хочешь — и делай что хочешь. А

«Не хотитца — как хотицца:

Мы могим одни пройтитца» (пройтицца).

Прогулка в одиночку менее «бросается в глаза», но *nitchevo*. <...>

Из главы́ Бóга Зéвса родилáся Афíна,

А статья о Живóтных — из башки Апельсина.

* См. наст. издание. Т. 1. С. 57.

** Существо дела (*лат.*).

Не будем лишать твоих русских мальчиков веры в человека.
Что сказано — сказано. Оранж — и дело с концом.

Ты опять требуешь денег!

Давние 110 bucks включали расходы на «посылку посылки».
Но... шлю еще 10: пей мою кровь, подавись, алчная скотина! «*Gа-дина!*» (Федра!!)

Бобышеву, Ровнерам, Динешу привет. Да, The City... (The Pillar +) Vidal'a скучна. Но *Capote* хорош.

Переделывай, ОслБ, с учетом добавленного — или не переделывай: it's up to you*.

Чмок Собаку. Примите, Милостивый Государь, уверения + иди к...
Дося.

43. В.Ф.Перелешину

22 апреля 1980 г.,
Дейтона-Бич, Флорида, США.

Дорогой Валерий Францевич!

С удовольствием ответил бы Вам по старой орфографии: люблю ее. Но, чтобы «не оступиться», должен был бы все время «сознавать», что пишу по старой, — а это обременительно.

Вы очень обрадовали меня. Спасибо. А «зоил» или не «зоил» — не в том дело. Важней, что поэта и интеллектуала Вашего ранга нельзя не замечать, нельзя им не интересоваться, нельзя не читать с особенным вниманием его стихи — и нельзя за многие, многие из них его, хоть мысленно, не благодарить.

Кроме похвалы стихам (хотелось бы когда-нибудь — более подробную их оценку...), порадовал меня и дружелюбный Ваш тон. Да, конечно, в нескольких даже планах мы с Вами — одного поля ягоды [начиная с «социального происхождения»: мать мамы Корвин-Косаговская (мать папы — ф. Морр), мама урожд<енная> фон Цвейберг (v. Zweybergk): одни в Россию с самозванцем, другие — с Карлом XII. А v. Tschinnow'ы — при Екатерине матушке. Но это — à propos].

Сейчас — краток, ибо занят. Еще раз спасибо! Жму Вашу руку, целую «unbekannterweise»** руку Вашей матушке. Всего доброго!

Ваш очень сердечно

Игорь Чиннов.

* Как хочешь (англ.).

** Не будучи знакомым (нем.).

P.S. «Мать мамы», «мать папы»: знаю, что надо: бабка с материнской стороны, бабка с отцовской стороны. Но — экономия места! Увы, экономия не состоялась: боясь, как бы Вы не заподозрили меня в незнакомстве с терминологией, жертвую последним листком!

Еще: завидую дисциплинированному Вашему почерку. Мой стал как-то «не тово», рука не слушается... Увы.

И еще: я долго не рассылал «А<нтитезу>»: стеснялся типографских уродств (узкие поля при крупном шрифте и т.д.). Думал также, что Ю.П.И. (Юрий Павлович Иваск. — *Сост.*) Вам пошлет... «Думал» — и «старался не думать».

И.Ч.

44. В.А.Никитину

18 июня 1980 г.,
Дейтона-Бич, Флорида, США.

Дорогой Валентин Федорович*!

Вы очень обрадовали меня: очень. У меня к Вам совсем особое уважение, особый интерес — и Ваше намерение написать о моих стихах для меня в особенности существенно, важно, ценно.

Знаю, что в поэзии главное для Вас — это духовное содержание. Вы правильно расслышали, что под гротескной, часто, оболочкой мои стихи «значат» некий порыв к Запредельному; что при всем «маловерии», при «помоги моему неверию» устремлены они к «Финальному аккорду», к «финальной гармонии», к бессмертию, к раю. Конечно, в них тоска по нездешнему свету — и я рад, что Вы распознали их метафизическую устремленность.

Все же, кажется мне, назвав их прямым религиозными, мы бы удалились от истины. Да, слово «религиозный» часто употребляют в расширенном смысле — но читатель, не привыкший к расширительному толкованию, может «смутиться духом»... Или я ошибаюсь?

Еще одно. Вы, разумеется, знаете, что критик, в особенности сосредоточенный на вопросе «о чем, что сказано», рискует меньше, чем нужно, внимания обратить на стихи как произведение искусства. Я не согласен с Набоковым, для которого важно было только «как». Но для меня веско замечание Маллармэ о том, что стихи «пишутся не идеями, а словами». Думаю, Андрэ Жид преувеличил, сказав, что «хорошая литература не делается из хороших

* И. Чиннов ошибся в отчестве Никитина. Правильно — Арсентьевич.

чувств»... но... вот есть в здешних краях два русских графомана: чувства выражают прекрасные, вот сейчас на белоснежных крылах к престолу Всевышнего... ан, похоже на то, что талант и умение тоже требуются, ох требуются. И похоже, что стихотворение есть словесная структура, звуко-смысловая, и «художественные достоинства» тоже важны, не одни лишь чувства и мысли, хотя при чувствах — мыслях ничтожных на одном мастерстве «не выедешь», это тоже правда.

Вот пишу, а Вы все это и без меня знаете и, уверен, одним разговором о «содержании» моих стихов, при забвении о «форме», ограничиться не собираетесь. Так что — зачем я ломлюсь в открытую дверь, непонятно.

Еще раз, Валентин Федорович: очень ценю Ваше внимание. Вы давно уже у меня в мыслях. И давным-давно я «начал подумывать»: хорошо бы ему написать... Но я ведь лежебок, лентяй, лодырь... Крепко жму Вашу руку!

Очень, очень сердечно.

Ваш Игорь Чиннов.

45. В редакцию «Новой газеты» (Нью-Йорк)

31 августа 1980 г.,

Дейтона-Бич, Флорида, США.

Многоуважаемая редакция и, в частности, милый Штейн!

Приятнейший сюрприз: я «показан» в Вашей интересной газете. Спасибо. Но увы! Приятному сюрпризу сопутствует неприятный: второе стихотворение оказалось, как та лошадь, которую купил немец-перец-колбаса: *без хвоста*. Между тем оно не ящерица и поступиться хвостом не согласно: в хвосте весь цимес. *См. в приложении: заклинания: «параферналия» и пр. + «контра-пунктик» завершают стихо, без этой концовки оно не живет.* Оттого вынужден Вас «покорнейше просить»: дать его *целиком*, еще раз! Очень обяжете. Все 5 четверостиший. Прошу.

В первом стихотворении вместо

Там *даже* туча именинница

напечатано *«тоже»*. Нельзя ли это оговорить — или I'm asking too much*? Если это *очень* Вам не по сердцу, to forget about**. Но

* Я прошу слишком много (англ.).

** Забудьте (англ.).

концовку «из чепухи, из шелухи» прошу, вместе с остальными «членами» организма (ящерицы или лошади без хвоста) прошу, прошу настоятельнейше показать почтеннейшей публике! Пять строф — и да пошлет Господь долги дни Вашей газете.

Прилагаю чек на 17 bucks — и прошу прислать, во-первых, Volume № 14, August 9–14, 1980, т.е. номер, где я напечатан (тот, где «Правда»!). Если можно, в двух экземплярах!

Засим кланяюсь и поздравляю с удачным изданием.

Искренне Ваш

Игорь Чиннов.

46. В.П.Бетаки

11 ноября 1980 г.,

Дейтона-Бич, Флорида, США.

Дорогой Василий Павлович!

Прежде всего: не досадуйте на меня, что откликаюсь только теперь. Ведь заметку-то Вашу прочел я всего лишь позавчера! В экземпляре, выписанном от Ю.А.Ольховского. Не только не дошел до меня фотостат, Вами любезно посланный когда-то давно, но и экземпляр, обещанный в письме, не датированном, полученном недель пять назад, все еще, видимо, в пути. Письмо гласило: *высылаю* — и ждал со дня на день воздушной почты, потом стал поджидать обычную. И, наконец, «выйдя из всякого терпения и загубив 8 долл<аров>, возопил «в адрес» Ольховского.

А теперь главное. Спасибо! Спасибо за Ваше внимание!

Вы совершенно правильно заметили, в чем доминанта моей книги. Очень хорошо комментировали смысл этой доминанты. Все же мне думается, что тематическое, смысловое, интеллектуально-эмоциональное, духовное «содержание» стихов, если критик говорит о нем в отрыве от *воплощения*, что-то утрачивает от своей индивидуальности. Сказать, о *чем* эти стихи, необходимо, разумеется — и спасибо, что об этом «самом главном» Вы так убедительно сказали. Но *как* моих стихов не менее важно: образность (на образности у меня сильное ударение), «звукосмысл», звуковая сторона вообще; рифмовка; композиция... Вне данного воплощения есть только мысли — чувства, не стихи. Я далек от крайностей формалистов и тем более структуралистов или Набокова; но внимание именно к воплощению желательно именно в наше время, когда так много критиков и французских, и немецких, и англо-американских в своих рецензиях заняты интеллектуальным содержанием стихов в ущерб разбору воплощения.

Но как бы то ни было, спасибо, милый Василий Павлович, за рецензию благожелательную и существенную. В отделе «коротко о книгах» все высказать невозможно. Вы обратили на А. внимание читателей — и сделали это удачно.

А Ваши стихи с призывом гнать торговцев из храма — очень хороши.

Сердечно Ваш

Игорь Чиннов.

47. Б.В.Плюханову

1 декабря 1981 г.,

Дейтона-Бич, Флорида, США.

Бэ-Вэ, друг дорогой и милый!

Спасибо, что пишете, не обращая внимания на мою молчаливость, не «считаясь визитами». Знаете, что объяснение моей молчаливости не в равнодушии, а в лени; и в том, что

Уходит жизнь, слабеют силы... —

в том, что как-то я от всего устал, слабею, да, хоть никакой хворобы как-будто и нет. (Алекс. Бахрах, сообщая мне года 2 назад, что врачи не могут определить болезнь В.В.Вейдле, пояснял: «А болезнь известно какая: 84 года».) Вот, почти на пороге 1982 A.D., именно *anno domini**, будучи «рожд. 1909 г.», малoverом-агностиком (?), трудно человеку бодриться... Кстати, этот Бахрах (друг Белого, Бунина, Ремизова, *tutti quanti***) и Одоевцева одни только и уцелели еще из старых парижан. Недавно умер Яков Горбов, на днях — Сергей Рафальский, основатель пражского Скита поэтов (от него письмо пришло дня за 2 до его смерти). В Калифорнии слепнет Глеб Струве; «эстонцы» — Ник. Андреев в Кембридже английском тоже слеповат, у Бор. Нарциссова рак... Все они писали о моих стихах, с разной степенью проникательности, но одобрительно, и с благодарственных моих писем начиналась кое-какая переписка, очень неровная, но все же приближавшая их ко мне. Ник. Андреев недели 2 назад, кстати говоря, прославил в нью-йоркской и парижской газете 85-летнего (!) Е.Е.Климова, ныне канадца, — иллюстрировав не портретом юбиляра, а... «его работы зарисовками» (из альбома

* От Рождества Христова (*лат.*).

** Им подобные (*ит.*).

«Поэты и писатели р<усского> зарубежья», где всего 8 человек, тощенький) трех: Елагина, Коржавина и меня, хоть Е.Е., высоколобый, «фотогеничнее» нас троих.

Между прочим, раз речь о художнике: что случилось с Ник. Андабурским? И как Юпатов? (Что было с Харитоновским?)

Из литераторов не балтийцев, но в Риге побывавших, жив и много пишет (ох!) владыка Иоанн — бывш. Дм. Шаховской, изд<атель> «Благонамеренного», проповедник по американскому «Голосу». Сегодня отправил ему письмо на 6 стр., ответ на присланную «Дорогому И.Ч., изящнейшему поэту наших дней» и т.д. «Переписку с Кленовским», где Кленовский объявляет стихи Г.Иванова и мои... дьявольскими (ну и ну!) — с пояснением: «Дьявол тоже талантлив». Владыка в ответах ему меня защищал, даже намекнул на зависть к автору «дьявольщины»... (Он сам, владыка, стихотворец: Странник... Но сестра его Зин. Шаховская — редактировала парижск<ую> газету Р.М. — пишет лучше. Кстати, недавно издала «Р.Альманах», 500 стр., великолепно.)

Вернемся к балтийцам. Сюда опять приехали Серг. и Зина Черновы. После Рождества в Н.-Й. увижу Ю.Иваска... (Там холодище, ух! А у нас 26°C, 78°F, люди без пиджаков, молодежь (хотя ее и мало сейчас) на пляже почти голышом. Еще хорошо, что здесь солнце, «поздних, бледных роз дыханьем декабрьский воздух разогрет». В мрачном климате я бы совсем развинутился...

Вы заняты — хлопоты из-за Аннушки. Но это отвлекает от мрачных стариковских мыслей, это занимает — и наверно продлит Ваши дни. У меня никакой ответственности, никаких обязанностей — «кроме как перед Музой», — оттого я и обленился, что весьма-таки вредно для здоровья. Погряз в черством эгоизме — и не знаю, защитят ли меня мои стихи... С наступающими праздниками, дорогой Б.В.

Ваш И-Вэ.

3 декабря

P.S. Писал позно ночью, усталый — и забыл поздравить Вас, еще раз, с умницей дочкой: такая серьезная и такой молодец! (Надеюсь, она не во всем согласна с Лотманом и пр<очими> структуралистами: ведь они не видят главного.)

Аннушка, милочка, тоже, вероятно, греет Вам сердце — даже при всем ребяческом эгоизме. Чмокните ее в лобик и носик.

Вы рассказали о строительстве в Риге: ого! (Памятник павшим очень красив.) В Париже понастроили множество небоскре-

бов — и увы, ряд дивных видов испорчен: напр<имер>, вид с Трокадеро на Invalides*: купол теперь на фоне стеклянно-стальных стен, вместо неба!

Ваш И.Ч.

48. Л.А.Новикову

3 декабря 1981 г.,

Дейтона-Бич, Флорида, США.

Милый Людвиг А.

Ваше письмо меня очень обрадовало, заинтересовало. Спасибо за внимание! Простите, что отвечаю с запозданием: но я лентяй, здоровье мое «неважнецкое», быстро устаю — и я ведь втянут в обширную переписку: на смену быстро редуеющим рядам старых эмигр<антов> приходят новые «волны» корреспондентов — и нужен бы мне секретарь, секретарша, да вот не достать никого.

Рад «Вашей» выборке стихов из Метафор: названные Вами, — и мои «фавориты». А некоторое Ваше сопротивление моим гротескам понимаю вполне. Но почему-то тянет меня писать «впережку»: то за здоровье, то за упокой. Вот в восьмой моей книге «Автограф» будет «fifty-fifty»: 50% на Антона, 50% на Онуфрия или как развалился якобы пароход «12 апостолов»: «6 апостолов налево, 6 апостолов направо», согласно анекдотическому рассказчику.

Вы спрашиваете о Н.Н.Белоцветове. Я с ним часто встречался, после его отъезда из Берлина, а в Париже издал его сборник «Жатва». У него были хорошие стихи, но мешала ему антропософия. Да, потом он и жена перешли в католичество... Его глубоко запавшие темные глаза были с каким-то «серьезным вопрошанием» (а отец был внедуховный, гл. директор страх<ового> общ-ва «Саламандра», где трое моих дядей, ф. Морр: Курт, Эрих, Вальтер, адвокаты, были директорами. Мать Н.Н. была из англичан, Тикстон). А в Риге он издал «Шелест», в Берлине у Петрополиса, давно, «Дикий мед». Но, конечно, он был «а minor поет»**.

Каких поэтов Вы любите особенно?

Буду ждать Вашего письма, даже писем. Я нерадивый корреспондент, но нерадивость — не равнодушие, поверьте. Я очень, очень рад, что Вы написали. Счастливых Праздников!

Ваш сердечно Игорь Чиннов.

* Дом инвалидов (фр.).

** Печальный поэт (англ.).

49. Ю.П.Иваску

22 января 1982 г.,

Дейтона-Бич, Флорида, США.

Почему я не писал? Потому, что я на тебя сердит. Как ты вел себя в Н-Й? Безобразно: *глупо и неизящно*. «Я завтра уеду!» — из-за того, что не брали твои *personal checks**, ты был готов, как *суслик*, нырнуть обратно в свою вониючую дыру, не повидать даже Бобу, *не говоря уже* обо мне — хотя в наши годы и с нашим здоровьем встреча могла оказаться последней. Поведение попросту *бездарное!* Отказался увидеться с Бобой перед отъездом — отчего?? Отказался жить в *хорошей* гостинице в *центре* за 25 долл<аров> (неслыханная цена!) — и почти никого и ничего не видал! А Новый год встретил с четырьмя мешанами-графоманами... И ты играющий человек???

А мы с Бобой *отлично* поели в Китай-городе, в знаменитом ресторане. Выпили. Он читал. Потом — Новый год у Ржевских (я купил фр<анцузское> шампанское, около 20 долл<аров>... но ОК, заботы о наследниках, как ты, я не проявляю), опять оба читали стихи, очень интересный разговор!

Затем я ходил по музеям. Whitney, Юлия поет: O'Keeffe — знаменитый конус — белый луч на черном; Ed. Nopper знаменитый, двухбалконных 2 дома, senior citizen'ша** и б<...>, белые домики, голубизна неба — знаешь? Не люблю его, но давно купил монографию. И знаменитый же Вайат с большой мертвой вороной на «далеко идущем» пейзаже.

Опять Metropolitan, конечно, и Соопер Hewitt — с весьма странной выставкой «марионеток»-гигантов. На Madison av. с 78 по 88 наблюдал картины с галереи. Был в St.Bartholomy, на Park av. (она в «Arthur» — надеюсь, ты видел фильм??), даже в синагоге...

Кое-что купил. А в последний день — в НРС, см. заметку в хронике.

Что видел ты???

Еще: борщ, селянка, пирожки в Руслане.

Из Риги открытка: слышали мое чтение о «нейтронной бомбе», в канун Н<ового> года (Ираида efficient***, здорово!)

* Личные чеки (англ.).

** Почтенная горожанка (англ.).

*** Умелый, эффективный (англ.).

Боба и я дали интервью Моргулису для «Лит<ературного> Курьера»...

А ты? С Бобой виделся *мельком* (я уже вообще не в счет), с о. А. случайно. Униженно упрасивал Арку приехать (какой позор!!). Вообще вел себя *позорно* — жаль тратить деньги, которые пойдут на приют для старых кошек или детей Чалзмы. Хорош «играющий Человек»! Суслик, вот ты кто! Суслик!

P.S. На твое письмо от 15-го:

Кублановский: ОЧЕНЬ х 3! Открытие.

ЭВЕЛИН Во — во! (Аким о Боге.) «Брайдшед рев.» — читал давно; *хорошо!* Люблю и сатиры вроде «The Loved One».

Охотник, заяц... мыло. Моршен лишен воображения: если охотник захочет <...> зайца, то мыло не лишнее.

Квартиру Бахрахов видел: хороша, но не больше.

«Добрый Б-х», — пишет осел идиот: он *злой*, недобрый (или это фр. *bonhomme*? «Добряк» — неточный перевод).

«Иск-во умница, натура дура». Взбесился? Натура (созданная Богом, кстати сказать) не дура. Один жук с двумя *жидкостями*, кои он *превращает в яд* при битве, — каков? Учи естествоведение, болван!

Как *crétien* превратилось в *crétin*, *кто* превратил? «Прославление». Толя говорит то же, что я: мученики сознательно, свободно идут на муки ради Веры Христовой. Царская семья — нет: они даже не «умучены», их не мучали: они — *убиенные* (безбожной властью). Убиты *не* за их православие: их убили бы, будь они мусульмане или буддисты: ликвидация «верхушки режима», ничего больше. Икона — нелепа.

«Куры» Берберихе строил не я, а *ты*, *когда* она меня топила и ругала «Монолог»: *дружеский* жест твой, не правда ли? А я (ей не кланявшийся) по ПРОСЬБЕ БОБЫ, подвел и: «Простите, Н.Н. (она говорила с кем-то), но с вами хочет познакомиться ДВБ», *пожал*, увы, протянутую руку и отошел.

«Польский» же путь для России — ты спятил? Где в Р<оссии> сильная церковь? Где фанатизм? Шовинизм? Гонор? Ненависть к оккупантам? Какой дурак Ослик...

«Пути р. богословия» не Шмемана, а Флоровского.

Здесь видел Reds, French lieutenant's woman, Tess, On Golden Pond, Ragtime, Raiders of... Ark, Rody Heat, Absence of malice, Ghost story и т.д. и т.д. *Что* видел ты??

Дося.

P.P.S. А новые штаны купят твои наследники — и будут хохотать над глупостью и скупостью их наследодателя. Tu l'a voulu, Georges Dandin!*

Имей в виду: если Боба заметит твою скупость, он станет тебя презирать! (Вика, наверно, заметила и презирает: но презрение Бобы — это хуже!)

Надо полагать, Боба был удивлен твоим отказом встретиться перед (твоим) (глупым) отъездом.

Оденься же, наконец, *прилично*, **НЕСВЕЖИЙ!** (определение Е.Э.Малер)

Получил Величк-ого. Беспомощно, заурядно, третьеклассно. Но лицо его — удивительное.

50. Ю.П.Иваску

15 февраля 1983 г.,
Дейтона-Бич, Флорида, США.

Ну вот, Седыня Могутня, придонится Юрию Чиннову просить Игоря Иваска, бывшего друга, «об одолжении». Уж извини великодушно за беспокойство, сударь ты мой. Я собираю стишки для 8-й книжухи — и вот, хоть убей, не в силах найти виршу *as follows***:

Займите где-нибудь
30.000.000 (?) миллионов световых лет,
это не трудно ничуть,
не трудно, нет —
пускайтесь в путь и т.д.

Стихо это есть в Новжуре, в одном из последних №№ с участием Хомяка... Но не могу отыскать, хоть тресни!! Кому повем печаль мою? Легко ли тебе его обнаружить или это требует усилий сверхчеловеческих? Прóше пану!

Где Похвала? Ты забыл приложить... «Ушедшим», Грибоедов — очень!

У вас же там «снега́, снега́, снега́...». Как себя чувствуешь? Не простужайся! Читай не грустное!

С<крофа>

* Ты этого хотел, Жорж Данден! (фр.)

** Вроде следующего (англ.).

51. Ю.П.Иваску

16 февраля 1983 г.,
Дейтона-Бич, Флорида, США.

Сейчас твое «послание, полное яду». Боже, сколько желчи, сколько злости! Сварливый старческий задор. Где кротость, всепрощение, приличествующее христианину? Где великодушие, высокий строй души, коим якобы отмечены поэты? Какая мелочная, скучная злопамятность! И сколько поспешного, слишком поспешного осуждения!

Я не помню, почему 40 лет назад я не пошел с вами на Ведринскую — но едва ли из-за вашей одежды: я ведь за ваш вид не ответчик, вы мне не родители, не брат с сестрой. Но я вспоминаю, как полвека назад я нес чемодан Т<амары> *через весь город* (не было сообщения) *зимней ночью*. Утром надо было рано вставать... но — нес с Imantas iela на вокзал с часу до двух ночи... Пустынная Рига; вдруг навстречу лихой человек? И я вспоминаю, как мы, — я, Т., — везли на Imantas iela от меня мебель в ее квартирку, с одним каким-то помощником... Он и я таскали столы и пр<очее>... Зимой.

И еще я вспоминаю, что из-за Вашего приезда взял отпуск, назначенный было для поездки в Италию. Ничего, не жалуюсь.

А Ольгу Алекс. очень оценил, зауважал; но не разделил ее энтузиазма, когда с piazza Navona потащила она нас к ручью с двумя надгробными плитами, вовсе не интересными — только из-за их 2000-летней давности... И не разделил ее волнения от отсутствия на Капитолии мостовой в виде мистической розы, замысленной Микеланджело. К тому же в Риме меня «интересовала» больше красота, чем история (La Beauté, mais oui, mon cher. Dieschönheit, jawohl*, Красота!) — хоть д<о> с<их> п<ор> она не спасла мир... Нет, нет, памяти О. Алекс. почтительно кланяюсь.

«Корвин» пригласил меня ради моего знакомства с отцом, еще в аудиторию Романова — да, из-за тебя. Но я мог обойтись. Царская кровь не сделала интересным человека, который пишет о стерве и дуре Анне Иоанновне — из всех предков выбрал эту <...>! С москвичами ты познакомил по их желанию.

А отсутствие настоящих друзей у Ч<иннова> — да, увы. Замечание хоть и неделикатное, но верное (и ты — лучшее доказательство,

* Красота, о да, мой дорогой (фр.). Да, Красота (нем.).

сколь *непрочна* дружба, казавшаяся настоящей...). Однако не будем унывать:

Здесь, в *пустынной* Флориде, куда нас судьба занесла
Мы совсем не скучаем... —

вот пригодились строки Осипа Эмильича. Пустынная Фл<орида> означает отсутствие друзей, тобой столь пронизательно замеченное.

ПОХВАЛЫ я не получил.

Поздравляю с «интересом» Казака. Я ему на тебя указывал дважды письменно и «однажды» устно... Но, м<ожет> б<ыть>, обошлось и без меня.

Ты — «делатель гениев»? Но каких же гениев ты сделал?! Ах, прости, вижу дальше в твоём письме правду-матку.

Какой съезд в Милане и когда?

Завещание: *некому* оставлять! А есть что оставить: добра нажито немало.

Вика: нелепый вопрос. / Дай адрес Кублан<овского>.

И.

52. Ю.П.Иваску

15 мая 1983 г.,
Дейтона-Бич, Флорида, США.

1. Юрий Чиннов тебя поздравил с Праздником, а ты? Сукин ты кот!

2. Ты не только сукин кот,

Ты к тому же идиот!

а. Твое завещание: можно ли глупее? Надо: *все* на альманах! Напр. Фавориту на «Русло». Хотя бы без Игоря Иваска — мецената — на обложке.

б. Когда я тебя травил?? Отравил — это бы с удовольствием, но — травил?? Превозносил Казаку, восхвалял многократно в письмах и устно — начиная с Парижа лет 35 назад! О какой травле речь?? <...>, мнительный ворчун, параноик!

Вот отравить — это пытался «многократно»: крысиным ядом. Но жаль кошки. Дай адрес негра, кот<орый> напал на Фаворита — и когда и где ты гуляешь поздно вечером.

3. Печатайся в Overseas. Это три буквы, но nitchevo. Филиппов: dout des*, конечно — когда выйдут его 2 тома... Но nitchevo.

* Сомневаюсь (фр.).

4. Жаль, не едешь на симпозиум. (*А Фаворит?*)

Там легко бы подсыпал тебе в кофе чего-нибудь успокоительного, арсеника, напр<имер>, (мышьяка) или *просто серной кислоты* подлил бы.

5. С Апельсином в Белокаменную: как бы не сыграл там в ящик... Боюсь за тебя, идиота.

6. Нападением на Фаворита огорчен (сам это испытал в Нашвилле). Как он? Напишу ему.

7. А за Чалзму рад. Он самый милый.

8. Фаворит в НЖ: идея — карашо (твоя?), но «словесный состав» — не ндравится. Однако нравиться мне он не обязан.

9. Хотел бы в Египет + Палестину («Иерушлам», где был Иешуа, «сын Мириам»). Но быстро устаю: боязно. А экскурсии отсюда есть.

10. Через 3 дня — пятилетие моей жизни (?) в Daytona Beach... Как писал Ольдус Хаксли: «I prefer climate to conversation»... But...* «Все же» парк *наш*, с деревьями, рекой и пр. — успокоителен, отдохновителен.

11. Хорошо, что помирился с Викой: а то беседы с кошкой часто «выливаются» в монолог... И насчет русской поэту** кошка швах.

12. Джанумов: был диктором на «Свободе» оч<ень> долго. До войны — член Берлинского союза поэтов. Предисловие к книге — Адамовича, с завышенной оценкой. Я написал в НРС или SEEJ, не помню... На уровне, без находок. Ильинский лучше. У меня нет...

13. Умница наш Адам писал иногда невероятную чепуху.

14. Стишок Одоевцевой в «3 юбилеях» — полувековой давности: см. Круг... Фесенковский и Алексеевой — были напечатаны... Фаворит там — гораздо приятней мне, что значит: приятней, чем новжурское его глубокомыслие.

15. В «Конт<иненте>» 35, стр. 161, Вал Попадин: «Тащит нас время за чуб, как драчливая баба». Вот именно.

*Пиши.
Скрофа.*

P.S. Читал John Malcolm Brinnin — Sextet? Воспоминанья о Eliot, Capote, Sitwell (Е., но и о брате). Как скучно жил Элиот! *В каморке* правил рукописи для Faber & Faber; дома спальня с *голой лампочкой* и распятием... Католичество его придавило. И женился на

* «Я предпочитаю климат разговорам»... Но... (*англ.*).

** Поэзии (*англ.*).

вульгарной (внешне) своей секретарше... А Капоте, кот<орого> очень люблю (кроме «In cold blood»), жил интересно. Как живем мы? Я — «в роскоши», но...

P.P.S. Адрес и отчество Гриши Поллака — ??

53. Ю.П.Иваску

15 июня 1983 г.,
Дейтона-Бич, Флорида, США.

Шамашедший безумец,
Псих, Шизофреник! И пр. и пр.

1. Поездка «туда»: очень не советую. Опасно для жизни: от волнений может быть: «Что я буду делать с телом?», даже очень может быть... Псков и пр. биографическое + ряд твоих высказываний против властей предрержащих в статьях Ослика... Валент. пишет об «ужесточении»: чего ты лезешь на рожон? Да еще с Цитрусом, одиозным для многих (по делу Дудко и пр.). Начнут с тобой беседовать по душам — ты разволнуешься и — очокур(ишься), отдашь Богу душу, которая Ему не столь уже необходима. И навредишь москвичам и пр. даже очень. Оранж сунется к диссидентам — и оба вы обосретесь и тех обосрете. Взбесился?

2. Монумент. Весьма не по нраву сия тема. Я всегда бежал от панихид, похорон, кладбищ. (Оттого был рад, что на поминках мы отвлеклись в small talk*: после всего печального нужно было «поболтать»!) Но раз уже ты завел речь: *не розовый* камень (с ума сошел?), и не с округленными углами, а параллелепипед, с крестом, да осьмиконечным, но без «опухолей» на концах, чтоб одного стиля со шрифтом *ANTIQUA*, слева о Т<амаре>, справа о тебе — и, *конечно, на двух языках: ты не какой-то там «George» I-k*, ты русский поэт ЮРИЙ Иваск — и должно быть по-русски! Как ты этого не понимаешь???!

3. Мои стишки: кой в чем Осел прав, но в общем — изрек мало, поленился.

4. Оська вставил кактус Фавориту и Ослу: «Кубла *единственный*, умеющий о Боге говорить достойно». Кстати: у Кублы *единственное* вдохновенное лицо! *Одухотворенное!* Оська — римлянин, Фаворит — мурзилка (pardon!). Азинус — герцог, но из слабоумных... (Имею в виду физию.)

* Незначительная болтовня (англ.).

Почему ты, старый апокатастасис, не едешь в Норвич? Рукой податы!

Не Никитин, а Некрасов <нрзб.>: ну, что ж? Но Набок<ов> *ни слова* о книгах Некрасова, хоть «В окопах С-да» и «В родном городе» известно на всю Россию.

И снобировал гостя...

Не ёдь «в туда», сумасшедшая голова, забубенная головушка! Чтоб не сняли с плеч сию головушку безмозглую!

Злодей, бывший Досифей.

54. Неустановленному адресату

*12 августа 1983 г.,
Дейтона-Бич, Флорида, США.*

Ваши стихи хороши, значительны, существенны, милый автор «С... солнцем» (простите, не знаю отчества). Рад, что прислали книгу. Рад, что ее написали.

Она о важном, о судьбах России; и она нужная, п<отому что> написана без унижительного «самобичевания» и без обличительного перста в сторону пьяного Ноя (хотя... 354, 170...).

И хорошо, что Ваши стихи не ребусы. Меня всегда удивляла самоуверенность некоторых поэтов, считающих себя вправе требовать от читателей усилия. Я согласен «ломать голову» над философскими или научными книгами. Но над поэзией — ?!

И слава Богу, что Вы не озабочены «самовыражением», ознакомлением читателя с «внутренним миром поэта» и его *особенным* «видением» мира внешнего. *Почему* поэт считает себя «интересным»?

В НРСлове одно время некая <...> печатала заметки под шапкой «Мир, как я его вижу». А речь вела о Чехове в рамках гимназического курса. Я б ее спросил: А почему ты думаешь, что мне интересно, «как *ты* его видишь»?

Я рад также, что Вы не стремитесь к «лица необщему выражению» во что бы то ни стало. Даже Пастернака стремление к этому привело... к строчкам о мертвом Маяковском:

Спит со всех ног, со всех лодыг.

Непохожесть полезна в живописи, чтоб торговцы охотней лансировали. Но поэту нет смысла ее, «непохожесть», выдумыв-

вать любой ценой. Анненский «стал» поэтом не потому, что «выдумал себя» — (и не потому, что жил «тоскуя и любя»), — а потому, что был у него «*талант*» поэта, давший *такое* творчество, а «не иное», по множеству причин.

Из Ваших стихов особенно «по сердцу пришлись» мне 326 (близко к позднему Мандельштаму, на мой слух. Вы не согласны?), 325, 307, 95, 52 (гумилевский звук, мне кажется — правда?), 87, 202–03, 206 («с пришлеца стекает слизь» — забавно...), 109, 111–13, 82 (о! «за любовью, за *поддачами*... гм...), 83, 228, 230, 317, 201, 199, 197 и 195 («да, тов. Некрасов»...), 189 (которому Бога не жалко? Не которого Богу?!), 187 (но «*чего-то* мешаю?»), 180 (Дмитрий Бобышев?), 151, 136... И многое еще, НО: «В полдень — жидкий стул» (а близко крестильный крест!) — зачем? Пивко — невыносимо по вульгарности! Зачем? 40 «джерси» — это офранцужено. 30 — с улыбочкой юрода о Ней! 9 — Блаженный *коран* — можно ли о Василии Бл.? 349: не Трезорку дразнил Гитлер! Не Трезорку! 69 — Евтух — нет, не глуп! (Но трахнули в морду все ж по заслугам!) 71 — после *кира* — что такое кир? Собинный — ? Почему 252 *вдруг* Антихрист? 250 — вариант Чехова: жену за бакенбард? Но забавно. 316 — *бухой* экипаж?

Еще раз: книга «приковывает внимание». Спасибо.

Рад, что могу передать Вам приглашение Ром. Бор. Гуля пригласить стихи (на адрес редакции — New Review, 2700 Broadway etc.).

А свои книги Вам пошлю вскорости. Пока — крепко жму Вашу руку!

Искренне Ваш

Игорь Чиннов.

55. Андрею Седых (Я.М.Цвибак)

9 ноября 1983 г.,

Дейтона-Бич, Флорида, США.

Дорогой Яков Мойсеевич,
с удовольствием увидел в Новом Русском три чинновских «стихо», — но — тут же и разрыдался на всю Флориду: в стишке «Хотя цвели...», в четвертой строке «И *возводил* за доброе сторицей», а Вы же понимаете, что должно быть *ВОЗДАВАЛ!*!! Покорнейше прошу дать поправку!! Слезы: 14-й платок хоть выжми! Беру 15-й.

С трудом скопил 1.35 на № 1 «Семи дней». Прилагаю чек. А 2 доллара, посланных в надежде получить «зирокс» заметки

о норвичском симпозиуме, не разжалобили каменные сердца Ваших «соответственных» сотрудниц: так и не шлют мне до сих пор, а я от такого невниманья до того похудел — еле на ногах держусь... Не могли бы Вы великодушно

«слабым манием руки»... — ?..

После Рождества надеюсь «нанести» визит: буду на славистах. А 3 января — в Египет! Ха!
Ваш сердечнейше

Игорь Чиннов.

56. А.В.Бахраху

*25 августа 1984 г.,
Дейтона-Бич, Флорида, США.*

Ваше Преподобие!

Спасибочки, как говорят «у нас в стране» (помните R.L.?), за скорый отзыв, но... благодарю дрожащим голосом и в холодному поту, весьма растерянно. Ибо: отзыв не только скорый — молниеносный. Видимо, Вы послали его Седыху часа через 2 по получении «galley proof»*.

Я ведь представил сборник пред Ваши светлые очи в надежде, что Вы последуете призыву Михаила Юппа:

«Вчитаться в Чиннова, в исконный русский лад...»

И хотя знаю, что у Вас остер глазок (и остер коготок...), и ушки на макушке весьма чувствительные, но все же думаю, что чтению медленному и «страница не сохранилась»...

Конечно, святой отец (святой, но не равноапостольный — и не благоверный, нет-с), не читав Вашего опуса, не смею судить... Оттого бью челом со слезною мольбою: пришлите, Христа ради, копию! Ибо и обвиняемого полагается по закону знакомить с обвинительным актом: а Вы, кажись, *инкриминируете* мне неразборчивость: рядом с медом — говно собачье. Ссылаетесь (в объяснение упреков мне) на «пишу, что думаю». Эге-ге, порой прибегал Александр Васильевич к фигуре умолчания (напр<имер>, в статье о «На берегах Сены»...). Беда в том, что недругов-завистников у Игрушки

* Гранки (англ.).

легион — и камень, пущенный «из лагеря старой эмиграции» в сего Игрушку, вызовет половецкие пляски, «песни радости», хороводы каннибалов.

Но повторяю — м<ожет> б<ыть>, уныние мое, печаль от ожидаемых Ваших подзатыльников и затрещин — преждевременны, т.е. необоснованны. Надо полагать, фраза «А мед у Вас действительно есть» найдет какой-то эквивалент в рецензии.

Подумать *только*: Вы и Седых, из всей старой эмиграции, *только* Вы вдвоем еще «мараете единым духом лист». При всей нелюбви к Вам третьей волны, читают Вас они превнимательнейше: не *исторгайте крика* торжества из их груди... Но я повторяюсь.

Переменим тему. Радует меня, дорогой Зоил, что с хворобой боретесь отважно, пера не «покладаете» — и третьей волне доказываете, что не одни га-га* в нашей maison** (как-то Адамович, даже дважды, сказал мне: vous êter de la maison), вот этот наш maison, эту нашу мэзон я и имею в виду.

Kirsty, my love, küss die Hand, mille choses, vive la France, vivent les Bacheracs! Votre affectionne

*Igrouchka***.*

57. Б.В.Плюханову

1 октября 1984 г.,

Дейтона-Бич, Флорида, США.

Дорогой и милый Бэ-Вэ, очень растрогали, так шумно отпраздновав мое (страшно сказать!) 75-летие... Спасибо! Я «раздираем» противоположными чувствами: и рад, что не «скапустился» до сих пор, что дожил... но «мы близимся к пределу своему», и это печально.

Спасибо за комментарии к Евг. Онегину! Но никогда не шлите книг: все есть в Нью-Йорке, Париже.

Рад успехом Аннушки. Как она красит Вашу жизнь! А я — в уединении. Юбилей отметили возлияниями в тесном кругу, да я дал в ресторане «банкет» на 5 человек. Было 5 телефонных звон-

* от фр. gaga — доходяга, покойник.

** Дом (фр.).

*** Кирсти, любовь моя (англ.), целую руку (нем.), желаю всего, да здравствует Франция, да здравствуют Бахрахи! К Вам привязанный *Игрушка* (фр.).

ков, 4 письма... Заметки в газете я не захотел. Авось когда-нибудь «скажет спасибо сердечное» мне «поколение младое, незнакомое» (*племя* у Пушкина, переврал цитату).

Через 3–4 недели — восьмая книга... Но тиражи здесь не советские, увы...

Крепко обнимаю Вас, милый друг! Приложил 5 открыток.

Ваш И.Вэ.

58. А.Реннингу

8 августа 1985 г.,

Дейтона-Бич, Флорида, США.

Толя, милый друг, плохи дела. Пошел на осмотр, — эскулапы говорят: сиди и не рыпайся. Как учила одна нянька чешка: дупа есть и сиди. Дупа действительно есть, и я превращаюсь стремительно в одну большую дупу...

Грудная лягушка моя, *angina pectoris*, и разные другие хвори, слабость, быстрая «уставаемость» — все это может туриста И.Ч. довести до полукондрашки. А если стану «gaga», гага́, как говорят французы, на Вашей Мальорке или на пути к ней, то — только таких забот Вам и не хватало! А если совсем дуба дам, то и такой оборот дела Вас не очень развеселит...

Надо мне беречь тощие мои силенки: завещание составить должен (а никак не придумаю, какое), «полное собрание» организовать и издать, предсмертный наказ *будущим поколениям* «россиян» написать, вроде карамзинского Мерси! И пр., и пр.

Хотел было с прощальным визитом сунуться еще в Венецию, Флоренцию... Мечтал и на Дальний Восток, кроме Китая, махнуть, ан Судьба заместо всего этого посылает к популярной матери...

Еще мы с Юрой раскидывали мозгами: а что если вместо Мальорки прикатить в октябре к Вам в Швецию?.. Но он бережет силенки для Св. Земли: грехи его тяжкие не искупить ниже паломничеством...

Очень, друже, мне грустно, что не увидались... А если б следующим летом прикатили в Дейтону? Вот *у нас* пляж, так это пляж! Ась?

Нине чмок ручку сожалительно. Вас обнимаю.

Игрушка, болезный.

КОММЕНТАРИИ

Вместо предисловия

О СЕБЕ

Эта биографическая зарисовка была написана И.Чинновым как предисловие к публикации стихов в журнале «Даугава» (Рига, 1989. № 7).

С. 5. *...городки балтийские...* — Отец И.Чиннова, Владимир Алексеевич Чиннов, присяжный поверенный, служил в суде, и когда он менял место службы, семья переезжала в другой город. Так в детстве Чиннов увидел и Митаву, и Юрьев. В Рязани они с матерью оказались после начала Первой мировой войны: тогда окружной суд, где служил В.Чиннов, перевели в Харьков. А семью старший Чиннов отправил в глубь России, для безопасности. Там их и застала революция. После революции Чинновы приехали в Ригу, еще без большевиков, буржуазную. Там Чиннов и учился в русской Ломоносовской гимназии, а затем в Рижском университете.

Тартуский университет был основан в *«дней Александровых прекрасное начало»*, то есть в 1802 г. — во второй год царствования Александра I. Тогда университет назывался Дерптский.

В журнале *«Мансарда»* (1930, ноябрь) И.Чиннов напечатал рецензию «Г.Лугин “Тридцать два”».

...сотрудничество в престижнейшем журнале «Числа»... —

В начале 30-х годов И.Чиннов доставал у корреспондента рижской газеты «Сегодня» Петра Пильского, друга своего отца, парижские «Числа», которые считал лучшим из журналов эмиграции, и пер-

Выражаем благодарность за помощь в подготовке комментариев
Е.Ю.Литвин, Н.Л.Панкратовой.

вым делом набрасывался там на статьи Адамовича. И потому, что они были блистательно написаны, и потому, что со словами Адамовича о простоте и сдержанности слога, о ненужности всяких «красивостей» двадцатилетний Чиннов был вполне согласен. И, написав эссе о том, что современным и вообще возможным теперь может быть только «стихотворение прелестно несуществующее», Чиннов отправил его в «Числа», где оно и появилось (Рисование несовершенного // Числа. 1932. № 6). Впоследствии в журнале «Числа» были опубликованы стихотворения И. Чиннова: «Я за весною пошел...», «Меркнет дорога моя...» (Париж, 1933. № 7–8); «Так бывает — зарево Кремля...», «Нарциссы, и голубоватый день, и труп...» (1934. № 10), а также эссе «Отвлечение от всего» (1933. № 9); «Отрывок из черновика» (1934. № 10). Стихотворение «Меркнет дорога моя...» с незначительными изменениями («Медленно меркнет мой путь...») вошло в первую книгу стихов «Монолог». Другие стихотворения и статьи, помещенные в «Числах», Чиннов больше никогда не публиковал.

С. б. *...на вечере памяти Пушкина...* — Видимо, речь идет о вечере 1947 года, посвященном 110-й годовщине смерти поэта. Там И. Чиннов читал стихотворение «Читая Пушкина».

...пришлось уехать на заработки — в Германию... — В 1953 г. И. Чиннов переехал из Парижа в Мюнхен, где начал работать на радиостанции «Свобода», которая тогда только открылась и называлась «Освобождение». В. Вейдле, бывший тогда директором радиостанции, предложил Чиннову место в отделе новостей русской редакции.

В первый год работы на радиостанции Чиннов, в числе прочего, готовил фельетоны о советской жизни под рубрикой «Факты и выводы», которые потом перепечатывались в газете «Новое русское слово». Но вскоре редактор газеты М. Вейнбаум в письме попросил Чиннова отказаться от перепечаток переданных по радио фельетонов, а писать их специально для газеты. И в 1954 г. фельетоны Чиннова «У нас и у них» за подписью «Ич» регулярно появлялись в газете.

Кроме того, в обязанности Чиннова входило прочитывать иностранную прессу, выбирать там наиболее интересный материал и составлять еженедельные «панорамы». Готовил Чиннов и тематические передачи о живописи, о театре, о литературе, которые, к сожалению, не сохранились.

Работая на «Свободе», Чиннов перевел для советских радиослушателей роман А. Камю «Чума». В 1960 г. фрагмент из этого

романа в переводе И. Чиннова был напечатан в журнале «Мосты», № 4. На «Свободе» Чиннов проработал до 1962 г., а затем навсегда перебрался в США.

С. 7. *...по завету Кольриджа...* — В «Застольных беседах» английский поэт Сэмюэл Кольридж (1772–1834) писал: «Определение хорошей прозы — нужные слова на нужном месте, хорошей поэзии — самые нужные слова на самом нужном месте». Цит. по: Адамович Г. Комментарии. СПб., 2000. С. 647.

«Только стихов виноградное мясо...» — Строка из стихотворения О.Мандельштама «Батюшков» (18 июня 1932 г.): «Только стихов виноградное мясо / Мне освежило случайно язык».

Стихотворения 1985–1995

Стихи, появившиеся после выхода восьмой книги Игоря Чиннова — «Автограф», не были изданы отдельной книгой. Почти все они напечатаны в газетах или журналах. Ниже мы указываем, где и когда стихотворение опубликовано.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Вс — «Встречи», альманах, Филадельфия.
 Гр — «Грани», журнал, Франкфурт-на-Майне.
 Конт — «Континент», журнал, Мюнхен.
 НЖ — «Новый журнал», Нью-Йорк.
 НРС — «Новое русское слово», газета, Нью-Йорк.

- К человечеству с прощальным словом* (с. 11). — НЖ. 1988. № 171.
Я побывал у начала Сахары (с. 12). — НЖ. 1990. № 180.
Вы говорите, что пора кончать (с. 13). — НЖ. 1990. № 180.
Голубой гуманоид (с. 14). — НЖ. 1985. № 159.
Маленький, пленный и тленный (с. 15). — НЖ. 1988. № 171.
Больше не с кем говорить (с. 16). — Гр. 1986. № 140.
— Мы в мире всё переиначим (с. 17). — Гр. 1986. № 140.
А поэты взяли да и вымерли (с. 18). — НЖ. 1987. № 167.
Всё бессмыслица, всё безделица (с. 19). — НЖ. 1986. № 163.
Борьба за несуществование? (с. 20). — НЖ. 1985. № 159.
В аду крошечном злоки злобствуют (с. 21). — НЖ. 1985. № 160.
От унылых, от ворчливых (с. 22). — Гр. 1986. № 140.

- Полночный лунный снегопад* (с. 23). – Игорь Чиннов. Алхимия и ахинея. – М.: Христианское изд-во, 1996.
- Грачи по вспаханному полю* (с. 24). – Гр. 1986. № 140.
- Архитектура дивного закона!* (с. 25). – НЖ. 1987. № 168–169.
- Царский, имперский «кредитный билет»* (с. 26). – НЖ. 1985. № 161.
- *Полно русский, пей вино!* (с. 27). – НЖ. 1985. № 161.
- Примите сердечный привет* (с. 28). – НЖ. 1989. № 174.
- А луна-то криворога* (с. 29). – Гр. 1986. № 140.
- Нам говорили нежные японки* (с. 30). – НЖ. 1987. № 168–169.
- В соседстве Большого Каньона* (с. 31). – НЖ. 1990. № 179.
- От волков и от овечек* (с. 32). – НЖ. 1990. № 178.
- Я – недорезанный буржуй* (с. 33). – НЖ. 1990. № 178.
- Здесь тоже и березы, и рябины* (с. 34). – НЖ. 1985. № 161.
- Ты тоже с луны свалился, лунатик, приятель, я знаю* (с. 35). – НРС. 1973. 16 дек. С заголовком: «Баллада».
- На карусели. Или – на качели* (с. 36). – НЖ. 1988. № 172–173.
- Те жалобы в земном аду* (с. 37). – НЖ. 1987. № 168–169.
- Друг, посадыт вас на электростул* (с. 38). – НЖ. 1988. № 172–173.
- Еще танцуют смуглые подростки* (с. 39). – Гр. 1986. № 140.
- Задумываясь в лунном полусне* (с. 40). – НЖ. 1987. № 168–169.
- В полуночное царство лунатиков* (с. 41). – НЖ. 1988. № 172–173.
- «Руководство для свежееумерших». Обложка* (с. 42). – НЖ. 1988. № 172–173.
- *Кого здесь нет, прошу поднять руку!* (с. 43). – НЖ. 1988. № 172–173.
- По небу ходят андрогиньы* (с. 44). – НЖ. 1988. № 172–173.
- Дал объявление, что обменяю* (с. 45). – НЖ. 1988. № 172–173.
- Я сочинил премиленькую пьеску* (с. 46). – Вс. 1991.
- С подзаголовком: Из цикла «Гротескиада».
- Кролики и крамбамбулы каламбурят* (с. 47). – Вс. 1991.
- С подзаголовком: «Из цикла «Гротескиада»».
- Картина в Бостонском музее* (с. 48). – Конт. 1987. № 54.
- Задумывался, да, но не додумался* (с. 49). – Конт. 1987. № 54.
- Памяти Юрия Иваска* (с. 50). – Конт. 1987. № 54.
- Мы уйдем, не давая отчета* (с. 52). – НЖ. 1987. № 167.
- Всё уладится, а не уладится* (с. 53). – Конт. 1987. № 54.
- В тени молчания Господня* (с. 54). – Конт. 1987. № 54.
- К раззолоченным храмам Бангкока* (с. 55). – НЖ. 1987. № 167.
- Надменное презрение верблюда* (с. 56). – Конт. 1987. № 54.

- Ты бы хотела увидеть* (с. 57). — НЖ. 1992. № 189.
Давайте поблагодарим (с. 58). — Гр. 1986. № 140.
Милая девочка мне (с. 59). — НЖ. 1992. № 189.
Мы в темно-рыжий город Марракеш (с. 60). — НЖ. 1986. № 164.
Летали вороны над темным селом (с. 61). — НЖ. 1992. № 189.
Я тоже в Париже (с. 62). — Игорь Чиннов. Алхимия и ахинея. — М.: Христианское изд-во, 1996.
Мы сидели на кольцах Сатурна (с. 63). — Игорь Чиннов. Алхимия и ахинея. — М.: Христианское изд-во, 1996.
Из цикла «Больничная сюита» (с. 65). — Вс. 1995. С посвящением: «Михаилу Крепсу».
Кто садится на тигра — безумец (с. 66). — НЖ. 1990. № 178.
Да, мы с Гамлетом родные (с. 67). — До сих пор не опубликовалось.
Перестань дурачиться (с. 68). — НЖ. 1987. № 167.
Разное что в жизни было (с. 69). — НЖ. 1989. № 174.
Мне куролесится. С карниза (с. 70). — НЖ. 1988. № 171.
С заголовком: «Гротески грезёра».
Всё шуточки, всё пустячки (с. 71). — НЖ. 1988. № 171.
А надо бы сказать спасибо (с. 72). — НЖ. 1992. № 189.

Из неопубликованного

ВОСПОМИНАНИЯ

Печатается по машинописному тексту, хранящемуся в архиве И.В.Чиннова (ИМЛИ РАН. Отдел рукописей. Ф. 614).

С. 73. ...*в Курляндии, в городке Тукуме...* — На момент рождения И.Чиннова Курляндия (область в западной части Латвии) была губернией Российской империи; Тукум — город в 67 километрах от Риги.

Отец — Владимир Алексеевич Чиннов умер в 1935 г. в Риге в возрасте 61 года. Мать — Александра Дмитриевна, урожденная Цвейгберг, по материнской линии принадлежавшая к роду Корвин-Косаговских, погибла в конце Второй мировой войны — в дом, где она жила, попала бомба. Поэтому почти ничего из семейного архива у И.В.Чиннова не сохранилось.

С. 75. ...*при дворе Максимилиана Первого...* — Максимилиан I (1459–1519) — австрийский эрцгерцог, император Священной римской империи, положивший начало объединению австрийских земель Габсбургов.

С. 78. *...почтительные девять сыновей...* — Так случилось, что ни с кем из родственников И.В.Чиннов не поддерживал отношений: ни со стороны матери, у которой было девять братьев, ни со стороны отца. Однажды он рассказал о двух своих двоюродных дядях по отцовской линии, фон Морр, директорах рижского страхового общества «Саламандра», которые приютили разорившуюся после революции семью Чинновых. И.Чиннов вспоминал, что он из подвала смотрел на гуляющих по саду гостей, роскошных дам в длинных платьях и плакал от унижения — его родителей не приглашали.

С. 80. *...подобно звездочетам с Босфора...* — «Звездочеты с Босфора» — книга Андрея Седых, вышедшая в Нью-Йорке в 1973 г.

С. 81. *...приходил ко мне играть троюродный брат мой Кирилл фон Морр...* — Упоминание об этом родственнике И.Чиннова содержится в письме поэта Юрия Трубецкого, с которым И.Чиннов был в переписке. В письме от 5 марта 1973 г. Трубецкой сообщает И.Чиннову о смерти Кирилла Александровича Морра, того самого троюродного брата. По словам Трубецкого, он недавно поселился в их старческом доме в Нюрнберге. В предыдущих письмах Трубецкой рассказывал Чиннову, что с Кириллом Александровичем он не нашел общего языка, потому что тот слишком много пьет, мало что понимает в поэзии и совершенно равнодушен к стихам Чиннова. Своим дальним родственником Чиннов, видимо, заинтересовался и, судя по письмам, послал ему денег.

...в романе Ирины Сабуровой «Корабли старого города»... — Роман о жизни русской Балтики. Вышел в 1962 г. Позже был переведен на испанский и немецкий языки. Татьяна Александровна Шюрхольц, которую И.Чиннов называл своей «невенчанной женой» (они расстались, когда он уехал из Риги), писала ему 18 января 1963 г. из Мюнхена: «Кстати, о книгах. Очень рада, что мой подарок попал в Ваши руки. И все, что Вы пишете в критической части Вашего письма, совершенно так. Я сама читала это произведение со смешанным чувством искреннего удовольствия, раздражения, душевного тепла и, если можно так выразиться, «шокирования». По правде сказать, я прочла «Корабли» после того, как Вам послала, иначе, может быть, запнулась бы. Но, в конце концов, Вы правы, для нас эта книга не может быть не дорога. И если Вы, уступая моей просьбе, напишите несколько слов Ирине Евгеньевне, то я буду опять-таки «по хруп»... Я, конечно, прочитала ей Вашу «рецензию», сделавши несколько купюр. Она просто просияла.

Сделайте ей удовольствие (а мне окажите милость!), она все-таки очень несчастна тем, что о ней нигде и ни одного слова». — ИМЛИ РАН. Отдел рукописей. Архив И.В.Чиннова. Ф. 614.

С. 87. ...антология «Русская муза»... — «Русская муза. Художественно-историческая хрестоматия». СПб, 1908. Составитель подписался криптонимом «П.Я.» — это псевдоним П.Ф.Якубовича.

Якубович Петр Филиппович (1860–1911) — народовец, поэт революционного подполья, переводчик. Чтобы подчеркнуть свою связь с предком-декабристом Александром Ивановичем Якубовичем, он взял себе псевдоним по революционному подполью — Александр Иванович. Сборник стихов П.Якубовича вышел в большой серии «Библиотека поэта» (Л., 1960). В этот же сборник вошли его переводы из Бодлера. Книга П.Якубовича о каторге «В мире отверженных. Записки бывшего каторжника» (М.—Л., 1964. В 2 т.) была написана им в Акатуевской тюрьме, куда он был заключен за революционную деятельность. В редакционном предисловии к этому изданию (с. 4) рассказывается, что «после ареста одного из руководителей “народной воли” Г.А.Лопатина и разгрома народовольческих организаций Якубович фактически остается во главе петербургского революционного подполья. Писателю удалось организовать в Дерпте, на квартире студента Переляева, тайную типографию, в которой был напечатан десятый номер “Народной воли”». Вскоре после этого, в 1884 г., Якубовича арестовали, приговорили к смертной казни, но казнь заменили каторгой. Так он оказался в Акатуе. С 1895 г. Якубович жил в ссылке в Кургане. К марксистам он не примкнул. В 1905 г. снова был арестован. На свободу вышел тяжело больным. Рукопись книги долго не публиковалась, хотя была тайно передана из Акатуевской тюрьмы родственнику, Василию Якубовичу, профессору по детским болезням. Позже в ее издании принял участие сын П.Якубовича, ученый-пушкинист Дмитрий Якубович.

Якубович Александр Иванович (1792–1845) — декабрист. После восстания 14 декабря был приговорен к 20 годам каторги. С 1826 г. — в Нерчинских рудниках, с 1839 г. — на поселении в Иркутской губернии. Его, наряду с другими декабристами, описывает Д.Мережковский в книге «Александр I и декабристы» (Нью-Йорк, 1955).

Михельсон (*Микелсон*) Иван Иванович (1740–1807) — царский генерал, участвовал в подавлении Крестьянской войны 1773–1775 гг. под руководством Пугачева.

С. 89. ...*кн. Святополк Д.Мирской в своем английском учебнике...* — «История русской литературы» (В 2 т.) князя Дмитрия Святополка-Мирского: Mirsky D.S. Contemporary Russian Literature. L., 1926.

О «ЧИСЛАХ» И ЧИСЛОВЦАХ

Печатается по машинописному тексту, хранящемуся в архиве И.В.Чиннова (ИМЛИ РАН. Отдел рукописей. Ф. 614).

С. 91. «*Я вас прошу...*» — строки из стихотворения Александра Гингера «Жалоба и торжество». — См.: Гингер А. Жалоба и торжество. Париж, 1939.

Два его сына... — Сергей и Василий, о них рассказывает в письмах к И.Чиннову жена Гингера Анна Присманова.

С. 92. ...*он был... участником знаменитой... группы Дада...* — «Дада» — модернистская художественная группа, ставшая предшественницей сюрреализма, возникла в 1916 г. в Цюрихе из представителей интернациональной богемы, эмигрантов. Затем центр ее перекочевал в Париж. В число дадаистов вошли многие известные художники, такие, как Курт Швиттерс, Пауль Клее, Макс Эрнст, Франсис Пикабия и др. Дадаистами руководила нигилистическая идея разрушения образности ради «великого Ничто», они отвергали логическую систему мышления ради утверждения бессознательного творчества. К 1922 г. дадаизм закончил свое существование.

...*он выводил себя под именем Долголикова...* — Имеется в виду главный герой романа С.Шаршуна «Без себя» (Париж, 1972). Книга эта была подарена И.Чиннову автором с автографом: «Игорю Владимировичу Чиннову, поэту-искателю. С.Шаршун. 8.5.1972». Что касается сентенции Шаршуна по поводу клопа, то, по словам И.Чиннова, Шаршун время от времени изготовлял своеобразные «листочки» с подобными высказываниями и дарил их друзьям. Вышеупомянутое «сообщение» было на одной из листовок.

С. 93. «*Тезисы против Достоевского*» — Ландау, в частности, писал: «Для Достоевского осталась скрытой жизненная и духовная полнота. Он видит человека во зле, но не видит человека в творчестве. Он видит человека в мрачном страдании, но не видит его в светлой радости». — См.: Ландау Г. Тезисы против Достоевского // Числа. 1932. № 6. С.163.

С. 94. «*Эмбриология поэзии*» В.Вейдле вышла уже после его смерти в Париже в 1980 г. с предисловием Е.Эткинда.

НТС — Национально-трудовой союз нового поколения — политическое движение, возникшее в эмиграции в 1930 г. О нем подробно рассказывает В.Варшавский в своей книге «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк, 1956). По словам автора, «этот союз, во многом перестроив свою идеологию, является в настоящее время, вероятно, единственной организованной партией в эмиграции» (с. 68). Задачей НТС было противостоять коммунизму. При этом в основе его программы лежали идеи национализма и «социальной правды». Фашистский характер движения в период довоенного времени «ни у кого в эмиграции не вызывал сомнений», пишет Варшавский. Именно в этом плане Варшавский отмечает изменения в идеологии послевоенных лет. В программе НТС, опубликованной в 1951 г., заметна демократизация позиций, в частности, там говорится о равенстве всех российских граждан и о «недопустимости классовых, сословных, имущественных, партийных, расовых, религиозных и иных привилегий» (с. 116). В этот период Э.Райс и стал членом НТС.

Журнал «Аполлон» выходил в Петербурге в 1909–1917 гг. Его редактором был Сергей Маковский. Большое участие в нем принимали акмеисты. В библиотеке И.Чиннова сохранилась подшивка журнала с 3-го по 10-й номер с автографом Маковского. Чиннов рассказывал, что даже у Маковского не было подшивки всех номеров и он хотел купить их у Чиннова, но Чиннов не согласился.

«Объединение русских поэтов и писателей во Франции» возникло после войны, туда вошли многие парижские поэты, в том числе И.Чиннов. Он вспоминал, что в Объединении были те, кто разделял «левые» убеждения, например Г.Адамович. Литераторы с более «правыми» взглядами входили в «Союз русских писателей и журналистов в Париже», существовавший с 1925 г. и несколько лет возглавляемый Б.Зайцевым. Туда вступил И.Чиннов, о чем свидетельствует его членский билет, датированный 1951 г. Для проведения творческих вечеров Объединение арендовало зал Русской консерватории. В данном случае Чиннов говорит о своем втором вечере, проходившем в 1971 году, после выхода его четвертой книги — «Партитура». На нем выступали с докладами Г.Адамович, В.Вейдле, И.Одоевцева, Ю.Терапиано. Первый вечер был устроен после выхода в 1950 г. первой книги Чиннова — «Монолог». Всего вечеров было пять.

С. 95. Главы из «*Божественной комедии*» Данте в прозаическом переводе Б.Зайцева печатались в «Числах» (1931. № 5), а кроме того, в журналах «Возрождение» (1928), «Опыты» (1955), «Вестник РСХД» (1958).

Статьи 1968–1991

СМОТРИТЕ – СТИХИ

Впервые — НЖ. 1968. № 92.

С. 97. ...*Темира Пахмус печатает интересную монографию о Зинаиде Гиппиус...* — См.: Pachmuss Temira. Selected Works of Zinaida Hippus (USA, 1972); Pachmuss Temira. Between Paris and St. Petersburg: Selected Diarias of Zinaida Hippus (USA, 1975).

Роджер Хагглунд закончил... труд о Георгии Адамовиче... — См.: Хагглунд Р. Единство видения. Адамович в эмиграции. США, 1985.

...отмечу... *превосходную Антологию русской поэзии...* — Антология «Modern Russian poetry» (под ред. В.Маркова и М.Спаркса) с параллельными текстами на русском и английском вышла в 1966 г. в Англии, а потом в Америке. О ней В.Марков писал И.Чиннову 14 июля 1965 г.: «...заканчивал антологию. Работы было много — и зверской, но давно меня так работа не обогащала. Прежде всего, я пошел по линии наибольшего сопротивления и, где было возможно, перечел или прочел все написанное каждым поэтом. Это привело к переоценке сравнительно с ходячим мнением (Гиппиус, Брюсов), а иногда и к значительной переоценке (Бальмонт) там, где я этой переоценки иногда меньше всего ожидал. Кроме того, наивная надежда, что я выберу, а мой приятель переведет, скоро была утрачена, и я увидел, что должен сам переводить в первом варианте вещи сложные, “фактурные” и трюкачские. К удивлению, мой “коллораборатор” иногда принимал мои переводы целыми строфами без поправок. Особенно интересны были наши совместные занятия, когда вместе переводили Хлебникова (всю сложность ассоциации в некоторых его стихах я уразумел лишь в переводе), Маяковского (он оказался легким, но интересно было искать эквивалентные рифмы по-русски), Заболоцкого и некоторых других... Взять Вас в антологию я не “вздумал”. Даже принимая во внимание малость того, что я “взял”, — не предста-

вить Вас было нельзя. Вы — краска, которую уже не уберешь из общей картины. А за переводом я многое оценил у Вас, чего прежде не видел. Вас переводить трудно: чуть сдвинешь слово — уже не то. Конечно, копия получилась не стопроцентная, но что поделаешь. (Кстати, время, кот<орое> представлялось, было не “от Державина” — или Вы тут иронизируете? — а от Бальмонта — между прочим, прекрасного поэта, как я обнаружил)». — ИМЛИ РАН. Архив И.В.Чиннова. Ф. 614.

С. 98. *...каждый заметит отсутствие в ней нескольких имен...* — И прежде всего, удивляет отсутствие имени Г.Адамовича. В.Марков был обижен на Адамовича за незаслуженные колкости в свой адрес. Так, по поводу очень интересной статьи Маркова о Георгии Иванове, «царящем», по его словам, над современной поэзией (Опыты. 1957. № 8), Адамович писал: «Г.Иванов действительно „царит“ над современной нашей поэзией. Скажу мимоходом, что я редко бываю согласен с Марковым, мне редко бываю по душе его статьи, в которых явно что-то еще не „перебродило“ и где при этом не заметно признаков, что затянувшееся брожение к чему-либо наконец приведет. Но Марков — талантливый человек, в его капризных и ребячески запальчивых писаниях есть неподдельная свежесть, есть игра живого ума, эти писания украшают сейчас нашу поблекшую и посеревшую печать, и я рад случаю хоть в чем-либо с ним согласиться». — См.: Новый журнал. 1958. № 52. С. 55–56.

«Поэма молчания» *Василиска Гнедова* занимает в книге две пустые страницы, не считая названия поэмы (на одной странице — по-русски, на другой — в переводе на английский). Вся поэма и состоит из заголовка. По замыслу Гнедова, неплохо пару минут просто молча посмотреть на чистый лист.

...перелистать «Содружество»... — Имеется в виду сборник «Содружество. Из современной поэзии Русского Зарубежья» (Вашингтон, 1966).

...легкие строки Ирины Одоевцевой... — Из подборки стихов Одоевцевой в «Содружестве» И.Чиннов любил цитировать стихотворение «Песенка» («Ложатся добрые в кровать...»), которое ему особенно нравилось за простоту, разговорность интонации.

С. 99. «*На Западе*» (Нью-Йорк, 1953) — антология зарубежной поэзии, составленная Ю.Иваском.

«*Муза диаспоры. Избранные стихи зарубежных поэтов*» (Изд-во «Посев», 1960) — антология Ю.Терапиано.

«*Чтец-Декламатор*» (Нью-Йорк, 1960) — антология стихов, издана Н.Н.Мартьяновым.

«Эстафета» (Париж–Нью-Йорк, 1948) – антология русских зарубежных поэтов (соредактор – Ю.Терапиано).

С. 100. ...о «Косом полете» Ивана Елагина... – Книга стихов И.Елагина «Косой полет» вышла в Нью-Йорке в 1967 г.

С. 101. ...хорошо сказал Эммануил Райс в своей книге «Под глухими небесами»... – «Под глухими небесами» (из дневников 1938–1941 гг.) была выпущена в США «Содружеством зарубежных писателей» в 1967 г.

«В содружество тайное с нами...» – Стихотворение Ю.Терапиано из книги «Избранные стихи» (Вашингтон, 1963).

...третью книгу стихов «Хвала»... – См.: Иваск Ю. Хвала. Нью-Йорк, 1967.

С. 102. Я ничего не сказал еще об избранных стихах Дм.Кленовского. – Имеется в виду сборник «Стихи. Избранное из шести книг и новые стихи» Дмитрия Кленовского, вышедший в 1967 г. в Мюнхене.

С. 103. Хочу упомянуть и о «Книге лирики» Странника. – См.: Странник. Книга лирики. Париж, 1966.

С. 104. «Много жалости и милости...» – строки из стихотворения Странника «Снова утро» (см. «Книгу лирики»).

С. 105. ...о последней... новинке – «Двоеточии»... – См.: Моршешен Н. Двоеточие. США, 1967.

«...Зевали кефали...» – строки из стихотворения Н.Моршешена «За каждую гранью – свое мирозданье...».

...в «программном» стихотворении против парижской ноты... – Стихотворение Н.Моршешена «Ответ на ноту» с эпиграфом: «...то, что принято называть парижской нотой... Из статей». Первые строки: «А ты, бедняк, я вижу, заново / Поешь о том, что мы умрем?...».

С. 106. «...музыка от смерти не спасет...» – Стихотворение О.Мандельштама «Пешеход» (1912 г., из книги «Камень») заканчивается строкой: «Но музыка от бездны не спасет!».

...отвечать на смерть гётевским «Вперед по гробам!»... – «Все живое я прославлю / Что стремится в пламень смерти...» – писал Гёте в стихотворении «Блаженное томленье». – Цит. по кн.: Западно-восточный диван. М., 1988. С.18.

Малларме был прав... – Стефан Малларме в работах «О развитии литературы» (1891), «Кризис стиха» (1895), «Тайна в поэзии» (1896) писал, что поэзия должна уподобиться музыке. В.Вейдле в книге «О поэтах и поэзии» (Париж, 1973. С.136) рассказал историю о том, как «знаменитый живописец Эдгар Дега не прочь был

пописывать стихи... Однажды, в беседе с Малларме, он высказал недоуменье насчет затруднений, испытываемых им в этом деле, несмотря на то, что мыслей или, как он выразился, идей для стихов у него вполне достаточно. „Стихи, мой друг, — ответил Малларме, — делают не из идей, а из слов“».

ВСПОМИНАЯ АДАМОВИЧА

Впервые — НЖ. 1972. № 109.

С. 109. *...четыре наших поэта-критика...* — Видимо, речь идет о Г.Адамовиче, В.Вейдле, И.Одоевцевой, Ю.Терапиано.

С. 110. *«За слово, что помнил когда-то...»* — Стихотворение Г.Адамовича напечатано в его книге «Единство» (Нью-Йорк, 1967).

С. 111. *...гётевские слова о двух душах у него в груди...* — Имеются в виду строки Гёте из первой части «Фауста»: «Ах, две души живут во мне, / И обе не в ладах друг с другом» — то есть душа верующего и душа рационалиста.

«Я помнить не могу, но помню, помню...» и пр. — из стихотворения Г.Адамовича «Нам Tristia — давно родное слово...».

...в гумилевском Цехе поэтов... — «Цех поэтов» — литературная организация, объединявшая поэтов-акмеистов. Существовала в Петербурге с 1911 г. Ее возглавлял Н.Гумилев. Туда входили, в числе прочих, Г.Адамович, Г.Иванов, И.Одоевцева.

...«сказаться душой»... как мечтает Фет в одном стихотворении... — Речь идет о стихотворении А.Фета из цикла «Мелодии» — «Как мошки зарёю...» (11 авг. 1844). Там есть строки: «О, если б без слова / Сказаться душой было можно!».

С. 112. *«За все, за все спасибо. За войну...»* — Стихотворение напечатано в книге «Единство».

«Отказываясь от всего...» и пр. — цитируется по кн.: Адамович Г. Комментарии. Вашингтон, 1967. С.105. «Делать стихи из самых простых вещей...» и пр. — Там же. С.78.

«...розовый идол, персидский фазан...» — из стихотворения Г.Адамовича «Ночь... и к чему говорить о любви...» («Единство»).

«И даже ночь с Чайковским заодно...» — Строки из стихотворения Г.Адамовича «Я не тебя любил, но солнце, свет...» («Единство»).

С. 113. *«выпуклая радость узнавания»* — В статье «Слово и культура» О.Мандельштама читаем: «Пиши безобразные

стихи, если сможешь... Слепой узнает милое лицо, едва прикоснувшись к нему зрячими перстами, и слезы радости, настоящей радости узнавания, брызнут из глаз его после долгой разлуки. Стихотворение живо внутренним образом, тем звучащим слепком формы, который предваряет написанное стихотворение...» — См.: Мандельштам О.Э. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1991. С. 226.

«Невыносимы становятся сумерки...» — стихотворение из Книги Г.Адамовича «На Западе» (Париж, 1939).

«Один сказал: нам этой жизни мало...», «Там, где-нибудь, когда-нибудь...», «Ну вот и конечно теперь. Конеч...», «Патрон за стойкою...» — Из книги «Единство».

С. 114. ...ходасевичевского «Державина» в рамки «только критики» не вместить. — См.: Ходасевич В. Державин. М. 1988.

«Как сделана „Шинель“ Гоголя» — статья Б.М.Эйхенбаума из сборника «Поэтика» (Пг., 1919), о которой идет речь в письме Г.Адамовича И.Чиннову от 18 марта 1968 г.

С. 115. «Поэт о критике» — статья Марины Цветаевой, впервые появившаяся в журнале «Благонамеренный» (1926. № 2), где Цветаева указывала на противоречия в суждениях Г.Адамовича.

Рассуждения по поводу «Легенды о Великом инквизиторе» в «Комментариях» Г.Адамович начинает так: «...не помню, сказал ли кто-нибудь, что „Легенда о Великом инквизиторе“ — произведение опрометчивое и легковесное...» (с. 98). О.Коростелев в примечаниях к последнему изданию этой книги Адамовича (СПб., 2000) замечает, что позиция Адамовича по отношению к Достоевскому в эмиграции воспринималась по-разному. Ю.Терапиано счел, что Адамович «прошел как-то мимо главного в Достоевском — его муки в поисках Бога» (Новое русское слово. 1953. 19 июля). К.Померанцев нашел рассуждения Адамовича о Достоевском «самым интересным» в «Комментариях», потому что они «всцело принадлежат дореволюционному времени» и соответствуют «социальному заказу» интеллигенции тех лет (Возрождение. 1953. № 30. С. 170–174). В связи с отношением Адамовича к Достоевскому интересны «Воспоминания» Адамовича о Бунине, который, как известно, не любил Достоевского. И Адамович приводит немало высказываний Бунина на эту тему. Там же критик говорит об отношении к Достоевскому акмеистов: «Прозой мы вообще интересовались мало, придавали ей мало значения, — настолько мало, что, помню чье-то замечание в Цехе поэтов, чуть ли не самого „Синдика“ Гумилева: „Как ни велик Достоевский, всего его можно уместить в одно сти-

хотворение Тютчева“, — замечание это не вызвало ни возражений, ни смеха, хотя это был явный вздор» (См.: Адамович Г. Бунин. Воспоминания // Новый журнал. 1971. № 105).

С. 116. «...чтоб просиял ты — и погас!» — искаженная цитата из стихотворения Ф.Тютчева «Как над горячею золой...». В «Комментариях» Адамович пишет: «Память подсказывает мне, что были и другие побуждения, другие толчки изнутри, вызвавшие тягу к поэзии, которая „просияла и погасла“ бы» (С. 185).

С. 118. ...отзвук знаменитого «декадентского» брюсовского стихотворения... — Имеется в виду стихотворение В.Брюсова «Творчество» (1895), которое начинается строками: «Тень несозданных созданий / Колыхается во сне».

ПАМЯТИ ИВАСКА

Впервые — НРС. 2 марта 1986 г.

С. 120. ...культура есть «лестница Иакова»... — В книге «Переписка из двух углов» Вячеслав Иванов пишет: «Культура — культ предков, и, конечно, — она смутно сознает это даже теперь, — восхождение отцов... Вефиль и лестница Иакова, — в каждом центре любого горизонта. Это путь свободы истинной и творчески действенной» (См.: Гершензон М. Избранное. Т. 4. М.; Иерусалим, 2000. С. 46). Вефиль — Дом Божий — место, где Иаков во сне увидел лестницу, которая «стоит на земле, а верх ее касается неба» (Быт. 28:12).

«...способность уважения вообще...» — М.Алданов в романе «Начало конца» (М., 1995) пишет: «У китайцев есть будто бы понятие шу, означающее уважение: не уважение к чему-нибудь в отдельности, а уважение к жизни, ко всему, за все, или, вернее, способность уважения вообще» (с. 73).

С. 121. ...он приехал ко мне... — В архиве И.Чиннова (ИМЛИ РАН. Отдел рукописей. Ф.614) сохранилась записка Ю.Иваска: «Я был в Риге: 1) 1929 с оказией, 1 день, 2) 1933 голодал, два дня, 3) 1936, 4) 1939, 4 дня, 5) 1943, гостил у Чиннова, 6) 1943, женился, 14 дней». Видимо, И.Чиннов имеет в виду поездку Иваска 1933 или 1936 г. О поездке к И.Чиннову пишет и Ю.Иваск в поэме «Играющий человек» (США, 1988. С. 34): «Поехал я к поэту в гости. Рига. / Невою расширившаяся Двина. /... С иголки оде-тый. Чашка чаю. / Манеры правоведа. Чую — чаю: / У Чиннова победное очко...» (см. комм. к письму № 7). Позже И.Чиннов

и Ю.Иваск часто ездили вместе в отпуск. Известно, например, что в 1964 г. они вместе были в Мексике. В результате у Ю.Иваска появилось, например, стихотворение о мексиканском городе «Оахака» (см.: Хвала. Вашингтон, 1967). В Мексику Иваск ездил на отдых неоднократно. Одно из мексиканских стихотворений, написанное в 1959 г., посвящено И.Чиннову (см.: Завоевание Мексики. США, 1984):

САН МИГЕЛЬ ДЕ АЛЬЕНДЕ

Игорю Чиннову

Открываю память-шкатулочку:
А не вспомнить, как называется!
Подымается в гору улочка
Мимо старой, забытой звонницы...

Что-то псковское, мило-никчемное,
Незавидное, незабвенное...
Желтый домик с синей каемочкой
И зеленой дверцей —
забавники!

Дворик внутренний, скрытый — патио —
Раскрывает свои объятия.
Закругляются розы алые,
Плачут, мочатся дети малые.

Я завидую бедной беспечности,
Незатейливой пестрой экзотике.
Запах розы, мочи и вечности,
Русь мешается в памяти с Мексикой.

Посещения Рима вдохновили Иваска на написание, к примеру, стихотворения «Рим» в 1966 г. (см. кн.: Золушка. Нью-Йорк, 1970), а также стихотворения «Римские строфы», датированного 20 марта 1981 г. Оно сохранилось в архиве И.Чиннова, но не вошло в книги Ю.Иваска. Иваск вообще многие свои произведения (как поэтические, так и прозаические) присылал И.Чиннову для «критики». Так было послано и стихотворение о Папе Римском, которое И.Чиннов раскритиковал (см. письмо Ю.Иваску от 7 но-

ября 1978 г. и комментарии к нему). Нередко после «критики» Иваск отказывался от публикации.

С. 122. «И Ехаристия как вечный полдень длится...» — Строка из стихотворения О.Мандельштама «Вот дароносица, как солнце золотое...» (1920, книга «Tristia»).

ПАМЯТИ АРХИПАСТЫРЯ И ПОЭТА

Впервые — НЖ. 1989. № 176.

С. 123. *...в своем последнем сборнике...* — Книга избранных стихотворений Странника (Д.Шаховского) «Удивительная земля» (Калифорния, 1983) была подарена автором И.Чиннову с надписью: «Поэту русскому первого ранга и звука, Игорю Владимировичу Чиннову. Сердечно. Странник. 1984». В этой книге были напечатаны все цитируемые И.Чинновым в статье стихи: «Продолжение лирики. (Афоризмы)», «Я отвык от всех снежинок...», «Нерасслышанная весна», «Человекосотворение», «Прощение женщины».

«...колкий Шаховской...» — цитата из первой главы «Евгения Онегина» (строфа XVIII): «Там вывел колкий Шаховской / Своих комедий шумный рой...». Имелся в виду князь Александр Александрович Шаховской (1777–1846) — популярный комедиограф, театральный деятель.

С. 124. *...мы вели беседы о высоких материях в летних лагерях...* — И.Чиннов несколько раз летом преподавал русскую литературу студентам в лагерях Русского Студенческого Христианского Движения.

С. 126. *...Кленовский, переписку с которым владыка издал...* — Речь идет о книге Странника «Переписка с Кленовским» (Париж, 1981). Письма Кленовского и Странника цитируются по этому изданию. И.Чинновым приведены фрагменты из писем: Кленовского от 13 мая 1968 г. (с. 218); архиепископа Иоанна от 23 июня 1971 г. (с. 265) — в этом письме речь идет о поэтических вечерах; Кленовского от 26 июля 1965 г. (с. 155–156) — речь идет об А.Ахматовой; архиепископа Иоанна от 1 августа 1965 г. (с. 157–159) — ответное письмо об А.Ахматовой и тут же стихотворение архиепископа о книге Д.Кленовского «Разрозненная тайна» (1965).

С. 127. «...Ахматова в своих стихах славословила Сталина...» — Об этом же, с сочувствием к А.Ахматовой, пишет Г.Иванов в статье 1950 г. «Поэзия и поэты». В «Огоньке» (М., 1950. № 14) было напе-

чатано стихотворение «21 декабря 1949 года» (день семидесятилетия Сталина). Г.Иванов приводит отрывки из этого стихотворения. Например, такой: «...Пусть миру этот день запомнится навеки, / Пусть будет вечности завещан этот час — / Легенда говорит о мудром человеке, / Что каждого из нас от страшной смерти спас...» — См.: Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М.: Согласие, 1994. С. 586.

...Ахматова... «не бросила своего народа»... — В стихотворении «Не с теми я, кто бросил землю...» (1922) А.Ахматова пишет:

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отстранили от себя.

См.: Ахматова А. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 139.

...о *грубой ругани Жданова*... — Генерал-полковник А.А.Жданов, член политбюро ЦК ВКП(б), в сентябре 1946 г. «выступил на активе Ленинградской партийной организации с глубоким по содержанию и блестящим по форме докладом о журналах “Звезда” и “Ленинград”... подверг блестящей критике писателей, которые тянули советскую литературу в болото безыдейности, беспринципности, формализма, низкопоклонства...» — См.: БСЭ. Т. 15. М., 1952. С. 605. В числе раскритикованных писателей была и А.Ахматова.

С. 129. *Кое-кто, вероятно, помнит постановку «Саломеи»*... — Пьеса О.Уайльда «Саломея» была поставлена в 1917 г. в Московском Камерном театре А.Я.Таировым.

С. 130. «Скончавшегося — начавшегося...» — измененные строки Странника из афоризмов, напечатанных в книге «Удивительная земля». У Странника: «Скончавшихся — начавшихся прими, Господи, в Свою жизнь».

ВОТ И ОДОЕВЦЕВА УМЕРЛА

Впервые — НЖ. 1991. № 184–185.

С. 130. «Я придумал это, глядя на твои...» — цитата из стихотворения Н.Гумилева «Лес» (1919). Впервые опубликовано в петроградском альманахе «Дракон» (1921) с посвящением: «Ирине Одоевцевой».

...красотка была членом «Цеха поэтов»... — В феврале 1919 г. Одоевцева впервые принесла Н.Гумилеву свои стихи, а 20 апреля 1920 г. Гумилев в числе прочих членов «Цеха поэтов» представил А.Белому И.Одоевцеву.

«Баллада о площади Виллет» — стихотворение 1923 г. с посвящением Р.Гулю из раздела «В те баснословные года...». Этим разделом заканчивался сборник «Златая цепь» (1975).

С. 131. «Баллада о толченом стекле», «Баллада об извозчике» — стихотворения Одоевцевой, вошедшие в книгу «Двор чудес». — См.: Одоевцева И. Избранное. М.: Согласие, 1998. С. 32–33, 36–37.

С. 132. «Угли краснели в камине...», «По набережной ночью мы идем...» — стихотворения из книги «Контрапункт» (Париж: Рифма, 1950).

С. 133. «Стихи, написанные во время болезни» — цикл стихотворений, был выпущен в Париже отдельной книгой в 1952 г.

С. 134. «Вот палач отрубил мне голову...» — стихотворение 1949 г. из цикла «Стихи, написанные во время болезни».

С. 136. «Оставь надежду навсегда» — роман «из советской жизни», написанный в 1945–1946 гг. Сперва вышел на французском языке в авторском переводе, затем на английском и испанском и лишь в 1954 г. был выпущен на русском языке нью-йоркским издательством им. Чехова.

Книга «Портрет в рифмованной раме» вышла в издательстве «Рифма» (Париж) в 1976 г.

С. 137. «Открытка — море и скала...» — стихотворение 1975 г., вошедшее в книгу «Портрет в рифмованной раме». — См.: Одоевцева И. Избранное. М.: Согласие, 1998. С. 157–158.

...видел я Ирину Владимировну на своем утреннике... — «Утренник» по случаю вышедшей в 1979 г. в США седьмой книги стихов Игоря Чиннова — «Антитеза» проходил 23 мая 1982 г.

С. 138. «Не во мне, а там, вовне...» — стихотворение 1959 г. из книги «Портрет в рифмованной раме».

Интервью

«В ТЕ БАСНОСЛОВНЫЕ ГОДА»

Впервые — газета «Русская мысль» от 11 ноября 1982 г.

С. 142. *Однажды... он передал мне листок...* — «Расписка», полученная от Г.Иванова, дословно звучит так: «Обязуюсь при первой возможности написать о поэзии Игоря Чиннова, которую я очень ценю и люблю, так серьезно и уважительно, как она того заслуживает. Георгий Иванов. Париж, май 1948» (ИМЛИ РАН. Отдел рукописей. Архив И.В.Чиннова. Ф. 614).

С. 143. *...в прекрасном сборнике «Русский альманах»...* — Альманах вышел в 1981 г. в Париже.

БЕСЕДЫ В ИЗГНАНИИ

Впервые — НЖ. 1985. № 160.

С. 144. *...в нью-йоркском журнале «Опыты»...* — В № 1 за 1953 г. появилась статья С.Маковского «Поэзия И.Чиннова». Позже в письме к И.Чиннову от 29 марта 1961 г. Маковский писал: «...Радуюсь и за Вас, и горжусь немного, что сразу угадал (еще на это я способен), что Вы из “молодого” поколения поэтов в эмиграции один обещаете много. О Ваших стихах только я и написал рецензию в “Опытах”, наперекор шипению и завистливым улыбочкам почти всей нашей парижской “братии”. <...> На самом деле, никто не понял в Вашей Музе главного — ее серафической мечтательности, ее тишайшего приятия великой тайны Творения... Если и отмечали музыкальность Ваших словосочетаний (выработанная форма!), то главного не чувствовали. Потому что Ваша музыкальность, продуманность каждой буквы в строке, что кажется нашей русской варварской критике внешней прелестью (для поэзии необязательной), Ваша до утонченнейшей придирчивости к себе доведенная форма и есть тот единственный язык, на котором можно сказать то, что Вы говорите. Это — не “сжигающего сердца глагол” и не “для мюзик аван тутшоз”*, а очень новая краткость пронизанного душою слова.

* Музыка прежде всего (*фр.*).

Все это было и в “Монологе”, но лишь намеком, иногда и не убедительным до конца, не бесспорным для читателя. Чувствовалось еще усилие и не всегда увенчанное усердие поэта — сказать самое сокровенно глубокое в нем, пользуясь сравнениями и предметными образами. Были и некоторые заимствования у символистов старших поколений...

Не то — в “Линиях”. Тут найдена и форма, адекватная лирическому смыслу, тому смыслу созерцательной грусти, который отвечает общей столь современной растерянности мыслей и чувств. Ваша книга останется. В этом я не сомневаюсь...» — ИМЛИ РАН. Отдел рукописей. Архив И.В.Чиннова. Ф. 614.

...Терапиано... писал в газете «Русская мысль»... — Ю.Терапиано был постоянным критиком этой газеты, и в рецензиях на другие издания, в частности на «Новый журнал», он каждый раз хоть несколькими словами отмечал стихи И.Чиннова. Что касается рецензий в этой газете на его книги, то их было пять — на книги «Линии», «Метафоры», «Партитура», «Композиция», «Пасторали» (см. библиографию в наст. издании).

С. 146. ...Вейдле и, кажется, Георгий Адамович отметили... — Оба критика написали о стихах Чиннова немало статей. О приверженности Чиннова «серьезным» темам, характерным для «парижской ноты», Г.Адамович писал, например, в рецензии на книгу «Метафоры» (Новый журнал. 1969. № 96. С. 288): «Наряд его стихов пышен, изысканно декоративен и красочен, но тон их, звук их грустен, а то и растерян. Чиннов очарован миром, нашим, “видимым миром”, но, вглядываясь в прежние и новейшие его метаморфозы, он не всегда в силах преодолеть страх, закрадывающийся в его сознание».

Владимир Вейдле в рецензии на «Пасторали» писал: «Уже первый сборник Чиннова “Монолог” проще всего может быть охарактеризован, как монолог приговоренного к смерти. Приговоренного к ней, как все мы, но чувствующего это острее в силу поэтического своего призвания. <...> Во втором сборнике, через десятилетие, “Линии”, поэт достиг полной зрелости. <...> “Метафоры”, “Партитура”, “Композиция”. Эти три книги куда пышней и замысловатей первых двух обряжают чинновскую музу. Но все это никогда не заглушает его главной темы. “Пасторали” всем замыслом и уже заглавием своим тем язвительнее и сладостней подтверждают ее, чем прямее ей противоречат». — Новый журнал. 1976. № 123. С. 253.

С. 147. ...Есенин... упрекал Осипа Мандельштама за глагольные рифмы... — Об этом рассказывал И.Грузинов в своих воспо-

минаниях «Сергей Есенин разговаривает о литературе и искусстве. 1919». Дело происходило в кафе «Домино»: «У открытых дверей в комнату Правления Союза поэтов Есенин и Осип Мандельштам. Ощетинившийся Есенин, стоя вполборота к Мандельштаму:

— Вы плохой поэт. Вы плохо владеете формой! У вас глагольные рифмы!

Мандельштам возражает. Пыжится. Краснеет от возбуждения и негодования». — См.: Сергей Есенин в стихах и в жизни. Воспоминания современников. М., 1995. С. 248–249.

С. 150. *Евтушенко — очень талантливый поэт...* — Стихи Е. Евтушенко, названные И. Чинновым, и поэма «Станция Зима» (1959), и «Бабий Яр» (после публикации в 1961 г. в прессе разгорелась дискуссия о национализме и антисемитизме), и «Наследники Сталина» (опубликовано в газете «Правда» 21 октября 1962 г. и обсуждалось на секретариате ЦК КПСС), — вызвали большой резонанс в печати.

Я САМ С СОБОЮ ГОВОРЮ ПО-РУССКИ

Впервые — Огонек. М., 1992. № 9.

НА ВОПРОСЫ О МОЕЙ ПОЭТИКЕ

Без даты. Печатается по машинописному тексту, хранящемуся в архиве И. В. Чиннова (ИМЛИ РАН. Отдел рукописей. Ф. 614).

С. 155. *Хлебников, если не считать его «смехачей»... именно антимузыкален...* — Имеется в виду стихотворение В. Хлебникова «Заклятие смехом» (1908–1909).

Письма

Письма Игоря Чиннова публикуются по ксерокопиям, хранящимся в архиве поэта, переданном, согласно его завещанию, в Институт мировой литературы Российской Академии наук (Отдел рукописей. Ф. 614). Ксерокопии в свое время были сняты самим автором. И. Чиннов вел обширную переписку. В его архиве сохранились письма многих известных писателей, поэтов, критиков русского зарубежья, в числе которых А. Ремизов, Г. Иванов, Ф. Степун, З. Шаховская, А. Присманова, А. Гингер, Д. Кленовский,

И.Елагин, В.Перелешин, И.Одоевцева, Б.Нарциссов, Ю.Терапиано, А.Бахрах, В.Ильин, архиепископ Иоанн (Шаховской), Ю.Иваск [некоторые его письма были опубликованы И.Чинновым в № 168–169 «Нового журнала» (Нью-Йорк, 1987. С. 212–221)], С.Маковский [некоторые письма опубликованы в № 177 «Нового журнала» (1989. С. 232–255)], В.Вейдле [некоторые письма опубликованы в № 183 «Нового журнала» (1991. С. 364–370)], Г.Адамович [некоторые письма опубликованы в № 175 «Нового журнала» (1989. С. 246–262) и в № 198–199 (1995. С. 194–210)] и многие другие.

1. Ю.П.ИВАСКУ

22 сентября 1934 г., Рига.

С. 156. ...спасибо за «Новь». — Письмо отправлено из Риги, где И.Чиннов в то время жил, в Таллин, где жил Ю.Иваск. Имеется в виду 6-й сборник журнала «Новь» (Таллин, 1934. 6 мая).

«Враг мой мрачный умолк... / Мгла неземная». — Чиннов цитирует строки из стихотворения Ю.Иваска, включенного впоследствии во вторую книгу стихов — «Царская осень» (Париж: Рифма, 1953. С. 24):

Враг мой мрачный умолк.
Жду я светлого друга.
Я исполнил свой долг.
Я выхожу из круга.

В честь победителя хор
Дружный, юношей, грянул.
Вдруг помутился взор:
Гордый, куда ты глянул?
Он исполнил. Он ждет.
Смерть, где твое жало?
Он сегодня с ума сойдет,
Победителю славы мало.

Больше нет врага.
Друга я не знаю.
Скудные снега,
Мгла неземная.

С. 157. *«Немногие вещи мне противны...»* — венецианская эпиграмма Гёте № 760 (1790): «Многое я могу перенести. Большинство тягостных вещей я терплю со спокойным мужеством, как это мне велит Господь. Не многое мне противно, как яд и змея. Четыре: дым табака, клопы и запах чеснока, и смерть».

С. 158. *Я хотел бы прочесть Вашу книгу о ней...* — В шестом сборнике журнала «Новь», приуроченном ко «Дню русской культуры» (6 мая 1934 г.), напечатана статья Ю.Иваска «Цветаяева» (с. 61–68). В пояснениях к заглавию Ю.Иваск отмечает: «...В этой статье лишь намечены некоторые главные мысли из моей книги о Цветаевой. За недостатком места принужден отказаться от полного развертывания моих утверждений на материале цветаевского творчества и опустить целый ряд тем, с Цветаевой связанных» (с. 61). В последующие годы Ю.Иваск опубликовал несколько статей о Цветаевой, но книга о ней издана не была.

...мне очень понравилась статья К.Гершельмана. — В том же сборнике «Нови» опубликована статья К.Гершельмана «О современной поэзии» (с. 50–56). В этой статье К.Гершельман, в частности, утверждает, что «эмиграция имеет свой опыт, иной, чем остальная Россия, пользуется иными возможностями его выявления. Эмиграция не только может — должна сказать свое слово. И поворот поэзии от экспериментализма к интимности, может быть, и вызван больше всего тем, что слишком многое надо сказать» (с. 55).

«В одном из соседних миров» («Новь», 6 мая 1934., с. 33–34) — фантастический рассказ К.Гершельмана о путешествии инопланетян на Землю — «отдаленный мир», который «в отличие от прочих миров еще не сотворен окончательно. Судя по небывалому количеству темнот, процесс его сотворения едва начался...» (с. 34).

Н-ссов прав: Бунин «подчеркивает» их. — И.Чиннов имеет в виду помещенную в шестом сборнике «Нови» статью Бориса Нарциссова «И.А.Бунин» (с. 44–48), посвященную апологии поэзии Бунина, которая в эмиграции не пользовалась широким признанием и считалась молодыми поэтами старомодной. В том же номере «Нови» И.А.Бунину посвящена редакционная статья, подписанная П.Иртелем (с. 7–9).

С. 159. *«Меркнет дорога моя...»* — Числа. 1933. № 7–8. Позже первая строка исправлена и звучит так: «Медленно меркнет мой путь...»

2. Т.Г.ИВАСК

15 января 1945 г., Вупперталь.

Письмо из немецкого лагеря, где И.Чиннов находился с октября 1944 г. по май 1945 г., в Германию, где в конце войны жили Юрий и Тамара Иваск. Пометка: «написано по-русски» (на немецком языке) сделана И.Чинновым для лагерной цензуры.

О Тамаре Георгиевне Иваск (урожденной Межак) И.Чиннов говорил: «Когда-то Тамара была моей девочкой, а потом влюбилась в Иваска». Чиннов ее и познакомил с Ю.Иваском в 30-е гг. в Риге.

3. Ю.П.ИВАСКУ

отправлено 22 января 1947 г.

С. 159. *...ме надули ли меня... как с посылкой, которую послал маме...* — После окончания войны И.Чиннов надеялся, что его мать, Александра Дмитриевна Чиннова, в Берлине. Он пытался ее там найти. И ему даже дали будто бы ее адрес, но потом выяснилось, что она погибла во время бомбежек Берлина.

С. 160. *...собрание Объединения писателей...* — Имеется в виду «Объединение русских поэтов и писателей во Франции». Туда входили многие парижские поэты, в том числе И.Чиннов. Он вспоминал, что в «Объединении» были те, кто разделял «левые» убеждения, например Г.Адамович. Литераторы с более «правыми» взглядами входили в «Союз русских писателей и журналистов в Париже», возглавляемый Б.Зайцевым. В 1951 г. туда вступил И.Чиннов.

Леконт де Лиль (1818–1894) — Французский поэт из группы парнасцев. И.Чиннов вспоминал, что его слова «vous etes de la maison» («вы из дома») в смысле «вы свой» Адамович употреблял, «титuluя» тех, кого причислял к избранному (т.е. дореволюционному петербургскому) обществу.

«*Русские новости*» — газета просоветского направления, выходившая в Париже (1945–1970). В 1945–1951 гг. главным редактором газеты был А.Ф.Ступницкий.

«*Орион*» — литературный альманах под редакцией Юрия Одарченко, Владимира Смоленского и Анатолия Шайкевича (Париж, 1947). В альманахе напечатаны стихотворения Г.Адамовича, Г.Иванова, И.Одоевцевой, А.Ладинского, Г.Раевского, В.Смоленского, В.Ходасевича (посмертная публикация), рассказ И.Бунина «Три рубля», отрывки из книг Б.Зайцева, А.Ремизова, Г.Газданова, Тэффи, Н.Берберовой, В.Злобина и др. Стихов Ю.Иваска там нет.

«Помор», Шекспир, Дант... — Из стихов Ю.Иваска, которые И.Чиннов разбирает, были опубликованы «Сияют снова ясени и клены...», «Шекспир» (перевод 55-го сонета) и «Дант».

Сияют снова ясени и клены,
И эту смерть во славе я люблю,
И после отречения от короны
Рабов не милую и не гублю.
Свободой светел, в поредевшей роще
Беседую с последним из рабов.
О, милый Рим, не надо Риму мощи,
И чудно беден золотой покров.

И ты не раб, и не целуй мне руки,
Мой милый юноша, мой первый друг.
И тишина, и нет предсмертной муки,
И топора членоразделен стук.

ШЕКСПИР

The living record of your memory...

Шекспир. Сонет 55

О нет, не мрамор Марсова кумира,
И не литавров громовую медь,
Я это солнце тишины и мира
Хочу во тьме восславить и воспеть.

Как прежде, вольных каменщиков братства
Оплакивают рук своих труды
И проклинают тьму и святотатства,
А в памяти моей сияешь ты.

Я не боюсь любого вероломства,
И пусть терзает вечная война
Арминия и Цезаря потомство,
Сияешь ты — и мир, и тишина.

И я среди друзей, быть может, снова
Дар обрету неумолимый слова.

ДАНТ

Судьбина та ж, — но разве я могу
 Так веровать, любить и ненавидеть?
 Изнежен музами, я только лгу,
 И эта ложь мешает правду видеть.

Прожги, сожги: воспой Двадцатый Век,
 О, новый Дант, судья неумолимый!
 Снести, стерпеть не смел ты, человек,
 Кацеты, гетто, гибель Хиросимы...

Но не по силам ненависти меч
 И крест любви! Я только лгу и плачу,
 И жалко заключаю эту речь:

Влачите, бесы, и меня в придачу
 С предателями, палачами в ад:
 Я тоже был Искарриоту брат.

Стихотворения цитируются по кн.: Иваск Ю. Царская осень. Париж: Рифма, 1953. Книга была подарена Иваском Чиннову с надписью: «Милому Дусе, ментору моему, Игорю Владимировичу Чиннову».

4. Ю. и Т.ИВАСКАМ

25 января 1950 г., Париж.

Письмо из послевоенного Парижа. Адрес И.Чиннова в Париже: 109 av. N.Martin, Paris 16^e. В Париже Чиннов оказался после освобождения из лагеря. Как и большинство русских эмигрантов, он бедствовал, жил на случайные заработки — чтение лекций, преподавание немецкого в Русской гимназии, преподавание в летней школе РСХД (Русского студенческого христианского движения).

Ю. и Т.Иваск в это время жили в США, в Кембридже, куда переехали в 1949 г. Ю.Иваск учился в Гарвардском университете, а в 1954 г. стал доктором философии на отделении славянских языков и литератур.

С. 162. *Юра: статью надо прояснить!* — Чиннов имеет в виду статью Ю.Иваска «О послевоенной эмигрантской поэзии», опубликованную впоследствии в «Новом журнале» (1950. № 23. С. 195–214).

Дуся (сокращение от *Досифей*) — так И.Чиннов часто подписывался в письмах к Ю.Иваску; имелся в виду монах-схимник с Афона. См. письмо Ю.Иваска Чиннову от 24 марта 1952 г. (ИМЛИ РАН. Отдел рукописей. Архив И.Чиннова. Ф. 614):

«Игорь, Дуся, милый,
Поздравляю!

Сегодня, в классе Якобсона¹, сложил в уме следующие слова:

На Игоря Чиннова, перед которым вчера, в воскресенье, 23-го марта 1952 года, Адамович распахнул двери в святая святых Российской поэзии², уже давно указывал перстом Иваск, когда поэт одиноко бродил по торжищу житейской суеты...

Неукложе?! Но я всегда имел пристрастие к высокому стилю...

Прилагаю статью Адамовича из "НРС", и все станет понятным. Радуюсь и веселюсь!

И по носу получают все новоэмигрантские маяковчата, и Нина³ поперхнетя, и М.С.<Цетлина> еще раз удостоверится, что я всегда прав (хотя и не любит Адамовича по своей линии).

Читал же статью на лекции Набокова-Сирина⁴ — одним глазом, из вежливости! Да — великолепен Набоков — снобирующий американцев чистейшим King's English* и блещущий несколько театральным родным языком (разбирал "Вольность" и "Анчар"). А дома медленно, с наслаждением прочел статью во второй раз.

Сейчас статью читает Тамара и восклицает! Обнимаем, душим в объятиях. Юра.

P.S. Аркадий⁵ уже прочел и разделяет нашу радость. Он — утешение мое...

В том же № Рубисова⁶-дура написала идиотскую статейку о русской поэзии (Яссен и Прегель на одной доске с Мамченко и Присмановой...). Ну, и дурь же — добрая дурь, а все-таки дурь!

Вы можете сказать М.С., что М.М.Карпович⁷ обещал Вам журнал, но не больше, иначе будет мелко.

Сколько труда, мужества, воли, одиночества за Вашей поэзией. Чего это стоило! — Монашеских подвигов. Как поэт Дуся — схимник.

Должен быть в Н.-Йорке к 5 апр. (мой доклад у о. Шмемана: "Победа христианства — поражение христианства"...).

Елена Никол. Федотова⁸ живет у Z.Rapp (свояченица Бердяева): 83, rue du Moulin de Pierre, Clamart, Seine».

* Ради великолепия этого королевского английского языка («do you know» — а не «ду ю ноу») и хожу его слушать. — *Примеч. Ю.Иваска.*

¹ Р.О.Якобсон — известный лингвист, литературовед. В 1949–1967 гг. преподавал в Гарвардском университете (Кембридж), где Ю.Иваск слушал лекции.

² В газете «Новое русское слово» 20 марта 1952 г. была напечатана статья Георгия Адамовича «Новый поэт», где Адамович пишет о первой книге стихов Игоря Чиннова и говорит о том, что не может принять в поэзии В.Маяковского.

³ Имеется в виду Нина Николаевна Берберова. И.Чиннов был на нее обижен за отрицательную рецензию на его первый сборник — «Монолог», которую Н.Берберова напечатала в 1950 г. в «Русской мысли».

⁴ В 1951–1952 гг. В.В.Набоков читал курс лекций в Гарвардском университете. Сирин — псевдоним, которым Набоков подписывал свои произведения до переезда в США в 1940 г.

⁵ Имеется в виду Аркадий Ростиславович Небольсин — друг Ю.Иваска, также тогда учившийся в Гарвардском университете.

⁶ Е.Рубисова — писатель, поэт, критик.

⁷ М.С.Цетлина субсидировала «Новый журнал». М.М.Карпович был его редактором. В 1952 г. он читал лекции в Гарвардском университете, и Ю.Иваск с ним, видимо, договорился об очередном, 28-м номере «Нового журнала», где была опубликована рецензия И.Чиннова на вышедшую по-немецки в Базеле (1951) книгу Е.Э.Малер, посвященную народным песням Печерского края.

⁸ Елена Николаевна Федотова — жена философа Г.П.Федотова, умершего в 1951 г. У Ю.Иваска с ним были хорошие отношения. Федотов читал стихи И.Чиннова на поэтическом вечере в Нью-Йорке по случаю выхода первой книги И.Чиннова в 1950 г. В то время Чиннов жил еще в Париже и на вечер не мог приехать.

5. Ю.П.ИВАСКУ

17 сентября 1958 г., Мюнхен.

С 1953 г. по 1962 г. И.Чиннов жил в Мюнхене и работал на радиостанции «Свобода».

С. 162. *Чухна (Чухоня)* — намек на эстонское происхождение Ю.Иваска.

С. 163. *...задет за сердце смертью Г.Иванова.* — Поэт Георгий Иванов умер 27 августа 1958 г. в Йере, на юге Франции, где он жил в доме для престарелых со своей женой Ириной Одоевцевой. После смерти Иванова Одоевцева откликнулась на сочувственное письмо Чиннова: «18 сентября <1958 г.> Дорогой Игорь Чиннов, спасибо Вам за Ваше письмо. Мало кто умеет

писать так по-настоящему. Большинство „сочувствий“ только раздражают своей ненужностью. Если хотите, я пришлю Вам несколько его последних стихов. Их после него осталось очень много — на целую книгу. Но я еще не в состоянии заняться разборкой его записей. Я не могу даже заставить себя перечесть те, что он мне диктовал, когда не был уже в состоянии писать — слишком больно. Пошлю Вам те, которые я помню наизусть — около десяти. „Посмертный Дневник“, как он говорил. Они почти все о его смерти. Кажется, это в первый раз в литературе, чтобы поэт так писал о своей смерти. Мне даже страшно думать о них. Желаю Вам всего-всего-всего хорошего. И еще раз спасибо. Ваша И. Одоевцева» (ИМЛИ РАН. Отдел рукописей. Архив И.В.Чиннова. Ф. 614). Свое обещание Одоевцева выполнила в письме от 19 декабря. Присланные ею стихи Иванова вошли в изданный позже «Посмертный дневник» (см. сб.: 1943–1958. Стихи. Нью-Йорк, 1958). А вот И.Чиннов так и не написал об Иванове. В конце жизни собирался написать воспоминания, но не успел.

«*Насладись, пока не поздно...*» — Не вполне точная цитата из стихотворения Г.Иванова, впервые напечатанного в «Новом журнале» (Нью-Йорк, 1953. № 43) и вошедшего позднее в посмертный сборник «1943–1958. Стихи» (см. выше):

Насладись, пока не поздно,
Ведь искать недалеко,
Тем, что в мире грациозно,
Грациозно и легко.

Гершельманы мне очень понравились. — С поэтом Карлом Гершельманом Ю.Иваск был знаком еще в Таллине. В 1940 г. Гершельман эмигрировал из Эстонии в Германию. Оказавшись в Германии, Иваск познакомил с ним Чиннова.

С. 164. «*И ничего не исправил...*» — цитата из последнего четверостишия стихотворения Г.Иванова «Медленно и неуверенно» (Розы. Париж: Родник, 1931).

6. Ю.П.ИВАСКУ

30 ноября 1960 г., Мюнхен.

С. 164. *Дорогой профессор* — Ю.Иваск стал в 1954 г. доктором философии отделения славянских языков и литератур и препода-

вал русскую литературу в Канзасском университете, а затем в Вашингтонском университете.

Е.Э. — Елизавета Эдуардовна Малер.

Аня — Анна Семеновна Присманова — поэтесса, жена поэта Александра Гингера. В Париже И.Чиннов часто бывал в их доме. Свои письма к И.Чиннову А.Присманова заканчивала рисунком рыбки. Она умерла 4 ноября 1960 г. А.Гингер писал об этом в письме Чиннову от 1960 г.: «Дорогой Игорь. Ты постарался написать все, что в данном случае можно было найти утешительного. Пожалуйста, скажи Бахраху и Червинской, что я им не пишу потому, что они видели Аню сравнительно недавно. Нас, то есть моих сыновей и меня, сноху и свояченицу, больше всего поддерживает мысль, за которую мы и цепляемся, что это была такая смерть, о какой молятся: безболезненная и мирная; как говорят старики — Божья милость. Она спокойно спала, а сердце постепенно останавливалось... Но понять, что именно она, именно Аня, умерла, — мы не можем. Мы не были подготовлены к этому удару. Вернувшись с работы, я нашел ее спящей, и только много времени спустя коснулся ее руки... уже безжизненной и превращавшейся в мраморную. Я не могу сказать „мир ее праху“, потому что это все равно, как если бы я обращался к части самого себя. С тех пор, как это произошло, я чувствую себя как побитая собака. Спасибо, за участие. Г.» (ИМЛИ РАН. Отдел рукописей. Архив И.В.Чиннова. Ф. 614).

...как хорошо ты написал о Штейгере! — В «Новом журнале» (1950. № 23. С. 195–214) напечатана статья Ю.Иваска «О послевоенной эмигрантской поэзии».

С. 165. «*Чтец-Декламатор*» — антология стихов, вышла в 1960 г. в издательстве Н.Н.Мартьянова (Нью-Йорк). В антологии опубликованы и стихи И.Чиннова.

Марья Самойловна — Цетлин Мария Самойловна.

Лида... такую интригу и бучу подняла... что... ее отделили. — Лидия Червинская работала, как и Чиннов, на радиостанции «Свобода», где и перессорилась со всеми. В «качестве кандидата на место» был, видимо, К.Померанцев.

«Меня вы не спасли...» — цитата из стихотворения Георгия Иванова «Вас осуждать бы стал с какой же стати я?», вошедшего в «Посмертный дневник». Впервые было напечатано в 61-й кн. «Нового журнала» (1960. С. 9). В том же номере помещены «Записи» (Из литературного наследия И.А.Бунина. С. 5–8).

С. 166. «Грани» — журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли. Выходит с 1946 г. в издательстве «Посев» (Франкфурт-на-Майне). С начала 1990-х годов печатается в России.

«Муза диаспоры» (избранные стихи зарубежных поэтов 1920–1960 гг.). Изд-во «Посев», 1960. Составитель Ю.К.Терапиано.

Saint-John Perse (1887–1975) — французский поэт. После 1940 г. эмигрировал в США, где и прожил оставшуюся жизнь. «Vents» (1946), «Amers» (1957) — его произведения. Позже появились его главные поэмы «Chronique» (1960) и «Oiseaux» (1963). В 1960 г. стал лауреатом Нобелевской премии по литературе.

«...И море черное, витийствуй, шумит / И с тяжким грохотом подходит к изголовью...» — строки из стихотворения О.Мандельштама «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» (1915).

С. 167. «И черни, требующей новизны...» — неточная цитата из стихотворения Г.Иванова «Меняется прическа и костюм» (Иванов Г. 1943–1958. Стихи. Нью-Йорк, 1958). У Иванова:

И черни, требующей новизны,
Он говорит: «Нет новизны. Есть мера».

7. А.РЕННИНГУ

8 ноября 1965 г. Лоренс (США).

В 1962 г. И.Ч. переехал из Мюнхена в США по приглашению Канзасского университета, где и преподавал несколько лет русский язык и литературу.

С. 167. *А.Реннинг* — друг Чиннова, с которым поэт постоянно переписывался. После окончания Второй мировой войны А.Реннинг жил в Швеции, работал в Стокгольмском историческом архиве.

С. 168. *...русско-латышско-чухонско(!)-канзасское мерси... Это ж была возня списываться с майором.* — В роду Чиннова соединились несколько дворянских фамилий (русской, польской, немецкой кровей): Корвин-Косаговские, Цвейгберги, Чинновы, фон Морры. Майор, о котором идет речь в письме, — потомок одной из ветвей рода фон Цвейгбергов. Он и передал Чиннову через А.Реннинга документы, связанные с их общим предком по линии матери поэта — майором Якобом фон Цвейгбергом, перебравшимся в Россию в XVII в.

Чухонский профессор — Ю.П.Иваск, самый близкий друг И.Чиннова. Они познакомились в 30-е гг. в Риге. В поэме «Играющий человек» (Париж–Нью-Йорк, 1988. С. 31) Ю.Иваск вспоминает:

Поехал я к поэту в гости. Рига.
Невой расширившаяся Двина.
Поэзия замедленного мига:
Со мной немилостивая она...

С иголки одетый. Чашка чаю.
Манеры правоведа. Чую — чаю:
У Чиннова победное очко.
Те сумеречные и жемчугами
Мерцающие в полусне стихи, .
Нездешне-нежные, любимы нами:
И перешептываются — легки...
Зеленый tweed и Моисея пламя:
Не купина, а галстук (или знамя?)
Уже тридцатилетие друзья.

В 1949 г. из Германии Ю.Иваск приехал в США, преподавал в американских университетах, одно время был профессором Канзасского университета, затем, покидая Канзасский университет, порекомендовал на свое место И.Чиннова.

С. 169. *Tornado Тамара* — Имеется в виду жена поэта Тамара Иваск.

Игрушка — так звали И.Чиннова близкие друзья.

8. Ю.П.ИВАСКУ

23 апреля 1966 г. *Лоренс (США)*.

С. 169. *Ослик, Суслик* — шуточные прозвища Ю.П.Иваска. «Ослик» — так шуточно называл Ю.Иваска И.Чиннов. По рассказам последнего, прозвище возникло во время спора о творчестве Шагала в поезде по дороге в Мексику. В окно вагона они увидели пасущегося ослика, и Чиннов сказал Иваску, что тот спорит с таким же упрямством.

В рецензии на «*Мои яички*»... — Ю.Иваск написал стихотворение «Яичко, снеси яичко...», помещенное в книге «Хвала» (1967), которую готовил к изданию.

С. 170. *Голосовкер твой — удачен.* — Чиннов имеет в виду рецензию Ю.Иваска на книгу «Поэты-лирики древней Эллады и Рима» (М., 1963) в переводе Я.Голосовкера. (НЖ. № 84. 1966).

Читал Аронсона с НЖ? Вот болван-то! — Г.Аронсон в газете «Новое русское слово» печатал отзывы на свежие издания, в том числе и на «Новый журнал», где часто публиковался И.Чиннов.

«...растерянно шептал на казнь приговоренный...» — Строка из стихотворения Г.Адамовича «Нет, ты не говори: поэзия — мечта». — См.: Адамович Г. Единство. Нью-Йорк: Русская книга, 1967. С. 43; Ковчег. Поэзия первой эмиграции. М., 1991. С. 23.

На слова же Достоевского Мережковскому... — Воспоминания Д.С.Мережковского о единственной встрече с Ф.М.Достоевским см. в кн.: Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. Т. XXIV. И зд-во И.Д.Сытина, 1914. С. 111.

«*Tristia*» — книга стихов Осипа Мандельштама.

«*Кипарисовый лагерь*» — книга стихов Иннокентия Анненского.

9. Р.Б.ГУЛЮ

13 января 1970 г., Нашвилл (США).

После переезда в США И.Чиннов около семи лет (с конца 1962 г. по 1969 г.) работал в Канзасском университете в городе Лоренс, где был профессором и преподавал русский язык и литературу. В 1969 г. он преподавал в Питтсбургском университете, а с 1970 по 1977 г. был профессором Вандерbiltского университета в Наш-вилле, штат Теннесси. С 1977 г. И.Чиннов находился на пенсии.

С. 172. *Адамович в «Комментариях» пишет, я «еще сравнительно молодой».* — «Комментарии» — сборник статей и заметок Георгия Викторовича Адамовича с 1930 по 1965 г., опубликованных в сборниках «Числа», в журнале «Современные записки», в альманахе «Круг» (№ 3, 1938), в журнале «Новоселье» (1946–1949), в «Опытах» (1953–1956), в «Новом журнале» (1961–1965), в «Воздушных путях» (1963). О Чиннове Адамович пишет следующее: «У нас в эмиграции есть поэт, сравнительно еще молодой, который с темой моей связан, хотя и не знаю, согласился ли бы он с таким утверждением, — Игорь Чиннов». — См.: Адамович Г. Комментарии. Вашингтон, 1967. С. 205.

...*Христа снобировать не собирался.* — Речь идет о стихотворении И.Чиннова «Была вечеринка в аду...» (см. наст. издание.

Т. 1. С. 269). И.Чиннов отвечает на письмо Р.Гуля об этом стихотворении.

10. А.Д.ЛАНДМАНУ

31 октября 1972 г., Нашвилл (США).

Ландман Александр Давыдович в одном из своих первых писем И.Чиннову, от 16 мая 1972 г. (ИМЛИ РАН. Отдел рукописей. Ф. 614. Архив И.Чиннова), писал о себе: «По профессии я инженер-конструктор, но мое hobby — переводы русской поэзии на английский язык. Я перевел более 90 поэтов, из них приблизительно 30 поэтов эмиграции». Адрес И.Чиннова А.Ландману дал Ю.Иваск.

С. 174. «*Старинным ямбом, допотопным...*» — искаженная цитата из стихотворения В.Ходасевича «Не ямбом ли четырехстопным...» (1938). У Ходасевича: «Заветным ямбом, допотопным...».

А в *Russian Review* я бы появиться по-английски очень бы хотел. — Публикацию стихов И.Чиннова в переводе А.Ландмана в американском журнале *The Russian Review* осуществить не удалось.

12. В.В.ВЕЙДЛЕ

8 августа 1973 г., Нашвилл (США).

С. 175. *Книга совершенно замечательная, совершенно.* — В 1973 г. в Париже издательством YMCA-Press была выпущена книга В.Вейдле «О поэтах и поэзии». Размышляя «О смысле стихов», В.Вейдле приводит отрывок из стихотворения И.Чиннова: «Поэзия тут, она с нами, она в нас, и ее нет. Она в словах, но как будто и не в словах. Она “витает в воздухе”. Она “между небом и землей”, и, должно быть, ближе к небу. Вот почему писания о стихах и кончаются чаще всего стихами. Последуем традиции и мы. Пусть это будут те прелестные четыре строчки, что нашептала добрая Муза поэту, Игорю Чиннову, сразу после того, как он, не послушав ее, оказал слишком много доверия частице “не”:

А что стихи? Обман? Благая весть?
— Дыханье, дуновение, вдохновенье.
Как легкий ладан, голубая смесь
Благоуханья и — благоговенья.

Верю. Каждому слову верю, без вопросов. Только, не говоря уже о прозе, никакими стихами полностью нельзя сказать, что такое поэзия» (С. 186–187).

«*Томов премногих тяжелей!*» — «...Вот эта книжка небольшая / Томов премногих тяжелей...» — строки из стихотворения А.Фета «На книжке стихотворений Тютчева» (1885).

С. 176. «*Но будь он поэтом вполне...*» — И.Чиннов приводит отрывок из статьи В.Вейдле «О любви к стихам», опубликованной впервые в сборнике «Воздушные пути» (Нью-Йорк, 1965. № 4. С. 179–191) и включенной В.Вейдле в книгу «О поэтах и поэзии» (Париж: YMCA-Press, 1973. С. 200). Отрывок относится к 20-м гг., когда возникали первые поэтические опыты В.Вейдле. О себе Вейдле говорит в третьем лице: «Но будь он поэтом вполне, он бы не думал, что можно стовариваться со словами, а верил бы, что найденное — после долгих поисков, быть может, — слово высказывает незаменимо то самое, что надлежало высказать».

«*М.П.*» — «*Милый Поэт*» — так неизменно В.Вейдле обращался к И.Чиннову в письмах. С Вейдле И.Чиннов познакомился в послевоенном Париже.

13. Р.Б.ГУЛЮ

15 сентября 1973 г., Нашвилл (США).

С. 176. *Нашел... что поехали о дву конь...* — отсылка к сборнику критических статей Р.Гуля «Одвуконь», вышедшему в Нью-Йорке в 1973 г.

«*Чумной председатель*»... *Н.Я.М. во «Второй книге» пишет...* — Надежда Яковлевна Мандельштам во «Второй книге» (Париж, 1972) пишет, что «чумной председатель» из стихов О.Мандельштама — это Сталин. В своей статье И.Чиннов цитирует стихотворение О.Мандельштама «Фазетонщик»:

...Это чумный председатель
Заблудился с лошадьми.
Он безносой канителью
Правит, душу веселя...

И продолжает: «На председателя из пушкинского “Пира во время чумы” он не похож, однако слово председатель едва ли

употреблено зря. Этот председатель правит “безносой канителью”... Нет сомнения, что Мандельштама сильно занимала личность Сталина». — См.: НЖ. 1967. № 88. С. 126–127.

Борис Андреевич Филиппов вместе с Г.П.Струве возглавлял «Inter-language literary associates» («Международное литературное содружество»), где были напечатаны книги лучших русских писателей, запрещенных в СССР, в том числе двухтомник, а в 1967 г. — трехтомник О.Э.Мандельштама.

С. 177. ...*редактор... мил, что печатает рецензии Одоевцевой...* — Отзыв И.Одоевцевой о «Композиции» И.Чиннова был напечатан в № 113 «Нового журнала» в 1973 г. (С. 283–185), а в № 118 «Нового журнала» от 1975 г. (С. 73–83) Б.Нарциссов открыл цикл «Писем о поэзии» статьей об Игоре Чиннове.

О.А. — Ольга Андреевна, жена Романа Гуля.

14. В.В.ВЕЙДЛЕ

6 ноября 1973 г., Нашвилл (США).

С. 177. *Когда Поплавский написал Вам...* — После выхода сборника стихов Б.Поплавского «Флаги» В.Вейдле отметил, что «в лучших стихах Поплавского сочетаются очень особенным образом воспоминания о раннем Блоке с влияниями французской поэзии, больше всего поэзии Рембо». — См.: Вейдле В. Три сборника стихов // Возрождение. 1931. № 1209.

Рискуя, говорю спасибо. — И.Чиннов благодарит В.Вейдле за его рецензию в «Новом русском слове» от 21 октября 1973 г. «Жрецы единых муз», в которой Вейдле разбирает творчество Чиннова и Иваска.

Егорушка — Юрий Иваск; *Игорушка* — Игорь Чиннов.

Не подходите ли Вы к «позициям»... Адамовича? — Говоря о «позиции» Г.Адамовича, И.Чиннов вспоминает споры об эмигрантской поэзии, которые велись в 30-е гг. между Г.Адамовичем и В.Ходасевичем. Г.Адамович защищал искренность в поэзии и отдавал ей явное предпочтение перед мастерством, поэтической дисциплиной, адептом которой в литературных кругах Парижа был В.Ходасевич. Эту тему подробно освещает Глеб Струве в книге «Русская литература в изгнании» (Москва: YMCA-Press — Русский путь, 1996).

С. 178. «*Царь Небес! Успокой*» и «*Люблю я вас, богини пенья*» — стихотворения Е.А.Баратынского.

15. Р.Б.ГУЛЮ

15 января 1974 г., Нашвилл (США).

С. 178. *За Азефа... благодарствуйте.* — «Азеф» — роман Р.Гуля, четвертое издание выпущено в 1974 г. в Нью-Йорке. На обложке — фотография знаменитого провокатора Евно Азефа, на обороте — фотография Р.Б.Гуля.

Леонов... осиновый кол вогнал в этого Вора. — Роман «Вор» Л.Леонова вышел в двух редакциях: первая — в 1927 г., вторая, измененная, — в 1959 г.

С. 179. *...жду Новжюра... ввиду серенады Одоевцевой...* — В № 113 «Нового журнала» была помещена рецензия Ирины Одоевцевой на книгу стихотворений И. Чиннов «Композиция» (см. примечание к письму Р.Гулю от 15.09.1973).

Нашли ли соредактора?.. — Смысл этой фразы проясняют два письма главного редактора «Нового журнала» Романа Гуля И. Чиннову (ИМЛИ РАН. Отдел рукописей. Архив И.В.Чиннова. Ф. 614). Одно письмо предшествовало публикуемому здесь письму Чиннова, другое — пришло после этого письма. В письме от 7 ноября 1973 г. Гуль писал Чиннову:

«Дорогой Игорь Владимирович, я пишу Вам это, во-первых, КОНФИДЕНЦИАЛЬНО, во-вторых, прошу Вас ответить на него по возможности быстро и СОВЕРШЕННО СЕРЬЕЗНО. Дело вот в чем. Я, как Вы знаете, хочу кончать свое редакторство, ибо у меня нет никаких сил тащить и дальше эту колесницу. Это чистые каторжные работы. Я думаю, нет и не было такого “явления”, чтобы ОДИН человек заменял собой “оркестр” и тащил бы, один, толстый журнал. Приезжие люди воображают, что у Н.Ж. есть какая-то редакция, какой-то аппарат в 10 человек и пр. и приходят в полное удивление, когда узнают, что ничего этого нет, а есть один человек. Но один этот человек устал, физически устал, он больше не может. И потому ищет замены. Со всех концов несутся крики: бросать нельзя! это конец культурной эмиграции! и пр. lamentации. Один американец мне заявил, что бросать нельзя потому, что это “мировое” дело и что оно важно не только России, но и Америке. Все это так. Со всем этим я согласен, и это верно, но силы есть силы. И я не могу лезть преждевременно в могилу, когда она и так уже не за горами.

Итак, курц унд гут. Я в прошлом году пробовал говорить с тремя писателями, предлагая им заменить меня, все категорически отказались, сказав, что они идти в каторжные работы не хотят. Но

вот я протащил еще год. И больше не хочу. Но у меня сейчас возник другой план — в смысле того, чтобы не бросить, не закрыть журнал, чтоб он как-то жил, что нам всем нужно. План такой — поделить редакторскую работу: я бы себе оставил публицистическую часть (политика, экономика, вопросы культуры — статьи по этим вопросам, рецензии, воспоминания). А все иное пусть бы редактировал другой человек. При этом я бы оставил за собой — работу по экспедиции, т.е. — ежедневные (как сейчас) встречи, разговоры с секретаршей и распоряжения о высылке гонораров, об ответах на письма по конторе, о том, о сем, тут пропасть мелких дел. И оставил бы также всю возню с бухгалтером — чеки в соцэл секюрити, в анемплеймент¹ и пр., все разговоры с типографией, технические. А другой бы человек — редактировал бы полностью указанные материалы, вел бы корреспонденцию с авторами по поводу них, читал бы корректуру всю свою, вообще был бы полновластен во всей части Н.Ж., кроме публицистики. И вот, перебирая с женой имена наших друзей и сотрудников журнала, я наткнулся на — Игоря Чиннова. И подумал, почему же я думал о том, о другом, и не подумал о Чиннове, мне думается, он мог бы соответствовать, т.е. гарцевать на этом коне соредатора: на обложке было бы: под редакцией Гуля и Чиннова. Можно было бы указать, что именно редактирует Чиннов, а что Гуль. Если б Вы захотели “Чиннова и Гуля”, можно было бы и так, хотя, к несчастью, по-русски Чиннов пишется с “Ч”, т.е. начинается. При этом факте — гонорар, кот<орый> я получаю, как редактор (500 д<олларов> в месяц), надо бы соответственно разделить (пополам, скажем). Что Вы обо всем этом плане думаете? Мне было бы важно и интересно узнать. Но хочу Вас — с последней прямоотой — предупредить обо всех деталях такого предприятия. Вы, конечно, понимаете, что множество пишущих людей с восторгом согласились бы разделить эту участь. Но из множества я считаю 97 процентов множества не подходящими по всяким разным причинам. Во-первых, журнал надо держать на том “высоком” уровне, на кот<ором> он есть, ибо спустить его до уровня “Граней” или “Мостов” можно в один миг, если начать печатать С. Ф. Б. Д. и многое другое. Это — не имеет смысла, ибо “Грани” уже существуют и существовать будут, вероятно. Надо оставить “лицо” Н.Ж. столь же умным и прекрасным, каким оно родилось и создалось. Только в этом и есть смысл его существования, что подтверждается и вновь прибывшими из СССР (если они интеллигентны и умны). Кстати, они тоже просят меня не бросать Н.Ж.

Я думаю, по многим данным, Вы писатель подходящий. Но я должен Вас спросить, во-первых, можете ли Вы работать, ибо редактирование это есть работа прежде всего (хватило б только пота!). Я знаю людей, кот<орые> с удовольствием взялись бы за это соредакторство, но я знаю и то, что эти люди будут приезжать, курить, рассказывать литературные анекдоты и все. Это не годится. Я спрашиваю Вас: можете ли Вы, умеете ли Вы работать над чужими рукописями, редактировать их? Ведь мне приходится поднимать до “высокого литературного уровня” множество статей и даже не статей, а беллетристики. И это — самое трудное. Иногда я работаю над т<ак> н<азываемой>, черт бы ее побрал, статьей три дня! Чтоб довести ее до уровня и... довожу. Так вот, работали ли Вы в «Либерти»², скажем, как редактор? Мне по Вашей прозе кажется, что Вы можете править, редактировать. Но я не знаю, я не уверен. И потому скажите Вы мне сами: как Вы думаете, Вы могли бы вести такую работу или нет или Вас это не интересует. И еще вопрос. Вы писали, что Вы купили квартиру в Лейквуде³, что, мне думается, правильно. Но, когда Вы туда переедете, сколько времени Вы еще остаетесь в Нашвилле? Это тоже оч<ень> важно, ибо, сидя в Нашвилле, — редактировать для НЖ — трудно, если не невозможно. И еще практический вопрос: сколько Вы можете подрабатывать, получая сош. секюрити и пенсию? Если б Вам было 72 года — Вы могли бы безгранично подрабатывать, хоть 200 тысяч в месяц, но Вы еще, конечно, такого Мафусаилова возраста не достигли, и потому за все, что Вы заработаете больше какой-то суммы, — Вы должны возвращать в сош. сек. доллар за доллар. Это зверство, но это так.

Должен еще сказать, что я не знаю, как сложится судьба Н.Ж. — и в смысле финансовом: будет ли та фондейшен, кот<орая> помогает Н.Ж. (и помогает все-таки солидно, хотя и не покрывает всех расходов), будет ли она продолжать свою помощь и в 1974 г., и далее. Я думаю, что будет. Вот одна фондейшен — Юманитис Фонд — приказала долго жить, и два года тому назад известила нас об этом, дала всем своим клиентам за 5 лет вперед (мы тогда получили 10.000) и умерла. Я запросил сейчас нашу фондейшен, как дела и на что можно надеяться, и жду ответа. Думаю, что будет какой-то “дефицит” в теперешнем годовом балансе, но это еще надо узнать, и, м<ожет> б<ыть>, небольшие это деньги и можно будет где-нибудь достать.

Еще скажу одну вещь: при редакторской работе (как Вы сами знаете) надо быть либеральным (и в ту и в другую сторону). Нель-

зя печатать только то, что мне нравится. Вот так вел “Опыты” Ю.Иваск, и это совсем не подходяще для Н.Ж., ибо Н.Ж. — это, увы, не “Гостинница для путешественников в прекрасном” и не “Пощечина общественному вкусу”, это русский толстый журнал, основанный Алдановым, Цетлиным, Карповичем и т.д. Он и должен быть русским толстым. В этом его резон д’этр¹. Ну вот, более-менее написал, кажется, обо всем. И мне нужен Ваш принципиальный ответ, т.е. — ответ в принципе — согласен, мог бы, или нет, не согласен, не мог бы. А там уж я дальше буду глядеть в подзорную трубу будущего и действовать. Письмо, думаю, надо оставить “между нами” пока что, ибо неизвестно, как и что выйдет и выйдет ли и т.д.

Из стихо идут три (последние отложил, ибо технически не войдет — всего две стр.). А другим (массе) поэтов дадено только в этом номере по 1 странице, но зато их действительно масса.

Итак, крепко жму Вашу руку и жду деловой ответ по существу.

Имейте в виду, я запрашиваю Вас — в принципе — т.е. не приглашение в редколлегию уже, а хочу только узнать, как бы Вы к этому отнеслись, если бы дело сложилось. А потому и прошу Вас держать это пока в каком-то секрете, чтобы не было болтовни. У меня есть и другие переговоры на эту тему, но пока ничего решенного нет. Voilà! Искренне Ваш Ром Гуль.

P.S. А как Вейдле-то Вас расхвалил (и Иваска)⁵ — прямо-таки — в гроб сходя, благословил. И как! Не каким-нибудь портретом Лажечникова!►

¹ Отчисления в страховую компанию и фонд для безработных.

² Радиостанция «Свобода».

³ Местечко под Нью-Йорком.

⁴ Смысл существования (*фр.*).

⁵ Статья В.Вейдле «Жрецы единых муз. Два поэта» напечатана в «Новом русском слове» 16 сентября и 21 октября 1973 г.

В следующем письме, от 28 января 1974 г., Гуль писал:

«Дорогой Игорь Владимирович! Получил Ваше письмо, из которого вижу, что Вы “всем недовольны”: и тем, что в “Азефе” нет необходимой для Вас орнаментальности (клянусь, что для Вас я напишу специально орнаментальную какую-нибудь другую книгу!), и тем, что Одоевцева Вас недостаточно оценила. А по-моему, рецензия — что надо. Кстати, я не убавил и не прибавил ни одного слова в этой рецензии — напечатал “ан-натюр”. Если Вы хотите быть представленным поэтически в следующей

книге, то стихи надо прислать быстро, ибо эту книгу я гоню. Опоздаете — не попадете.

С редакторством вышло так: поддерживающая нас Фаундейшен сообщила, что будет оказывать поддержку еще только год. Поэтому я решил не делать никаких перестроек в редакции, а этот год протащить самому. А что будет дальше, Бог знает. Искренне Ваш Ром Гуль».

Две Бетаки меня как-то разочаровывают. — Чиннов упоминает Бетаки во множественном числе, имея в виду напечатанные в № 113 «Нового журнала» (1973) два стихотворения В.П.Бетаки: «Когда сквозь март из церкви серой...», «Уже осенних песен столько спето...» (с. 81) и два стихотворения его жены Виолетты Иверни.

...получилось в начале а la Баллада о камергере Деларю... — В одном из стихотворений Иверни («Так не спешит обласканный судьбой...») попытка подражания М.Цветаевой, как полагает Чиннов, обернулась пародией на Алексея Константиновича Толстого и его «Балладу о камергере Деларю».

И что Пушкин нерусский... — Замечание Чиннова, «что Пушкин нерусский — и не ново, и не вполне верно», относится к строкам второго стихотворения В.Иверни, напечатанного в том же № 113 «Нового журнала». Приводим последнюю строфу стихотворения «Петербург», в котором речь идет об А.С.Пушкине:

Ты чудом каменеющих терцин
Вломился в спячку Азии двуликой,
Как твой отец, державный бомбардир,
И тот — нерусский, как твои дворцы,
Твой сын, твой дух, опальный и великий,
Одетый в камер-юнкерский мундир.

Строчат сонеты, даже Глинка... — Чиннов имеет в виду два стихотворения Г.Глинки: «Прибавление семейства» и «Мнимая победа», напечатанных в «Новом журнале» № 113.

У Иваска хороши зияния... — Строка из стихотворения Ю.Иваска «Зеленая живопись Венеции» (Новый журнал. 1973. № 113. С. 64).

Коржавин лучше Бетак. Моршен — здорово, а Евангулов был напечатан дважды. — В № 113 «Нового журнала» было опубликовано стихотворение Н.Коржавина, посвященное покушению

народовольцев на императора Александра II в 1881 г., — «Церковь Спаса на крови»:

Церковь Спаса на крови!
Над каналом дождь, как встарь...
Ради Правды и Любви
Здесь убит был Русский Царь.

В этом же номере напечатаны два стихотворения Моршена: «Часть и целое», «От астры к звездам» (С. 37–38), а также «Баллада о дровосеке» (с. 128) Г.Евангулова.

Ильинский о Плотине и Л. — молодец! Дубинин — спасибо... М.Волин с зазубриной на драконе... Кротков хорош... Б.Толстой (откуда?)... — Чиннов упоминает также опубликованные в том же номере статью Олега Ильинского «Лермонтов и Плотин» (с. 82–87), статью М.Дубинина «Радищев и Пушкин» (с. 90–115), рассказ М.Волина «Генерал и дракон» (с. 66–69), рассказ Ю.Кроткова «Последнее слово» и статью Бориса Толстого «Установление личности “Индриса” — родоначальника Толстых» (с. 283–285).

С. 180. *А Одоевцева обо мне — увь, это несерьезно...* — В № 113 «Нового журнала» напечатана статья И.Одоевцевой о книге И.Чиннова «Композиция» (с. 283–285).

Кроме того, в № 113 «Нового журнала» Роман Гуль поместил три стихотворения И.Чиннова: «Кто душа твоя? Изольда? Дульци-нея?...», «Я тебя рисовал на песке...», «Не душа, а легкий пар...». Все три стихотворения позднее были включены автором в сборник «Пасторали» (Париж: Рифма, 1976).

16. Г-ну К.-С.

18 февраля 1975 г., Нашвилл (США).

С. 180. *С.А.* — Зеньковский Сергей Александрович. В 1967–1977 гг. Зеньковский преподавал в Вандербилтском университете (Нашвилл, Теннесси), куда в это время перевелся Чиннов на должность профессора русского языка и литературы. В 1977 г. И.Чиннов и С.Зеньковский вышли на пенсию и поселились в курортном городке Дейтона-Бич, штат Флорида. В последние годы жизни Чиннова Зеньковские (Сергей Александрович и его жена Бетти) были самыми близкими друзьями Чиннова.

С. 181. «*Р.О.*» — «Русское обозрение» — литературно-политический и научный журнал, выходивший в Москве ежемесячно

(1890–1898). В журнале, в частности, были опубликованы «Воспоминания» А.Фета.

17. Р.Б.ГУЛЮ

27 июля 1975 г., Нашвилл (США).

С. 182. ...*в типографии решили сэкономить время...* — В № 119 «Нового журнала» (1975) были напечатаны три стихотворения Игоря Чиннова, вошедшие позднее в сборник «Пасторали» (Париж: Рифма, 1976): «Ночная бабочка, мохнатая, как филин...», «Может быть, навек запечатлеется...» (с посвящением Владимиру Вейдле, снятым в «Пасторалиях»), «Был замок чудесный в чудесном балете...».

«Из архивов Страшного Суда» — эссе В.Вейдле. См.: Новый журнал. 1975. № 119. С. 68–90.

...*пародии Моршена...* — В № 119 «Нового журнала» напечатаны стихи Н.Моршена «Чужие речи» (с. 66–67), пародирующие манеру письма Ю.Иваска, И.Чиннова, И.Елагина и собственную манеру Моршена. А «распекал» Пушкина Моршен в стихотворении «Послание к А.С.П.». — См.: Новый журнал. 1973. № 110:

У Вас меня всегда смущала
Недоценка громких прав,
Восторг пред силою державной,
Презрение к свободе явной...

«Хвала» — третий сборник стихотворений Ю.Иваска (Вашингтон: Изд-во В.Камкина, 1967).

С. 183. *Рецензия Крыжицкого... все лучше, чем Завалишин.* — С.Крыжицкий поместил в № 119 «Нового журнала» две рецензии о книгах, изданных в США на английском языке: «Творческие работы учеников Толстого в Ясной поляне» (с предисловием проф. Т.Уиннера, 1974. С. 285–287) и «Советская цензура» (1973): Материалы симпозиума, организованного Институтом по изучению СССР и радиостанцией «Свобода», подготовленные к печати М.Дьюхерстом и Р.Фаррелом (с. 296–298). В № 119 «Нового журнала» (с. 291–292) В.Завалишин поместил критический разбор книги Аллы Кторовой «Экспонат молчащий и другие» (Мюнхен, 1974).

Хомяков (Андреев) Геннадий Андреевич, Ржевский Леонид Денисович — в 1975 г. члены редколлегии НЖ.

18. Б.В.ПЛЮХАНОВУ

23 ноября 1975 г., Нашвилл (США).

С. 183. *...встретил ломоносовцев...* — Ломоносовцы — выпускники русской Ломоносовской гимназии в Риге, где учились И.Чиннов и Б.Плюханов.

С. 184. *...напечатали переводы моих виршей в еще одной антологии... и в одном журнале...* — Видимо, речь идет об антологии эмигрантской поэзии «Вне России» (Мюнхен, 1978), составленной Б.Чалзмой (она должна была выйти в 1975 г.), и о журнале «Современник», где в номере 28–29 за 1975 г. была напечатана подборка стихов Чиннова.

19. АДРЕСАТ НЕ УСТАНОВЛЕН

24 ноября 1975 г., Нашвилл (США).

С. 184. *...никаких протестов подписывать не могу.* — В письме речь идет об одной из акций протеста со стороны эмигрантов в поддержку преследуемого в СССР правозащитника В.Осипова, осужденного на семь лет лагерей. Он был лидером диссидентов национально-патриотического направления, редактором самиздатовских журналов, посвященных проблемам русского национально-го возрождения: «Вече» (1970–1973), «Земля» (1974). Неизвестно, было ли в конце концов составлено это «обращение».

Я в переписке с четырьмя друзьями в России... — Видимо, Чиннов говорит о друге детства рижанине Б.В.Плюханове и о москвичах — литературоведе А.Н.Богословском, переводчике и литературоведе Е.В.Витковском и поэте В.А.Никитине.

С. 185. *...полезно ли привлечь Джексона...* — Джексон Дж. — сенатор афро-американского происхождения, священник, известный своими выступлениями в защиту демократических свобод, в частности, он боролся за право свободного выезда граждан из СССР.

Чермен — глава отделения, в данном случае — славянских языков и литературы, в американском университете.

20. В.В.ВЕЙДЛЕ

8 марта 1976 г., Нашвилл (США).

С. 185. *А за труд рецензента возьмусь с увлечением.* — Речь идет об отзыве И.Чиннова на книгу воспоминаний В.Вейдле «Зимнее солнце» (Вашингтон: Изд-во В.Камкина, 1976). Рецензия

появилась в «Новом русском слове» 30 мая 1976 г. и называлась «Новая книга Вейдле — и он».

С. 186. *Вы собираетесь откликнуться... на «Пасторали»!* — Рецензия В.Вейдле на сборник стихотворений И.Чиннова «Пасторали» появилась в № 123 «Нового журнала» (Нью-Йорк, 1976. С. 252–255).

...в Новом Русском Вы уже Милого Поэта превознесли... — Милым Поэтом Игоря Чиннова В.Вейдле обычно называет в письмах. В «Новом русском слове» в 1973 г. (16 сент. и 21 окт.) была опубликована статья В.Вейдле о стихах И.Чиннова и Ю.Иваска «Жрецы единых муз». Следующая появилась в «Новом журнале» (1976. № 123).

...как пишет Kirsti... — Kirsti — жена А.Бахраха. В письмах к И.Чиннову она писала именно так: «Целую руку (поэта)».

21. И.В.ОДОЕВЦЕВОЙ

1 мая 1976 г., Нашвилл (США).

С. 186. *И уверен, что Седых поместит... после Плетнева.* — Статья И.Одоевцевой о шестой книге стихов И.Чиннова — «Пасторали» была напечатана в «Новом русском слове» (1976. 16 мая). Статья Р.Плетнева «О поэзии Игоря Чиннова» появилась в «Новом русском слове» 26 апреля 1976 г.

...написала уже Боброва. — Статья Эллы Бобровой «Игорь Чиннов... Пасторали» опубликована в журнале «Современник» (Торонто, 1976. Кн. 30–31. С. 195–197).

С. 187. «*Старый русский Пеликан*»... — Чиннов имеет в виду строки из стихотворения М.Лермонтова «Два великана»:

В шапке золота литого
Старый русский великан
Подждал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

Имя мое в Вашем стихотворении... — Одоевцева включила в сборник стихотворений «Портрет в рифмованной раме» (Париж, 1976. С. 10) стихотворение, обращенное к И.Чиннову:

Открытка — море, и скала,
И на скале три пеликана.
И я подумала:

Бодлер не прав,
 Поэт не альбатрос, а пеликан —
 Ведь отрывает он от сердца своего
 Куски, сочащиеся кровью,
 Звонящие живую болью,
 И превращает их в стихи,
 Кормя свои стихи собою,
 Как кормит пеликан своих птенцов
 Своею плотью.

Мне это ясно стало,
 Так ясно, что себя я вдруг —
 На мимолетное мгновенье —
 Увидела зобастым пеликаном,
 С широковейнными крылами,
 Среди моря, на скале.
 Со мною рядом
 Увидела я тоже пеликаном
 Вас, Игорь Чиннов, Вас, недавно
 Приславшего открытку мне.

И тут же рядом, на скале —
 Совсем как на открытке —
 Сидел и третий пеликан
 Точь-в-точь такой же, как мы с вами.

Но не поэт, а птица-пеликан.

1975

...о сборнике Jal Verlag'a, Сечкарева... — Издательство Jal-Verlag выпустило «Собрание стихотворений» Г.Иванова (Вюрцбург, 1975), подготовленное Всеволодом Сечкаревым и Маргарет Далтон.

22. В.В.ВЕЙДЛЕ

4 августа 1976 г. Нашвилл (США).

С. 187. *...над... Вашей статьей я почти что «слезами облился»...* — Рецензия В.Вейдле на книгу стихов И.Чиннова «Пасторали» была напечатана в «Новом журнале» (№ 123. С. 252–255).

С. 188. *«Егорушкин» отзыв...* — Речь идет об отзыве Ю.Иваска на книгу воспоминаний В.Вейдле «Зимнее солнце» (Вашингтон:

Изд-во В.Камкина, 1976), опубликованном в «Новом журнале» (1976. № 123. С. 235–239).

Перелешин — под Ходасевича. — Речь идет о стихотворении В.Перелешина «Свадьба». — См.: Новый журнал. 1976. № 123. С. 96.

...корреспондентка Чуковского Сося Г. — Чиннов имеет в виду публикацию Л.Ржевского «Загадочная корреспондентка Корнея Чуковского» (переписка К.И.Чуковского с Р.Н.Гринбергом. 1964–1967) в «Новом журнале» (№ 123. С. 98–164).

Плетнев: на сей раз весьма дельно и толково. — Р.Плетнев поместил привлекающую внимание И.Чиннова статью «Закат демократии» (С. 202–211).

Порадовал меня Бахрах: написал о «Пасторалях» хороший скрипт. — А.Бахрах написал «скрипт» — текст выступления на радиостанции «Свобода».

Е.б.ж. — «если буду жив» — так писал в письмах Л.Н.Толстой.

23. В.Ф.МАРКОВУ

25 февраля 1977 г., Нашвилл (США).

С. 189. *...собираю участников для «Poetry Reading» AATSEEL'a.* — Ежегодно в рождественские каникулы в одном из городов США 3–4 дня проводится конференция Американской ассоциации преподавателей славянских и восточноевропейских языков («American Association of Teachers of Slavic and East European Languages» — AATSEEL; основана в декабре 1941 г. профессором Arthur P.Coleman. См. об этом в журнале «Русский язык». США, 1966. № 77–78). Там есть поэтическая секция, где проходят Поэтические чтения, для которых И.Чиннов и собирал в тот год участников.

...Ржевский... замещен мгновенно третьеволновиком. — В 1977 г. Л.Ржевский, бывший тогда помощником главного редактора в «Новом журнале», ушел из редакции. И его место занял писатель третьей волны Виктор Енютин. Но уже в 1978 г. в письме от 14 марта Г.Андреев (Хомяков), который с марта 1975 г. по июнь 1977 г. был соредактором Романа Гуля в «Новом журнале» (№ 118–127), писал И.Чиннову: «...Гуль недавно позвонил Ржевскому и сказал, что “выгнал Енютину” — зазнался, начал, дескать, хамить и т.д. ...Новейших, говорит, брать невозможно: это, говорит, не русские, и не евреи, а советские, генерации еще неизвестной и невозможной. Постепенно, кажется, к такому заключению приходят и аме-

риканцы» (ИМЛИ РАН. Отдел рукописей. Архив И.В.Чиннова. Ф. 614).

С. 190. *Гуль, написавший про хама...* — Статья Р.Гуля «Прогулки хама с Пушкиным» была опубликована в № 124 «Нового журнала» (1976).

Вот тот же Ржевский в «Конце Сергея Сергеевича»... — Повесть Л.Ржевского «Конец Сергея Сергеевича» была напечатана в № 125 «Нового журнала» (1976. С. 6–43).

...новоявленным полунебезжам-полунебезждам из «Третьего Завета»... — Под полунебезжами-полунебезждами И.Чиннов подразумевает эмигрантов третьей волны 1970-х гг. из СССР.

Но что с Вейдле? Два рассказа, оба о несостоявшейся любви. — В.Вейдле напечатал в «Новом журнале» рассказ «Четыре дня» (1976. № 124) и повесть «Белое платье» (1977. № 129).

Елагин в простоте душевной ужаснулся стриптизу... — Чиннов имеет в виду сборник стихотворений И.Елагина «Под созвездием топора» (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1976).

От стриптиза Андрюшу Вознесенского слеза прошибла... — «В ревью танцовщица раздевается, дуря. / Реву?...» — строка из стихотворения А.Вознесенского «Стриптиз» («40 лирических отступлений из поэмы “Треугольная груша”». 1962)

24. Ю.П.ИВАСКУ

28 февраля 1978 г., Нашвилл (США).

С. 190. *Эпиграмма — всегда знак внимания...* — В письме Ю.Иваска И.Чиннову, помеченном февралем 1978 г. (ИМЛИ РАН. Отдел рукописей. Архив И.Чиннова. Ф. 614.), Иваск приводит такую эпиграмму:

ЧИННОСТЬ

Есть чинные поэты и стихи,
Отрада дев и старцев умиленье.
Но лирикой полны и петухи,
Выкрикивающие наслажденье.

Российской зарубежности Эол,
Поэт слова для нежности нашел,
И все они живут игрой невинной
Поэзии, как ветер беспричинной.

Ниже Иваск пишет: «Эти стихи мне прислал АРХ. ИОАНН и наказал 1) угадать автора и 2) послать Чиннову для запроса». Рядом с эпиграммой, намекая на ее автора, Иваск нарисовал схематичный портрет архиепископа. Архиепископ Иоанн (Шаховской) писал стихи и печатал их под псевдонимом Странник.

С. 191. *Письмо твое в Р.М., ответ В. В-чу...* — Имеется в виду письмо Ю.Иваска в редакцию «Русской мысли». — См.: Иваск Ю. Отклик на интервью В.Вейдле // Русская мысль. 1978. 23 нояб.

...с В.Н.Ильиным, который... писал, что лучшее у Пушкина и Лермонтова — религиозная поэзия. — У В.Н.Ильина в «Новом журнале» (1977. № 128) была статья «Религия и искусство», где он пытался доказать важность религиозной темы в творчестве русских поэтов.

Обнимаю обоих животных. — Так И.Чиннов шутливо называл Ю.Иваска и его жену Тамару.

25. Ю.П.ИВАСКУ

1 мая 1978 г., Дейтона-Бич (США).

С. 192. *Азиниссимум — Азинус* — русская калька с лат. asinus — осел. Так шутливо называл Ю.Иваска И.Чиннов. По рассказам И.Чиннова, прозвище возникло во время спора о творчестве Шагала в поезде по дороге в Мексику. В окно вагона они увидели пасущегося ослика, и Чиннов сказал Иваску, что тот спорит с таким же упрямством.

«IV волна» — так И.Чиннов и Ю.Иваск называли молодежь в России, живо интересующуюся литературой русского зарубежья.

Апельсин, Оранже, Цитрусовый плод — шутливые имена друга Ю.Иваска и И.Чиннова проф. Аркадия Ростиславовича Небольсина.

Оська — имеется в виду И.Бродский.

...я рад, что Тебя «самиздают» в Москве... — У Ю.Иваска в самиздате вышла поэма «Играющий человек» (1977), в 1988 г. книга была переиздана в издательстве «Третья волна» (Париж—Нью-Йорк).

С. 193. ...вчера милейшее письмо от В.В.В. — благодарит за отклик... — Говоря об отклике на «Белое платье», Чиннов имеет в виду «отклик» в своем письме к В.Вейдле.

А Бахраха ты недооцениваешь... Статья его — по следам двух скриптов... — А.Бахрах написал две статьи о поэзии И.Чиннова:

«Один из последних» (Русская мысль. 1978. 16 февр.), «Спирали и параболы: О поэзии Игоря Чиннова» (Новое русское слово. 1978. 25 июня). А.Бахрах работал на радиостанции «Свобода» (Мюнхен), где и подготовил тексты (скрипты) передач о поэзии И.Чиннова.

С. 194. *Варнава Препотенский* — персонаж романа Н.Лескова «Соборяне».

Его поэма в Современнике легка... но мелка, скучна и без... удач. — В журнале «Современник» (Торонто, Канада) напечатаны первые шесть частей «Поэмы без предмета» (1977–1980) В.Ф.Перелешина. Полностью поэма была опубликована в 1989 г. (Холиоок, США).

Он хотел ответить на «Играющего ослика»... — Имеется в виду поэма Ю.Иваска «Играющий человек».

Лимон — Эдуард Лимонов.

26. А.В.БАХРАХУ

28 июня 1978 г., Дейтона-Бич (США).

С. 194. *И спиралы, и параболы завтра дойдут до меня...* — В «Новом русском слове» от 25 июня 1978 г. была напечатана статья А.Бахраха «Спиралы и параболы» о творчестве И.Чиннова.

С. 195. *...конечно, у Струвия много заслуг! И я поздравил его, преодолев антипатию.* — В мае 1978 г. Глеб Струве отметил свое восьмидесятилетие, с чем его Чиннов и поздравил. Струве издал исследование «Русская литература в изгнании» (Нью-Йорк, 1956), где об И.Чиннове, авторе тогда еще единственной книги «Монолог», пишет вполне объективно.

Хорошо, что одернули зазнайку Эткинда... — Е.Эткинд, эмигрировавший из СССР в 1970-е гг., находясь уже на Западе, счел возможным поставить знак равенства между поэзией З.Гиппиус и Демьяна Бедного, считая их равно идеологизированными поэтами с разной окраской, но одинаковой сущностью.

27. Р.Б.ГУЛЮ

3 июня 1978 г., Дейтона-Бич (США).

С. 196. *RLT* — Russian Literature Triquarterly — ежеквартальный журнал «Русская литература в переводах на английский язык». Выходит в издательстве «Ардис Анн Арбор» с 1971 г. Редактор — Карл Проффер.

28. Ю.П.ИВАСКУ

4 июля 1978 г., Дейтона-Бич (США).

С. 196. *Спасибо за херох Ариэля...* — Чиннов имеет в виду московского поэта и переводчика Е.В.Витковского.

С. 197. *Антология, «задуманная» Шах-княгиней...* — Задуманный З.Шаховской «Русский альманах» был издан в Париже в 1981 г.

Как антология Финка? — Речь идет об антологии эмигрантской поэзии 1917–1975 г. «Вне России» (сост. Билл Чалзма) со вступительной статьей Ю.Иваска. Антология вышла в Мюнхене в 1979 г. в издательстве «Вильгельм Финк Верлаг».

Поздравляю с... «Игрой, которая продолжается»... — «Игра продолжается» (Стихотворения 1970–1978) — самиздатский сборник стихотворений Ю.Иваска, появившийся в Москве в 1978 г. В названии сборника прослеживается связь с автобиографической поэмой Иваска «Играющий человек», напечатанной в 1973 г. в трех номерах парижского журнала «Возрождение» (№ 240–242), в 1977 г. — в самиздате. Отдельным изданием поэма Иваска вышла в издательстве «Третья волна» (Париж—Нью-Йорк, 1988). На обложке издания воспроизведена картина Ю.Иваска «Играющий человек».

Твой «Памятник» очень одобряю... — Самиздатский сборник стихотворений Ю.Иваска «Игра продолжается» открывается стихотворением «Памятник» (именно о нем пишет И.Чиннов):

ПАМЯТНИК

Хрупче слюды. Зря рукотворный памятник
Мой. Неровня пирамиде Хеопсовой.
Ливнями смоеся, бурей сломаеся:
Жертва охриплого ветхого Хроноса.
Ныне, мгновенный, есть, явный, вне времени.

Пусть умру: льется поэзия вечности
Льдистой России, кактусовой Мексики,
Мраморной Еллады или Италии,
Галилеи дальней, овновой, пальмовой.
Одаряя рай не цветами радуги:
Виноградной волной утлой Венеции,
Солнцем-яшницей грузной Фландрии,
Розами, дымами тощей Испании.

Следуя Данту, Донну, Державину,
 Человек я, с горя резво играющий;
 Северный; розгой, крапивой венчаемый;
 Славлю речью, родной, Мастера Господа.

1975–1978

29. В.В.ВЕЙДЛЕ

8 июля 1978 г., Дейтона-Бич (США).

С. 199. А «Младые лета»? Их жду с большим нетерпением. — «Младые лета» — книга воспоминаний, которую В.Вейдле готовил в последние годы жизни. По-видимому, она должна была явиться продолжением книги «Зимнее солнце: Из ранних воспоминаний», вышедшей в изд-ве В.Камкина (Вашингтон, 1976).

Ждет Милый Поэт и продолженья «Позднего ропота»... — «Поздний ропот. Записи недавних лет» — размышления В.Вейдле о современности и техническом прогрессе. Внимание И.Чиннова привлекла первая запись, помеченная 1895 г.: «Изобретены автомобиль, самолет, телефон, психоанализ. Угроздило же меня родиться в таком году» (Новый журнал. 1975. № 118. С. 182).

30. Б.А.НАРЦИССОВУ

19 августа 1978 г., Дейтона-Бич (США).

С. 200. ...написал Вам, благодаря за Звездную Птицу... — «Звездная птица» — шестой сборник стихотворений Б.А.Нарциссова, вышедший в Вашингтоне в 1978 г. Сборник включает тексты пяти предыдущих сборников стихотворений Нарциссова: «Стихи» (Нью-Йорк, 1958), «Голоса» (Франкфурт-на-Майне, 1961), «Память» (Вашингтон, 1965), «Подъем» (Левен, 1969), «Шахматы» (Вашингтон, 1974), а также 15 стихотворений, не публиковавшихся в сборниках.

31. В.В.ВЕЙДЛЕ

19 августа 1978 г., Дейтона-Бич (США).

С. 200. *За Langage Mimétique ...тысячу раз благодарю...* — Вейдле в то время был, пожалуй, больше известен западному читателю, чем русскому. За рубежом, в том числе и в Японии, у него выходили научные труды.

С. 201. *Самиздат... Они не станут рисковать и тратиться из-за «беллетристики».* — «Беллетристика», о которой идет речь, — это повесть «Белое платье» (Новый журнал. 1977. № 129). Чиннов, как и многие друзья В.Вейдле, очень сожалел, что писатель обратился к художественной прозе, считая, что «Белое платье» и роман «Вдвоем друг без друга» (Новый журнал. № 135–137) — серьезная неудача.

«*О тех, кого уж нет*» — серия статей В.Вейдле в «Новом русском слове».

С. 202. *NRF* — известный французский журнал *Nouvelle Revue Française*.

32. В.В.ВЕЙДЛЕ

21 октября 1978 г., Дейтона-Бич (США).

С. 202. *...очень-очень полюбился мне «стишок»...* — Вероятно, полюбившийся Чиннову «стишок» В.Вейдле — стихотворение «Похвала фотографии» (июнь 1978 г.). Стихотворение это В.Вейдле включил в сборник «На память о себе. Стихи» (Париж: Рифма, 1979):

ПОХВАЛА ФОТОГРАФИИ

Два старика на скамье под деревьями: Фет и Полонский,
Седобородые оба, кряжисто-крепкие оба, —
Боже, какие у них пиджачищи, штаны, сапожищи!
Девятнадцатый век, тяжело шагая к закату,
Взрачивать пренебрегал «Феокритовы нежные розы» —
Ведь уже и Толстой, Алексей, в лицо рассмеялся стихами
Деве (с разбитою урной), Пушкиным славно воспетой.

Но старики повоюют. Полонский выпрямил плечи,
Жестом ораторским, или «гражданским», руку приподнял,
Зычно сейчас зазвучит надтреснутый старческий голос;
Фету стихи он прочтет, а тот, добродушно нахмурясь,
Приготовляется слушать, сам, в свой черед полагая
Другу еще раз поведать о «шепоте — робком — дыханье»,
Миру всему показав, что музы их живы и юны.

Слава фотографам! Их небожественной матери слава!
Живописцы, ваятели всех веков простодушно старались
Встретить в поэте поэта, явить его миру поэтом.

Редко того достигая, прибежали к нарядам, эмблемам...
 Нынче все их потуги пресек правдивый фотограф:
 Нас он, лаврам наперекор и всем аллегориям, учит,
 Что поэты — люди как люди; разве только, быть может,
 Светочувствительней прочих. А свет — и поэзия — в Боге.

Июнь 1978

К этому стихотворению В.Вейдле сделал следующие пояснения:
 «К стихотворению “Похвала фотографии”. Оно имеет в виду снимок, изображающий Полонского в гостях у Фета, 80-х годов, воспроизведенный напротив стр. 320, в Полном Собрании Стихотворений Фета, Библиотека Поэта, 1959. — А.К.Толстой высмеял Царскосельскую деву Пушкина двустушием:

Чуда не вижу я тут. Генерал-лейтенант Захаржевский,
 В урне той дно просверлив, воду провел чрез нее». —

См.: Вейдле В. На память о себе. Стихотворения 1918–1925 и 1965–1979. Париж: Рифма, 1979. С. 28, 73.

...мой корреспондент Женя... — Евгений Витковский. С Витковским И.Чиннов переписывался в 1970–1980-е гг.

С. 203. «Ариэль» — девятый сборник стихотворений В.Перелешина (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1976).

33. Ю.П.ИВАСКУ

7 ноября 1978 г., Дейтона-Бич (США).

С. 203. *Уважаю польскую культуру за многое. Но...* — В этом отрывке Чиннов разбирает стихотворение Ю.Иваска «Папа Иоанн Павел Второй. Приветствие Православного»:

ПАПА ИОАНН ПАВЕЛ ВТОРОЙ. ПРИВЕТСТВИЕ ПРАВОСЛАВНОГО

Кто Речи Посполитой дольше-больше,
 Изнемогая на Кресте, страдал?
 Тысячелетней верности закал.
 Сегодня низко кланяемся Польше.

Из-под земли карпатский самородок...
 Ему, достойному, Петра Кольцо.

Округлое славянское лицо
И римский выдвинутый подбородок.

Языки злобы, зная-обличая:
Он Иоанн и Павел. Овн и лев.
Сыновняя любовь и отчий гнев.
Понтификата обновленья чаю.

17 октября 1978 г.

С. 204. *...но я бы не печатал больше о сестре-соседке...* — Чиннов критикует цикл Ю.Иваска из четырех стихотворений, посвященный Эмили Дикинсон (1830–1886) — американской поэтессе, жившей в Амхерсте (штат Массачусетс), где прожил последние годы жизни и Иваск. Два стихотворения из этого цикла были напечатаны в «Новом журнале» № 118 (1975. С. 92–93).

ЭМИЛИЯ ДИКИНСОН

Спондеями стуча, будила
Глубокой ночью петухов.
Из вечности — не из могилы
Эмили-сестрицы зов.

I

В моей новоанглийской Званке,
Где взаперти дышали Вы,
Что лучше может быть изнанки
Лимонно-золотой листвы.

Осенне-ясная чеканка
Ладшки звездной на виду.
Эмилия-сестра-беглянка,
Я с Вами под руку иду.

И скатертку-самобранку
Стелили ангелы, шурша.
Стихи: не смертные останки,
А Ваша и моя душа.

Какая царская осанка
У клена-полумертвеца.
Сияла, опадая, Званка:
И ни начала, ни конца.

II

Эмилия-покойница — живая
 Не за своей девичьей кисеей —
 Оконной дымкой, а опережая
 Блаженства — разлетевшейся собой —

И одаряя очи, а не уши —
 Листка, подкинутого серебром,
 Лежанкой мшистой или грудью груши,
 Фарфоровыми просинями — льдом,

Дубовой бронзой с лезвиями, ржавой
 Рябиной — апельсиновым огнем,
 Брусничинами крови клена — славой,
 Которая сейчас, а не потом...

Зияние, сияние, избыток:
 Эмилии осенняя псалтырь.
 А воздух — едко-яростный напиток:
 Амврозия по вкусу нашатырь.

«Распад атома» (1938) — книга Г.Иванова.

...Мексика у тебя нарушает стиль, как в Афанасьевском переулке... — Ю.Иваск в детстве жил в Москве в Афанасьевском переулке.

Уединенный тмится? — Чиннов критикует стихотворение Ю.Иваска «Розанов»:

РОЗАНОВ

Евгению Барбанову

Хотя бы и в хибарке мексиканской,
 Где вместе: роза, крест, овечий кал —
 Премудростью родимого Мещанска
 Мой Розанов обоих умудрял.

Рай? Яблоко? А никакой корысти...
 Подайте малосольный огурец.
 Что лучше тульской — самоварной жисти:
 С мякиной даже — на худой конец.

Что дух? И что душа? Милей душонка.
 Ее чистилище: седьмой полук.
 Ее благословение: иконка.
 Что далее: как будто невдомек.

А угол есть: уединенный. Тмится...
 Но за геранью вспыхнувший сполох.
 На кухне скрипнувшая половица.
 Глубокий вздох. И — ниоткуда Бог.

1 ноября 1978 г.

Корчула: «Узорочье»... — Речь идет о статье под псевдонимом Корчула о творчестве Ю.Иваска, присланной из СССР.

34. В.В.ВЕЙДЛЕ

1978 г., Дейтона-Бич (США).

С. 205. *...похвалили человечка в коробке сардинок...* — Речь идет о стихотворении И.Чиннова «Я недавно коробку сардинок открыл...». — См. наст. издание. Т. 1. С. 444.

Да, есть там голлербаховская — и неплохая... — Статья С.Голлербаха «Заметки художника» была напечатана в № 132 «Нового журнала» (1978).

Адамович написал рассказ... Оцуп — роман, Г.Иванов — пол-романа. — Имеются в виду: рассказ Г.Адамовича «Рамон Ортис», напечатанный в журнале «Числа» (1931. № 5. С. 32–43), роман Н.Оцупа «Беатриче в аду» (Париже, 1939) и роман Г.Иванова «Третий Рим».

«Повести Белкина голы как-то». — См.: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 6. М., 1934. С.188.

Вот в «Зимнем Солнце» описание музыки... — имеется в виду книга В.Вейдле «Зимнее солнце» (Вашингтон: Изд-во В.Камкина, 1976).

Лосский... кончил воспоминаниями... — Н.О.Лосский в конце жизни написал «Воспоминания. Жизнь и философский путь». — См.: Вопросы философии. М., 1991. № 10–12.

Зеличка — героиня прозы В.Вейдле.

35. В.В.ВЕЙДЛЕ

12 июля 1979 г., Дейтона-Бич (США).

С. 206. *...восьмистопные ямбы «Геракла» не распадаются...* — Имеется в виду «Костер Геракла» — стихотворение В.Вейдле, написанное в июле 1978 г., позже включенное в сборник «На память о себе» (Париж, 1979. С. 32–34).

С. 207. *Вспомнился Тезей Андре Жида...* — «Тезей» — повесть А.Жи-да, написанная в 1942–1945 гг., когда он жил в Северной Африке.

«*Фамира Кифаред*» — драма И.Ф. Анненского, написанная в 1906 г. Издавалась в Москве в 1913 г. и в Петрограде в 1919 г.

36. А.СЕДЫХ (Я.М.ЦВИБАК)

1 сентября 1979 г., Дейтона-Бич (США).

С. 208. ...*шлю «на Ваше усмотренье» мой hotpage...* — Подборка стихов И.Чиннова «На смерть Владимира Вейдле» была напечатана в «Новом русском слове» 23 сентября 1979 г.; в нее вошло и впервые напечатанное стихотворение «Памяти Владимира Вейдле» («Вы говорили нам, что если Бога нет...») (см. наст. издание. Т. 1. С. 525).

37. о. КИРИЛЛУ ФОТИЕВУ

28 декабря 1979 г., Дейтона-Бич (США).

С. 209. ...*случилось это в отчете о нашем с Ю.П. злополучном вечере у о. Киселева...* — Речь идет о поэтическом вечере И.Чиннова и Ю.Иваска в зале им. Рахманинова при Серафимовском фонде 30 декабря 1978 г.

38. Б.ЧАЛЗМЕ

30 декабря 1979 г., Дейтона-Бич (США).

С. 210. ...*поздравляю... с выходом твоей антологии...* — Имеется в виду «Вне России. Антология эмигрантской поэзии. 1917–1975». Редактор Н.W.Tjalsma (Chalsma) (США, 1978).

...*финансовый неуспех гр. Комаровского...* — В издательстве «Вильгельм Финк Верлаг» в Мюнхене в 1979 г. вышла книга графа В.А.Комаровского «Стихотворения и проза», подготовленная Ю.Иваском и Б.Чалзмой.

Переведешь ли, если я тебе пришлю несколько? — Книга переводов Б.Чалзмы, о которой идет речь, так и не вышла. Чиннов считал, что переводы его стихов почти всегда неудачны, а может быть, и невозможны.

39. Ю.П.ИВАСКУ

25 января 1980 г., Дейтона-Бич (США).

С. 211. ...*«подмочена» репутация ВВ... смешноватостью его предсмертных писаний...* — Под «смешноватостью предсмертных

писаний» подразумевается проза В.Вейдле, к которой ни Чиннов, ни Ю.Иваск не относились серьезно, считая ее недостойной Вейдле.

С. 212. *Юзвигг пишет, что секция на два часа...* — Профессор русского языка и литературы из Университета в Милуоки Е.Ф.Филиппс-Юзвигг пишет, видимо, об очередной ежегодной конференции Американской ассоциации преподавателей славянских и восточно-европейских языков (AATSEEL) (см. примеч. к письму № 23).

Перелеший — В.Ф.Перелешин, *Фотий* — о Кирилл Фотиев. Письмо Перешелина не сохранилось.

Дмитрий Дудко — священник, выступал в защиту диссидентов в СССР, был арестован 15 января 1980 г. Андрей Дмитриевич Сахаров (1921–1989), физик, общественный деятель, акад. АН СССР (1953), в 1979 г. был сослан органами госбезопасности в Горький под домашний арест, где и пробыл до 1985 г.

40. Ю.П.ИВАСКУ

3 марта 1980 г., Дейтона-Бич (США).

С. 212. *...теперь свистопляска во славу Внука и Солнчего...* — «Внук» — возможно, имеется в виду литературовед из Москвы А.Н.Богословский, с которым Ю.Иваск переписывался. Солнчий — так Ю.Иваск часто называл своего друга, поэта третьей волны эмиграции Д.Бобышева, живущего в США.

О вкусах — или хорошо, или ничего. — Соединение двух латинских изречений: «О вкусах не спорят» (*De gustibus non (est) disputandum*) и «О мертвых или хорошо, или ничего» (*De mortuis aut bene, aut nihil*).

С. 213. *А «Если бы...» — и живо, и со множеством мелких удач...* — «Если бы не было революции» — незаконченная историко-фантастическая повесть Ю.Иваска, части из которой были опубликованы в «Русской мысли» (1980. 11 дек.; 1981. 22, 29 янв., 12, 19 марта).

42. Ю.П.ИВАСКУ

22 апреля 1980 г., Дейтона-Бич (США).

С. 214. *Цитрусовый плод. Как ослиная левая нога желает...* — А.Р.Небольсин написал статью о поэзии И.Чиннова и Ю.Иваска «Поэзия ада и рая». Статья не была напечатана.

С. 216. *Собака* — так в шутку И.Чиннов называл Тамару Георгиевну Иваск.

45. В РЕДАКЦИЮ «НОВОЙ ГАЗЕТЫ» (НЬЮ-ЙОРК)
31 августа 1980 г., Дейтона-Бич (США).

С. 218. *Юрий Штейн* — заместитель главного редактора «Новой газеты» Евгения Рубина.

...я «показан» в Вашей интересной газете. — В номере «Новой газеты» от 9–14 августа 1980 г. были напечатаны стихи И. Чиннова «Живу изящными уютами...», «Из шелухи, из чепухи...» (пропущена последняя строфа), «Я недавно коробку сардинок открыл...». — См. наст. издание. Т. 1. С. 380, 381, 444.

46. В.П.БЕТАКИ
11 ноября 1980 г., Дейтона-Бич (США).

С. 219. *Ведь заметку-то Вашу прочел я всего лишь позавчера!* — Рецензия В.Бетаки на «Антитезу» И. Чиннова была напечатана в журнале «Континент» (№ 25).

47. Б.В.ПЛЮХАНОВУ
1 декабря 1981 г., Дейтона-Бич (США).

С. 220. *Пражский Скит поэтов* сформировался в начале 1920-х гг. Руководил кружком известный историк литературы А.Л.Бем (1886–1945). В пражское содружество поэтов входили Вяч. Лебедев, А.Эйснер, А.Фотинский, К.Ирманцева, Н.Болесцис. — См.: Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж—Москва: YMCA-Press — Русский путь, 1996. С. 58.

Ник. Андреев недели 2 назад... прославил... — Статья Ник. Андреева о Е.Климове была напечатана в газете «Русская мысль» (Париж, 1981. 12 нояб.), в статье воспроизводились портреты (работы Е.Климова) И.Елагины, Н.Коржавина и И.Чиннова. Эти портреты были и в наборе из восьми открыток с зарисовками Е.Климова, сделанными «с натуры при встречах с русскими поэтами и писателями зарубежья с 1935 по 1977 г.». Набор открыток был напечатан в Канаде и назывался «Портреты и писатели русского зарубежья». В него вошли портреты И.Ильина, И.Шмелева, П.Востокова, А.Солженицына, Р.Гуля, Ю.Иваска, И.Чиннова, И.Елагины, А.Седых, Н.Ульянова, Н.Коржавина, П.Муравьева.

С. 221. *Владыка в ответах ему меня защищал...* — Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) (поэтический псевдоним — Странник) в 1926 г. был редактором журнала «Благонамеренный», названного в честь русского журнала XIX в. Архиепископ Иоанн

выступал с религиозными программами на радиостанции «Голос Америки».

В 1981 г. в Париже вышла книга Странника «Переписка с Кленовским», которую автор подарил И.Чиннову с надписью «Дорогому Игорю Чиннову, изящнейшему поэту наших дней, шлю сей привет как память о горячей душе собрата, честной в своих чувствах, но иногда ошибавшейся, как все мы. Сердечно. Странник». Странник намекает на несогласие с некоторыми письмами покойного Д.Кленовского, вошедшими в книгу, например с теми, которые цитирует Чиннов в этом письме.

...сестра его... издала «Р. Альманах»... — «Русский альманах» был издан в Париже в 1981 г. Зинаидой Шаховской, Рене Герра и Евгением Терновским тиражом 1000 экземпляров. Ю.Иваск назвал альманах «последним смотром первой эмиграции». В альманахе напечатаны пять стихотворений И.Чиннова: «Морщины — трещины. От времени, от бремени...», «Все загадки бытия...», «По долине пролегает путь извилистый земной...», «Я думал перевоплотиться...», «Кто может сосчитать морской песок?...» — См. наст. издание. Т. 1. С. 453, 467, 492, 493, 500.

49. Ю.П.ИВАСКУ

22 января 1982 г., Дейтона-Бич (США).

С. 223. *Боба* — Д.В.Бобышев.

Затем я ходил по музеям. Был... на Park Av. — И.Чиннов рассказывает об улицах в центре Нью-Йорка и о музеях. Whitney — музей американского искусства. Соорег Hewitt — музей дизайна. Metropolitan — музей изобразительного искусства.

...слышали мое чтение о «нейтронной бомбе»... — По «Голосу Америки» И.Чиннов читал свои стихи, в том числе стихотворение «Нейтронная бомба не тронет меня...» (см. наст. издание. Т. 1. С. 462). Это выступление подготовила сотрудник радиостанции поэтесса Ираида Легкая.

Боба и я дали интервью... — Интервью, взятое Михаилом Моргулисом, появилось в журнале «Литературный курьер» № 3 за 1982 г.

С. 224. *о. А.* — возможно, нью-йоркский священник отец Александр Киселев.

«Пути р. богословия». — Имеется в виду книга Георгия Флоровского «Пути русского богословия» (одно из изданий — Вильнюс, 1991).

С. 225. *Получил Величк-ого.* — В 1981 г. в «Новом журнале» № 144 (с. 49–55) был напечатан рассказ А.Величковского «Дар победы». Возможно, И.Чиннов имеет в виду его.

Вика — по-видимому, имеется в виду Виктория Швейцер, соседка Ю.Иваска.

50. Ю.П.ИВАСКУ

15 февраля 1983 г., Дейтона-Бич (США).

С. 225. *...приходится Юрию Чиннову просить Игоря Иваска...* — Опубликованная в газете «Новое русское слово» (1983. 9 янв.) подборка стихов И.Чиннова была ошибочно озаглавлена «Стихи Юрия Чиннова».

Стихотворение «Займите где-нибудь...» было напечатано в № 23 журнала «Континент» за 1980 г. — См. наст. издание. Т. 1. С. 447.

«*Ушедшим*» — стихотворение Ю.Иваска:

Простите, если можете, простите
За втайне пожираемый чеснок,
За явный дым. Еще за ноги прыти,
За руки-хватки, за хромой стишок.

За синий снег и смуглую пшеницу,
За ржавый лес и русский долгунец,
За иззелена белую зарницу...
За то, что я жилец, а не мертвец.
Как дышится? Как можется? — Иначе
Без очной ставки розы и пчелы,
Звезды и бездны... Или — наипаче
Что мило вам? А вы еще милы.

Чем окормлю гостей? — Боровиками...
А вы давненько перестали есть.
Родные, неужели вы не с нами
В раю, нирване... или же: невесть...

Цепляешься за жизнь? А почему же —
Хвалящий — на земле родился я?
Поэтому свидетельствую: — Хуже
Везде, где не было меня.

9–11 августа 1979 г.

Грибоедов — очень. — Речь идет об опубликованных Ю.Иваском заметках «Похвала Российской поэзии» (см.: Новый журнал. 1983. № 150. С. 90–104). Разбору «Горя от ума» А.Грибоедова посвящена заключительная часть статьи.

У вас же там «снега́, снега́, снега́...» — Строка из стихотворения Г.Иванова «Россия счастье. Россия свет...».

...Снега, снега, снега... А ночь долга,
И не растают никогда снега...

Напечатано в сборнике Г.Иванова «Отплытие на остров Цитеру» (Берлин, 1937).

51. Ю.П.ИВАСКУ

16 февраля 1983 г., Дейтона-Бич (США).

С. 226. *Сварливый старческий задор.* — Стихотворение И.Чиннова «Вместе дошли до седьмого круга...» (см.: наст. издание. Т. 1. С. 508), вошедшее в книгу «Автограф», было написано поэтом под впечатлением желчных писем Ю.Иваска, которые он чаще стал отправлять Чиннову после смерти своей жены Тамары в 1982 г.

С. 227. «*Здесь, в пустынной Флориде, куда нас судьба занесла...»* — Чиннов изменяет первую строфу стихотворения О.Э.Мандельштама:

Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем — и через плечо поглядела. —

См.: Мандельштам О.Э. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1991. С. 63.

52. Ю.П.ИВАСКУ

15 мая 1983 г., Дейтона-Бич (США).

С. 227. «*Русло*» — задуманный Ю.Иваском и И.Чинновым журнал, на издание которого Ю.Иваск предполагал оставить по завещанию свои деньги. *Фаворит* — Дмитрий Бобышев.

С. 228. *С Апельсином в Белокаменную...* — Ю.Иваск с А.Небольсиным собирались поехать в Москву, в июле 1983 г. они решились

приехать с французской туристической группой и посетили не только Москву, но и Ленинград и Новгород.

Фаворит в НЖ. — В «Новом журнале» № 150 за 1983 г. напечатаны стихи Д.Бобышева «Сошествие во ад» и перевод Джона Донна «Из благочестивых сонетов».

Джанумов был диктором на «Свободе» очень долго... — В 1966 г. в Мюнхене (изд. «Товарищество зарубежных писателей») вышла книга Ю.Джанумова «Стихи» с предисловием Г.Адамовича. Чиннов написал рецензию (см.: Новый журнал. 1967. № 87) «по просьбе одной дамы» (как он вспоминает в одном из писем), но книги этой в библиотеке Чиннова не было, так как он, по его словам, хранил только первоклассные издания.

SEEJ — «The Slavic and East European Journal» — издание Университета в Висконсине.

Стишок Одоевцевой в «3 юбилеях»... — В альманахе «Три юбилея Андрея Седых» (Нью-Йорк, 1982) было напечатано стихотворение И.Одоевцевой «Дождь шумит по грифельной крыше» с посвящением Андрею Седых. Там же были опубликованы стихотворение Т.Фесенко «На левом берегу» и два стихотворения Л.Алексеевой: «Вид из окна» и «И снова поезд свистнул, уходя...», а также стихотворение Д.Бобышева «Сигнал». И.Чиннов поместил в этом альманахе стихотворение «Читая "Пути-дороги"» (см. наст. издание. Т. 1. С. 523).

«Тащит нас время за зуб...» — Цитируется стихотворение В.Попадина «День рождения друга».

54. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ АДРЕСАТУ

12 августа 1983 г., Дейтона-Бич (США).

С. 230. «Спал со всех ног, со всех лодыг...» — строка из стихотворения Б.Пастернака «Смерть поэта» (1930).

55. А.СЕДЫХ (Я.М.ЦВИБАК)

9 ноября 1983 г., Дейтона-Бич (США).

С. 231. ...с удовольствием увидел в Новом Русском три чинновских «стихо»... — В газете «Новое русское слово» от 6 ноября 1983 г. были напечатаны стихи И.Чиннова «Нейтронная бомба не тронет меня...», «Хотя цвели, так нежно-пышно, вишни...», «Серели, желтели развалины...». — См. наст. издание. Т. 1. С. 462–464.

56. А.В.БАХРАХУ

25 августа 1984 г., Дейтона-Бич (США).

С. 232. R.L. — «Radio Liberty» — радио «Свобода», где Чиннов и Бахрах одно время вместе работали.

Спасибочки... за скорый отзыв... — Статья А.Бахраха об «Автографе» И.Чиннова появилась в «Новом русском слове» 1 сентября 1984 г.

...Вы последуете призыву Михаила Юппа... — Намек на следующее стихотворение Михаила Юппа, поэта третьей волны эмиграции:

ЧИТАЯ СТИХИ ИГОРЯ ЧИННОВА

Вчитаться в Чиннова,
В чеканный русский лад,
В чарующий эгоцентризм мышлений.

Червонцы строк —
Златым огнем горят
Для будущих
Пытливых поколений.

Вчитаться в Чиннова.
В созвучье, в падежи,
В изящную игру,
Где сам не промах.
Пить строк настой
Духмяной черемши
Под облаками
Ладожских черемух.

Чудь белоглазая
И русский человек
Переплелись, как рожь и чечевица.

Читаю Чиннова,
Чудит двадцатый век,
Кукует в средней полосе зегзица...

Филадельфия
1984

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамович Г.* Новый поэт // Новое русское слово. 1952. 20 марта.
- Адамович Г.* Стихи Игоря Чиннова // Новое русское слово. 1961. 4 июня.
- Адамович Г.* Комментарии. Вашингтон: Изд-во Виктора Камкина, 1967. С. 205.
- Адамович Г.* Игорь Чиннов. Метафоры // Новый журнал. Кн. 96. 1969. С. 287–289.
- Адамович Г.* Игорь Чиннов. Партитура // Новый журнал. Кн. 102. 1971. С. 282–284.
- Андреев Н.* Заметки о журналах // Русская мысль. 1953. 9 дек.
- Бахрах А.* Один из последних // Русская мысль. 1978. 16 февр.
- Бахрах А.* Спирали и параболы. О поэзии Игоря Чиннова // Новое русское слово. 1978. 25 июня.
- Боброва Э.* Игорь Чиннов. Пасторали // Современник. Кн. 30–31. 1976. С. 195–197.
- Богословский А.* Игорь Чиннов // Человек. 1992. № 3.
- Большачев И.* Игорь Чиннов: Последний парижский поэт // Новый журнал. 1994. № 197.
- Большухин Ю.* Об уединенной поэзии: Игорь Чиннов // Новое русское слово. 1957. 14 июля.
- Большухин Ю.* Заметки о поэзии Игоря Чиннова // Новое русское слово. 1968. 29 июля.
- Большухин Ю.* Чистая поэзия // Новое русское слово. 1969. 15 июня.
- Вейдле В.* О стихах Игоря Чиннова // О поэтах и поэзии // Мосты. Кн. 7. Мюнхен, 1961. С. 143–147.
- Вейдле В.* Два поэта (1970) // Жрецы единых муз // Новое русское слово. 1973. 16 сент.

- Вейдле В.* Те же двое (1973) // Жрецы единых муз // Новое русское слово. 1973. 21 окт.
- Вейдле В.* Игорь Чиннов. Пасторали // Новый журнал. Кн. 123. 1976. С. 252–255.
- Витковский Е.* Дань живым // Новый мир. 1989. № 9.
- Горбов Я.* Игорь Чиннов. Линии // Возрождение. № 140. 1963. С. 141–143.
- Гуль Р.* Игорь Чиннов. Линии // Новый журнал. Кн. 65. 1961. С. 298–300.
- Гуль Р.* Одвуконь. Нью-Йорк: Мосты, 1973. С. 273–275.
- Иваск Ю.* О послевоенной эмигрантской поэзии // Новый журнал. Кн. 23. 1950. С. 202–203.
- Иваск Ю.* Разбор двух стихотворений Игоря Чиннова (На правах рукописи). Изд-во Канзасского ун-та, 1959. 40 экз. С. 1–13.
- Иваск Ю.* «Линии» Чиннова // Новое русское слово. 1962. 18 февр.
- Иваск Ю.* О писаниях Валерия Перелешина // Новое русское слово. 1970. 24 мая.
- Иваск Ю.* Американская нота // Русская мысль. 1971. 15 апр.
- Иваск Ю.* Поэзия «старой» эмиграции // Сб.: Русская литература в эмиграции. Питтсбург, 1972. С. 63–65.
- Иваск Ю.* Игорь Чиннов. Антитеза // Новый журнал. 1980. № 138.
- Иваск Ю.* О поэзии Игоря Чиннова // Литературный курьер. 1985. № 11.
- Ильинский О.* Памяти Игоря Владимировича Чиннова. // Новый журнал. 1995. № 200. С. 347.
- Иссако Ю.* Рифма // Посев. № 41(280). 1951. С. 11–12.
- Коростелева А.* «Вся жизнь так грустно-коротка» (Игорь Чиннов. Загадки бытия) // Литературное обозрение. 1999. № 4. С. 92–93.
- Крейд В.* Поэт Игорь Чиннов // Новый журнал. 1995. № 200. С. 345.
- Крепс М.* Поэтика гротеска Игоря Чиннова // Новый журнал. 1990. № 181.
- Кузнецова Н.* Новый поэт // Литературная Россия. 1999. 5 нояб.
- Кузнецова О.* «Прежде, чем стать небожителем» // Литературная газета. 1992. 8 янв.
- Кузнецова О.* Прощаясь с Игорем Чинновым // Новый журнал. 1996. № 202. С. 303.
- Летаев И. (псевдоним).* Встреча (О «Партитуре»). Л.: Самиздат, 1975. С. 1–7.
- Линник Ю.* Его судьба – песочные часы (Поэзия Игоря Чиннова) // Грани. 1992. № 164. С. 151–177.
- Маковский С.* Поэзия Игоря Чиннова // Опыты. Кн. 1. 1953. С. 143–148.
- Можайская О.* Муза поет в луче // Грани. Кн. 82. 1971. С. 227–230.
- Нарциссов Б.* Поэзия Игоря Чиннова // Новое русское слово. 1975. 2 февр.

- Нарциссов Б.* Игорь Чиннов // Письма о поэзии // Новый журнал. Кн. 118. 1975. С. 73–83.
- Неннсберг Т.* Поэзия Игоря Чиннова // Новое русское слово. 1965. 10 окт.
- Одоевцева И.* Игорь Чиннов: «Партитура» // Новое русское слово. 1971. 7 апр.
- Одоевцева И.* Игорь Чиннов: «Композиция» // Новый журнал. Кн. 113. 1973. С. 283–285.
- Одоевцева И.* Игорь Чиннов: «Пасторали» // Новое русское слово. 1976. 16 мая.
- Перелешин В.* Многозначительные намеки: Поэзия Игоря Чиннова // Новое русское слово. 1970. 15 марта.
- Плетнев Р.* О поэзии Игоря Чиннова // Новое русское слово. 1976. 26 апр.
- Плюханов Б.* Игорь Чиннов // Даугава. 1989. № 7.
- Плюханов Б.* Поэт Игорь Чиннов // Блоковский сборник. XII. Тарту, 1993.
- Попов М.* «Одиссей из России» // Роман-газета XXI век. 1999. № 7. С. 100.
- Райс Э.* О четырех поэтах // Грани. № 47. 1960. С. 237–238.
- Райс Э.* Поэзия Игоря Чиннова // Возрождение. № 235. 1977. С. 131–145.
- Раннит А.* К определению поэзии // Новый журнал. Кн. 111. 1973. С. 60.
- Ржевский Л.* Строфы и «звоны» в современной русской поэзии // Новый журнал. Кн. 115. 1974. С. 135–137.
- Ростова Б.* «Монолог» Игоря Чиннова // Литературный современник. № 4. 1952. С. 95–96.
- Слоним М.* Поэзия Игоря Чиннова // Новое русское слово. 1973. 6 мая. Содружество / Сост. Т.Фесенко. Вашингтон: Изд-во В.Камкина, 1966. С. 522.
- Струве Г.* Русская литература в изгнании. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. С. 368–369.
- Тверской П. (Ник. Андреев).* Стихи раздумья и поиска // Грани. № 14. 1950. С. 191–192.
- Тератиано Ю.* Игорь Чиннов. «Монолог» // Новое русское слово. 1950. 15 окт.
- Тератиано Ю.* Игорь Чиннов. «Линии» // Русская мысль. 1961. 20 мая.
- Тератиано Ю.* Игорь Чиннов. «Линии» // Единение. 1961. 22 сент.
- Тератиано Ю.* «Метафоры» // Русская мысль. 1969. 29 мая.
- Тератиано Ю.* Новые книги: О «Партитуре» // Русская мысль. 1971. 7 янв.
- Тератиано Ю.* Игорь Чиннов: «Композиция» // Русская мысль. 1973. 8 марта.
- Тератиано Ю.* Игорь Чиннов. «Пасторали» // Русская мысль. 1976. 29 апр.
- Трубецкой Ю.* Игорь Чиннов // Портреты современников // Новое русское слово. 1953. 20 сент.
- Трубецкой Ю.* Иваск о стихах Игоря Чиннова // Русская мысль. 1960. 21 янв.

- Трубецкой Ю.* О стихах Игоря Чиннова // Современник. № 3. 1961. С. 61–63.
- Федякин С.* От мудрости — к юности // Независимая газета. 1999. 11 марта.
- Фесенко Т.* Заметки читателя // Новое русское слово. 1971. 17 янв.
- Фесенко Т.* «Я не забуду, нет, я не хочу забыть...»: Пятая книга стихов Игоря Чиннова // Современник. № 25. 1973. Ноябрь. С. 100–102.
- Фесенко Т.* Игорь Чиннов. «Автограф» // Новый журнал. 1985. Кн. 161.
- К.Ф. (Фотиев К.).* «Пасторали» Игоря Чиннова // Новое русское слово. 1977. 20 нояб.
- Шаховская З.* Стихи Игоря Чиннова // Русская мысль. 1979. 15 нояб.
- Шаховская З.* Игорь Чиннов. «Автограф» // Русская мысль. 1985. 4 апр. Columbia Dictionary of Modern European Literature. Second edition. Columbia University Press. N.Y., 1980. Pp. 161–162.
- Croft L.* The Method of Madness in a Poem by Chinnov // Slavic & East European Journal. 1973. Winter. Vol. 17. Nr. 4. Pp. 408–413. Dictionary of International Biography. International Biographical Centre. England, Cambridge, 1977. Part 1. P. 147.
- Glad John.* The American Chapter in Russian Poetry // Russian Language Journal. Num. 106. Spring. 1976. Michigan State University, East Lansing, Mich. Pp. 174–177.
- Glad John.* Russian Poetry Since the Revolution // Anthology «Russian Poetry: the Modern Period» / Ed. John Glad & Daniel Weissbort. The University of Iowa Press, Iowa City. Pp. I–III.
- Glad John.* Foreword // Чиннов И. Антитеза. Birchbark Press, 1979.
- Glad John.* Chinnov Igor // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet Literatures. Vol. 4. USA, 1981.
- Guenter Johannes v.* Die Literatur Russlands. Stuttgart: Union Verlag, 1964. Seite 222.
- Handbook of Russian Literature / Ed. Victor Terras. Yale University Press, New Haven–London, 1985. Pp. 83–84.
- Ivask George.* Igor Chinnov. Metafory // Slavic Review. 1969. Dec. Vol. 28. Nr. 4. Pp. 686–687.
- Kasack W.* О стихах Игоря Чиннова // Osteuropa. 1981. № 4. Moderne Weltliteratur seit 1954 / Herausgeber Wilpert & Ivar Ivask. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1972. Seite 714.
- Montgomery Linda Merrick.* The Early Poetry of Igor Chinnov. Cornell University, 1972. Pp. 1–20.
- Morrison R.H.* America's Russian Poets. Ardis /Ann Arbor, 1975. P. 72.
- Rannit Aleksis.* Towards a Definition of Poetry // Russian Literature Triquarterly. Nr. 3. 1972. P. 349.

- Rannit Aleksis*. Interview // Webster review. June. 1975. Nr. 4. Pp. 26–31.
- Silbajoris Rimvydas*. Igor Chinnov. Metafory // Books Abroad. Vol. 44. № 3. Summer. 1970. University of Oklahoma, Norman, Okla. P. 504.
- Terras Victor*. Игорь Чиннов. «Метафоры» // Slavic & East European Journal. Vol. 15. Nr. 1. 1971. P. 81.
- Terras Victor*. Игорь Чиннов. «Партитура» // Slavic & East European Journal. Vol. 15. Nr. 4. 1971. Pp. 511–512.
- Terras Victor*. Foreword // Чиннов И. Антитеза. Birchbark Press, 1979.
- The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet Literatures / Edited by Harry B. Weber // Academic International Press, 1981. Vol. 4. Pp. 87–90.
- World Literature Since 1945 / Ed. Ivar Ivask & Gero v. Wilpert. Frederick Ungar Publ., New York, 1973. P. 578.

СЛОВАРЬ ИМЕН

Адамович Георгий Викторович (1894–1972) — поэт, литературный критик. И. Бунин считал его первым критиком эмиграции (см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. М.: Наука, 1973. С. 679). Эмигрировав в 1923 г., Адамович поселился в Париже, где они с И. Чинновым и познакомились. Он писал критические статьи, эссе и этим зарабатывал на жизнь. Был ведущим критиком в «Звене», «Последних новостях», печатался во всех крупных эмигрантских изданиях. Он известен как главный идеолог литературного течения, названного «парижской нотой», характеризующегося нарочитой обедненностью языка, предельной простотой стиха и такой же предельной суженностью его тематики, сжатой до основных, краеугольных вопросов бытия. Воззрения Адамовича повлияли на целый ряд эмигрантских писателей, в особенности на А. Штейгера и Л. Червинскую. За рубежом у Адамовича вышли: сборники стихотворений «На Западе» (Париж, 1939), «Единство» (Нью-Йорк, 1967), сборники статей «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк, 1955) и «Комментарии» (Вашингтон, 1967), а также по-французски «L'autre patrie» (Другая родина. Париж, 1947). С 1951 г. в течение десяти лет Адамович жил в Манчестере, где преподавал в университете русскую литературу. Тогда и началась их переписка с И. Чинновым. Затем Адамович вернулся в Париж. О стихах И. Чиннова им написано несколько статей.

Алданов Марк — псевд. Марка Александровича Ландау (07.11.1886, Киев — 25.02.1957, Ницца) — писатель. С 1919 г. в эмиграции. Автор серии романов, охватывающих события русской и европейской истории с 1762 по 1948 г.

Алексеева Лидия Алексеевна (1909–1989) — поэтесса. В эмиграции с 1920 г. С 1949 г. жила в Нью-Йорке. В 1954 г. вышел первый поэтический сборник «Лесное солнце», затем появились еще четыре. Для ее стихов характерны пейзажные зарисовки, элегический настрой.

Андреев Г., Отрадин Н. — псевд. Хомякова Геннадия Андреевича (1906–1984) — писателя, журналиста, главного редактора журнала «Москвы». В России в 30-е гг. он сидел в лагере. Воевал, попал в плен к немцам. Оказавшись в Германии, эмигрировал. Жил в Мюнхене, работал на радиостанции «Свобода», где и познакомился с И.Чинновым. С 1967 г. Г.Андреев (Хомяков) жил в США. В 1975–1977 гг. Г.Андреев был соредактором Романа Гуля в «Новом журнале». Писал прозу, в основном автобиографического характера. В 1950 г. вышли повесть Г.Андреева «Соловецкие острова», потом двухтомник очерков и рассказов «Горькие воды», повести «Трудные дороги», «Минометчики».

Андреев Николай Ефремович (1908–1982) — историк, публицист, литературный критик. В Праге окончил Карлов университет, получил докторскую степень. Был членом пражского литературного содружества «Скит поэтов». В 1945 г. с приходом в Прагу советских войск был схвачен «Смершем», и более двух лет провел в советских тюрьмах и лагерях. Благодаря своему иностранному подданству был освобожден и выпущен за границу — в Берлин. С 1947 г. жил в Англии, где стал профессором Кембриджского университета. Н.Андреев — крупный специалист в области иконографии. На эту тему им написано несколько книг. Много он занимался и историей Псковско-Печерского монастыря. В эмиграции Андреев был известен и как литературный критик. В 1952–1956 гг. газета «Русская мысль» регулярно публиковала «Заметки о журналах» Ник. Андреева. Критические статьи Андреева печатались и во многих других эмигрантских изданиях. Ему принадлежит одна из первых статей о поэзии И.Чиннова — «Стихи раздумья и поиска», подписанная П.Тверской (Грани. 1950. № 14). С Чинновым они познакомились в 1954 г. в Мюнхене, куда Андреев приехал на лето и готовил для радиостанции «Свобода» еженедельные комментарии к событиям.

Анстей Ольга Николаевна (1912–1985) — наиболее известная поэтесса второй волны эмиграции. На Западе с 1943 г. Жила в Праге, Берлине, Мюнхене. С 1950 г. в США. Автор нескольких книг — стихов и переводной прозы. С 1937 г. была замужем за известным в эмиграции поэтом Иваном Елагиным.

Аполлинер (Apollinaire) Гийом (наст. имя Вильгельм Аполлинарий Костровицкий, Kostrowicki; 1880–1918) — французский поэт, автор циклов «Жизнь посвятить любви» (1917), «Бестиарий, или Кортеж Орфея» (1911), «Каллиграммы. Стихотворения Мира и Войны. 1913–1916» (1918), сборника новелл «Ересиарх и К» (1910), мистерии-буфф «Цвет времени» (1918, опубл. 1920).

Аронсон Григорий Яковлевич (1887–1968) — публицист, журналист, литературный критик, сотрудник газеты «Новое русское слово».

Ахмадулина Белла (Изабелла) Ахатовна (р. 1937) — поэтесса. Автор сборников «Струна» (1977), «Уроки музыки» (1970), «Свеча» (1977), «Тайна» (1983), «Сад» (1987; Государственная премия СССР, 1989), книги переводов и оригинальных стихов «Сны о Грузии» (1977) и др.

Ахматова Анна Андреевна (наст. фамилия Горенко; 1889, Большой Фонтан, близ Одессы — 1966, Домодедово, под Москвой) — поэтесса. Автор сборников «Вечер» (1912), «Четки» (1914), «Белая стая» (1917), «Подорожник» (1921), «Anno Domini» (1921), «Из шести книг» (1940), «Бег времени» (1965). В 1940–1965 гг. ею написаны «главные книги» — «Поэма без героя» и «Реквием». В молодости была близка к акмеистам. Первым мужем Ахматовой был поэт Н.С.Гумилев.

Бакунина Екатерина Васильевна (1889–1976) — поэтесса, писатель. Эмигрировала в 1923 г. Жила в Париже, где была секретарем редакции журнала «Числа». Потом поселилась в Лондоне. Ее стихи печатались во многих эмигрантских изданиях. Автор книги стихов и двух романов, первый из которых — «Тело» — печатался в «Числах» и был переведен на чешский и французский языки.

Барабанов Евгений — литературовед, специалист по творчеству В.Розанова.

Бахрах Александр Васильевич (1902–1985) — литературный критик, мемуарист. В 1920 г. эмигрировал в Варшаву. С 1923 г. поселился в Париже. С Чинновым познакомился в Париже после войны. Бахрах помог Чиннову при издании в 1950 г. его первой книги — «Монолог»: перепечатал рукописи на машинке. В 1950–1960-е гг. жил в Мюнхене и работал на радиостанции «Свобода». После отъезда Чиннова в США в 1962 г. они двадцать лет поддерживали переписку. В начале 70-х гг. Бахрах вернулся в Париж. Печатался во многих эмигрантских изданиях. Имел репутацию «блестящего парижанина», широко образованного, с изысканными манерами. Произвел сильное впечатление на М.И.Цветаеву, с которой познакомился заочно, в письмах — поводом послужила рецензия Бахраха на ее книгу «Ремесло» (1923). Письма М.Цветаевой Бахрах частично опубликовал в «Мостах» (1960. № 5; 1961. № 6). Бахрах был дружен с И.А.Буниним. Во время войны четыре года жил в его доме. Издал книгу воспоминаний «Бунин в халате» (США, 1979). В «Русской мысли» постоянно печатались воссоздаваемые им литературные портреты современников из мемуарного цикла «По памяти, по записям», в 1980 г. изданного в Париже отдельной книгой. О стихах И.Чиннова им написано несколько статей. Книга А.Бахраха «Бунин в халате» издана в России (М.: Согласие, 1999).

Белавина Нонна — псевд. Миклашевской Нонны Сергеевны (р. 1915) — поэтессы первой волны эмиграции, выпустившей в США четыре сборника стихотворений.

Белоцветов Николай Николаевич (1892–1950) — поэт первой волны эмиграции, литературный критик, переводчик. Участвовал в Первой мировой войне, в 1921 г. в рыбацкой лодке бежал в Финляндию. Перебрался к родителям, оказавшимся в Берлине. Писал стихи и статьи на русском и немецком, читал лекции по философии. В 30-е гг. переехал с женой в Ригу, где его отец вместе с тремя дядями И.Чиннова были директорами страхового общества «Саламандра». В статье, написанной в связи с 25-летием со

дня смерти Н. Белоцветова, одна из трех его сестер, Елена Андрусова, писала, что в Риге Н. Белоцветов «приобрел таких друзей, как Иваск с женой, супруги Пильские и Игорь Чиннов, которого брат поощрял в его юношеских начинаниях поэта» (см.: Новое русское слово. 1975. Май). Во время войны Белоцветов опять уехал в Германию с женой и дочерью, а после войны, пишет Е. Андрусова, «его тяжелая длительная болезнь помешала ему переехать... в США». Им изданы две книги стихов: «Дикий мед» (Берлин, 1930) и «Шелест» (Рига, 1936), третья — «Жатва» — вышла посмертно в 1953 г. в Париже при участии И. Чиннова. Вдова поэта А. Ф. Белоцветова попросила И. Чиннова подготовить эту книгу к печати.

Белый Андрей — псевд. Бугаева Бориса Николаевича (1880–1934) — поэт, писатель, автор романа «Петербург» (1913–1914, перераб. изд. 1922), сборника «Пепел» (1909), мемуаров и пр.

Бенн (Венн) Готфрид (1886–1956) — немецкий поэт. Его считают лучшим поэтом Германии послевоенных лет. По специальности он врач, и его профессия отразилась в ранних экспрессионистских стихах, к примеру, в сборнике «Морг» (1912). Позже в его творчестве выделились два направления — «стихи о стихах» (об этом им немало написано и в прозе) и лирика, где слышатся грусть и невероятное одиночество (см. сборник «Дистилляции», 1953, и повесть «Птоломеец», 1949). Его творчество характеризуют как сплошное «непримиримое противоречие».

Берберова Нина Николаевна (1901–1993) — поэтесса, прозаик, литературный критик, автор нескольких романов, исследования о русском масонстве «Люди и ложи», известной книги мемуаров «Курсив мой» (1972), изданных сейчас в России (М.: Согласие, 1996), жена одного из крупнейших поэтов эмиграции В. Ходасевича (1886–1939). И. Чиннов был на нее обижен за отрицательную рецензию на его первый сборник — «Монолог», которую Н. Берберова напечатала в 1950 г. в «Русской мысли». Вообще к Н. Берберовой в эмиграции было сложное отношение. Многим не нравились ее воспоминания («Курсив мой» вышел сначала на английском в 1969 г.), в том числе и то, как она писала о Ходасевиче, кто-то не мог простить ей стихов, в которых слышалось восхваление Гитлера, они вошли в ее сборник «Стихи. 1921–1983» (Нью-Йорк, 1984). Сборник она подарила И. Чиннову с надписью: «Подававшему и оправдавшему надежды от ценящей его стихи Н. Берберовой. Washington, 2 Nov. 1985».

Бергер Яков (р. 1926 в Тель-Авиве) — профессор американского университета. В 1956 г. уехал из СССР, где жил с 1930 г., в США. Автор многих книг стихов. Первая — «Весна в Ч...» (Тель-Авив, 1965). Выпустил «Все 154 сонета Шекспира» (Лондон, 1977) в своем переводе.

Бердяев Николай Александрович (1874, Киев — 1948, Кламар) — религиозный философ, публицист. Будучи студентом Киевского ун-та, Бердяев примкнул к социал-демократам, однако впоследствии отошел от марксизма. В Петербурге в 1904–1908 гг. сблизился с представителями «нового религиозного сознания» — Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус и В. В. Роза-

новым и основал Религиозно-философское общество. В 1918–1919 гг. создал в Москве Вольную академию духовной культуры, читал доклады и лекции. Среди важнейших работ тех лет: «Философия свободы» (1911), «Смысл творчества» (1916), сборник статей «Судьба России» (1918), статья «Духи русской революции» (1918). В 1922 г. был выслан из России. В 1923 г. выходят книги, написанные еще на родине: «Смысл истории», «Миросозерцание Достоевского», «Философия неравенства». В 1924 г. из Германии переехал в Париж, выпустил книгу «Новое средневековье», в Париже возглавил работу Религиозно-философской академии, созданной еще в Берлине. Из написанного в эмиграции выделяются книги: «Константин Леонтьев» (1926), «Философия свободного духа» (1927–1928), «О назначении человека» (1931), «Я и мир объектов» (1934), «О рабстве и свободе человека» (1939), «Русская идея» (1946). В 1947 г. получил почетную степень доктора теологии Кембриджского университета. В 1948 г. умер за письменным столом, работая над книгой «Царство Духа и Царство Кесаря».

Бетаки Василий Павлович (р. 29.09.1930, Ростов-на-Дону) — поэт, переводчик, литературный критик. С 1973 г. в эмиграции в Париже. Сотрудник журнала «Континент». Печатался в журналах «Грани», «Стрелец», в газете «Русская мысль». Бетаки выпустил несколько сборников стихотворений: «Земное пламя» (Ленинград, 1965), «Замыкание времени» (с предисловием В.Вейдле, Париж, 1974), «Европа — остров» (Париж, 1981), «Пятый всадник» (Париж, 1984), «В граде Китеже. Стихи и поэмы, написанные в эмиграции. 1973–1989» (Ленинград, 1991), «Жизнь в полстраницы» (Париж, 1992).

Блок Александр Александрович (1880–1921) — поэт. Начинал в духе символизма («Стихи о Прекрасной Даме», 1904), однако впоследствии от этого направления отошел (циклы «Роза и крест», 1907–1913, «Ямбы», 1907–1914; поэма «Возмездие», 1910–1921). Неоднозначное отношение Блока к свершившейся революции отразилось в статье «Интеллигенция и Революция» (1918) и в поэме «Двенадцать» (1918).

Боброва Элла Ивановна (урожд. Рунг; р. 12.12.1911, Николаев) — поэт. С 1943 г. в эмиграции в Германии, с 1950 г. в Канаде. Печаталась в журнале «Современник» (Канада). Автор книги «Ирина Одоевцева. Поэт, прозаик, мемуарист» (1995).

Бобышев Дмитрий Васильевич (р. 11.04.1936, Мариуполь) — поэт третьей волны эмиграции. С 1979 г. в эмиграции в США. В советской прессе не печатался. Первая публикация стихов — в самиздатовском сборнике «Синтаксис» в 1959–1960 гг. В 1977 г. в Париже издана его поэма «Стигматы», а в 1979 г. — книга стихотворений «Зияния».

Бодлер (Baudelaire) Шарль (1821–1867) — французский поэт. Предшественник французского символизма. Наиболее знаменит сборник стихов Бодлера «Цветы зла» (1857), сочетающий тоску по гармонии с признанием неодолимости зла, эстетизацией порока.

Бретон (Breton) Андре (1898–1966) — французский поэт, эссеист. Он был признан вождем нового направления в искусстве — сюрреализма. В написанном им в 1924 г. «Первом манифесте» Бретон сформулировал основные принципы сюрреализма. «Сюрреализм представляет собой чистый психологический автоматизм, с помощью которого — словами, рисунком или любым другим способом — делается попытка выразить действительное движение мысли... Вне всякого контроля со стороны разума и по ту сторону каких-либо эстетических или моральных соображений... Его цель... решение важнейших проблем жизни» (Breton A. Manifestes du surrealisme. Paris, 1963).

Бродский Иосиф Александрович (1940–1996) — известный поэт третьей волны эмиграции (эмигрировал в США в 1972 г.), эссеист, лауреат Нобелевской премии по литературе (1987). За рубежом издал сборники «Остановка в пустыне» (1967), «Конец прекрасной эпохи», «Часть речи» (1972), «Уrania» (1987) и др. Один из немногих русских писателей, «перешедший» на английский язык и получивший признание на Западе.

Бубер (Buber) Мартин (1878–1965) — религиозный философ, писатель, представитель католического экзистенциализма. До 1933 г. жил в Германии, потом в Израиле. Центральная идея философии Бубера — бытие как диалог между Богом и человеком.

Буркин Иван Афанасьевич (р. 05.02.1919, Поволжье) — поэт. Закончил педагогический институт в Саранске. В 1941 г. попал в плен, после окончания Второй мировой войны — в лагерях для перемещенных лиц в Германии. С 1950 г. — в США. В Колумбийском университете получил докторскую степень по литературе и славянскому языковедению. Выпустил шесть сборников стихов: «Только ты» (Германия, 1947), «Путешествие из черного в белое» (Мюнхен, 1972), «Заведу словами» (Филадельфия, 1978), «13-й подвиг» (Филадельфия, 1978), «Голубое с голубым» (Филадельфия, 1980). В 1992 г. в Санкт-Петербурге вышел сборник стихотворений Буркина «Луна над Сан-Франциско».

Бушман Ирина Николаевна (р. 1921, Рига) — поэтесса, прозаик, литературовед, переводчик. В эмиграции с 40-х гг. Жила в Берлине, Мюнхене. Работала на радиостанции «Свобода» в библиотеке. Ее стихи печатались во многих эмигрантских изданиях. Автор книги «Поэтическое искусство Мандельштама» (Мюнхен, 1964). Перевела на немецкий книгу Ф.Абрамова «Вокруг да около».

Бюффэ Бернард (р. 1928) — французский художник-экспрессионист.

Вайат (Уайет) Эндрю (Wyeth Andrew Newell, р. 1917) — американский художник. Для его творчества характерно тщательное выписывание деталей, изображаемых людей и пейзажей, преимущественно сельских. В СССР он был известен благодаря иллюстрации на обложке книги Дж. Селинджера «Над пропастью во ржи» (М.: Молодая гвардия, 1967), где была помещена (почти целиком) картина «Сын Альберта».

Варшавский Владимир Сергеевич (1906–1978) — писатель, литературный критик. Известен своей книгой «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк,

1956). Этот термин вошел в обиход — так называют эмигрантов, покинувших Россию еще в детском возрасте и не успевших никак себя там проявить, а в эмиграции они еще и в 50-е гг., когда писалась книга, оставались в тени старшего поколения эмигрантов, и даже самым талантливым из них не легко было получить признание (об этом пишет и Г.Адамович во вступительной статье к книге «Одиночество и свобода»). В статьях, позднее вошедших в сборник «Родословная большевизма» (Париж, 1982), Варшавский страстно защищал духовные ценности западной демократии.

Вейдле Владимир Васильевич (1895–1979) — ученый-медиевист, историк искусства, специалист по теории литературы и стихосложения, культуролог, литературный критик, поэт. В эмиграции с 1924 г. Был профессором Православного богословского института в Париже, где преподавал историю христианского искусства. Позже преподавал в университетах Германии, Бельгии, Америки. В.Вейдле автор нескольких книг по истории искусства и культуры (написанных им на итальянском, французском, немецком, русском языках), таких, как «Пчелы Аристея» (на французском, Вейдле сам перевел ее на немецкий), «Задача России», «Безымянная страна», «О поэтах и поэзии», «Эмбриология поэзии» и др. Вейдле был награжден двумя европейскими премиями: премией ЮНЕСКО «Prix Diogenes», присуждающейся за новые теории происхождения и сущности искусства, и «Prix Rivarol», которую присуждает Французская академия автору — нефранцузскому за лучшую книгу на французском языке о французской культуре. Стихи (вышел один сборник) и прозу, которую начал писать в конце жизни, В.Вейдле писал только по-русски. Когда в 1953 г. В.Вейдле был приглашен генеральным директором на открывшуюся в Мюнхене радиостанцию «Свобода», он предложил И.Чиннову место в русской редакции радиостанции. Познакомились они еще в Париже и многие годы поддерживали переписку. О стихах И.Чиннова им написано несколько статей.

Величковская Тамара Антоновна (1908–1990) — поэт, прозаик, переводчик. В эмиграции с 1920 г. Жила в Париже. У нее дома регулярно собирался литературный кружок, где бывали многие поэты эмиграции. Свои стихи публиковать начала уже после сорока лет. Вышло два поэтических сборника. В архиве И.Чиннова сохранилось несколько писем от нее за 1982–1986 гг.

Величковский Анатолий Евгеньевич (1901–1981) — поэт первой волны эмиграции. В семнадцать лет А.Величковский уже участвовал в боях, вступив в ряды Белой армии. Эмигрировал. В 1920 г. оказался в Польше, затем во Франции, работал на заводе, потом ночным шофером такси. Во время войны переселился в Париж, где и прожил всю жизнь. Первый сборник стихов — «Лицом к лицу» вышел в 1952 г. в парижском издательстве «Рифма». Потом появились еще два сборника и третий — посмертно. Стихи Величковского печатались во многих эмигрантских изданиях. Есть у него и проза. Например, рассказ о работе шофера такси «Голубое пэжо»

(«Возрождение». 1953. № 26). А его повесть «Богатый» появилась в 1972 г. в Париже отдельной книгой.

Винокуров Евгений Михайлович (р. 1925) — поэт, лауреат Государственной премии СССР (1987). Автор книг «Лицо человеческое» (1960), «Слово» (1962), «Контрасты» (1975), «Жребий» (1978), «Бытие» (1982), «Ипостась» (1984), поэмы «На Запад» (1981).

Витковский Евгений Владимирович — поэт, переводчик, собиратель поэтического наследия русской эмиграции. Несколько лет был в переписке с И.Чинновым.

Вламинк (Vlaminck) Морис де (1876–1958) — французский художник-модернист и писатель. Представитель фовизма. Писал яркие экспрессионистские пейзажи (например, «Красные деревья», 1906). Признавал своим учителем Ван Гога.

Во Иалин (1903–1966) — классик английской литературы XX века. Автор романов «Пригоршня праха», «Не жалейте флагов», «Мерзкая плоть», трилогии о Второй мировой войне «Меч почета» и др.

Вознесенский Андрей Андреевич (р. 1933) — известный советский поэт. Автор сборников «Антимиры» (1964), «Витражных дел мастер» (1976; Государственная премия СССР, 1978), «Соблазн» (1978), «Ров» (1986) и др. Когда он был в США, они с И.Чинновым выделялись. В библиотеке И.Чиннова много книг А.Вознесенского с его дарственными надписями.

Волин Михаил Николаевич (12.08.1914, окрестности Харбина — май 1997, Аделаида /Австралия/) — поэт, писатель. В 1920–1940 гг. — в Китае, с 1949 г. — в Австралии. Печатался в «Гранях», «Новом журнале», «Возрождении».

Газданов Гайто (Георгий) Иванович (1903–1971) — писатель первой волны эмиграции, литературный критик, сотрудник радиостанции «Свобода». Признание пришло к нему после появления романа «Вечер у Клер» (Париж, 1930), потом были опубликованы «Ночные дороги» (Нью-Йорк, 1952), в периодике печатались и другие его романы, повести, рассказы, статьи. Сейчас его книги переизданы в России.

Галлимар Гастон (1881–1975) — крупнейший французский издатель.

Гейзенберг Вернер (1901–1976) — немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики.

Герра Рене (р. 1946) — французский славист, профессор русской литературы, автор нескольких книг о русских эмигрантских писателях, собиратель русского искусства. Живет в Париже.

Гершельман Карл Карлович (1899, Севастополь — 21.08.1951, Германия) — эссеист, поэт, в эмиграции с 1920 г. — сначала в Галлиполи, затем в Эстонии. После 1940 г. в Германии. Стихи Гершельмана были напечатаны в антологиях «Якорь», «На Западе», в «Новом журнале», «Гранях» и пр.

Гидони А.Г. — литератор третьей волны эмиграции. В 1978 г. он стал главным редактором журнала «Современник» (Торонто). Роман Гуль, главный редактор «Нового журнала», в письме И.Чиннову от 28 января

1978 г. (ИМЛИ РАН. Отдел рукописей. Архив И.Чиннова. Ф. 614) пишет, что, по слухам, А.Гидони связан с советскими спецслужбами, и потому сотрудников «Современника» Гуль печатать в «Новом журнале» отказывается. Чиннов, в связи с этим, перестал печататься в «Современнике».

Гингер Александр Самсонович (1897–1965, Париж) — поэт, принадлежавший к молодому поколению литераторов. В Париже с 1921 г. Был близок к объединениям «Гатарапак», «Палата поэтов», «Через». Выпустил пять книг стихотворений: «Свора верных» (1922), «Преданность» (1925), «Жалоба и торжество» (1939), «Весть» (1957), «Сердце» (1965). Муж поэтессы Анны Присмановой.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869, г. Белев, Тульской обл. — 1945, Париж) — поэтесса, прозаик, литературный критик. С 1889 г. жена Д.С.Мережковского. С 1888 г. публикует стихи, активно участвует в литературной жизни Петербурга. В 1899 г. сближается с редакцией журнала «Мир искусства», в последующие годы принимает участие в Религиозно-философском обществе. После революции 1905 г. Гиппиус, Мережковский и Д.Философов выпускают в Париже книгу «Царь и революция» (на фр. яз.; 1907) и пьесу «Маков цвет». В 1908 г. под псевдонимом Антон Крайний Гиппиус публикует сборник статей и рецензий «Литературный дневник». В 1919 г. вместе с Д.С.Мережковским, Д.В.Философовым, В.А.Злобиным Гиппиус тайно переходит русско-польскую границу. С 1920 г. они с Мережковским обосновываются в Париже. Гиппиус активно печаталась в газетах «Общее дело», «Последние новости», в журналах «Современные записки», «Числа», «Встречи» и др. С 1927 г. до начала Второй мировой войны по воскресеньям у Мережковских проходили знаменитые вечера «Зеленой лампы», на которые собирались поэты и писатели русского зарубежья.

Глинка Глеб Александрович (1903–1989) — поэт второй волны эмиграции, литературный критик.

Глэд Джон — ученый-славист, профессор Мэрилендского университета (под Вашингтоном), критик, публицист, переводчик. Записал подробные интервью с представителями всех волн русской эмиграции, в том числе и с И.Чинновым. Они вошли в книгу «Беседы в изгнании» (М.: Книжная палата, 1991).

Гнедов Василий (Василий Иванович, 1890–1978) — поэт-авангардист, один из лидеров эгофутуристов. В 1925 г. вступил в ВКП(б). От литературы отошел.

Голлербах Сергей Львович (р. 1923) — художник, писатель. С 1949 г. живет в США.

Голосовкер Яков Эммануилович (1890–1967) — филолог, философ, переводчик.

Горбов Яков Николаевич (1896–1982) — писатель первой волны эмиграции, критик, один из редакторов парижского журнала «Возрождение» (с 1961 г.). Участвовал в войне 1914 г., был в Добровольческой армии. После

эмиграции поселился во Франции. В 1940 г. вступил добровольцем во французскую армию. Автор нескольких романов на французском языке («Осужденные», 1954; «Мадам Софи», 1955 и др.) и на русском («Все отношения», «Асунта»). С 24 марта 1978 г. муж поэтессы И.Одоевцевой.

Гривский Евгений — в 1920–1930-х гг. учащийся русской (Ломоносовской) гимназии в Риге, где тогда учился и И.Чиннов. Жил в Латвии, впоследствии перебрался в США.

Гринберг Роман Николаевич (1897–1969) — редактор-издатель альманаха «Воздушные пути» (Нью-Йорк), один из редакторов журнала «Опыты» (Нью-Йорк).

Гуль Роман Борисович (1896–1986) — писатель первой волны эмиграции. В Европе с 1919 г. С 1950 г. в Нью-Йорке. Редактор «Нового журнала» (с 1966 по 1986 г.), автор мемуаров «Я унес Россию» (т. 1–3. Нью-Йорк, 1978–1984), сборников критических статей «Одвуконь» (Нью-Йорк, 1973), «Одвуконь-2» (Нью-Йорк, 1982), романов «Генерал Бо» (Берлин, 1929), «Скиф» (Берлин, 1931) и др.

Гумилев Николай Степанович (1886–1921) — поэт, один из ведущих представителей акмеизма, руководитель и теоретик «Цеха поэтов» в Петербурге. Автор сборников «Романтические цветы» (1908), «Костер» (1918), «Огненный столп» (1921) и др. Первый муж Анны Ахматовой. В 1921 г. был расстрелян по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре.

Джаксон Дж. — американский политик афро-американского происхождения, священник, известный своими выступлениями в защиту демократических свобод.

Джанумов Юрий Александрович (1907–1965) — поэт первой волны эмиграции. В 1966 г. в Мюнхене в изд-ве «Товарищество зарубежных писателей» вышла посмертно его единственная книга «Стихи» с предисловием Г.Адамовича, о которой И.Чиннов написал рецензию (см.: Новый журнал. 1967. № 87).

Дикинсон Эмилия (1830–1886) — американская поэтесса. Из-за несчастной любви стала затворницей в собственном доме в Амхерсте (штат Массачусетс). Ее стихи получили широкую известность только в начале XX в. Ю.Иваск, поселившись в Амхерсте, гордился таким «соседством» и посвятил ей несколько стихотворений. В 1998 г. в Петербурге вышла книга «Это письмо мое миру. Стихи и письма Эмили Дикинсон».

Динеш Ласло — американский славист, профессор Массачусетского университета.

Донн (Doppe) Джон (1573–1631) — английский поэт. Религиозно-мистические поэмы «Путь души» (1601), «Анатомия мира» (1611) положили начало «метафизической школе».

Дудко Дмитрий — священник, выступал в защиту диссидентов в СССР, за что подвергался преследованиям органами госбезопасности, в частности был арестован 15 января 1980 г.

Дукельский Владимир Александрович (псевд. Вернон Дюк, 1903–1968) — композитор, музыковед, поэт, переводчик. Эмигрировал в 1920 г. в Константинополь. Потом жил в Калифорнии. Автор многих музыкальных произведений, в том числе нескольких балетов. Известен и как музыкальный критик. Издал четыре книги стихов. Был в переписке с И. Чинновым.

Дю Бос Шарль (1882–1939) — французский критик.

Евангулов Георгий Сергеевич (Саркисович, 1894–1967) — поэт, прозаик. С 1921 г. в эмиграции в Париже. В 1921–1922 гг. — участник группы «Палата поэтов», кружка «Гатарапак».

Евтушенко Евгений Александрович (р. 1933) — поэт. Автор сборников «Шоссе Энтузиастов» (1956), «Интимная лирика» (1973), «Граждане, послушайте меня» (1989), поэмы «Братская ГЭС» (1965), романа «Ягодные места» (1981) и др. Лауреат Государственной премии СССР 1984 г.

Елагин Иван Венедиктович — псевд. Ивана Венедиктовича Матвеева (1918–1987) — поэт, переводчик, литературный критик. В 1943 г. Елагин оказался в Германии. Был в лагере для перемещенных лиц. С 1950 г. поселился в Америке. Работал в газете «Новое русское слово», делал переводы американских поэтов для журнала «Америка», выходившего в СССР, преподавал русскую литературу в Питтсбургском университете, где до того преподавал И. Чиннов. Там они и встречались. Стихи его печатались во многих эмигрантских изданиях. Первый из двенадцати стихотворных сборников вышел в Мюнхене в 1947 г. Последний — «Тяжелые звезды», избранное — в 1986 г. в США, незадолго до смерти автора. На экземпляре из библиотеки И. Чиннова надпись: «С бесконечной благодарностью дорогому Игорю Владимировичу за поддержку в очень трудную минуту. Дай Вам Бог всех благ. (Продиктовано Иваном Елагиным незадолго до своей кончины дочери Лиле Матвеевой)». «Я послал ему 250 долларов, — вспоминал Чиннов, — когда Агния Сергеевна Ржевская взялась собирать деньги на книгу Елагина». В некрологе, написанном Екатериной Филипс-Юзвигг (Новый журнал. 1987. № 166), говорится, что И. Елагин стал одним из главных выразителей так называемой «второй» эмиграции. Сейчас его стихи переизданы в России.

Элита-Вильчковский Кирилл Сергеевич (ум. 1960) — эмигрантский критик, литературовед. Печатался в «Опытах», «Возрождении», «Новоселье» и др. изданиях. Автор статей о И. Бунине, М. Цветаевой, А. Штейнере и т. д.

Есенин Сергей Александрович (1895–1925) — поэт. В 1919–1923 гг. входил в группу имажинистов. Тонкий лирик, автор сборников «Радуница» (1916), «Сельский часослов» (1918), «Кобыльи корабли» (1920), «Москва кабацкая» (1924), «Русь Советская» (1925), поэм «Баллада о двадцати шести» (1924), «Анна Снегина» (1925), «Пугачев» (1921) и др.

Жакоб (Jacob) Макс (1876–1944) — французский писатель, близок к сюрреализму. Для его произведений, состоящих из стихов и прозы («Святой Маторель», 1909; «Оправдание Тартюфа», 1919), характерно переплетение гротеска и реальности. Погиб в концлагере.

Жид (Gide) Андре (1869–1951) — французский писатель. Автор сборников символистских стихов (1887–1891), романов «Яства земные» (1897), «Имморалист» (1902), «Тесные врата» (1909), «Подземелья Ватикана» (1914), «Фальшивомонетки» (1925), книги «Достоевский» (1923). Лауреат Нобелевской премии по литературе (1947).

Завалишин Вячеслав Клавдиевич (ум. 1995) — литературный критик, эмигрант второй волны, сотрудник газеты «Новое русское слово». Жил в США.

Зайцев Борис Константинович (10.02.1881, Орел — 28.01.1972, Париж) — писатель, получивший известность еще в дореволюционной России. В июне 1922 г. выехал из России и поселился в Париже — обстоятельства отъезда переданы Зайцевым в книге воспоминаний «Москва» (Париж, 1939). В эмиграции вышли книги: «Улица Св. Николая» (Берлин, 1923), «Преподобный Сергей Радонежский» (Париж, 1925), «Золотой узор» (Прага, 1926), «Афон: Путевой очерк» (Париж, 1928), «Жизнь Тургенева: Биография» (Париж, 1932), «Путешествие Глеба. Тетралогия: „Заря“; „Тишина“; „Юность“; „Древо жизни“» (Берлин, 1937; Париж, 1948; Париж, 1950; Нью-Йорк, 1953), «Жуковский: Биография» (Париж, 1951), «Чехов: Биография» (Нью-Йорк, 1954), «Далекое: Воспоминания» (Вашингтон, 1965) и др. Некоторое время Б.Зайцев и И.Чиннов были в переписке.

Зеньковский Сергей Александрович (1907–1990) — американский славист, историк, автор книги «Русское старообрядчество» (Мюнхен, 1970) и др. В 1967–1977 гг. — профессор отделения славянской культуры в Вандербилтском университете (Нэшвилл, Теннесси), где в это время преподавал и И.Чиннов. С 1977 г. — на пенсии, поселился в курортном городке Дейтона-Бич (Флорида).

Злобин Владимир Ананьевич (1894–1967) — поэт. С 1921 г. жил в Париже. Был секретарем, экономом, другом Мережковских. После смерти Зинаиды Гиппиус он написал о ней книгу «Тяжелая душа». А стихи, которые начал писать лишь в эмиграции, издал сборником «После ее смерти» (Париж: Рифма, 1951).

Зуров Леонид Федорович (1902–1971) — писатель, секретарь И.Бунина, автор нескольких книг.

Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949) — поэт. Представитель и теоретик символизма. Поэзия ориентирована на культурно-философскую проблематику античности и средневековья: сборники «Кормчие звезды» (1903), «Cor ardens» (1911). С 1924 г. жил в Италии.

Иванов Георгий Владимирович (1894, Ковенская губ. — 1958, Йер, Франция) — поэт, прозаик, мемуарист. Печатался с 1910 г. В 1912 г. вступил в «Цех поэтов», был близким другом Н.С.Гумилева. В России выпустил 6 сборников стихов. С 1922 г. за границей, с 1923 г. — в Париже. Бессменный председатель собраний «Зеленой лампы», регулярно печатался в «Числах», участвовал в деятельности объединения «Круг». Среди литературного

наследия — очерки и рассказы, лирическая проза, статьи, а также мемуары «Петербургские зимы» (1928).

Иваск Юрий Павлович (1907–1986) — литературовед, литературный критик, поэт. В автобиографии он писал о себе: «С 1949 г. — в Соединенных Штатах. Доктор философии Гарвардского университета, по отделению славянских языков и литератур. Диссертация (на русском языке) о литературной критике кн. П.А.Вяземского. Преподавал в Канзасском университете и в летних школах Миддлбэри и Индианы. С 1960 г. профессор русской литературы Вашингтонского ун-та в Сиэтле, где читал курсы преимущественно для аспирантов. Сотрудничал в журналах “Современные записки”, “Числа”, “Путь”, “Новый град”, “Грани”, “Новый журнал”, “Опыты”, “Воздушные пути”, “Мосты”, “Возрождение”. Предисловие к книге Розанова “Избранное” (Чеховское издательство), редактор антологии зарубежной поэзии “На Западе”. Главы из книги о Константине Леонтьеве в журн. “Возрождение” (1961–1964). Редактировал журнал “Опыты” (1955–58). Сборники стихов: “Северный берег”, 1938, Варшава, “Царская осень”, 1953, Париж (“Рифма»)» (ИМЛИ РАН. Отдел рукописей. Архив И.Чиннова. Ф.614). Позже были написаны книги стихов «Хвала» и «Играющий человек» и пр.

Иваск Тамара Георгиевна (1916–1982) — урожденная Межак, жена Ю.П.Иваска.

Иверни Виолетта — поэтесса, жена В.П.Бетаки.

Ильин Владимир Николаевич (1891–1974) — религиозный философ первой волны эмиграции, богослов, публицист, литературный критик, музыковед, композитор. Автор нескольких богословских книг, в том числе «Семь дней творения» (Париж, 1930), «Арфа Давида» (издана после смерти автора в Сан-Франциско в 1980 г.) и др. Вместе с И.Чинновым они преподавали в летней школе Русского студенческого христианского движения.

Ильинский Олег Павлович (р. 1932) — поэт, автор пяти книг стихотворений. В эмиграции оказался во время Второй мировой войны. С 1956 г. живет в США. После смерти И.Чиннова напечатал в «Новом журнале» (№ 200) некролог «Памяти Игоря Владимировича Чиннова», где, в частности, писал: «Заслуги Чиннова по линии расширения возможностей звукописья и усложнения образности ради фиксации обертонов и оттенков — несомненны. Здесь можно говорить даже о создании школы. У этой школы, несомненно, есть будущее».

Казак Вольфганг (р. 1927) — немецкий славист, историк русской литературы, автор около 700 научных публикаций, в том числе известного «Энциклопедического словаря русской литературы» (Лондон, 1988), переведенного с немецкого на русский, английский и др. языки. Там есть статья и об И.Чиннове.

Капоте Трумен (Capote Truman, 1924–1984) — американский писатель. Один из его романов «In cold blood» («Хладнокровие»).

Карлинский Семен — профессор Калифорнийского университета, славист.

о. Киселев Александр — священник Русской Православной Церкви в Нью-Йорке.

Кленовский Дмитрий Иосифович — псевд. Дмитрия Иосифовича Крачковского (1893–1976) — поэт, литературный критик. В эмиграции с 1941 г. С 1942 г. жил в Германии. Первый поэтический сборник вышел в России, остальные одиннадцать появились уже в эмиграции, где Кленовский получил известность как поэт, и в середине XX в. верный традициям акмеизма.

Климов Евгений Евгеньевич (1901–?) — живописец, график, реставратор, искусствовед. В 1920–1930 гг. жил в Латвии. В 1928 и 1936 гг. выпустил два альбома пейзажных литографий. В 1941 г. в Праге расчищал старинные иконы. В годы Второй мировой войны проводил реставрационные работы в Пскове и Риге. С 1949 г. в Канаде. Автор книги «Русские художники» (1974), издатель «Воспоминаний» М.В.Добужинского. Передал в 1989 г. Фонду культуры коллекцию работ А.Н.Бенуа и свои произведения. Письма А.Н.Бенуа Е.Е.Климову (1943–1959) опубликованы в «Новом журнале» (1960. № 62. С. 121–146). Выпустил альбом «Поэты и писатели русского зарубежья», изданный в Канаде набором открыток, где есть и карандашный портрет И.Чиннова.

Клюев Николай Алексеевич (10.10.1884, д. Коштуг под Вытегрой — авг. 1937, в тюрьме) — поэт, друг С.А.Есенина. В СССР долгое время поэзия Клюева была запрещена. В Нью-Йорке в 1969 г. под редакцией Г.Струве и Б.Филиппова вышло Полное собрание сочинений Н.Клюева в 2 т.

Комаровский Василий Алексеевич, граф (1881–1914) — поэт, переводчик.

Корвин-Пиотровский Владимир Львович (1891–1966) — поэт первой волны эмиграции, драматург. Автор нескольких книг стихов. В 1968–1969 гг. в Вашингтоне, посмертно, вышло двухтомное собрание его произведений «Поздний гость. Стихи, поэмы, драматические поэмы».

Коржавин Наум — псевд. Наума Моисеевича Манделя (р. 1925) — поэт третьей волны эмиграции, автор нескольких книг стихов. Они были знакомы с И.Чинновым, который всегда с большой теплотой говорил о Коржавине и как о поэте, и как о человеке.

Крепс Михаил — поэт третьей волны эмиграции. Автор книг стихов «Интервью с птицей» (Париж–Нью-Йорк, 1986), «Бутон головы» (США, 1987) и др. Им написана статья «Поэтика гротеска Игоря Чиннова» (Новый журнал. 1990. № 181), которую И.Чиннов считал очень хорошей. После смерти М.Крепса в 1995 г. И.Чиннов посвятил ему стихотворение из цикла «Больничная сюита».

Кротков Юрий (1917 — март 1982) — писатель, драматург. В СССР был известен как автор пропагандистской пьесы «Джон — солдат мира», активно сотрудничал с КГБ, о чем позднее написал воспоминания «КГБ в действии» (Новый журнал. № 109–112). В 1963 г. приехал в Лондон

с группой советских туристов и остался там. В 1969 г. переехал в США. Рассказы, очерки и повести Кроткова регулярно публиковались в «Новом журнале».

Кторова Алла — псевдоним Виктории Ивановны Шандор, урожденной Кочуровой (р. 1926) — прозаик третьей волны эмиграции. Автор принесшего ей известность романа «Лицо Жар-птицы» (1969) и др. книг. Последняя, вышедшая в Петербурге в 1997 г., — «Пращуры и правнуки».

Кублановский Юрий Михайлович (р. 1947) — поэт. В 1983 г. эмигрировал в Париж, сотрудник «Русской мысли». В СССР не печатался. Автор книги стихов «С последним солнцем» (Париж, 1983) и др.

Кузмин Михаил Алексеевич (1872–1936) — писатель, поэт, композитор, музыкальный критик. Примыкал к символизму, затем в акмеизму. Автор многих сборников стихов, романа «Необыкновенная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» (1919) и др.

Кушнер Александр Семенович (р. 1936) — поэт. Автор сборников «Ночной дозор» (1966), «Прямая речь» (1975), «Голос» (1978), «Канва» (1981), «Таврический сад» (1984), «Живая изгородь» (1988).

Ладинский Антонин Петрович (1896–1961) — в годы гражданской войны Ладинский воевал на стороне Белой армии, в 1920 г. он покинул Россию и через Египет попал в Париж, где активно участвовал в литературной жизни эмиграции. Выпустил несколько стихотворных сборников: «Черное и голубое» (Париж, 1930), «Северное сердце» (Париж, 1931), «Стихи о Европе» (Париж, 1937), «Пять чувств» (Париж, 1939), «Роза и чума» (Париж, 1950). В 1946 г. Ладинский принял советское гражданство, в 1950 г. был выслан из Франции и некоторое время жил в Дрездене. В 1955 г. получил разрешение на въезд в СССР. Опубликовал ряд исторических романов: «XV легион» (Таллин, 1937; переиздан в СССР под названием «В дни Каракаллы». М., 1961), «Голубь над Понтом» (Таллин, 1938; в СССР вышел под названием «Когда пал Херсонес». М., 1959). Исторические романы Ладинского были переизданы в Москве в 1984 г.

Ландау Григорий Адольфович (1877–1941) — философ, в эмиграции участвовал в парижском журнале «Числа», автор книги «Эпиграфы» (Берлин, 1927) и пр.

Ландман Александр Давыдович — инженер, в эмиграции переводил на английский стихи русских поэтов, считая это своим хобби.

Лафорг Жюль (1860–1887) — французский поэт-символист. Для его стихов характерна ирония, соединение поэтического возвышенного слога с уличным жаргоном. Один из первых во Франции стал писать свободным стихом.

Левцкий Сергей Александрович (1908–1983) — философ, публицист, литературный критик, автор книги «Трагедия свободы» (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1958).

Легкая Ираида Ивановна (р. 1932, Латвия) — поэтесса. Эмигрировала в 40-е гг. Поселилась в США. Работала на радиостанции «Голос Америки».

Ее стихи печатались во многих эмигрантских изданиях. Автор книги стихов. Некоторое время была в переписке с И.Чинновым.

Леконт де Лиль Шарль (1818–1894) — французский поэт парнасской школы, проповедовавшей лозунг «чистого искусства».

Леонов Леонид Максимович (31.05.1899, Москва — 1994) — советский писатель, автор романов «Соть», «Русский лес» и др. Лауреат Ленинской и Государственной премий.

Лимонов Эдуард — псевд. Эдуарда Вениаминовича Савенко (р. 1943) — поэт, прозаик третьей волны эмиграции. Эмигрировал в 1974 г., с 1975 г. жил в Нью-Йорке, через пять лет переехал в Париж. В начале 90-х гг. вернулся в Россию. Автор романа «Это я — Эдичка» (США, 1979) и других книг.

Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906–1999) — академик АН СССР (1970), специалист по истории и теории русской литературы. В числе работ фундаментальное исследование «Слово о полку Игореве», книга «Поэтика древнерусской литературы» и др.

Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) — философ, один из крупнейших представителей интуитивизма и персонализма в России. В 1922 г. выслан за границу, до 1945 г. жил в Праге, а затем в США и Франции.

Лотман Юрий Михайлович (1922–1993) — культуролог, лингвист, специалист по истории литературы. Профессор Тартуского ун-та, академик АН Эстонии (1990).

Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) — один из лидеров кадетов, адвокат. Депутат 2–4-й Государственной думы. В 1917 г. был послом во Франции. Автор работ по истории русской общественной мысли и либерального движения.

Маковский Сергей Константинович (1877–1962) — издатель, искусствовед, мемуарист. Сын известного художника, основатель и издатель-редактор знаменитого петербургского журнала «Аполлон» (1909–1917), организовал в России выставку французского передового искусства. После революции эмигрировал и с 1925 г. поселился в Париже, где играл большую роль в литературной жизни эмиграции, особенно после войны. По словам Ю.Терапиано, Маковский был живым примером, «живой памятью» ушедших времен. С.Маковский написал книги «Силуэты русских художников», «Последние итоги живописи», восемь книг стихов, два тома воспоминаний: «Портреты современников» и «На Парнасе Серебряного века». В Париже Маковский был главой издательства «Рифма», выпускавшего сборники стихов русских парижских поэтов.

Малер Елизавета Эдуардовна (1881–1970) — профессор русского языка и литературы в Базельском университете, знаток фольклора, издала книги о заплачках и свадебных обрядах Печорского края. В 1939 г. перед отъездом в Россию М.Цветаева передала Е.Малер рукописи сборника «Лебединый стан» и поэмы «Перекоп». И.Чиннов был знаком с Е.Малер еще до войны (она была близкой подругой матери Ю.Иваска), и потом многие годы они поддерживали дружеские отношения.

Малларме (Mallarmé) Стефан (1842–1889) — французский поэт-символист, литературный критик. Автор драматических поэм «Иродиада» (1867–1869), «Удача никогда не упразднит случая» (1897), сборника «Стихотворения» (1887) и др.

Мальшев Владимир Иванович (1910–1976) — академик, специалист по теории и истории русской литературы.

Мамченко Виктор Андреевич (1901–1982) — поэт, с 1920 г. в эмиграции в Тунисе, с 1923 г. в Париже. В 1925 г. участвовал в организации «Союза молодых поэтов и писателей». Участник литературных собраний «Зеленая лампа» (1927–1939), «Круг» (1935–1939). Выпустил несколько сборников стихотворений: «Тяжелые птицы» (Париж, 1936), «Звезды в аду» (Париж, 1946), «В потоке света» (Париж, 1949), «Земля и лира» (Париж, 1951), «Певчий час» (Париж, 1957), «Воспитание сердца» (Париж, 1964), «Сон в холодном доме» (Париж, 1975).

Мандельштам Надежда Яковлевна (1899–1980) — жена О.Э.Мандельштама, автор воспоминаний о поэте. (См.: Мандельштам Н.Я. Воспоминания: В 2 кн. М.: Согласие, 1999).

Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938) — поэт. Начинал как представитель акмеизма. Автор сборников «Камень» (1913), «Tristia» (1922), цикла «Воронежские тетради» (опубл. в 1966 г.), книги «Разговор о Данте» (опубл. в 1967 г.) и др. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Мансфелд Катрин — латиноамериканская писательница.

Марков Владимир Федорович (р. 1920) — литературовед, критик, поэт. В начале 40-х гг. оказался в Германии. С 1949 г. жил в США, где был профессором Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Автор книг: «Стихи» (Регенсбург, 1947), «Турилевские романсы» (Париж, 1960), «Поэзия и одностроки» (Мюнхен, 1984). В 1952 г. в США под его редакцией вышла антология послереволюционной поэзии «Приглушенные голоса», а в 1966 г. в Англии (потом в Америке) под редакцией В.Маркова и М.Спаркса издана антология «Modern Russian poetry» с параллельными текстами на русском и английском, где есть и стихи И.Чиннова. С годами Марков все меньше пишет стихов и завоевывает репутацию серьезного исследователя русской литературы. Он автор книг на английском языке о поэзии В.Хлебникова, монографии по истории русского футуризма и многочисленных статей, рецензий на русском, английском, французском, немецком языках.

Марсель Габриэль (1889–1973) — французский философ, писатель, ведущий представитель католического экзистенциализма.

Мартынов Леонид Николаевич (1905–1980) — поэт. Выпустил сборники стихов «Лукоморье» (1945), «Гиперболы» (1972; Государственная премия СССР, 1974), «Узел бурь» (1979), историческую поэму «Тобольский летописец» (1937) и др.

Матвеева Новелла Николаевна (р. 1934) — известная поэтесса, бард. Были выпущены сборники лирики и песен «Кораблик» (1963), «Душа

вещей» (1966), «Ласточника школа» (1973), «Река» (1978), «Страна прибора» (1983), «Хвала работе» (1987).

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) — религиозный мыслитель, прозаик, литературный критик, поэт, муж поэтессы З.Гиппиус. С 1905 г. несколько лет жил за границей, затем опять приехал в Россию. В 1919 г. эмигрировал. Жил в Париже. Печататься начал в 1881 г. в России. В 1892 г. его речь «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» принесла ему известность и славу и в какой-то степени стала гранью между реалистической литературой прошлого века и модернизмом 90-х гг. В 1912 г. вышло 24-томное собрание сочинений Мережковского, куда вошли проза и стихи. В эмиграции были написаны еще несколько романов, статьи, стихи. Таким образом, на русском языке вышло 52 книги его беллетристики и публицистики, около двадцати книг его переводов на русский язык и больше двухсот статей и рассказов. Наиболее известны его трилогия «Христос и Антихрист», литературно-философская книга «Толстой и Достоевский», книга статей «Грядущий Хам». Мережковский — один из организаторов и идеолог проходивших в Петербурге в 1901–1903 гг. «Религиозно-философских собраний», которые сыграли большую роль в пробуждении русской религиозной мысли. В Париже на квартире у Мережковских проходили собрания кружка «Зеленая лампа».

Миро Джоан (р. 1893) — испанский художник-абстракционист. Входил в число сюрреалистов. В 1923 г. нашел свой собственный абстрактный стиль, состоящий из смеси декоративности, фантастики, примитивизма, юмора и в нем работал. Его полотна напоминают веселые детские картинки.

Мирский Дмитрий (кн. Дмитрий Петрович Святополк-Мирский, 1890–1939) — литературовед, критик, публицист. Эмигрировал после революции. Жил в Англии, где преподавал в Лондонском университете. Был редактором парижского журнала «Версты» (1926–1928; вышло три номера). Его статьи появлялись не только в эмигрантских журналах, но и в передовых английских и французских. Выпустил двухтомную историю русской литературы «Contemporary Russian Literature» (London, 1926). Вступил в британскую компартию. В 1932 г. уехал в СССР. «Для знавших его этот поступок представлялся продиктованным каким-то духовным озорством, желанием идти против эмигрантского течения», — писал Глеб Струве (Русская литература в эмиграции. Париж, 1984. С.75). В СССР он был арестован и, по некоторым сведениям, умер в Сибири.

Можайская Ольга Николаевна (1896–1973) — поэтесса, переводчик, критик. Как сатирик печаталась под псевдонимом Скорпион. В эмиграции с 1920 г. Жила в Париже. Преподавала русский язык. Жена писателя В.Н.Емельянова, автора книги «Свидание Джима» (Париж, 1939). Ему И.Чиннов посвятил стихотворение «Душа становится далеким русским полем...». По поводу этого стихотворения О.Емельянова писала И.Чиннову: «...меня очень поразили строки „Душа становится..." — т.е. она становится

тем, что видит в памяти или что любит? Можно из этого вывести, что такое „я“... Совпадает с моими снами. На четвертый день кончины мужа увидела его во сне мальчиком 10–12 лет. Он меня не узнал, не увидел, а бежал стремглав, как будто наконец вырвался на волю, прямо куда глаза глядят. Во сне я знала, куда он бежал. Конечно, в Ялту, о которой тосковал. Потом я его видела часто. Он долго был мальчиком, потом стал расти, и мной заинтересовался, лишь когда пришел в тот возраст, когда мы познакомились, т.е. к 47 годам. <...> Говорил, что единственное утешение — это любовь. Я спросила: „Чья?“ (Чуете, эгоцентризм какой!) Он ответил: „И не твоя, и не моя, а та, которая движет солнцем, луной и звездами“...» (из письма от 07.02.1971). О.Можайская печаталась во многих эмигрантских изданиях. Ротаторным способом был издан ее единственный поэтический сборник «Разлука и верность» (1963). Стихотворение «Она живет совсем иною жизнью...» Можайская посвятила Игорю Чиннову (Новый журнал. 1990. № 178).

Моргулис Михаил — главный редактор эмигрантского журнала «Литературный курьер» (США).

Моршен Николай — псевд. Николая Николаевича Марченко (р. 1917) — поэт второй волны эмиграции, переводчик. Живет в США. Автор ряда поэтических сборников: «Двоечбие» (1967), «Эхо и зеркало» (1979) и др. Печатался в разных антологиях зарубежной поэзии.

Нарциссов Борис Анатольевич (1906–1982) — поэт, критик. С 1919 г. в Эстонии, с 1944 г. в Германии, с 1953 г. в США. Выпустил несколько сборников стихотворений: «Стихи» (Нью-Йорк, 1958), «Голоса» (Франкфурт-на-Майне, 1961), «Память» (Вашингтон, 1965), «Подъем» (Левен, 1969), «Шахматы» (Вашингтон, 1974), «Звездная птица» (Вашингтон, 1978). Много лет они с И.Чинновым переписывались.

Небольсин Аркадий Ростиславович родился в 1932 г. в семье эмигрантов первой волны, профессор Питтсбургского университета. Живет в Нью-Йорке. В 1979 г. им создано в США «Американское общество по охране русских памятников культуры».

Неймирок Александр Николаевич (1911–1973) — поэт, прозаик, критик, переводчик. Учился в Югославии. В годы войны был в немецком концлагере, о чем написал книгу «Дороги и встречи» (1946). Жил в Германии и работал на радиостанции «Свобода», сотрудничал в журнале «Грани». Автор двух сборников стихов. С 1959 г. был в переписке с И.Чинновым.

Никитин Валентин Арсентьевич (р. 1946) — московский поэт, автор многочисленных статей религиозно-философского содержания. В 1970–1980-х гг. сотрудник «Журнала Московской Патриархии».

Новиков Людвиг Александрович (р. 1933) — доктор физико-математических наук, проф. Московского института нефти и газа им. Губкина, многие годы углубленно изучает творчество А.Белого и собирает материалы и свидетельства о людях, связанных с поэтом.

Одарченко Юрий Павлович (1903–1960) — поэт, один из издателей литературного альманаха «Орион» (1947), автор сборника стихов «Денек» (1949). В 1983 г. в Париже вышло собрание сочинений Ю.Одарченко «Стихи и проза».

Одоевцева Ирина Владимировна — псевдоним Ираиды Густавовны Гейнике (1901–1990) — поэтесса, писательница, жена поэта Георгия Иванова (1894–1958). С 1923 г. жила во Франции. Автор нескольких книг стихов, нескольких романов, а также двух книг воспоминаний: «На берегах Невы» (Вашингтон, 1967) и «На берегах Сены» (Париж, 1983), ставших довольно известными. В 1978 г. она вышла замуж за писателя Якова Горбова. А когда он умер, приняла решение уехать в Россию и с 1987 г. жила в Ленинграде.

Орлов Владимир Николаевич (1908–1985) — советский литературовед.

Остлов Владимир Николаевич (р. 1938) — историк, журналист, многолетний узник советских концлагерей. В 70-е гг. издавал машинописный журнал «Вече», посвященный проблемам русского национального возрождения.

Остроумова Татиана — псевд. Татьяны Жозефовны Неннсберг (1901–1969) — поэтесса. Печататься начала еще в России. После эмиграции продолжала писать стихи, появлявшиеся во многих изданиях русского зарубежья. Жила в США, городе Боулдер, преподавала русский язык в Колорадском университете. Автор одного поэтического сборника. Была в переписке с И.Чинновым.

Перелешин Валерий — псевд. Валерия Францевича Салатко-Петрище (1913–1992) — поэт, переводчик, литературный критик. С 1920 г. его семья переехала в Харбин. Перелешин был монахом в Харбинском монастыре, учился в семинарии Св. Владимира. Какое-то время жил в Пекине, Шанхае, а с 1953 г. поселился в Бразилии. Автор более чем десяти книг стихов. Религиозная тема — одна из характерных для поэта. Немало написано им и стихов о любви, преимущественно сонетов. Перелешин много переводил — с английского, китайского, португальского, французского, латыни, испанского. Переводил и с русского на португальский и сам писал на португальском стихи. В архиве И.Чиннова сохранилось несколько писем от него, хотя друзьями они никогда не были.

Перс Сен-Жон (Perse St. John, 1887–1975) — французский поэт, лауреат Нобелевской премии 1960 г. по литературе.

Пикабия Франсис (1879–1953) — французский художник, входивший в группу «Дада».

Пильский Петр Михайлович (псевд. А.Хрущев, 1876–1942) — журналист, сотрудник рижской газеты «Сегодня» (1919–1940).

Плетнев Ростислав Владимирович (1903–1985) — литературный критик первой волны эмиграции, литературовед. Автор книг «О лирике А.С.Пушкина» (1963), «Лекции по истории русской литературы XVIII–XIX веков» (на русском и французском, 1964), «А.И.Солженицын» (1970). Им написано 160 статей на восьми языках. Писал он и об И.Чиннове.

Плюханов Борис Владимирович (1911–1993) — литератор, член РСХД, автор воспоминаний о матери Марии, статей в Блоковских сборниках, печатался в журналах «Радуга», «Даугава», «Таллин». Близкий друг И. Чиннова — они учились в Риге в одной гимназии, а потом всю жизнь поддерживали переписку. Книга Плюханова «РСХД в Латвии и Эстонии» вышла в свет в Париже в издательстве УМСА-Press (1993).

Поляк Григорий Давидович (1943–1998) — эмигрант третьей волны, литературовед, собиратель наследия Серебряного века и первой волны эмиграции, издатель альманаха «Часть речи», владелец издательства «Серебряный век», сотрудник «Нового журнала».

Померанцев Кирилл Дмитриевич (1906–1991) — литературный критик первой волны эмиграции, сотрудник «Русской мысли», поэт, мемуарист, автор книги воспоминаний «Сквозь смерть» (1986) и пр.

Поплавский Борис Юлианович (1903–1935) — поэт первой волны эмиграции. При жизни поэта вышла только одна книга его стихотворений — «Флаги» (Париж, 1931), еще три сборника стихотворений, а также два романа напечатаны посмертно.

Прегель София Юльевна (1904–1972) — поэтесса, издатель. В эмиграции с 1922 г. Жила в Берлине, Париже, в годы войны переехала в Нью-Йорк и с 1942 г. начинает издавать там, вместе с М. Слонимом, журнал «Новоселье», который продолжала издавать, вернувшись в Париж. Журнал выходил восемь лет. После смерти владелицы парижского издательства «Рифма» Р. Чеквер Прегель становится директором «Рифмы». У Прегель вышло несколько книг стихов и мемуары «Мое детство».

Присманова Анна Семеновна (1892–1960) — поэтесса, жена поэта А. Гингера. С начала 20-х гг. жила в Париже. Автор стихотворных сборников «Тень и тело» (1937), «Близнецы» (1946), «Соль» (1949). Написала и опубликовала во французских журналах несколько рассказов на французском языке. В Париже они с И. Чинновым были в дружеских отношениях, а когда И. Чиннов уехал в Мюнхен — поддерживали переписку.

Проффер Карл — редактор ежеквартального журнала «Русская литература в переводах на английский язык» (RLT — «Russian Literature Triquarterly»), выходящего в США в издательстве «Ардис Анн Арбор» с 1971 г.

Раевский Георгий — псевд. Георгия Авдеевича Оцуца (1897–1963) — поэт, литературный критик, печатался в журналах «Современные записки», «Числа». В Париже вышли три сборника стихотворений Раевского: «Строфы» (1928), «Новые стихотворения» (1946), «Третья книга» (1953).

Райс Эммануил Матусович (1909–1981) — литературовед, критик. После революции семья уехала в Бессарабию. Райс окончил Бухарестский университет. Оказавшись в Париже, сдал экзамены на библиотекаря и работал в Париже в Национальной библиотеке. Он был настоящим эрудитом. Знал 18 языков, изучал историю философии, религии, искусства. Его критические статьи о современной литературе печатались в разных эмигрантских изданиях. Выпустил книгу дневниковых записей «Под глухими небесами»

(США, 1967). При помощи друзей, в том числе и И. Чиннова, он в середине 50-х гг. устроился на службу на радиостанцию «Свобода». Но из-за экстремистских антикоммунистических убеждений, которые он не скрывал, из-за высказываний типа: «Эйзенхауэр — наймит Хрущева», — ему пришлось оставить радиостанцию. Позже Райс преподавал в Парижском университете. Много лет был в переписке с И. Чинновым.

Раннит Алексис (1914–1985) — эстонский поэт, жил в эмиграции в США, автор семи сборников стихотворений (на эстонском языке). Переводы стихов А. Раннита на русский язык, выполненные Л. Алексеевой, Г. Адамовичем, Ю. Иваском, Б. Нарциссовым и др., были опубликованы в «Новом журнале» (№ 64, 68, 74, 78, 81, 84, 87, 102, 147, 153).

Рафальский Сергей Милюевич (псевдоним — М. Сергеев, 1896–1981) — поэт, публицист, литературный критик. В эмиграции с 1920 г. Участник пражского поэтического кружка «Скит поэтов». С 1929 г. жил в Париже. В архиве И. Чиннова сохранилось несколько писем от него.

Ремизов Алексей Михайлович (1877, Москва — 1957, Париж) — писатель. Эмигрировал в 1921 г., с 1923 г. жил в Париже. Писать и печататься начал еще до революции в России, где выходили его романы, переводы, рассказы, сказки, сборники пересказанных легенд. В эмиграции Ремизов печатался на русском и французском языках. Книги, не находившие издателя, издавал сам, ставя на них гриф выдуманного издательства «Оплешник». У Чиннова сохранилось более десяти книг, подаренных Ремизовым, большинство — издательства «Оплешник». И. Чиннов познакомился с Ремизовым в Париже, часто бывал у него дома, а когда в 1953 г. уехал в Мюнхен, они вели переписку — деловую по большей части. Ремизов — автор около восьмидесяти книг. Он писал слогом, восходящим к семнадцатому веку, что подчеркивал своим каллиграфическим почерком в духе эпохи «узорочья». Его отход от «карамзинского языка» повлиял на ряд советских писателей, особенно «серапионовых братьев». Последнее десятилетие жизни в Париже Ремизов наконец появился во французской авангардной печати. Наиболее известные из книг Ремизова — «Крестовые сестры» (1910), «Взвихренная Русь» (1927), «В розовом блеске» (1952).

Реннинг Анатолий Рудольфович (ум. 1995) — один из друзей И. Чиннова. Познакомил их Ю. Иваск, и с тех пор они вели активную переписку. Виделись несколько раз, в том числе в 1961 г. в Мюнхене, куда Реннинг приехал по делам службы — он работал в Стокгольмском архиве (Швеция), эмигрировав из Прибалтики.

Ренье Анри Франсуа Жозеф де (1864–1936) — французский писатель, поэт. Автор «эстетско-декоративных» стихов.

Ржевский Леонид — псевд. Леонида Денисовича Суражевского (1905–1986) — прозаик второй волны эмиграции, драматург, литературный критик, член редколлегии «Нового журнала», один из редакторов журнала «Грани», автор антологии «Литературное зарубежье» (Мюнхен, 1958), куда вошли произведения писателей второй волны эмиграции, автор

нескольких романов и сборников рассказов. Жил в США. Они были знакомы с И.Чинновым.

Ровнер Аркадий (р. 1940) — прозаик, литературный критик третьей волны эмиграции.

Розанов Василий Васильевич (20.04.1856, Ветлуга — 23.01.1919, Сергиев Посад) — писатель, философ, литературный критик, автор книг «Уединенное» (СПб., 1912), «Опавшие листья» (короб. I–II, СПб., 1913, 1915) и пр. Оказал большое влияние на Ю.Иваска, издавшего «Избранное» В.Розанова (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956). Друг А.Ремизова.

Рубисова Е. — эмигрантская писательница, автор книги рассказов «Нью-Йорк» (Париж, 1958) и пр.

Сабурова Ирина Евгеньевна (1907–1979) — писательница, автор нескольких книг рассказов, нескольких романов и одного сборника стихов.

Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989) — крупный физик, участвовал в создании водородной бомбы. Советский правозащитник, с 1967 г. стал признанным духовным лидером правозащитного движения в СССР.

Седых Андрей — псевдоним Якова Моисеевича Цвибака (1902–1994) — писатель, журналист. С 1919 г. в эмиграции. В 1920–1940-х гг. — сотрудник газеты «Последние новости» (Париж). С 1942 г. и до самой смерти редактор (с 1973 г. — главный редактор) газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк). А.Седых написал больше десяти книг прозы, среди которых его впечатления о поездке в 1929 г. в Прибалтику — «Там, где была Россия: Путевые очерки поездки в Латвию», позже вошедшие в книгу «Пути, дороги», книга воспоминаний «Далекие, близкие», «Крымские рассказы» — тоже основанные на воспоминаниях, но более ранних, детских лет, и др. С И.Чинновым Седыха многие годы связывали деловые отношения — Чиннов печатался в «Новом русском слове».

Сечкарев Всеволод Михайлович (1914–1998) — профессор Гарвардского университета, литературовед, автор научных работ о Пушкине, Гоголе, Гончарове на английском и немецком языках. С 1925 г. жил в Германии. В 1956 г. переехал в США. Несколько лет они с И.Чинновым поддерживали переписку.

Синкевич Валентина Алексеевна (р. 1926) — поэт второй волны эмиграции. Живет в Филадельфии. С 1983 г. редактор поэтического альманаха «Встречи» (раньше он назывался «Перекрестки»). Там печатался и И.Чиннов. В 1973 г. появился первый сборник стихов В.Синкевич «Огни», затем вышло еще несколько книг.

Смоленский Владимир Алексеевич (1901–1961) — поэт, литературный критик, участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции в Турции, Тунисе, с 1923 г. — в Париже. Смоленский выпустил несколько сборников стихотворений: «Закат» (Париж, 1931), «Наедине» (Париж, 1938), «Собрание стихотворений» (Париж, 1957), «Стихи» (Париж, 1963).

Солженицын Александр Исаевич (р. 11.12.1918, Кисловодск) — писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1970).

Софиев Юрий (Бек-Софиев Юрий Борисович, 1899–1975) — поэт. Автор книги стихов. После эмиграции поселился в Париже. Муж поэтессы Ирины Кнорринг. После войны взял советский паспорт. Вернулся в СССР. Умер в Алма-Ате.

Стейн Гертруда (Stein G., 1874–1946) — американская писательница, возглавляла в 20-е гг. в Париже группу американских писателей, в которую входил и Э.Хемингуэй.

Степун Федор Августович (1884–1965) — религиозный философ первой волны эмиграции, историк, социолог, писатель. Осенью 1922 г. выслан из России. Автор книг «Бывшее и несбывшееся» (Т. 1, 2. Нью-Йорк, 1956), «Встречи» (Мюнхен, 1962) и др. С 1946 г. профессор Мюнхенского университета. Когда И.Чиннов жил в Мюнхене, они часто общались. Сейчас книги Ф.Степуна переизданы в России.

Странник — псевд. Иоанна Шаховского, архиепископа Сан-Францисского и Западно-Американского. В миру — князь Дмитрий Алексеевич Шаховской (1902–1989) — поэт, литературный критик. В эмиграции с 1920 г. В 1926 г. был редактором журнала «Благонамеренный», названного в честь русского журнала XIX в. Выступал с религиозными программами на радиостанции «Голос Америки». Автор более десяти книг стихов.

Струве Глеб Петрович (1898–1985) — историк литературы первой волны эмиграции, критик, поэт, автор исследования «Русская литература в изгнании» (Нью-Йорк, 1956) и др. книг. Вместе с Б.Филипповым возглавлял издательство «Inter-language literary associates» («Международное литературное содружество»), где были напечатаны запрещенные в СССР книги О.Мандельштама, А.Ахматовой, Б.Пастернака, Н.Гумилева и др. С 1947 г. профессор Калифорнийского университета.

Сумбатов Василий Александрович, князь (1893–1977) — поэт. Участвовал в Первой мировой войне, ранен. Эмигрировал в 1920 г. Поселился в Риме. Работал рисовальщиком для Ватикана, дизайнером. Преподавал русский язык, служил в русском книжном магазине. Печатался в эмигрантских изданиях. Автор трех книг стихов, для которых было характерно неприятие современности. В.Сумбатов по этому поводу писал И.Чиннову (в одном из двух сохранившихся в архиве Чиннова писем): «Вы все настаиваете на каком-то моем "поэтическом credo", которого "не разделяете". Почему Вам не хочется поверить, что никакого credo нет. Или Вы под credo разумеете мою отсталость от современных веяний, направлений, нот и т.п.? Но и это не верно, т.к. я отстал совсем не по убеждению, а, вероятно, по характеру, воспитанию, вкусам. Да я и не слежу за современностью. Она редко доходит до меня. Писаниям своим я не придаю значения потому, что вижу, как они слабы по сравнению с нравящимися мне чужими стихами. Следовало бы бросить писание, но оно уже стало даже не привычкой, а свойством...» (Письмо от 15.09.1954, написано по старой орфографии). В архиве И.Чиннова сохранилось стихотворение В.Сумбатова «И.В.Чиннову», написанное как отклик на чинновское «Что-то вроде России...».

Сюпервьэль Жюль (1884–1960) — французский поэт, ему присущ метафизический взгляд на мир.

Таубер Екатерина Леонидовна (1903–1987) — поэт, критик, прозаик. Эмигрировала в 1920 г. Жила в Белграде, потом перебралась во Францию. Преподавала в Каннах русский язык. Ее рассказы и стихи печатались в эмигрантских изданиях. Выпустила несколько поэтических сборников. Проза отдельной книгой не выходила.

Терапиано Юрий Константинович (21.10.1892, Керчь — 03.07.1980, Ганьи, Франция) — критик, поэт, мемуарист. Был в Добровольческой армии. В 1920 г. оказался в Константинополе, в 1922 г. поселился в Париже. Выпустил несколько стихотворных сборников: «Лучший звук» (Париж, 1926), «Бессонница» (Берлин, 1935), «На ветру» (Париж, 1938), «Странствие земное» (Париж, 1951), «Избранные стихи» (Вашингтон, 1963), «Паруса» (Вашингтон, 1965). В послевоенные годы в Париже известен как литературный критик «Русской мысли». Его статьи регулярно появлялись и в других эмигрантских изданиях. О стихах Чиннова им написано несколько рецензий. В 1960 г. Терапиано — соредaktor антологии русских зарубежных поэтов «Эстафета» (Париж–Нью-Йорк, 1948). Редактор антологии «Муза диаспоры. Избранные стихи зарубежных поэтов» (изд-во «Посев». 1960). Некоторые из статей и мемуарных записей Терапиано вошли в изданный посмертно сборник «Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974)» (Париж–Нью-Йорк, 1987), а при жизни вышла книга воспоминаний «Встречи» (Париж, 1953). В молодости Терапиано побывал в Персии и встретился там с зороастрийцами. Возникший тогда интерес к восточной философии и религии он сохранил на всю жизнь. В 1968 г. в Париже вышла его книга «Маздеизм. Современные последователи Зороастра».

Террас Виктор — американский профессор, славист, составитель энциклопедического словаря по русской литературе (на английском языке) «Handbook of Russian Literature» (США, 1985). Там есть статья и об И. Чиннове. В Террасом и Дж. Глэдом написано (на английском) предисловие к книге И. Чиннова «Антитеза».

Трубецкой Юрий Павлович (наст. фамилия Нольден, 1902–1974) — поэт, писатель. В России встречался с Блоком, Гумилевым, Ахматовой. Жил в Крыму у Волошина. В 30-е гг. попал в сталинские лагеря. Во время войны оказался в Германии, где и прожил всю оставшуюся жизнь. Короткое время работал на радиостанции «Свобода» в Мюнхене. Выпустил три сборника стихов, несколько повестей, рассказов. Его стихи и критические статьи появлялись в разных эмигрантских изданиях.

Тэффи (Надежда Александровна Бучинская, 1872–1952) — сатирик, поэтесса. Автор книг рассказов, фельетонов, пьес, стихов. В эмиграции с 1919 г. Жила в Париже. Сестра поэтессы Мирры Лохвицкой.

Ульянов Николай Иванович (1904–1985) — прозаик, историк, литературный критик второй волны эмиграции. Автор романов «Атосса», «Сириус» и др.

Утрилло Морис (1883–1955) — французский художник. Рисовал парижские улицы, иногда с фотографий. Как и Модильяни, он был легендой Монмартра и Монпарнаса.

Федотов Георгий Петрович (псевд. Е. Богданов, 1886–1951) — публицист, философ.

Фельзен Юрий — псевдоним Николая Бернгардовича Фрейдентштейна (1895–1943) — прозаик, литературный критик. Погиб в немецком концлагере.

Фесенко Татьяна Павловна (урожд. Святенко, 20.11.1915, Киев — 12.07.1995, Вашингтон) — поэт, писатель. В годы Второй мировой войны попала в Германию, с 1950 г. в США. Автор двух сборников стихотворений: «Пропуск в былое» (Буэнос-Айрес, 1975) и «Двойное зрение» (Париж: Альбатрос, 1987), а также книги воспоминаний «Сорок шесть лет дружбы с Иваном Елагиным» (1991). Составитель антологии «Содружество» (Вашингтон, 1966).

Филиппов Борис Андреевич (наст. фамилия Филистинский, 1905–1991) — писатель, литературовед, поэт. В 30-е гг. был трижды арестован, с 1936 по 1941 г. сидел в Печорских лагерях, а потом был сослан в Новгород. Во время войны с оккупированной немцами территории был вывезен в Германию, где жил в лагере для перемещенных лиц (ди-пи). С 1950 г. поселился в Нью-Йорке, а с 1954 г. — в Вашингтоне. Преподавал в университете. Филиппов — автор и составитель более тридцати книг прозы, статей, воспоминаний, стихов, изданных за рубежом. Многие годы Б. Филиппов вместе с Г. Струве возглавлял «Inter-language literary associates» («Международное литературное содружество»), где были напечатаны книги лучших русских писателей, запрещенных в СССР. В 1990 г. советский журнал «Север» напечатал главу из его книги «Кресты и перекрестки».

Филлис-Юэвиг Екатерина Федоровна — профессор университета в Милуоки, известная славистка. Во время войны немцы угнали ее на работу в Германию, затем она попала в лагерь ди-пи, а потом — в США. С И. Чинновым ее связывала многолетняя дружба.

Флоровский Георгий Васильевич (1893–1979) — священник, богослов, историк, литературный критик. С 1920 г. в эмиграции. В 1932 г. стал священником. Печатался в журнале «Путь» (Париж). В 1939 г. был сотрудником Русского научного института в Белграде. С декабря 1945 г. — профессор Богословского института в Париже. В сентябре 1948 г. переехал в США, где преподавал в Св. Владимирской духовной семинарии. Автор книги «Пути русского богословия» (Париж, 1937; 2-е изд. — 1983).

Фотиев Кирилл (1928–1990) — протоиерей, религиозный писатель, литературный критик, сотрудник радиостанции «Свобода». Учился в Православном Богословском институте в Париже, где в это время преподавал В. Вейдле.

Хагглюнд Роджер — американский славист, он защищал докторскую диссертацию по теме «Адамович — критик». Им выпущена на английском

языке книга об Адамовиче (Hagglund R. Georgy Adamovich. An annotated bibliography. USA, 1985) и «Единство видения. Адамович в эмиграции» (США, 1985).

Хоппер Эдуард (Hopper Edward, 1882–1967) — американский художник, одна из основных тем его творчества — одиночество человека.

Худяков Генрих Федорович (псевдоним — Автограф, р. 1930) — поэт, переводчик, художник. В СССР печатался в самиздате. С 1974 г. в США. Печатал стихи и переводы в альманахах «Перекресток», «Встречи», в «Новом журнале». Участник «Аполлона-77», печатался в журнале «Гнозис» (1979, № 5–6).

Цетлина Мария Самойловна (1882–1976) — издатель, жена поэта и прозаика М.О.Цетлина (Амари). С 1940 г. в США. Принимала участие в издании «Современных записок», «Нового журнала», финансировала издание журнала «Опыты» № I–IX (Нью-Йорк, 1953–1958).

Чалзма Билл (он же Тьялзма) — американский поэт, переводчик с русского, составитель антологии эмигрантской поэзии «Вне России» (1978). Какое-то время был в переписке с И.Чинновым.

Червинская Лидия Давыдовна (1907–1988) — поэт первой волны эмиграции, автор стихотворных сборников «Приближения», «Рассветы», «Двенадцать месяцев».

Чертков Леонид Натанович (р. 15.12.1933, Москва) — писатель, литературный критик третьей волны эмиграции. В эмиграции с 1973 г. Преподавал в Тулузском университете, редактировал издания стихотворений К.Вагинова, В.Нарбута. Печатался в «Русской мысли», «Гнозисе», «Ковчеге», «Континенте». Выпустил сборник стихотворений «Огнепарк» (Кёльн, 1987).

Шаховская Зинаида Алексеевна, княжна (1906–2001) — поэт, прозаик, литературный критик, автор мемуаров. С 1920 г. в эмиграции. Жила в Париже. В 50-е гг. работала на французском радио. В 1968–1978 гг. была редактором «Русской мысли». У нее вышло три сборника стихов, пять книг прозы по-русски, книга воспоминаний «Отражения», одиннадцать книг по-французски под ее именем и четыре под псевдонимом Жак Круазе. За литературные заслуги французское правительство присудило ей звание Командора Ордена искусств и литературы. С И.Чинновым они познакомились после войны в Париже и много лет поддерживали переписку.

Швйтерс Курт (1887–1948) — немецкий художник и поэт, участник группы художников-модернистов «Дада».

Шиманская Аглаида Сергеевна (1903–1995) — поэт, прозаик. В детстве оказалась за границей, жила в Швейцарии. С 1939 г. — в Париже. Печата-лась во многих эмигрантских изданиях. Вышло четыре сборника ее стихов. Похоронив в 1966 г. мужа, А.Шиманская в конце концов поселилась в русском старческом доме под Парижем в Ганьи, в комнате, где раньше жил Ю.Терапиано. В письме от 14.07.1980 г. Ирина Одоевцева писала И.Чиннову: «...бедный Ю.Терапиано проболел четыре года и, как видите, умер. Смерть его действительно была трагичной — Аглая Шиманская самопо-

жертвенно ухаживала все то время, но два месяца тому назад сломала свою больную ногу и лежит в клинике с тяжелейшим аппаратом на колене. Без нее ему сделалось совсем плохо, и его, чего она никогда не допустила бы, отправили в госпиталь, где он и умер в больших страданиях. Я была у него в день его смерти. Он так изменился, что я не узнала его. Конечно, он был обречен. Но *он pouvait le faire durer* [это могло еще продлиться (фр.)], а это для Аглаи было очень важно. Она в отчаянии. Такого горя я никогда не видела. Пожалуйста, напишите ей “позадушевнее”. Может быть, Вы могли бы послать некролог о нем в “Русское слово”? Это бы ее хоть немного утешило...»

Шишкова Аглая (псевдоним Агнии Сергеевны Ржевской, 1923–1998) — поэтесса, жена известного в эмиграции писателя Леонида Ржевского, с которым познакомилась во время войны. Эмигрировала в сороковые годы. Жила в Германии, Швеции, с 1963 г. в США. В квартире Ржевских в Нью-Йорке собирались русские писатели, художники. Бывал там и Игорь Чиннов. В конце 40-х — начале 50-х гг. стихи Аглаи Шишковой появлялись в разных эмигрантских изданиях. В 1953 г. вышла книга ее стихов. Но потом она отошла от поэзии. Преподавала русский язык.

Шмелев Иван Сергеевич (03.10.1873, Москва — 24.06.1950, Париж) — русский писатель, эмигрант первой волны. Известность пришла к Шмелеву еще в дореволюционной России после выхода романа «Человек из ресторана» (1911). В годы гражданской войны Шмелев находился в Крыму, пережитое описал в книге «Солнце мертвых» (Париж, 1926). Книга принесла Шмелеву европейскую известность. Издал в эмиграции «Лето Господне» (Белград, 1933), «Богомолье» (Белград, 1935), «Няня из Москвы» (Париж, 1936), «Пути небесные» (кн. I–II, Париж, 1937–1948), «Душа Родины: Статьи» (Париж, 1967) и др. В 2000 г. его архив был передан Российскому фонду культуры.

Шмеман Александр Дмитриевич (13.09.1921, Таллин — 13.12.1983, Крествуд, Нью-Йорк) — священник Русской Православной Церкви в США, декан Св. Владимирской семинарии. Автор книги «Исторический путь православия» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954) и статей о русских писателях и поэтах, в том числе об А. Ахматовой и А. Солженицыне.

Шор (Дешарт) Ольга Александровна (1894–1978) — ученица поэта Вяч. Иванова (1866–1949), принимала участие в издании его творческого наследия. В первом томе собрания сочинений Вяч. Иванова (Брюссель, 1971) помещена творческая биография поэта, подготовленная О. Шор.

Штейгер Анатолий Сергеевич, барон (1907–1944) — поэт. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Чехословакии, Франции. Сборники стихотворений Штейгера выходили в Париже: «Этот день» (1928), «Эта жизнь» (1931), «Неблагодарность» (1936), «2 x 2 = 4» (1950). Один из наиболее ярких представителей «парижской ноты».

Штейн Юрий — заместитель главного редактора «Новой газеты» (Нью-Йорк). Эмигрант третьей волны.

Штейн Эдуард Алексеевич (1934–1999) — литературовед, эссеист. Эмигрант третьей волны. С 1968 г. жил в США. Основал издательство «Антиквариат». Автор нескольких книг. Последняя — «Литературно-шахматные композиции: от Набокова и Таля до Солженицына и Фишера».

Шюрхольц Татьяна Александровна (урожд. Рысина, 1912(?) –1992) — близкий друг И.В.Чиннова.

Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959) — литературовед, критик, основатель «формального метода» литературоведческих исследований.

Эриксон Эрик Хомбергер (р. 1902) — американский психолог, психоаналитик.

Эристов Георгий Захарович (1902–?) — поэт. В эмиграции с 20-х гг. Поселился в Италии. Преподавал русский язык и литературу. Читал на итальянском лекции о русской культуре. Автор трех книг стихов.

Эрнст Макс (1891–1976) — немецкий художник, участник модернистского течения «дадаизм».

Эткинд Ефим Григорьевич (р. 1918) — литературовед, переводчик, эмигрант третьей волны. Автор книг, «Разговор о стихах» (Москва, 1970), «Форма как содержание» (Германия, 1977) и др.

Юпп Михаил (р. 1938) — поэт третьей волны эмиграции. С 1981 г. живет в Филадельфии. Автор нескольких поэтических книг, в том числе «Пространство» (США, 1986) с иллюстрациями М.Шемякина.

Якобсон Роман Осипович (1896–1982) — известный в эмиграции лингвист.

Яновский Василий Семенович (1906–1989) — писатель. Наиболее известны его повесть «Челюсть эмигранта» и мемуары «Поля Елисейские. Книга памяти».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОВ

- А** белая птица так низко летела Т. 1 С. 291
А если все-таки — война? Т. 1 С. 162
А луна-то кривонога Т. 2 С. 29
А может быть, все же — спасибо за это Т. 1 С. 103
А надо бы сказать спасибо Т. 2 С. 72
А помнишь детство, синий сумрак, юг Т. 1 С. 68
А поэты взяли да и вымерли Т. 2 С. 18
Арабским удивительным дворцом Т. 1 С. 298
А росли, брат — не в Свирелии! Т. 1 С. 507
А ты размениваешься на мелочь Т. 1 С. 263
А умрем — заживем на поверхности солнца Т. 1 С. 365
А я повидал бы жемчужно-блаженное царство Т. 1 С. 224
Акакий Акакиевич Т. 1 С. 270
Аквариум тихий и мрачный Т. 1 С. 443
Архитектура дивного закона! Т. 2 С. 25
Ах, ваша планета — новый Акрополь! Т. 1 С. 437
- Б**арон Мюнхгаузен в пустыне Т. 1 С. 396
Бежал щенок по краю океана Т. 1 С. 512
Беспамятство мира, наплыв забытья и забвенья Т. 1 С. 153
Благодаримие — безумие Т. 1 С. 449
Бой быков Т. 1 С. 268
Болею манией величия Т. 1 С. 455
Больше не с кем говорить Т. 2 С. 16
Борьба за несуществование? Т. 2 С. 20
Бывает, поддашься болезни Т. 1 С. 84
Бывает, светится море Т. 1 С. 169
Был веселый, живой соловей Т. 1 С. 114

- Был замок чудесный в чудесном балете Т. 1 С. 353
 Был океан лазурно-фиолетов Т. 1 С. 288
 Был освещен торжественный фасад Т. 1 С. 535
 Был южный сад. И птицы — самоцветы Т. 1 С. 310
 Была вечеринка в аду. И с бутылочкой рома Т. 1 С. 269
 Было б неплохо поехать в Отрадное Т. 1 С. 237
 Быть может, в мире все иначе Т. 1 С. 78
 Быть может... Неясные звезды Т. 1 С. 92

- В** аду крошечном злоюки злобствуют Т. 2 С. 21
 В безвыходной тюрьме Необходимости Т. 1 С. 411
 В белой тундре слышен шелк Т. 1 С. 418
 В безветренных полях еще весна Т. 1 С. 59
 В Булонский лес заходишь в декабре Т. 1 С. 61
 В газете — новость: найден таракан Т. 1 С. 434
 В газете пишут Т. 1 С. 164
 В долине плача, в удоли печали Т. 1 С. 193
 В металлический мир кибернетики Т. 1 С. 233
 В мечети султана Ахмета Т. 1 С. 331
 В ночном Нью-Йорке снег. Уснул, затих Нью-Йорк Т. 1 С. 488
 В огромном, царственном, торжественном саду Т. 1 С. 302
 В ожидании окончания Т. 1 С. 276
 В одну телегу (Пушкин!) «впрямь не можно» Т. 1 С. 517
 В парке, возле идола безликого Т. 1 С. 390
 В платье розовом метиска Т. 1 С. 338
 В полуночное царство лунатиков Т. 2 С. 41
 В Россию — ветром — строчки занесет Т. 1 С. 373
 В серебряном небе звенели хрустальные птицы Т. 1 С. 413
 В снежный вечер Млечный Путь походит Т. 1 С. 140
 В соседстве Большого Каньона Т. 2 С. 31
 В стакане стынет золотистый чай Т. 1 С. 75
 В стране Шлараффенланд Т. 1 С. 246
 В такой же день, весной, с тобой вдвоем Т. 1 С. 70
 В такую ночь весна не окончательна Т. 1 С. 295
 В тени молчания Господня Т. 2 С. 54
 В углу, над шкафом, от стены Т. 1 С. 76
 В яркой и знойной Флориде Т. 1 С. 324
 Вдохновение Т. 1 С. 186
 Ветер воспоминаний тревожит увядшие письма Т. 1 С. 271
 Ветер жизни стихает, слабеет, смолкает Т. 1 С. 397
 Ветер, сияя, качает Т. 1 С. 425
 Вечный образ: счастье — ветер в поле Т. 1 С. 102
 Взлетали фонтаны — светлые всадники. Голубь Т. 1 С. 304
 Видимо, напрасны обращения Т. 1 С. 168

- Влюбленные целуются опять Т. 1 С. 71
 Вместе дошли до седьмого круга Т. 1 С. 508
 Вновь перисто небо — да, белоснежность Т. 1 С. 131
 Восхитись узорчатой Альгамброй! Т. 1 С. 345
 Вот, живешь: суета, нищета Т. 1 С. 63
 Вот, опять вдали кряхтенье Т. 1 С. 85
 Всё бессмыслица, всё безделица Т. 2 С. 19
 «Всё будет прекрасно», — сказал Гавриил Азраилу Т. 1 С. 469
 Всё глупостями занимаемся Т. 1 С. 323
 Все загадки бытия Т. 1 С. 500
 Всё темней тишина, это сон океаном синее Т. 1 С. 226
 Всё уладится, а не уладится — Т. 2 С. 53
 Всё хочу я подумать о смерти Т. 1 С. 406
 Всё шуточки, всё пустячки Т. 2 С. 71
 Вы говорите, что пора кончать Т. 2 С. 13
 Вы не спорили, русские мальчики Т. 1 С. 372
 Выдумываешь утешения Т. 1 С. 152

- Г**де-то светлый Бог, где-то вечный свет Т. 1 С. 416
 Гекатомбы, катакомбы Т. 1 С. 448
 Гиацинтом, левкоем Т. 1 С. 292
 Говорила Муза Т. 1 С. 309
 Говорила Судьба по-жабьему Т. 1 С. 375
 Голод в Индии, голод в Китае Т. 1 С. 111
 Голубая Офелия, Дама-камелия Т. 1 С. 190
 Голубоваты, чуть сиреневаты Т. 1 С. 312
 Голубой гуманоид Т. 2 С. 14
 Голые ветки деревьев, как легочные альвеолы Т. 1 С. 421
 Гомункулус по имени Попутчикус Т. 1 С. 389
 Горькие земные оскорбления Т. 1 С. 204
 Грачи по вспаханному полю Т. 2 С. 24
 Грех легкомыслия разве простится? Т. 1 С. 513
 Гулкий простор португальского храма Т. 1 С. 367

- Д**а, милые мелочи, вас тоже потоп унесет Т. 1 С. 213
 Да, мы с Гамлетом родные Т. 2 С. 67
 Да, мы эмигранты, «переселенцы» Т. 1 С. 439
 Да, недужится, неможется Т. 1 С. 220
 Да, неудачи, и ночь, и так далее Т. 1 С. 223
 Да ну вас, да ну вас, да ну вас Т. 1 С. 394
 Да, расчудесно, распрекрасно, распрелестно Т. 1 С. 266
 Да — «тем не менее, однако, все-таки» Т. 1 С. 489
 Да, траурная колесница Т. 1 С. 108
 Да, утомило, надоело Т. 1 С. 192

- Давай походим по дивным музеям Т. 1 С. 299
 Давайте жить не по часам Т. 1 С. 149
 Давайте поблагодарим Т. 2 С. 58
 Даже в полночь — будничный мир Т. 1 С. 424
 Дал объявление, что обменяю Т. 2 С. 45
 Далекий лед, далекий дымный день Т. 1 С. 254
 Дали как будто во льду Т. 1 С. 98
 Дамоклов меч над прокрустовым ложем Т. 1 С. 450
 Двенадцать миллиардов лет Т. 1 С. 490
 Disney World Т. 1 С. 325
 Дни мои, бедная горсточка риса Т. 1 С. 262
 Документально и фактически Т. 1 С. 279
 Друг, посадят вас на электростул Т. 2 С. 38
 Душа, душа, ты ванька-встанька Т. 1 С. 415
 Душа, от шашней разной шушеры и нечисти Т. 1 С. 371
 Душа становится далеким русским полем Т. 1 С. 217
 Душехранилище хоронят Т. 1 С. 275
 Дымящие трубы Т. 1 С. 99

Если будет война Т. 1 С. 398

- Если бы мне глоток того эликсира Т. 1 С. 362
 «Если завтра война»... Накануне войны Т. 1 С. 104
 Еще не дают душе улететь Т. 1 С. 235
 Еще танцуют смуглые подростки Т. 2 С. 39

Живу, изящными уютами Т. 1 С. 381

- Живу, увы, в страдательном залоге Т. 1 С. 264
 Жизнь улыбалась, будто Царь-Девица Т. 1 С. 195
 Жил да был Иван Иванович Т. 1 С. 101

За музыку полуденного зноя Т. 1 С. 183

- За счастье платил я немалый бакшиш Т. 1 С. 518
 За тридевять небес твоя хата с краю Т. 1 С. 438
 Забавное, милый, лекарство Т. 1 С. 481
 Загуляй ты, выпей полдиковинки Т. 1 С. 265
 Задуматься, забыться, замечтаться Т. 1 С. 194
 Задумывался, да, но не додумался Т. 2 С. 49
 Задумываясь в лунном полусне Т. 2 С. 40
 Займите где-нибудь Т. 1 С. 447
 Закусили в земной забегаловке Т. 1 С. 484
 Занимательная грамматика Т. 1 С. 409
 Захотелось порезвиться Т. 1 С. 354
 Зачем, скажи, ты терпишь холод грубый Т. 1 С. 280
 Здесь есть дольмены. Но друидов нет Т. 1 С. 504

Здесь пахнет лазурью, ты знаешь? Здесь пахнет лазурью Т. 1 С. 145
 Здесь тоже и березы, и рябины Т. 2 С. 34
 Зеленый скарабей и черный скорпион Т. 1 С. 511
 Земное гноище Т. 1 С. 166
 Земными полурайскими садами Т. 1 С. 346
 Знаешь, я почти забыл Т. 1 С. 126
 Знаешь, я сохраняю Т. 1 С. 293
 Знакомое зло, привычное зло Т. 1 С. 136

И ангелу случается отчаяться Т. 1 С. 206
 И великий и грозный собор в твердокаменной Авиле Т. 1 С. 495
 И жало смерти, и победа ада Т. 1 С. 222
 И жизнь — будто мельничный жернов на шее Т. 1 С. 196
 И звуки вырвались из плена партитуры Т. 1 С. 178
 И луковица — жемчужина Т. 1 С. 218
 И мириады звезд, и мириады лет Т. 1 С. 289
 И мы прошли парижской толчеей Т. 1 С. 328
 И наше в ручье отражение Т. 1 С. 135
 И по Дворцу венецианских дождей Т. 1 С. 341
 И срублен ты, как маков цвет, под корень Т. 1 С. 253
 И сухая ноябрьская ночь Т. 1 С. 378
 И я свидетель обвинения Т. 1 С. 441
 И яблоко, по зрелом размышлении Т. 1 С. 252
 Ивы, ясени, клены, осины Т. 1 С. 122
 Играет ветер листьями газеты Т. 1 С. 294
 Играют пухлые щенки Т. 1 С. 496
 Идеи? Идеалы? — Идолы! Т. 1 С. 391
 Из белой весенней ночи Т. 1 С. 296
 Из цикла «Больничная сюита» Т. 2 С. 65
 Из шелухи, из чепухи Т. 1 С. 380
 Индуски, китайянки и японки Т. 1 С. 326
 «Ирония судьбы». Смертельное ранение иронией Т. 1 С. 247

К вечеру стало нежнее, весеннее Т. 1 С. 363
 К луне стремится, обрываясь Т. 1 С. 97
 К ночи мягче погода Т. 1 С. 56
 К раззолоченным храмам Бангкока Т. 2 С. 55
 К человечеству с прощальным словом Т. 2 С. 11
 Кабак, завод, тюрьма, больница Т. 1 С. 65
 Каждый листик надеется стать соловьем Т. 1 С. 313
 Каждый сгниет (и гниением очистится) Т. 1 С. 115
 Казалось, глинистая дорога Т. 1 С. 172
 Казалось, становится небо Т. 1 С. 198
 Как белые птицы, летали высокие ноты Т. 1 С. 515

- Как большая темная миндалина Т. 1 С. 300
 Как будто демон наркомании Т. 1 С. 393
 Как будто звёзды в хрустале Т. 1 С. 210
 Как будто золото в Рейне Т. 1 С. 214
 Как будто серной кислотой Т. 1 С. 419
 Как до Колумба, в хижинах ютятся Т. 1 С. 383
 Как много синьки в небо вылилось! Т. 1 С. 339
 Как надоели римские гробницы! Т. 1 С. 329
 Как рыбка ненасытная пиранья Т. 1 С. 377
 Как хорошо, что люди мы Т. 1 С. 332
 Как это солнцу спокойно сияется Т. 1 С. 189
 Какие вокруг образины Т. 1 С. 460
 Какой глубокий, неземной покой Т. 1 С. 86
 Какой неудержимый ливень Т. 1 С. 93
 Карнавальные Офелии Т. 1 С. 506
 Картина в Бостонском музее Т. 2 С. 48
 Когда Адам брюхатил Еву Т. 1 С. 499
 Когда бы праотец Адам Т. 1 С. 487
 Когда-нибудь, потом, потом, впоследствии Т. 1 С. 400
 — Кого здесь нет, прошу поднять руку! Т. 2 С. 43
 Кого-то кто-то пожирает Т. 1 С. 458
 Колоколом утомительным Т. 1 С. 125
 Колочая проволока сплетена Т. 1 С. 385
 Конечно, бывало и хуже Т. 1 С. 480
 Кролики и крамбамбули каламбурят Т. 2 С. 47
 Кто душа твоя? Изольда? Дульцинея? Т. 1 С. 319
 Кто запустил в это серое небо Т. 1 С. 211
 Кто может сосчитать морской песок? Весной Т. 1 С. 493
 Кто повидал сокровища земные Т. 1 С. 348
 Кто садится на тигра — безумец Т. 2 С. 66
 Куда-то плыть осенними туманами Т. 1 С. 475

- Л**егко на эту нежную руку Т. 1 С. 124
 Легкомысленно, прелестно Т. 1 С. 405
 Лежит потемневшее сено Т. 1 С. 473
 Летали вороны над темным селом Т. 2 С. 61
 Лилась виолончель, как милость или чудо Т. 1 С. 277
 Лиловеют поганки Т. 1 С. 174
 Ложится свет на листья винограда Т. 1 С. 510
 Лошади впадают в Каспийское море Т. 1 С. 191
 Лунная ива в снегу Т. 1 С. 250

- М**аленький, пленный и тленный Т. 2 С. 15
 Мало-помалу, мало-помалу Т. 1 С. 422

- Мальчик бился над задачей Т. 1 С. 67
 Медленно меркнет мой путь Т. 1 С. 91
 Между арок, пиний и кошек Т. 1 С. 335
 Мерзлой густой пеленой Т. 1 С. 403
 Мертвый вялый туман Т. 1 С. 260
 Мертвый пейзаж на Луне Т. 1 С. 251
 Мечеть Омара в Ерусалиме Т. 1 С. 502
 Милая девочка мне Т. 2 С. 59
 Милой музыкой старинной Т. 1 С. 402
 Милый друг, спасибо за молчание Т. 1 С. 361
 Мимо мумий! Мимо мумий! Мимо мумий! Т. 1 С. 524
 «Мимоза вянет от мороза» Т. 1 С. 274
 Мир наступит не скоро Т. 1 С. 520
 Мир, созданный Богом, и мир, возникший Т. 1 С. 451
 Мне даже думать об этом странно Т. 1 С. 225
 Мне куролесится. С карниза Т. 2 С. 70
 Мне нужно вернуться Т. 1 С. 181
 Многие мечтают: побываю Т. 1 С. 404
 Может быть, навек запечатлется Т. 1 С. 311
 Может быть, оба мы будем в аду Т. 1 С. 245
 Может быть, только в этой Т. 1 С. 129
 Морской огромной черепахе Т. 1 С. 428
 Морщины — трещины. От времени, от бремени Т. 1 С. 492
 Мотаться нам да маяться Т. 1 С. 201
 Мраморный фонтан многоузорный Т. 1 С. 465
 Мы были в России — на юге, в июле Т. 1 С. 130
 — Мы в мире все переиначим Т. 2 С. 17
 Мы в темно-рыжий город Марракеш Т. 2 С. 60
 Мы говорили о свободе воли Т. 1 С. 282
 Мы гуляли по Бродвею. Сколько огней! Т. 1 С. 327
 Мы давно отдыхаем Т. 1 С. 530
 Мы положим на чашу весов Т. 1 С. 476
 Мы птицы, мы ветры, кометы, ангелы Т. 1 С. 231
 Мы сидели на кольцах Сатурна Т. 2 С. 63
 Мы уйдем, не давая отчета Т. 2 С. 52
- Н**а каменном крыльце чужого дома Т. 1 С. 141
 На карусели. Или — на качели Т. 2 С. 36
 На обугленной стене Т. 1 С. 165
 На окраине города, ночью, в Европе Т. 1 С. 315
 На острове Цитеру. Выпьем в пути Т. 1 С. 261
 На последнем вскрытии Т. 1 С. 414
 На прелестном острове Гаити Т. 1 С. 435
 Надменное презрение верблюда Т. 2 С. 56

- Надо ли было сказать в крематории Т. 1 С. 519
 Наклонись над рекой, погляди Т. 1 С. 74
 Нам говорили нежные японки Т. 2 С. 30
 Нам кажется, все ясно, очень просто Т. 1 С. 79
 Наплывает черный парус Т. 1 С. 430
 Направо кумиры, налево табу Т. 1 С. 376
 Наскучившая толчея Т. 1 С. 202
 Не веря ни в какое перевоплощение Т. 1 С. 533
 Не говоря о том, что из потемок Т. 1 С. 433
 Не дружеским, а вражеским посланием Т. 1 С. 420
 Не душа, а легкий пар Т. 1 С. 360
 Не кажется ли тебе Т. 1 С. 272
 Не муравьино, а соловьино Т. 1 С. 239
 Не нарушает тишины Т. 1 С. 491
 Не о войне — о том, что часто снится мне Т. 1 С. 228
 Не феями и не камнями Т. 1 С. 461
 Небожитель, селенит Т. 1 С. 356
 Нежный неясный дождь, как легкое забытье Т. 1 С. 306
 Нейтронная бомба не тронет меня Т. 1 С. 462
 Немного рыбы и немного соли Т. 1 С. 66
 Нет, не капризничай, не привередничай Т. 1 С. 474
 Неужели не стоило Т. 1 С. 55
 Ни в коем случае, ни в коем случае Т. 1 С. 278
 Ни добрых дел, ни твердой веры нет Т. 1 С. 117
 Ни работы, ни заботы Т. 1 С. 109
 Новорожденные младенцы Т. 1 С. 472
 Но выше нежного сияния Т. 1 С. 219
 Но горю не помочь — и полно говорить Т. 1 С. 212
 Ночами едет сквозь зыбкий сон Т. 1 С. 82
 Ночная бабочка, мохнатая, как филин Т. 1 С. 350
 Ночью в приморском саду Т. 1 С. 521
 Ночью мост рабочие чинили Т. 1 С. 64
 Ну а ночью — пандемониум Т. 1 С. 427
 Ну, а тебе — дела не опротивели? Т. 1 С. 238
 Ну и ну, ну и дела, как сажа бела Т. 1 С. 259
 Ну не бессмертие, хотя бы забытье Т. 1 С. 205
 Ну что же — не хочешь, не надо Т. 1 С. 334
 Ну что — отмучился? «Залогом примиренья» Т. 1 С. 221

- О** вечер, темный друг, мы так устали Т. 1 С. 216
 О Воркуте, о Венгрии (— о чем?) Т. 1 С. 113
 О да, по той простой причине Т. 1 С. 316
 О душа, ты полнишься осенним огнем Т. 1 С. 157
 О мировом безобразии Т. 1 С. 105

- О Планида-Судьба, поминдальничай Т. 1 С. 236
 О продолжительности жизни Т. 1 С. 407
 О Судьба, немая криптограмма Т. 1 С. 349
 Облака облачаются Т. 1 С. 182
 Обожжены, обнажены, обижены Т. 1 С. 255
 Огромная лазурь Айя-Софии Т. 1 С. 494
 Огромно-серым одуванчиком Т. 1 С. 337
 Одна миллионная миллиметра Т. 1 С. 395
 Одним забавы, другим заботы. Затем забвенье Т. 1 С. 156
 Озаренное небо, и птицы летят Т. 1 С. 94
 Окружена публичными домами Т. 1 С. 470
 Он Иванов, Петров или Семенов Т. 1 С. 234
 Он мерзнет в воротах парка Т. 1 С. 106
 Он тоже один исходил Т. 1 С. 83
 Они, пожалуй, полудики Т. 1 С. 423
 Опять подымается ветер Т. 1 С. 72
 Оранжевато-розовато-серый край Т. 1 С. 358
 Оранжево-розовые фламинго Т. 1 С. 322
 Особенно когда осенне-одиоко Т. 1 С. 287
 Остаток лунной пилюли Т. 1 С. 388
 Острый угол подушки Т. 1 С. 137
 От волков и от овечек Т. 2 С. 32
 От унылых, от ворчливых Т. 2 С. 22
 Отрубленную голову Пегаса Т.1 С.379

Palais de Justice Т.1 С.478

- П**алочка мерно взлетает Т. 1 С. 110
 Памяти Владимира Вейдле Т. 1 С. 525
 Памяти Юрия Иваска Т. 2 С. 50
 Памяти Юрия Терапиано Т. 1 С. 526
 Памяти Якова Виньковецкого Т. 1 С. 471
 Парижская старая пена Т. 1 С. 408
 Перепела, коростели Т. 1 С. 180
 Перестань дурачиться Т. 2 С. 68
 Пестрые домики, узкие улочки Т. 1 С. 505
 Пестрел и бурлил мексиканский базар Т. 1 С. 442
 Петух возвещает, чуть свет Т. 1 С. 58
 Питекантропы в Пинакотеке Т. 1 С. 257
 Платье бархата черного Т. 1 С. 486
 Плачешь, Психея-Аленушка? Т. 1 С. 477
 Плыл лунатик в лунном свете Т. 1 С. 431
 Пляшет, скачет темный Рок Т. 1 С. 454
 По долине пролегает Т. 1 С. 467

- По небу ходят андрогины — Т. 2 С. 44
 Под шум Атлантического океана Т. 1 С. 456
 Пожалуй, и не надо одобрения Т. 1 С. 142
 Позабудь о грязи и о безобразии Т. 1 С. 151
 — Полно русский, пей вино! Т. 2 С. 27
 Полночный лунный снегопад Т. 2 С. 23
 Полночный остров Молчанья Т. 1 С. 440
 Полугрусть предосеннего шелеста Т. 1 С. 119
 Помнится, Цезарь сказал: — Finis Poloniae Т. 1 С. 412
 Помнишь о ветре Т. 1 С. 123
 Помню изгородь, помню жимолость Т. 1 С. 267
 Попрыгай, душа-попрыгунья Т. 1 С. 355
 Порой замрет, сожмется сердце Т. 1 С. 90
 Почему-то вдруг приснится Т. 1 С. 340
 «Поэты — бессмертны...» Светлело, неярко Т. 1 С. 281
 Превращается имя и отчество Т. 1 С. 242
 Презревший заботы и почести Т. 1 С. 483
 Приезжай в Афины рано Т. 1 С. 336
 Пример предустановленной гармонии Т. 1 С. 248
 Примите сердечный привет Т. 2 С. 28
 Прозевал я, проворонил, промигал Т. 1 С. 208
 Просите, просите защиты! Т. 1 С. 498
 Прости мне те лунные, снежные, синие горы Т. 1 С. 155
 Прощайте, Кошей Кошеич Т. 1 С. 297
 Прямо на тротуаре Т. 1 С. 146
 Пускай на душе предрассветно, смутно Т. 1 С. 347
 Пушок на щеке — почти абрикосик Т. 1 С. 321

- Р**аботал бедный и устал Т. 1 С. 426
 Разлетается сердце темными комьями крови Т. 1 С. 199
 Разное что в жизни было Т. 2 С. 69
 Ржавые рельсы и ржавые рыжие сосны Т. 1 С. 392
 Романтики твердили нам о сердце Т. 1 С. 432
 «Руководство для свежеумерших». Обложка Т. 2 С. 42

- С**ад султанов, летний вечер сонный Т. 1 С. 382
 Сады, цикады, цыгане Т. 1 С. 173
 Свет, сенокос, ветерок Т. 1 С. 501
 Светлые белые горы Т. 1 С. 284
 Своенравница, затейница, забавница Т. 1 С. 514
 Святой блаженствует в экстазе Т. 1 С. 509
 Сегодня я сразу узнал Т. 1 С. 429
 Семь густых, высоких струй фонтана Т. 1 С. 522
 Сердце почти размагничено Т. 1 С. 357

- Сердце сожмется — испуганный ежик Т. 1 С. 314
 Серели, желтели развалины Т. 1 С. 464
 Сияли лампы, был прозрачный свет Т. 1 С. 128
 Скажи, что случилось с миром? Т. 1 С. 139
 Сказали нам, что мир лежит во зле Т. 2 С. 64
 Сколько песка в мексиканском пейзаже! Т. 1 С. 333
 Скоро сторит печаль Т. 1 С. 215
 Скучная желтеет речка Т. 1 С. 73
 Слетают желтоватые пушинки Т. 1 С. 161
 Слетевшего с небес мерцающего гения Т. 1 С. 351
 Случайно случившийся случай. Смешки! Т. 1 С. 399
 Слушая розовый сумрак смуглых ладоней Т. 1 С. 148
 Слышно, как Лермонтов песню заводит на Тереке Т. 1 С. 468
 Смерть отсекает нам душу от тела Т. 1 С. 417
 Смутный сумрак спальни жаркой Т. 1 С. 134
 Снегом, солнцем и сном Т. 1 С. 176
 Снова дни, голубые дельфины Т. 1 С. 343
 Снова тот же ветер веет Т. 1 С. 89
 Снопы фонтана Т. 1 С. 177
 Согласен, давай поиграем Т. 1 С. 203
 Солнечная зыбь на реке Т. 1 С. 81
 Соседи суетливые твои Т. 1 С. 387
 Спор сумасшедших с полоумными Т. 1 С. 482
 Станет вновь светло, станет вновь темно Т. 1 С. 118
 Стоим, молчим. Неясное мерцанье Т. 1 С. 87
 Страшные где-то галактики Т. 1 С. 167
 Стук, стук, стук, стучатся ветки Т. 1 С. 497
 Сумма углов, не помню чего Т. 1 С. 386
 Существа из далеких галактик Т. 1 С. 534

«**Т**ак вот, товарищи, — прошло полвека» Т. 1 С. 229

- Так и живу Т. 1 С. 200
 Так отвратительно-неотвратимо Т. 1 С. 116
 Так посмотришь небрежно Т. 1 С. 57
 Так проплывают золотые рыбки Т. 1 С. 184
 Там, где белела бурная пена Т. 1 С. 342
 Там, куда прилетят космонавты Т. 1 С. 159
 Там поют гиены и павлины Т. 1 С. 256
 Таракан Тараканий Великий Т. 1 С. 258
 Те жалобы в земном аду Т. 2 С. 37
 Тебе достанется не более, а менее Т. 1 С. 401
 Тем более, что так недолговечно-розово Т. 1 С. 303
 Темные водоросли предвесенней ночи Т. 1 С. 249
 Тени войны на замерзшей дороге Т. 1 С. 163

- Терзали, кусали козявки Т. 1 С. 230
 Терновник веткой суховатою Т. 1 С. 112
 То носороги, то утконосы Т. 1 С. 436
 То то, то другое, то то, то другое Т. 1 С. 457
 То, что было утешением Т. 1 С. 121
 Только ветер пролетит, пойдет широко Т. 1 С. 283
 Тополь полон волненья, и липа звучит, как лира Т. 1 С. 305
 Тот белый — горный — пенистый ручей Т. 1 С. 154
 Трепещут судорожные зарницы Т. 1 С. 80
 Туманный жемчуг, осенний день Т. 1 С. 286
 Ты бы хотела увидеть Т. 2 С. 57
 Ты был жив недавно. Тяжело болел Т. 1 С. 359
 Ты Микки Мауса не признавал Т. 1 С. 532
 Ты опять возмущался? Т. 1 С. 107
 Ты сощурила глаза нестрогие Т. 1 С. 485
 Ты тоже с луны свалился, лунатик, приятель, я знаю Т. 2 С. 35
 Ты уже забываешь Т. 1 С. 160
 Тысячу лет тому назад Т. 1 С. 138

- У** фракийского берега Т. 1 С. 466
 Убитой было девяносто восемь Т. 1 С. 516
 Увядает над миром огромная роза сиянья Т. 1 С. 175
 Угрюмая тень Т. 1 С. 133
 Удивительно, как удлинен Т. 1 С. 301
 Уже летают предсмертные птицы Т. 1 С. 317
 Уже огороды не стоит стеречь Т. 1 С. 290
 Уже сливалась с ветром дальних Альп Т. 1 С. 179
 Уже холодеет Т. 1 С. 207
 Уйти? Остаться? Сердце мается Т. 1 С. 452
 Улыбнись, царевна Несмеяна Т. 1 С. 364
 Утоли мои печали Т. 1 С. 209

- Х**мура и виновато Т. 1 С. 132
 Холодеет душа, и близится сумрак Т. 1 С. 147
 Хотя цвели, так нежно-пышно, вишни Т. 1 С. 463
 Хрустальное сердце, прозрачней, чем лед Т. 1 С. 352
 Хрустальным кристаллом Т. 1 С. 227

- Ц**арский, имперский «кредитный билет» Т. 2 С. 26

- Ч**еловечество? Нет, не хочется Т. 1 С. 374
 Черная птица на черном и снежном суку Т. 1 С. 273
 Читая «Пути-дороги» Т. 1 С. 523
 Читая Пушкина Т. 1 С. 69

Что ж — думающие машины Т. 1 С. 100
 Что же всё бороться и бороться... Т. 1 С. 240
 Что искусство? — порой говоришь Т. 1 С. 368
 Что может быть в жизни плачевней Т. 1 С. 330
 Что-то вроде России Т. 1 С. 120

Шагаешь по мокнущей груди Т. 1 С. 62
 Шел, укрывался — неделями Т. 1 С. 384
 Шепчу слова, бессвязно, безотчетно Т. 1 С. 241

Эгейский ветер, шорох слабый Т. 1 С. 320
 Эта льдинка в хрустальном стакане Т. 1 С. 410
 Эта нежная линия счастья Т. 1 С. 185
 Этот мир, тускловатый и тленный Т. 1 С. 88

Я был хозяин облаков и рая Т. 1 С. 231
 Я все еще помню Балтийское море Т. 1 С. 127
 Я говорил глухому перуанцу Т. 1 С. 459
 Я говорил о радостном и грустном Т. 1 С. 366
 Я думал перевоплотиться Т. 1 С. 453
 Я задумался, вспоминая Т. 1 С. 344
 Я знаю — не все ненужно Т. 1 С. 170
 Я не вернусь в Египет, в Абу-Симбел Т. 1 С. 503
 Я недавно коробку сардинок открыл Т. 1 С. 444
 Я — недорезанный буржуй Т. 2 С. 33
 Я побывал у начала Сахары Т. 2 С. 12
 Я помню пшеницу, ронявшую зерна Т. 1 С. 158
 Я помню телеги в полях предвечерних Т. 1 С. 285
 Я проживаю в мире инфузорий Т. 1 С. 197
 Я разломил китайское печенье Т. 1 С. 528
 Я с тобой не поеду Т. 1 С. 531
 Я слышал где-то анекдот Т. 1 С. 77
 Я сочинил премиленькую пьеску Т. 2 С. 46
 Я тебя «рисовал на песке» Т. 1 С. 318
 Я тоже в Париже Т. 2 С. 62
 Я тоже не верю в бессмертие Т. 1 С. 171
 Яснее с каждым годом: да, провал Т. 1 С. 60
 Ясный осенний вечер Т. 1 С. 150

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия

О себе 5

Стихотворения 1985–1995

К человечеству с прощальным словом	11
Я побывал у начала Сахары	12
Вы говорите, что пора кончать	13
Голубой гуманоид	14
Маленький, пленный и тленный	15
Больше не с кем говорить	16
— Мы в мире всё переиначим!	17
А поэты взяли да и вымерли	18
Всё бессмыслица, всё безделица	19
Борьба за несуществование?	20
В аду кромешном злоюки злобствуют	21
От унылых, от ворчливых	22
Полночный лунный снегопад	23
Грачи по вспаханному полю	24
Архитектура дивного закона!	25
Царский, имперский «кредитный билет»	26
— Полно, русский, пей вино!	27
Примите сердечный привет	28
А луна-то криворога	29
Нам говорили нежные японки	30
В соседстве Большого Каньона	31
От волков и от овечек	32

Я — недорезанный буржуй	33
Здесь тоже и березы, и рябины	34
Ты тоже с луны свалился, лунатик, приятель, я знаю	35
На карусели. Или — на качели	36
Те жалобы в земном аду	37
Друг, посадят вас на электростул	38
Еще танцуют смуглые подростки	39
Задумываясь в лунном полусне	40
В полуночное царство лунатиков	41
«Руководство для свежеумерших». Обложка	42
— Кого здесь нет, прошу поднять руку!	43
По небу ходят андрогины	44
Дал объявление, что обменяю	45
Я сочинил премиленькую пьеску	46
Кролики и крамбамбули каламбурят	47
Картина в Бостонском музее	48
Задумывался, да, но не додумался	49
Памяти Юрия Иваска	50
Мы уйдем, не давая отчета	52
Всё уладится, а не уладится	53
В тени молчания Господня	54
К раззолоченным храмам Бангкока	55
Надменное презрение верблюда	56
Ты бы хотела увидеть	57
Давайте поблагодарим	58
Милая девочка мне	59
Мы в темно-рыжий город Марракеш	60
Летали вороны над темным селом	61
Я тоже в Париже	62
Мы сидели на кольцах Сатурна	63
Сказали нам, что мир лежит во зле	64
Из цикла «Больничная сюита»	65
Кто садится на тигра — безумец	66
Да, мы с Гамлетом родные	67
Перестань дурачиться	68
Разное что в жизни было	69
Мне куролесится. С карниза	70
Всё шуточки, всё пустячки	71
А надо бы сказать спасибо	72

Из неопубликованного

Воспоминания	73
О «Числах» и числовцах	90

Статьи 1968–1991

Смотрите — стихи	96
Вспоминая Адамовича	109
Памяти Иваска	119
Памяти архипастыря и поэта	123
Вот и Одоевцева умерла	130

Интервью

«В те баснословные года»	140
Беседы в изгнании	144
Я сам с собою говорю по-русски	151
На вопросы о моей поэтике	154

Письма	156
--------------	-----

Комментарии	235
-------------------	-----

Библиография	301
--------------------	-----

Словарь имен	306
--------------------	-----

Алфавитный указатель стихов	335
-----------------------------------	-----

Чиннов И. В.

ч 63

Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2: Стихотворения 1985–1995. Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма / Составление, подготовка текста, коммент. О. Кузнецовой, А. Богословского. — М.: Согласие, 2002. — 352 с.

ISBN 5-86884-103-4 (Т.2)

ISBN 5-86884-101-8

Во втором томе Собрания сочинений Игоря Чиннова в разделе «Стихи 1985–1995» собраны стихотворения, написанные уже после выхода его последней книги «Автограф» и напечатанные в журналах и газетах Европы и США. Огромный интерес для российского читателя представляют письма Игоря Чиннова, завещанные им Институту мировой литературы РАН, — он состоял в переписке больше чем с сотней человек. Среди адресатов Чиннова — известные люди первой и второй эмиграции, интеллектуальная элита русского зарубежья: В. Вейдле, Ю. Иваск, архиепископ Иоанн (Шаховской), Ирина Одоевцева, Александр Бахрах, Роман Гуль, Андрей Седых и многие другие. В интервью Чиннова и воспоминаниях говорится о революции, немецкой оккупации и пребывании в лагере, о работе в «Числах», о русских литераторах-эмигрантах, его статьи рассказывают о творческой жизни русского зарубежья на протяжении почти шестидесяти лет.

УДК 882

ББК 84(2Рос=Рус)6

Игорь Владимирович Чиннов
Собрание сочинений в двух томах
Том второй

Компьютерная верстка Н.М.Козлов

Корректор Г.В.Заславская

Подписано в печать 01.03.2002 г. Формат 84х108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура PetersburgС. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 18, 48. Уч.-изд.л 14, 1. Заказ № 5543
ЗАО «Согласие».
113054 Москва, ул. Бахрушина, 28, стр. 1.
ЛР № 040552 от 31 июля 1998 г.
e-mail: soglasie@mail.ru
<http://www.user.cityline.ru/~amid/soglasie.html>

ОАО «Типография«Новости»
107005 Москва, ул. Ф.Энгельса,46.

ISBN 5-86884-103-4

9 785868 841033

Даты жизни Игоря Владимировича Чиннова:

1950 — в парижском издательстве «Рифма» вышла первая книга стихов.

1953 — уехал из Парижа в Мюнхен и начал работать на радиостанции «Освобождение» (позже названной «Свобода») в русской редакции.

1962 — уехал из Германии в США и стал профессором русского языка и литературы Канзасского университета, затем Питтсбургского и Вандербилтского.

1977 — вышел в отставку в звании заслуженного профессора и вскоре переехал жить во Флориду в курортный городок на побережье Атлантического океана Дейтона-Бич (Daytona Beach).

1991 — первая за годы эмиграции поездка в Россию.

1992 — вторая поездка в Россию.

1996, 21 мая — умер в больнице для раковых больных во Флориде. Прах, согласно воле И.В.Чиннова, захоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.

1971. Это на редкость искусный поэт. С первого же появления в печати стихи его пленяли едва уловимыми, тончайшими, будто перламутровыми переливами оттенков, причудливо-печальной мелодией, в них приглушенно звучавшей... Очарование новых чинновских стихов по-прежнему пронзительно...

Георгий Адамович

1972. Слышатся в его стихах издевательские шуточки, но и райские звуки, элегический минор, но и фантастический мажор. Он радуется неизвестной еще в русской поэзии игрой воображения: сияющей радугой щемящих вздыханий и резвых радостей. Техника Чиннова — совершенна...

Юрий Иваск

1977. Погляди, какова эта чинновская Аркадия!.. Звуковая убедительность и насыщенность стиха еще никогда... так счастливо не сливалась с интонационной его музыкой. И как она разнообразна, Аркадия его!.. И все это сияет и живет. Все это льется и поет...

Владимир Вейдле

1979. Стихи Чиннова сложны, изощренны, и законы поэтического ремесла ему прекрасно знакомы. Но за ремеслом стоит и то необъяснимое, что служит ему сырьем, — внутренний слух, улавливающий гармонию слияния звука и ритма...

Зинаида Шаховская

1990. Чиннов, несомненно, единственный и, по-видимому, последний эстет нашего времени... Красивее в стихах не бывает...

Михаил Крепс